

8

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

СМЕРТЬ ВСЕЛЕННОЙ

С.- ПЕТЕРБУРГ
«ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ»
1991

«ЧЕРНАЯ» НОВЕЛЛА

СМЕРТЬ ВСЕЛЕННОЙ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

«НОВАЯ ВОЛНА» ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ББК 84.4. Вл + 84.7 США

С 501

Составитель В. П. РЕЛИКОВ

В оформлении сборника использованы фрагменты произведений
Сальвадора Дали.

Все произведения, включенные в данное издание, опубликованы на
языке оригинала до 27 мая 1973 г.

С 501 **Смерть Вселенной: Сборник. Пер. с англ./Составл. и
предисл. В.Реликова. - СПб.: Объединение "Всесоюз-
ный молодежный книжный центр", филиал "Василь-
евский остров", 1992. - 368 с.**

ISBN 5-7012-0113-9

Сборник "Смерть Вселенной" знакомит читателя с двумя
популярными направлениями в англо-американской прозе: с
"черной" новеллой (иногда ошибочно относимой к жанру
"хоррор" - литературе ужасов) и "новой волны" научной
фантастики.

Необычная шокирующая эстетика произведений, впервые
опубликованных на русском языке, вызовет несомненный интерес
у читателей.

47003000000-034

С ————— Без объявл

022(01)-92

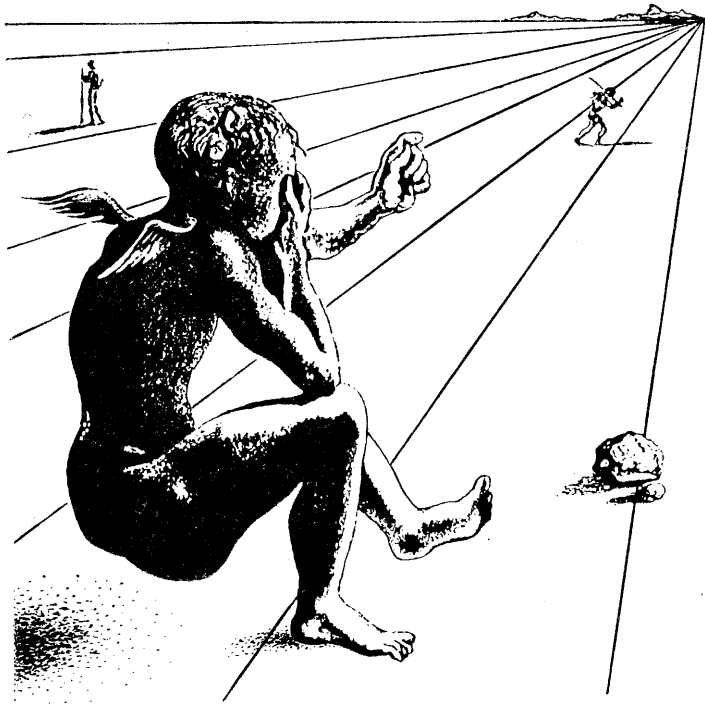
ББК 84.4Вл + 84.7США

ISBN 5-7012-0113-9

© Составление, предисловия. В.Реликов, 1992
© Оформление. Н.Зубков, А.Помпеев, 1992
© Перевод. В.Бердник, В.Вартан, И.Гречин, М.Дронов, А.Коваленко, Г.Корчагин, А.Манский, С.Мурзина, И.Петрушкин, В.Реликов, В.Романов, И.Чубаха, К.Шиндер, С.Шугалей, А.Юрчук, 1992

МАЛЕНЬКИЙ УБИЙЦА

"ЧЕРНАЯ" НОВЕЛЛА: ДАЛЬ, БРЭДБЕРИ И МИСТЕР ОЛДИСС

Три автора, представленные в данном разделе сборника, встретились под одной обложкой отнюдь не случайно. Причина этому – отчасти прихоть составителя, отчасти – шокирующая обывателя эстетика, которую исповедовали они в своем творчестве. Внимательный читатель, знакомый с переводами Брэдли на русский, наверняка отметит близость (образов, сюжетов) "некоронованного короля научной фантастики"* и "записного, прямо-таки стандартного сюрреалиста"**. А три рассказа Олдисса, явно выпадающие из контекста "новой волны" НФ, – только дань мастера одному из модных в современной западной прозе жанров: жанру психологической "черной" новеллы.

Наиболее яркий представитель этого направления – Рольф Даль.

Даль, англичанин норвежского происхождения, родился в Южном Уэльсе в 1916 году. Во вторую мировую войну был военным летчиком и получил тяжелое ранение. В 1945 году опубликовал первый сборник своих рассказов, сюжеты которых подсказала ему война и служба в ВВС. Но широкую известность в США и международное признание принесли ему рассказы, впоследствии включенные в сборники "Тот, кто похож на тебя" (1953) и "Поцелуй, поцелуй" (1959). Однако несмотря на благожелательные отзывы критики и успех у читателей, Даль пишет не много, и, в основном, рассказы.

Сейчас опубликовано немногим более десятка книг, часть из них – детские сказки, которые пользуются, судя по всему, большой популярностью***.

Мрачные, мастерски написанные его рассказы читаются с неслабевающим интересом и (да простит меня читатель за полемичку с виднейшим знатоком зарубежной прозы!) ничего не имеют общего с сюрреализмом, как бы не были широки рамки этого направления. Правда, иногда автор (тут надо отдать Далю должное) вызывает дрожь и заставляет читателя балансировать на грани реального и сверхъестественного, а иногда не может удержаться от искушения *не объяснить*, что же все-таки имеется в виду. Частенько он завершит сюжет так, что конец покажется фантастически неправдоподобным, но, как ни странно, – совершенно логичным.

"Черная новелла" – это синтез двух популярных в американской литературе жанров: классического "крутого детектива" (Д.Хэммет, Р.Чандлер и др.) и литературы ужасов (Э.По, А.Бирс, А.Хичкок).

Думаю, нет нужды представлять читателю Рэя Брэдли (род. в 1920 г.). Хочется только отметить: советская критика почему-то не любит вспоминать, что многие из ранних (не опубликованных у нас) рассказов "некоронованного короля" (сборники "Карнавал Тьмы", "Октябрь на дворе", "Маленький убийца") – это ужасы, впрочем, как и роман "Чую, Зло грядет" (1962), тоже обойденный вниманием советских издательств. Не побоюсь сказать, что некоторые из его рассказов начисто опровергают миф о "добренном" и "человеколюбивом" Брэдли, когда-то усиленно навязываемый русскому читателю****. Надеюсь, что рассказы, публикуемые в настоящем сборнике, хоть в какой-то мере (пусть незначительной) исправят недочеты предыдущих наших изданий.

* Этот титул часто встречается на обложках американских изданий Брэдли шестидесятых годов и не без оснований: Брэдли всегда стоял особняком в ряду других фантастов. Например, ни одной из ежегодных "фантастических" премий он так и не удостоился до сих пор.

** Этот эпитет придумал Далю критик В.Муравьев. См. предисловие к книге: Р.Най. Странствие "Судьбы". М., 1986.

*** "Даль одной рукой создает моду на "ужасы для детей", другой эксплуатирует ее..." Цитата из того же В.Муравьева.

**** Нашего читателя уже столько раз обманывали, что его уже ничем не удивишь. Да и можно ли быть великим писателем и при этом (хоть чуточку) не быть мизантропом?

Нельзя, конечно, забывать, что Брэдли прежде всего фантаст, и поэтому его рассказы почти всегда основаны на фантастических допущениях, Даль же - наоборот: создает полное подобие реальной жизни. Но тематика некоторых рассказов у обоих авторов позволяет говорить о своеобразном *взаимодополнении*. Скажем, на примере этого сборника: "Маленький убийца" - "Генезис и катастрофа", "Озеро" - "Желание", "Свинья" - "Попрыгунчик в шкатулке". Таких примеров можно привести немало.

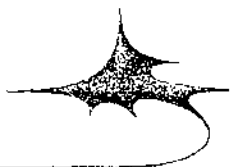
Да, Рэй Брэдли близок Роальду Далю: они современники, оба предпочитают "малые" формы и оба осмелились поднять руку на стереотипы морали, эстетики и т.д. Основное их различие (об этом не упомянуть нельзя) - язык. Сухой, жесткий - у Далия (видимо, влияние "крутого" детектива здесь сыграло основную роль), и образный, красочный - у Брэдли (наследство Э. По и других романтиков).

Брайан Олдисс родился в Норфолке в 1925 году. Во время второй мировой войны служил в Британской армии на Дальнем Востоке. Потом работал продавцом в книжном магазине, редактором газеты, писал статьи о кино и стихи. Свой первый роман "Беспосадочный полет" опубликовал в 1958 году. В 1968-ом он был признан Британской ассоциацией любителей фантастики самым популярным в Великобритании автором, а в 1970-ом - лучшим в мире фантастом. На сегодняшний день он - автор свыше тридцати пяти книг художественной прозы, нескольких книг по истории фантастики и составитель двух десятков антологий (половина из них - вместе с Гарри Гаррисоном, его близким другом). Кроме произведений в жанре научной и сказочной фантастики написал несколько реалистических романов, имевших большой успех*.

В жанр "черной" новеллы Олдисс принес мягкость классического английского языка, английский юмор и даже отчасти... поток сознания. Правда, рассказы Олдисса называть захватывающими можно лишь с большой натяжкой, но другие их достоинства с избытком компенсируют этот недостаток. Например, в рассказе "Неразделенное хобби" внутренний мир героя (а вернее, *антигероя*) выписан настолько тщательно, что подобная "история болезни" вызовет уважение у любого психоаналитика. Скрытую пародию на "черную" новеллу (хотя рассказ от этого не перестал быть "черной" новеллой) и насмешку над расхожими штампами масс-культуры читатель без труда распознает в "Удовольствии для двоих". А "Наслаждаясь ролью" - мастерски описанная история любовного треугольника, замаскированная под ту же "черную" новеллу. Так всего лишь тремя короткими рассказами Олдисс с блеском продемонстрировал свое умение писать, умение пародировать (не греша при этом наивностью) и умение обмануть не в меру доверчивого читателя. Остается только добавить, что все три новеллы взяты из сборника "Слюнное дерево", где, случайно или намеренно, они напечатаны подряд - "одной обложкой".

В. РЕЛИКОВ

* Один из его реалистических романов - "Жизнь на Западе" - Энтони Берджесс включил в свой каталог "Девяносто девять лучших английских романов", который охватывает период с 1939 года по настоящее время.

ЗАКЛАННИЕ

В комнате тепло и чисто, задернуты занавески, горят две настольные лампы - одна рядом с ней, на столике, вторая напротив, около пустого стула. На буфете, за ее спиной - два высоких стакана, содовая, виски, кубики льда в термосе. Все готово.

Мэри Мэлони ждет с работы мужа.

Время от времени она посматривает на часы, не от волнения, нет, просто, чтобы порадоваться тому, что с каждой минутой тает время томительного ожидания. Сама поза, когда она склоняется над рукоделием, говорит о царящем в ее душе спокойствии. Ее кожа - Мэри сейчас на шестом месяце беременности - приобрела удивительную прозрачность, рот стал мягче, и глаза кажутся больше и темнее, чем прежде.

Когда на часах было без десяти пять, она насторожилась, и несколькими минутами позже, как обычно в это время, до нее донесся шум остановившейся перед домом машины. Под окнами раздались шаги, и, спустя мгновение, шелкнул замок. Она отложила шитье, встала и приготовилась поцеловать мужа, когда он войдет.

- Привет, дорогой.

- Привет.

Она взяла его пальто, повесила в шкаф, потом подошла к буфету, чтобы приготовить виски: порцию покрепче - для него, послабее - для себя, и вскоре вернулась к прерванному занятию. Он сидел напротив со стаканом в руках и вертел его - ударяясь о стекло, звякали кубики льда.

Для нее это были самые счастливые часы. Мэри знала, что муж не особенно разговорчив, пока не выпьет, и, со своей стороны, была рада просто сидеть с ним рядом после долгих часов тоскливого одиночества. Она наслаждалась присутствием этого человека и чувствовала - так загорающий чувствует солнце - исходящее от него обволакивающее тепло. Она любила смотреть, как он, слегка развалившись, сидит на стуле, как входит в дом, как медленно, широкими шагами ходит по комнатам. Она любила сосредоточенный и немного отстраненный взгляд, смешную форму его рта, и особенно то, как он, чтобы скрыть усталость, молчаливо сидит и пьет, пока не успокоится.

- Устал, дорогой?

- Да. Устал.

После этих слов он повел себя несколько неожиданно: взял стакан и одним глотком осушил его, хотя виски там было больше чем наполовину. Она не смотрела на него в тот момент, но по дребезжанию льда в пустом стакане догадалась. На миг он застыл, подавшись вперед, затем поднялся со стула и медленно направился к буфету.

- Подожди, я сделаю! - предложила она, вскакивая.

- Сядь, - последовал ответ.

Когда он вернулся, Мэри заметила по темно-желтому цвету жидкости в стакане, что виски почти без содовой.

- Милый, тебе принести тапочки?

- Нет.

Она сидела и смотрела, как он пьет.

- Я думаю, что это возмутительно, - произнесла она немного погодя, - когда полицейскому в столь высоком чине, как у тебя, приходится весь день быть на ногах.

Он не ответил, и она, склонив голову, вновь взялась за шитье. Каждый раз, когда он подносил ко рту стакан, раздавалось звяканье кубиков льда.

- Милый, может быть, ты хочешь немного сыра? Ведь сегодня четверг, и я не готовила ужин.

- Нет.

- Если ты слишком устал, чтобы идти куда-нибудь, - продолжала она, - еще не поздно что-нибудь приготовить. В холодильнике полно мяса и всего остального, и ты можешь замечательно поужинать дома, даже не вставая со стула.

Она ждала ответа, хотя бы улыбки или кивка, и, не дождавшись, сказала:

- Ну, ты как хочешь, а я принесу тебе сыра и печенья.

- Я ничего не хочу.

Мэри Мэлони беспокойно заерзала на стуле, пристально всматриваясь в лицо мужа.

- Но ты же должен поужинать. Я сделаю все очень быстро. Я могу приготовить баранину или свинину. Все, что хочешь. У нас полный холодильник.

- Не надо. Оставь это, - ответил он.

- Но, дорогой, ты должен поесть! Я сделаю, а ты - как хочешь.

Она отложила шитье и встала.

- Сядь, - сказал он. - Подожди минуту, сядь.

Эти слова напугали ее.

- Садись.

Она тихо опустилась на стул, глядя на мужа большими непонимающими глазами. Он все выпил и сидел, уставившись в пустой стакан.

- Послушай, - произнес он, - я должен тебе кое-что сказать.

- Что, милый? Что случилось?

Он замер, опустив голову. Свет лампы падал на верхнюю часть его лица, оставляя подбородок и рот в тени. Она заметила, что у него дрожит уголок левого глаза.

- Боюсь, что это будет несколько неожиданно для тебя, - начал он,

- но я долго думал и решил, что лучше всего сказать тебе сразу. Я надеюсь, что ты не будешь сильно винить меня.

Весь монолог занял немного времени: четыре-пять минут самое большое, - все это время она сидела и глазами, полными ужаса, смотрела, как с каждым произнесенным словом он уходит от нее все дальше и дальше.

- Ну вот, кажется, и все, - закончил он. - Я понимаю, что выбрал время, совсем неподходящее для этого разговора, но другого выхода просто не было. Конечно, я буду помогать деньгами и навещать тебя. Но я не хотел бы скандала и надеюсь, что его не будет. Это могло бы сказаться на моей дальнейшей службе.

Первая ее мысль была - не вскрикнуть услышанному. Отвергнуть все. Ей даже пришло в голову, что он, возможно, не произнес и слова, и весь разговор - плод ее фантазии. Может быть, если она вернется к своим домашним делам, делая вид, что ничего не произошло, и будто бы не было этих страшных слов, то все именно так и будет?

Ей удалось прошептать:

- Я пойду приготовлю ужин.

На этот раз он не стал ее удерживать.

Она не чувствовала ног. Она не чувствовала ничего - только тошноту и легкую слабость. Словно лунатик - вниз по лестнице, потом - выключатель, холод, рука в морозилке хватается первое, что попадается. Она смотрит и не видит. Что-то завернутое в бумагу. Она разворачивает и снова смотрит.

Баранья нога.

Отлично. На ужин будет баранина. Ухватив ногу руками за выпирающую кость, она понесла ее наверх. В гостиной она остановилась - у окна, спиной к ней, стоял Патрик.

- Ради Бога, не надо ужина. Я ухожу. - Он даже не обернулся, услышав ее шаги.

Мэри Мэлони тихо подошла к своему мужу, не раздумывая и секунды, взмахнула большой замороженной бараньей ногой и опустила, что было мочи, на его голову.

Все равно, что стальной дубиной ударила.

Она отступила в ожидании. Странно: он еще секунд пять стоял, слабо покачиваясь, прежде чем рухнуть на ковер.

Опрокинулся столик, и грохот вывел Мэри из оцепенения. Все еще крепко сжимая дурацкий кусок мяса, чувствуя в себе спокойствие и удивление, она склонилась над телом.

- Недурно, - сказала она. - Я убила его.

Просто удивительно, как быстро она пришла в себя. Надо было что-то делать. Жена полицейского, она прекрасно знала, какое наказание ждет ее. Ей теперь все равно. Наказание, возможно, даже принесло бы облегчение. Но с другой стороны, что будет с ребенком? Что говорит закон, когда убийца - беременная женщина? Они убивают мать и дитя? Или они ждут рождения ребенка? Что же они делают?

Мэри Мэлони не знала этого и, конечно, узнавать не собиралась.

Она отнесла мясо на кухню, уложила на противень и, включив плиту, запихнула противень в духовку, потом вымыла руки и побе-

жала наверх в спальню. Усевшись там перед зеркалом, Мэри начала приводить себя в порядок. Она попробовала улыбнуться. Вышло скверно. Она снова улыбнулась и вслух весело произнесла:

- Привет, Сэм.

Голос был тоже не ее.

- Я хотела бы немного картофеля, Сэм. И банку горошка.

На этот раз получилось лучше. И улыбка. И голос. Потом еще несколько попыток, и Мэри Мэлони быстро сбегает по лестнице, берет пальто, выходит через заднюю дверь и, миновав сад, оказывается на улице.

Еще не было шести часов, и в бакалейной лавке горел свет.

- Привет, Сэм, - весело сказала она, улыбаясь мужчине за прилавком.

- Ба! Миссис Мэлони! Добрый вечер. Как ваши дела?

- Я хотела бы немного картофеля и банку горошка.

Мужчина повернулся и полез за товаром на полку.

- Патрик пришел с работы - он очень устал и не хочет никуда идти. Вы же знаете, мы обычно по четвергам выходим куда-нибудь, чтобы поужинать, и поэтому в доме сейчас совсем нет овощей.

- А мясо, миссис Мэлони?

- Нет, спасибо. Есть отличная баранья ножка. Я только что вытащила ее из морозилки.

- О!

- Я, правда, не люблю готовить размороженное мясо, но сегодня решила рискнуть. Как вы думаете, Сэм, получится?

- Между нами, - сказал бакалейщик, - я не верю, что есть какая-нибудь существенная разница. Мясо есть мясо. Вот этот картофель вам подойдет?

- О да. Замечательно.

- Что-нибудь еще? - Он склонил голову набок и с улыбкой смотрел на нее. - Чем еще вы собираетесь кормить мужа?

- Ну... А вы что-то можете предложить, Сэм?

Бакалейщик осмотрелся.

- Как вы отнесетесь к творожному пудингу? Я знаю, он любит это.

- Отлично, - сказала Мэри. - Он действительно любит пудинг.

Когда все было завернуто и оплачено, она постаралась улыбнуться как можно приветливее и сказала:

- Спасибо вам, Сэм. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, миссис Мэлони. И спасибо вам.

"А сейчас, - говорила она себе, торопясь обратно, - Мэри возвращается домой к своему мужу, чтобы приготовить вкусный ужин, потому что бедняжка утомлен и голоден, и если, войдя в дом, ей случится обнаружить что-нибудь ужасное, тогда, конечно, это будет для нее ударом, потрясением, и она сойдет с ума от горя и ужаса. Да, но она ни о чем не знает. Она просто идет домой. Да, миссис Патрик Мэлони в четверг вечером спешит домой, чтобы приготовить ужин любимому мужу.

Вот именно, - сказала она себе. - Делай все естественно и не требуется никакого притворства".

Когда Мэри Мэлони вошла через заднюю дверь в кухню, она что-то мило напевала и улыбалась.

- Патрик! - окрикнула она. - Как ты тут, дорогой?

Она поставила пакет с продуктами на стол и прошла в гостиную. То, что она увидела там, потрясло ее: на полу лежало бездыханное скрюченное тело ее мужа. Вся прежняя любовь и привязанность к мужу всколыхнулись в ней, она подбежала, склонилась над ним и горько-горько заплакала. Это было легко. Притворяться не пришлось.

Спустя несколько минут Мэри поднялась и подошла к телефону. Она знала номер телефона полицейского участка и, когда ей ответил мужской голос, закричала в трубку:

- Быстрее! Приезжайте быстрее! Патрик умер!

- Кто говорит?

- Это миссис Мэлони. Миссис Патрик Мэлони.

- Вы хотите сказать, что Патрик Мэлони умер?

- Мне так кажется, - рыдала она. - Он лежит на полу, и я думаю, он мертв.

- Сейчас будем, - ответил мужчина.

Машина приехала очень быстро, и она открыла парадную дверь двум полицейским. Она их знала, впрочем, как знала почти всех служащих этого полицейского участка. Истерично рыдая, Мэри бросилась в объятия Джека Нунэна. Он бережно усадил ее на стул, а затем подошел к полицейскому, которого звали О'Мэлли - тот стоял на коленях рядом с трупом.

- Он мертв? - рыдая, спросила она.

- Боюсь, что да. Что здесь произошло?

Вкратце она рассказала им о том, как ушла в магазин, а вернувшись, обнаружила на полу тело. Пока она говорила, Нунэн увидел запекшуюся кровь на голове мертвеца. Он указал на это О'Мэлли, и тот, торопливо поднявшись, направился к телефону.

Вскоре в дом явилось еще несколько человек. Первым был врач, затем пришли два детектива, одного из них Мэри знала. Позднее прибыли полицейский фотограф и эксперт, занимающийся отпечатками пальцев. Все они долго переговаривались и шептались, обступив труп, и детективы задавали ей все новые и новые вопросы. Правда, они были неизменно предупредительны и вежливы. Она снова рассказывала, как все было, на этот раз с самого начала, с той минуты, как Патрик пришел домой; она шила, он очень устал и не хотел никуда идти. Она рассказала и о том, как поставила мясо в духовку, - оно скоро будет готово, - как на минутку выскочила в бакалейную лавку за овощами и, вернувшись, нашла его лежащим на полу.

- Вы не могли бы уточнить в какой именно бакалее покупали продукты? - спросил один из сыщиков.

Она сказала, и детектив, обернувшись, прошептал что-то помощнику. Тот немедленно вышел из комнаты.

Через пятнадцать минут он вернулся, и они снова начали шептаться. Сквозь свои всхлипывания ей удалось кое-что разобрать: "Вела себя совершенно нормально... очень приветлива... хотела пригото-

вить ему хороший ужин... горошек... пудинг... просто невозможно, чтобы она..."

Некоторое время спустя, покончив с делами, уехали фотограф и врач. Пришли двое мужчин и, уложив на носилки труп, унесли его. За ними ушел эксперт. Осталось четверо: два сыщика и два полицейских. Они были чрезвычайно внимательны к ней. Джек Нунэн спросил, не лучше ли ей будет уйти куда-нибудь, к своей сестре, например, или к нему домой, где его жена позаботится о ней и приютит на ночь.

Она ответила: нет. Она не может даже встать со стула и, если они не возражают, предпочла бы остаться здесь, пока не почувствует себя лучше. Ей дурно сейчас. Что, в общем, было правдой.

Тогда не лучше ли ей прилечь и отдохнуть, спросил Джек Нунэн.

Миссис Мэлони ответила, что она хотела бы остаться на этом самом стуле. Возможно, когда ей станет легче, она воспользуется советом.

Полицейские оставили ее в покое и вернулись к своим служебным обязанностям. Надо было обыскать дом. Время от времени один из сыщиков спрашивал что-нибудь у Мэри. Джек Нунэн сообщил, что ее муж был убит ударом в затылок каким-то тяжелым тупым предметом, почти наверняка куском металлической трубы. Они ищут оружие убийства. Конечно, убийца мог забрать его с собой, но мог и выбросить неподалеку, или спрятать где-нибудь в доме.

- Старая поговорка: нашел оружие убийства - нашел и убийцу, - сказал Джек Нунэн.

Позднее один из детективов спросил, не знает ли она что-нибудь такое в доме, что могло быть использовано как оружие убийства? Может быть, она заметила, что что-то пропало - большой гаечный ключ или металлическая ваза, например?

Она ответила, что у них не было никаких металлических vaz.

- А большой гаечный ключ?

Она сомневается в том, что у них есть большой гаечный ключ, но вообще, если что-нибудь подобное и есть, то только в гараже.

Поиски продолжались. Вокруг дома болтались полицейские - она слышала, как они вышагивали по усыпанному гравием дорожкам, и иногда видела сквозь шелку в занавесках огоньки карманных фонариков.

Вечерело. Часы на камине показывали почти девять. Четверо мужчин, рыскающих по дому, явно устали, и в их голосах уже сквозило раздражение.

- Джек, - сказала миссис Мэлони, дождавшись того момента, когда Джек Нунэн проходил мимо, - будьте добры, сделайте мне что-нибудь выпить.

- Конечно. Хотите виски?

- Да, пожалуйста. Это поможет мне. Но только немного.

Он передал ей стакан.

- А почему бы и вам не выпить? - спросила миссис Мэлони. - Вы, должно быть, ужасно устали. Пожалуйста. Вы так добры ко мне.

- Ну, - ответил сержант, - это, вообще-то, строго запрещено, но я думаю, что немного виски мне не помешает.

Один за другим подходили остальные. Они стояли вокруг нее, неуклюже переминаясь, со стаканами в руках, испытывая явную неловкость в ее присутствии и пытаясь сказать что-нибудь утешительное. Сержант Нунэн ушел на кухню, но быстро вернулся.

- Послушайте, миссис Мэлони. Вы знаете, что у вас все еще включена духовка?

- О Боже! - закричала Мэри. - Там же мясо!

- Мне, наверное, лучше выключить ее?

- Конечно. Огромное вам спасибо, Джек.

Когда сержант вернулся, она посмотрела на него большими темными, полными слез глазами и тихо произнесла:

- Джек Нунэн.

- Да?

- Вы можете сделать мне маленькое одолжение - вы и ваши товарищи?

- Мы постараемся, миссис Мэлони.

- Хорошо. Вот вы здесь - замечательные друзья моего мужа. И вы хотите найти того, кто убил Патрика. Но вы, должно быть, страшно голодны: время ужина давно прошло, и я знаю, что Патрик никогда бы мне не простил, - помилуй, Господи, его душу! - если бы я забыла о гостеприимстве и не предложила вам поужинать у нас. Как раз готова баранина.

- Мы даже не могли и думать об этом, - ответил сержант.

- Пожалуйста, - умоляла она. - Пожалуйста, попробуйте. Сама я смотреть не могу на еду. Но вам это пойдет на пользу. Вы сделаете мне огромное одолжение, если поужинаете у нас, а потом с новыми силами продолжите поиски.

Полицейские долго не решались, но голод давал о себе знать, и в конце концов ей удалось убедить их отправиться на кухню. Мэри осталась в гостиной и внимательно прислушивалась через открытую дверь к шуму, доносившемуся оттуда. Они переговаривались, и по хриплым, чавкающим звукам она определенно могла сказать, что их рты набиты мясом.

- Еще, Чарли?

- Нет. Лучше оставим немного.

- Но она же хочет, чтобы мы съели все. Она так сама сказала. Так сделаем ей приятное.

- Ладно, дай кусочек.

- Убийца использовал что-то чертовски тяжелое, - сказал один. - Док говорит, что череп Патрика раздроблен так, словно по нему кувалдой шарахнули.

- Именно поэтому нам эту штуковину будет легко найти.

- Вот я и говорю.

- Кто бы то ни был, он не намерен таскать такую тяжесть с собой, когда дело уже сделано.

Кто-то рыгнул.

- Лично я думаю, что это спрятано в доме.

- Вероятно, где-нибудь у нас под самым носом. Как ты думаешь, Джек?

Мэри Мэлони начала тихонько хихикать.

ЯД

Когда я подъехал к дому, время близилось к полуночи. У ворот в бунгало я выключил фары, чтобы случайно не разбудить Гарри. Но, выруливая на стоянку, заметил, что у него горит свет, так что можно было не беспокоиться. Вероятно, он еще не спал - разве что читал на ночь и задремал.

Припарковав автомобиль, я поднялся на балкон и внимательно отсчитал пять ступенек, чтобы, оказавшись наверху в темноте, не сделать лишнего шага в пустоту. Затем пересек балкон, раздвинул дверь-ширму и включил свет в холле. Подойдя к комнате Гарри, тихо открыл дверь и заглянул внутрь.

Он лежал на кровати и не спал, но не шевельнулся, даже не повернул головы, только позвал:

- Тимбер, Тимбер, подойди сюда.

Говорил он медленно, шепотом, делая долгие паузы: я быстро направился к нему.

- Стоп. погоди минутку, Тимбер. - Я еле расслышал то, что он произнес. Казалось, он прилагает невероятные усилия, помогая словам слететь с губ.

- В чем дело, Гарри?

- Шш! - прошептал он. - Бога ради, не шуми. Сними ботинки, прежде чем подойдешь. *Пожалуйста*, сделай, как я прошу, Тимбер.

Интонация, с которой Гарри произносил слова, напомнила мне Джорджа Барлинга после того, как его ранило в живот, и он стоял, прислонясь к ящику с запасным самолетным двигателем, держась за живот обеими руками, и говорил всякие разности о немецком пилоте - тем же напряженным, хриплым полусшепотом, каким говорил сейчас Гарри.

- Быстрее, Тимбер, но сначала сними ботинки.

Я не мог понять, при чем тут мои ботинки, но если предположить, что Гарри заболел, а все указывало именно на это, то лучше с ним не спорить. Я разулся, оставил обувь посреди комнаты, подошел к его постели.

- Не касайся постели! Бога ради, не касайся! - он все еще говорил, как тот парень, раненый в живот. Лежал он на спине, а тело на три четверти покрывала простыня. На нем была пижамная пара с синими, коричневыми и белыми полосками, и он ужасно вспотел. Ночь была жаркой, я тоже взмок, но не так сильно, как Гарри. Лицо его было мокрым, а подушка вокруг головы просто пропиталась влагой. Мне показалось, что у него сильный приступ малярии.

- Что случилось, Гарри?
- Крайт, - сказал он.
- Крайт*! Бог мой! Он тебя укусил? Давно?
- Замолчи, - шепнул он.

- Послушай, Гарри, - я наклонился и тронул его за плечо. - Надо действовать, и быстро. Куда он тебя укусил? - Гарри лежал неподвижно и напряженно, будто преодолевая боль.

- Я не укушен, - прошептал он. - Пока нет. Он у меня на животе. Лежит тут и спит.

Я отступил - это вышло непроизвольно - и уставился на его живот, вернее, на покрывавшую его простыню. Материя кое-где собралась складками, и предугадать, что под ней, было невозможно.

- Ты хочешь сказать, что у тебя на животе, прямо сейчас, лежит крайт?

- Клянусь.
- Как он туда попал?

- Об этом я мог не спрашивать, потому что было видно, что он не шутит. Но надо было как-то успокоить его.

- Я читал, - медленно произнес Гарри. Слова он выговаривал осторожно, чтобы не шевельнуть мышцами живота. - Лежал на спине и читал, а потом почувствовал что-то на груди, за книгой. Будто кто-то пощекотал меня. А потом краем глаза заметил, как небольшой крайт ползет по моей пижаме. Небольшой, дюймов десять. Понял, что нельзя двигаться, лежал и наблюдал за ним. Думал, он выползет наружу, на простыню. - Гарри замолк. Он не сводил глаз с того места, где простыня покрывала живот: видно было, что он боится, как бы шепот не потревожил притаившуюся там тварь.

- Здесь, на простыне, была складка, - проговорил он еще медленнее и так тихо, что мне пришлось наклониться. - Смотри, вот она. Он уполз под нее. Я сквозь пижаму чувствовал, как он шевелится на животе. Потом затих и теперь лежит тут, в тепле. Наверное, заснул. Я ждал тебя. - Он глянул на меня.

- Давно?

- Несколько часов, - прошептал он. - Будь я проклят, это тянулось целую вечность. Я скоро не выдержу этой неподвижности. Мне так и хочется кашлянуть.

В правдивости рассказанного Гарри вряд ли можно было сомневаться. В таком поведении краита не было ничего удивительного. Эти змеи любят теплые местечки и зачастую располагаются близ людских жилищ. Укус их весьма опасен, за исключением тех случаев, когда удастся сразу принять меры. Каждый год в Бенгалии, особенно в сельских районах, от укуса краита умирает немало людей.

- Ладно, Гарри, - теперь и я говорил шепотом. - Не шевелись и не говори лишнего. Ты знаешь - он не укусит, пока не испугается. Сейчас мы все уладим.

В одних носках я тихонько вышел из комнаты. Взял на кухне маленький острый нож и положил в брючный карман - в крайнем случае, если что-то пойдет не так, им можно воспользоваться. Если Гар-

* Крайт - ядовитая индийская змея. (Примеч. переводчика).

ри кашляет, шевельнется или чем-нибудь испугает крайта, и тот укусит, следовало надрезать укушенное место и попробовать высосать яд. Вернувшись в спальню, я увидел, что Гарри по-прежнему неподвижно лежит на кровати. Я подошел. Он не сводил с меня глаз: видно пытался догадаться, не придумал ли я чего-нибудь. Стоя рядом, я искал наилучший выход из положения.

- Гарри, - я почти касался губами его уха, чтобы шептать как можно тише. - Думаю, лучшее, что можно сделать - это постепенно, понемножку стянуть простыню. Тогда мы оценим ситуацию. Я смог бы это проделать, не потревожив змею.

- Не будь болваном, - произнес Гарри ровным голосом. Фраза прозвучала невыразительно, потому что каждое слово он выговаривал тихо и осторожно. Но глаза его и уголки губ говорили многое.

- Почему бы нет?

- Там темно. Его испугает свет.

- А что, если быстро стянуть простыню и сбросить его, прежде чем он успеет укусить?

- Почему бы тебе не сходить за доктором? - предложил Гарри. При этом взгляд его определенно показывал, что эта идея давно могла бы прийти мне в голову.

- За доктором? Ну конечно. Я вызову Гандербая.

На цыпочках выйдя в холл, я нашел в телефонном справочнике номер Гандербая, поднял трубку и попросил оператора поторопиться.

- Доктор Гандербай, это Тимбер Вудс.

- Хэлло, мистер Вудс. Вы еще не спите?

- Послушайте, вы не могли бы приехать? Прямо сейчас. И захватить сыворотку от укусов крайта.

- Кто укушен? - резко, как выстрел, прозвучало в трубке.

- Никто. Пока. Но Гарри Поуп лежит в постели, а змея у него на животе - спит там прямо под простыней.

Секунды три линия молчала, затем медленно и отчетливо Гандербай сказал:

- Пусть лежит неподвижно. Двигаться и разговаривать нельзя. Вы поняли?

- Конечно.

- Я буду немедленно! - он повесил трубку, и я снова отправился в спальню. Гарри впился в меня взглядом, лишь только я появился в комнате.

- Гандербай едет. Он сказал, чтобы ты лежал неподвижно.

- Он что, не воображает, что мне не остается ничего другого?!

- Послушай, он советует, чтобы ты не разговаривал. Чтобы мы оба не произносили ни слова.

Почему бы и тебе в таком случае не заткнуться? - краешек рта у него начал быстро и мелко подрагивать, это продолжалось несколько мгновений. Я вытащил платок и мягкими движениями осушил пот с его лица и шеи - чувствовалось, как чуть заметно дергается мускул, который обычно сокращается, когда Гарри смеется.

Вскользнув на кухню, я вытащил из холодильника немного льда, завернул в салфетку и мелко-мелко крошил. Мне не нравилось,

как ведет себя мускул на лице Гарри, и манера, с которой тот разговаривал. Я отнес мешочек со льдом в комнату и положил его Гарри на лоб.

- Так тебе будет легче.

Он закатил глаза и резко, сквозь зубы выдохнул:

- Убери это. Я хочу кашлянуть.

В окно скользнули лучи фар, перед бунгало остановился автомобиль Гандербай. Сжимая в ладонях мешочек со льдом, я вышел ему навстречу.

- Как дела? - на ходу спросил Гандербай. Он прошел мимо меня по балкону и дальше, в холл.

- Где он? В какой комнате?

Поставив свою сумку на стул в холле, он проследовал за мной в спальню. На нем были мягкие домашние тапочки, двигался он бесшумно и осторожно, как пугливый кот. Гарри наблюдал за ним красным глазом. Подойдя к кровати, Гандербай улыбнулся пациенту и ободряюще кивнул головой, будто говоря, что дело несложное и лучше всего предоставить все ему, Гандербаю, а самому не беспокоиться. Потом он повернулся и снова вышел в холл, я - следом.

- Первым делом следует ввести ему немного сыворотки, - произнес он, открывая сумку. - Внутривенно. Но следует проделать это аккуратно. Нежелательно, чтобы он дернулся.

Мы пошли на кухню, и он прокипятил иглу. В одной руке у него был шприц, в другой бутылочка: он проткнул иглой резиновую пробку и набрал в шприц бледно-желтой жидкости. Затем подал шприц мне.

- Держите, пока я не попрошу его у вас.

Он взял сумку, и мы вернулись в комнату. Гарри смотрел на нас блестящими, широко раскрытыми глазами. Наклонившись над ним, Гандербай с величайшей осторожностью, будто это были кружева шестнадцатого века, закатал ему до локтя рукав пижамы. Я заметил, что при этом сам он старается держаться подальше от постели.

- Я сделаю вам укол, - прошептал он. - Сыворотка. Совсем не больно, но постарайтесь не шевелиться. Не напрягайте живот, расслабьтесь.

Гарри глянул на шприц.

Гандербай вынул из сумки кусок красной резиновой трубки и просунул одним концом Гарри под бицепс, затем стянул трубку крепким узлом. Протерев спиртом участок кожи на предплечье, он подал мне тампон и взял из моих рук шприц. Поднял его повыше, к свету; сошурившись, поглядел на деления и выдавил струйку желтоватой жидкости. Я стоял рядом и смотрел. Гарри занимался тем же, по лицу его стекал пот, казалось, оно смазано тающим на коже кремом - влага стекала прямо на подушку.

После того, как был наложен жгут, на внутренней стороне предплечья Гарри набухла голубая жилка - над ней нависла игла шприца. Гандербай держал шприц почти горизонтально. Игла вошла в вену, это было проделано медленно, но уверенно. Гарри взглянул на потолок и закрыл глаза, снова открыл их, но не пошевелился.

Закончив, Гандербай наклонился к уху пациента.

- Теперь все будет в порядке, даже если он вас укусит. Но не двигайтесь. Пожалуйста. Я на минутку выйду.

Он взял сумку и вышел в холл, я пошел следом.

- Теперь он в безопасности?

Маленький доктор-индиец стоял в холле и потирал нижнюю губу.

- Эта сыворотка дает какую-то защиту, не так ли? - спросил я.

Он повернулся и подошел к раздвижной двери, ведущей на веранду. Я думал, доктор выйдет на вернаду, но он остановился по эту сторону двери и принялся вглядываться в ночную темноту.

- Может, сыворотка не очень надежна?

- К сожалению, это так, - не оборачиваясь, сказал он. - Может, она его спасет, а может, и нет. Я пытаюсь придумать что-то другое.

- А если мы быстро отогнем простыню и сбросим крайта, не дав ему времени для укуса?

- Ни в коем случае! Мы не имеем права рисковать. - Слова прозвучали резко и чуть-чуть визгливо.

- Не стоит его надолго оставлять одного, - сказал я. - Он начнет нервничать.

- Очень вас прошу! Пожалуйста! - Повернувшись ко мне, он взмахнул руками. - Не будем торопиться. Такие вещи не делаются очертя голову. - Он вытер платком лоб и, покусывая губу, нахмурился.

- Вот что, - произнес он наконец, - есть один способ - знаете, что мы сделаем? Нужно ввести под простыню анестезирующее - прямо туда, где находится змея.

Идея была превосходной.

- Это небезопасно, - продолжил он, - потому что змея - существо с холодной кровью, на них анестезирующее действует не столь быстро и эффективно, но это лучший выход из положения. Можно использовать эфир... хлороформ... - он замолчал, продолжая обдумывать свой план.

- Так что мы применим?

- Хлороформ, - произнес он внезапно. - Самый обычный. Это лучше. Идите немедленно! - он взял меня за руку и повел к балкону. - Поезжайте ко мне домой! Пока вы едете, я позвоню по телефону и разбуджу слугу, этот паренек покажет вам шкафчик с ядами. Вот ключ от него - возьмете бутылочку хлороформа, у нее оранжевый ярлык и на нем название. Я останусь здесь, на тот случай, если что-либо произойдет. Поторопитесь! Нет, нет - ботинки вам не понадобятся!

Минут через пятнадцать я вернулся с хлороформом. Гандербай вышел из комнаты Гарри и встретил меня в холле.

- Все в порядке? Очень хорошо. Я как раз рассказал ему о том, что мы собираемся сделать. Но надо поторопиться, ему тяжело лежать неподвижно - боюсь, он может пошевелиться.

Он снова отправился в спальню, а я, осторожно держа в руках бутылочку, пошел следом. Гарри лежал в постели точно в таком положении, как раньше, по щекам струйками бежал пот, лицо было бледным и влажным. Он посмотрел на меня, улыбнулся и одобительно

кивнул. Я показал большой палец, давая знать, что все идет о'кэй. Гарри прикрыл глаза. Гандербай, сидя на корточках рядом с кроватью, взял резиновую трубку, служившую жгутом, и прикрепил к концу трубки сделанную из бумаги маленькую воронку.

Индиец принялся понемножку вытаскивать красшк простыни из-под матраца - действовал он точно на линии живота Гарри, дюймов в восемнадцать от него; я видел, с какой нежностью управляют с кончиком простыни его пальцы. Доктор работал так медленно, что различить его движения было почти невозможно.

Наконец ему удалось приподнять материю, он ввел туда один конец трубки таким образом, чтобы она скользнула по матрацу поближе к телу Гарри. Не знаю, сколько времени понадобилось индийцу, чтобы трубка продвинулась на несколько дюймов. Может, двадцать минут, а может, и все сорок. Я даже не видел, как она двигалась, но знал, что это происходит, так как ее видимая часть постепенно уменьшалась. Вряд ли край мог ощутить хотя бы малейшие колебания. На лбу и над верхней губой Гандербай выступили крупные жемчужины пота, но руки его действовали уверенно, и я заметил, что наблюдает он не за трубкой, а за тем участком смятой простыни, который покрывал живот Гарри.

Не поднимая глаз, индеец протянул руку. Я отвинтил пробку и вложил бутылку с хлороформом ему в ладонь, не выпуская, пока не убедился, что он крепко ее ухватил. Затем он подождал меня кивком головы и прошептал:

- Скажите ему, что я пропитал матрац, и у него под телом будет очень холодно. Он должен быть к этому готов, пусть не шевелится.

Я наклонился над Гарри и передал то, что просил индеец.

- Почему он не поторопится? - проговорил Гарри.

- Сейчас, Гарри. Но будет очень холодно, так что приготовься.

- О Господи, шевелитесь же вы, в конце концов! - в первый раз он повысил голос. Гандербай живо глянул на него, задержал взгляд на несколько секунд, потом вернулся к своему занятию.

Гандербай налил в бумажную воронку несколько капель и подождал, пока жидкость не стекла в трубку, затем добавил еще немного и стал ждать - в комнате тяжело и неприятно запахло хлороформом. Этот запах навевал нечто, связанное с одетыми в белое медсестрами и хирургами, занимающими свои места в белой комнате, вокруг длинного белого стола. Теперь Гандербай наливал безостановочно: я видел, как над бумажной воронкой медленно колыхнется похожее на дымок облачко густых испарений хлороформа. Доктор сделал паузу, поднял бутылку к свету, налил в воронку еще порцию и вернул пузырек мне. Медленно вытянув из-под простыни резиновую трубку, он выпрямился.

Должно быть, нагрузка, которую он испытывал во время этой работы, была велика - припоминаю, что, когда Гандербай шепотом заговорил со мной, голос его был слабым и усталым.

- Подождем пятнадцать минут. Для верности.

Я склонился над Гарри.

- Мы выждем пятнадцать минут, просто на всякий случай. Но возможно, все уже закончилось.

- Так почему, Бога ради, ты не хочешь посмотреть и убедиться?! - он снова заговорил во весь голос, и Гандербай пружиной обернулся - его смуглое лицо сердито нахмурилось. Глаза у него были совершенно черные, он уставился на Гарри, и у того задергался тот же мускул на лице. Я вытащил платок и вытер ему пот, при этом поглаживал лоб, чтобы как-то его успокоить.

Потом мы с доктором стояли возле постели и ждали - Гандербай пристально, с напряженной сосредоточенностью смотрел на Гарри. Чтобы удержать Гарри в покое, маленький индеец сосредоточил на нем всю свою волю. Он не сводил с пациента глаз и, казалось, все время беззвучно вдувал ему, чтобы тот был послушен и не испортил того, что сделано... Гарри лежал мокрый от пота, рот его подрагивал, веки то смыкались, то раскрывались, и взгляд упирался то в меня, то в простыню или в потолок, но ни разу не остановился на Гандербасе. И все же каким-то образом индеец сдерживал его. Меня мучило от запаха хлороформа, но я не мог сейчас покинуть комнату. У меня появилось чувство, будто кто-то надует огромный воздушный шар, который вот-вот должен лопнуть, а я не могу отвернуться и вынужден смотреть.

Наконец Гандербай повернулся и кивнул - я понял, что он готов действовать.

- Подойдите к другому концу кровати, - скомандовал он. - Мы оба возьмемся за края простыни и вместе оттянем ее, но очень медленно и, пожалуйста, поосторожнее.

- Не двигайся, Гарри - сказал я и взялся за простыню. Гандербай встал напротив, и мы принялись очень медленно тянуть простыню, одновременно приподнимая ее вверх над Гарри. Ужасно запахло хлороформом. Помню, я попробовал не дышать, но когда терпеть стало невмочь, начал понемножку втягивать в себя воздух, чтобы пары не доходили до легких.

Открылась грудь Гарри - вернее, скрывающая ее полосатая пижама: вот я увидел белый, аккуратно завязанный шнурок на его брюках. Чуть дальше показалась пуговица, перламутровая - да, на моей пижаме такой пуговицы не было. Гарри весьма утонченная натура, подумал я. Странно, до чего глупые мысли приходят в голову в напряженный момент - ясно помню, как подумал об этом, увидев перламутровую пуговицу.

Кроме пуговицы, на животе у него ничего не было.

Мы потянули простыню быстрее, открылись брючины, ступни Гарри, и, отпустив материю, мы позволили простыне упасть на пол.

- Не шевелитесь, - произнес Гандербай, - не шевелитесь, мистер Поуп, - и с этими словами начал внимательно оглядывать Гарри сбоку и под ногами.

- Необходима осторожность. Змея может быть где угодно, например, залезть в пижамную брючину.

Едва индеец произнес это, как Гарри живо поднял с подушки голову и уставился на свои ноги. Это было первым его движением.

Вдруг он вскочил, встал на постели и поочередно, с яростью потряс в воздухе ногами. В ту минуту мы с Гандербаем подумали, что он укушен. Индеец потянулся к своей сумке за скальпелем и жгутом, но Гарри перестал прыгать, устался на матрац и вскричал:

- Его тут нет!

Гандербай выпрямился, тоже глянул туда, потом снизу вверх на Гарри. Это было правдой. Укуса он не получил, да и не получит, крайт не убьет его, и вообще все будет чудесно. Но, казалось, никто не почувствовал себя лучше.

- Мистер Поуп, вы *вполне* уверены, что змея вообще здесь была? - в голосе Гандербая прозвучал сарказм, в обычных условиях он бы этого никогда не допустил. - Вы не думаете, что это могло вам присниться - а, мистер Поуп? - Видя устремленный на Гарри взгляд индийца, я понял, что этим сарказмом он не желает его обидеть. Доктор просто снял с себя нервное напряжение.

Гарри стоял на постели в полосатой пижаме с проступившими на щеках красными пятнами и злобно смотрел на Гандербая.

- Ты называешь меня лжецом?! - крикнул он.

Индеец стоял абсолютно спокойно и продолжал глядеть на Гарри. Тот шагнул вперед по постели - глаза его сверкали.

- Ты, гнусная индийская крыса!..

- Заткнись, Гарри! - сказал я.

- Ты грязный черномазый...

- Гарри! Замолчи сейчас же! - ужасно было слушать все это.

Гандербай вышел из комнаты, будто никого в ней не было; я пошел следом и уже в холле положил ему на плечо руку.

- Не слушайте Гарри. Все это повлияло на него, он не знает, что говорит.

Мы спустились с балкона на стоянку и подошли в темноте к его старенькому "моррису". Он открыл дверцу и сел за руль.

- Вы работали прекрасно, - сказал я. - Большущее спасибо, что приехали.

- Все, что ему нужно - хорошенько отдохнуть, - спокойно, не глядя на меня, произнес индеец. Завел мотор и уехал.

ДЖЕКИ, КЛОД И МИСТЕР ФИСИ

Этот день обещал быть особенным, и поэтому мы оба проснулись рано. Я отправился на кухню бриться, а Клод быстро оделся и вышел из дома, чтобы позаботиться о соломе. Из окна кухни было видно, как солнце поднимается из-за деревьев, растущих на вершине горного хребта на противоположном конце долины.

Каждый раз, когда Клод проходил мимо окна с охапкой соломы, я глядел на него поверх зеркала и видел напряженную гримасу запыхавшегося человека, большую конусообразную, клонящуюся вперед

голову и изрезанный глубокими складками лоб. Подобное выражение лица я видел у него лишь раз - в тот вечер, когда он делал предложение Клариссе. Но сегодня он был взволнован до такой степени, что даже расхаживал как-то странно, ступая чересчур мягко, будто бетон вокруг заправочной станции слишком горячий для его босых ступней. Одну за другой он укладывал в заднюю часть автофургона охапки солом, устраивая удобное местечко для Джеки.

Затем Клод пришел на кухню, и я смотрел, как он ставит на плиту котелок и начинает в нем помешивать. У него была длинная металлическая ложка, которой он непрерывно помешивал, пока жидкость собиралась закипать. Чуть ли не каждые полминуты он наклонялся и совал нос в противный, сладковатый парок, поднимавшийся над котелком, где варилась конина. Вот он принялся опускать в котел приправу - три очищенные луковицы, несколько молодых морковок, горсть жгучих крапивных макушек, ложечку мясного соуса, двенадцать капель масла тресковой печени... И все это делалось очень нежно, кончиками больших и толстых пальцев, будто имеющих дело с венецианским стеклом. Взяв из холодильника немого фарша из конины, он отмерил одну порцию в миску Джеки и три порции в другую, и как только суп был готов, поделил его между обеими собаками, наливая поверх фарша.

Именно эту процедуру я наблюдал каждое утро в течение последних пяти месяцев, но никогда она не проделывалась столь напряженно и сосредоточенно. Полное молчание и не единого взгляда в мою сторону, а когда Клод повернулся и вышел за собаками, казалось, даже затылок и плечи говорят: "О Господи, пусть все обойдется - не допусти, чтобы именно сегодня я сделал что-то не так".

Я слышал, как он тихо разговаривает с собаками в закутке, надевая на них поводки. Оказавшись на кухне, псы запрыгали, натягивая ремни и стараясь поскорее добраться до завтрака; при этом они вставали на задние лапы и размахивали своими огромными хвостами как плетями.

- Порядок, - произнес наконец Клод. - Говори, который?

Обычно по утрам он предлагал пари на пачку сигарет, но сегодня на карту ставилось слишком многое и я знал, что сейчас ему нужно еще чуть-чуть уверенности.

Он смотрел, как я обхожу двух прекрасных, высоких, с бархатистой шерстью псов, потом шагнул в сторону, держа поводки на вытянутой руке и давая мне лучший обзор.

- Джеки! - сказал я, применяя старый трюк, который никогда не срабатывал. - Эй, Джеки! - Две одинаковые, с одинаковым выражением морды повернулись, и на меня уставились четыре ярких, темно-желтых глаза. Было время, когда мне казалось, что у одного из псов глаза чуточку темнее, чем у другого. А еще было время, когда я считал, будто могу угадать Джеки по более впалой груди и более мускулистым ляжкам. Но я ошибался.

- Ну! - скомандовал Клод. Он надеялся, что именно сегодня я обязательно не угадаю.

- Вот этот. Это Джеки.

- Который?

- Тот, что слева.

- Ага! - вскричал он сияя. - Ты снова ошибся!

- Не думаю, что ошибся.

- Ошибся, да так, что дальше некуда. И послушай-ка, Гордон, я тебе кое-что скажу: все эти последние недели, каждое утро, когда ты пытался угадать его... знаешь что?

- Что?

- Я вел этому счет. И результат таков, что ты даже в половине случаев был не прав! С большей удачей ты мог подбрасывать монету!

Этим он хотел сказать, что если даже я, видя их рядышком каждый день, не мог узнать Джеки, то какого же черта мы должны бояться мистера Фиси? Клод знал, что мистер Фиси славится умением распознавать двойников, но он знал и то, что невозможно определить разницу между собаками в том случае, когда ее просто нет.

Он поставил миски на пол, дав Джеки ту, где мяса было меньше, потому что Джеки сегодня побежит. Отступив, он наблюдал, как они едят - на его лицо вновь легла тень озабоченности, большие, свежлые глаза смотрели на Джеки тем восторженным тающим взглядом, ранее достававшимся только Клариссе.

- Знаешь, Гордон, - произнес он. - Ведь я всегда тебе говорил: за последнюю сотню лет попадались какие угодно двойники - хорошие и плохие, но за всю историю собачьих богов такого никогда не было.

- Надеюсь, ты прав, - ответил я, уносясь воспоминаниями в прошлое, в тот морозный предрождественский вечер, четыре месяца назад, когда Клод попросил на время фургон и, не говоря, куда едет, отправился в сторону Эйлсбери. Я предположил, что он поехал повидать Клариссу, но он возвратился в тот же день и привез с собой этого пса, сказав, что приобрел его у одного человека за тридцать пята шиллингов.

- Он что, быстро бегает? - спросил я, когда Клод глядел на пса, держа его на поводке; мы стояли снаружи, рядом с насосами, а вокруг падали снежинки, оседая на спину собаке. У фургона все еще работал двигатель.

- Быстро? - произнес Клод. - Да это же самый медлительный пес, которого я когда-либо встречал!

- Тогда зачем было его покупать?

- Ну, - буркнул он, соорудив хитрую и загадочную мину на грубоватом лице, - сдается мне, что этот пес, пожалуй, немножко похож на Джеки. Как ты думаешь?

- Вроде бы похож, в самом деле...

Он отдал мне поводок, и я повел нового пса в дом обсыхать, а Клод, обогнув дом, зашел в сарай за своим любимцем. Когда он вернулся и мы в первый раз поставили их рядом, то, помню, он отступил и выпалил "Господи Иисусе!", замерев, будто увидел призрак. Дальше он действовал быстро и спокойно - опустился на колени и принялся сравнивать собак, осторожно и методично. С каждой секундой в нем нарастало волнение, и казалось, что в комнате от этого становится все теплее и теплее. Он продолжал осмотр долго и молчаливо и при

этом сличил по масти все пальцы на лапах, включая рудиментарные, а таковых у каждой собаки - восемнадцать.

Наконец он поднялся.

- Послушай, прогуляй-ка их несколько раз туда-сюда по комнате, ладно? - И Клод простоял пять-шесть минут, прислонившись к плите, и наблюдал за собаками, склонив голову набок, покусывая губы и хмурясь. Потом, будто не веря собственным глазам, опять опустился на колени - проверить еще раз, но во время осмотра вдруг вскочил и уставился на меня. Лицо у него напряженно застыло, а вокруг глаз и носа кожа странно побелела.

- Ну ладно, - произнес он чуть дрогнувшим голосом. - Знаешь, что? Порядок. Мы разбогатели...

А потом начались долгие тайные совещания на кухне. План был разработан во всех деталях, и мы выбрали наиболее подходящий беговой трек. Каждую вторую субботу (такое случилось восемь раз) мы, невзирая на потерю дневной клиентуры, закрывали мою заправочную станцию и везли двойника в Оксфорд. Там на поле, неподалеку от Хеддингтона, находился небольшой паршивенький трек - ничего особенного - только цепочка стареньких столбиков со шнурами, обозначающими дорожки, перевернутый вверх тормашками велосипед, тянущий ложного зайца, и загородки с шестью дверцами. Миновало шестнадцать недель: восемь раз мы привозили туда двойника и регистрировали его у мистера Фиси. Сколько же пришлось простаивать в толпе, под ледяным дождем, ожидая, когда на грифельной доске мелом напишут имя нашего пса. Мы называли его Черная Пантера. Когда подходила очередь, Клод вел его к вертикальным дверцам - я же ожидал на финише, чтобы не дать добраться до него "файтерам" - собакам, которых втихомолку приводили на бега цыгане, с целью поврать на куски какого-либо пса по окончании состязаний.

Но было, пожалуй, во всем этом и нечто грустное: если приздуматься, сколько раз нам пришлось возить пса в такую даль, а потом смотреть и молиться в надежде, что он придет последним, невзирая ни на какие случайности. Конечно, молиться при этом было необходимо, а если серьезно, мы и на минуту не поддавались беспокойству - ведь старина просто-напросто не мог бежать галопом. Он бежал точь-в-точь как краб. И не был последним лишь раз - когда желтовато-коричневый пес по кличке Янтарная Молния попал лапой в ямку, получил перелом и финишировал на трех ногах. Но даже тогда наш побил его еле-еле. Вот таким-то образом мы и добились того, что он расценивался как совершенно безнадежный, а в тот день, когда мы привезли его туда последний раз, все букмекеры, выкрикивая его кличку, упрощивали игроков ставить на него, обещая выплату от двадцати до тридцати к одному.

И вот пришел этот солнечный апрельский денек, и настал черед подменить пса на Джеки. Клод сказал, что двойника гонять больше не следует, потому что мистеру Фиси это может надоесть, и тогда он просто вышвырнет его с состязаний. Клод считал, что наступил психологически рассчитанный момент и Джеки должен опередить всех на тридцать-пятьдесят корпусов.

Джеки он воспитал еще щенком, сейчас ему было лишь пятнадцать месяцев, но бегун он был хороший, быстрый. В бегах он никогда не участвовал, но мы знали, что скорость у него есть, потому что с семимесячного возраста Клод каждое воскресенье возил его на маленький частный трек в Эксбридж, где и гонял на время. Джеки пропустил тренировку только раз - из-за положенных прививок. Клод сказал, что, может быть, ему и не хватит скорости, чтобы победить в забеге собак, идущих у мистера Фиси по первому разряду, но в той компании, где он числится сейчас, он сможет выиграть двадцать или минимум десять-пятнадцать корпусов, даже кувырнувшись разок через голову.

Итак, нынешним утром мне следовало сходить в местный банк и снять со счета пятьдесят фунтов для себя и пятьдесят для Клода - их я ссужу ему под аванс к зарплате. Затем, в двенадцать часов нужно будет закрыть заправочную станцию и повесить на один из насосов уведомление "Закрито на весь день". Тем временем Клод запрет двойника в заднем сарайчике, посадит в автофургон Джеки и мы отправимся в путь. Не могу сказать, что я волновался так же, как Клод, но ведь для меня-то не решались такие серьезные вещи, как покупка дома и возможность жениться. Да и нельзя сравнивать меня с Клодом - ведь тот чуть ли не в конуре родился, рядом с борзыми, и ни о чем ином не думал, разве что по вечерам о Клариссе. У меня же было свое занятие - карьера владельца заправочной станции, не говоря о торговле подержанными автомобилями, но если Клоду захотелось повалять дурака с собаками, я ничуть не против, особенно в таком деле, как сегодняшнее - если оно выгорит. Но по правде, каждый раз, как мне думалось о том, сколько денег мы ставим на это и сколько можем выиграть, у меня в животе что-то вздрагивало...

Наконец псы позавтракали, и Клод вывел их на короткую прогулку в поле неподалеку, а я оделся и поджарил яичницу. Потом отправился в банк и взял деньги, причем однофунтовыми банкнотами. Оставшееся до полудня время пролетело за обслуживанием клиентов.

Ровно в двенадцать я закрылся и повесил на насос объявление. Из-за дома показался Клод, он вел Джеки и нес красновато-рыжий чемоданчик.

- Зачем это?

- Для денег, - ответил Клод. - Ты сам говорил, что никто не в состоянии унести в карманах две тысячи фунтов.

Стоял прекрасный весенний день, все было окрашено в желтые тона, на живых изгородях лопались почки, а солнце сияло сквозь бледно-зеленые листья старого бука, растущего напротив, через дорогу. Джеки выглядел отлично, шкура у него блестела, как черный бархат, а мускулистые ляжки выпирали подобно дыням. Пока Клод укладывал в фургон чемодан, пес продемонстрировал короткий танец на задних лапах, затем глянул на меня снизу вверх и улыбнулся, будто знал, что отправляется на бега, чтобы выиграть две тысячи фунтов и покрыть себя славой. Джеки обладал широкой и самой человеческой ухмылкой из всех, какие мне довелось видеть у собак. Он не только приподнимал верхнюю губу, но и ухитрялся растягивать пасть так,

что был виден каждый зуб, кроме, может, одного-двух коренных. Каждый раз, когда он улыбался, я невольно прислушивался, словно ожидая, что он, ко всему прочему, еще рассмеется.

Мы влезли в фургон и отправились в путь. Я сел за руль, Клод рядом, а Джеки стоял сзади, на соломе, и поверх наших плеч глядел сквозь ветровое стекло. Клод то и дело оборачивался, пытаясь заставить лса лечь, иначе его могло выбросить на крутом вираже, но собака была слишком возбуждена и лишь скалила зубы в ухмылке и размахивала огромным хвостом.

- Ты получил деньги, Гордон? - Клод курил сигареты одну за другой и никак не мог усидеть на месте.

• - Да.

- Мои тоже?

- Всего у меня сто пять фунтов. Пять, как ты говорил, для заводи-лы - чтобы он не остановил зайца и не вышло фальстарта.

- Годится. - И Клод жестко, как на сильном морозе, потер ладони.
- Годится, годится, годится...

Мы проехали по узенькой Хай-стрит посреди поселка Грэйт Ми-сенден и заметили старика Рамминса, бредущего в пивную "Конская Голова" за своей утренней пиитой; на выезде из деревни мы свернули влево и переслаили через холмистый Читтерс в направлении Принсес Рисборо, а уж оттуда до Оксфорда оставалось миль двадцать с небольшим.

Наступила тишина, и тут вдруг мы оказались под воздействием какого-то внутреннего напряжения. Мы спокойно сидели и молчали, но каждый переживал в душе сомнения и опасения, не давая им выхода наружу. Клод продолжал курить, выбрасывая недокуренные сигареты в окно. Обычно в подобных поездках он болтал как заведенный и всю дорогу туда и обратно трепался о собаках - какие штуки он с ними проделывал, что за работенки ему подворачивались, какие места он повидал и сколько денег выиграл. При этом выплывали всякие разности о людских ухищрениях с собаками, о воровстве и жестокостях на собачьих бегах. Но сегодня, как мне показалось, он не мог черпать уверенность в своей болтовне; то же происходило и со мной. Я следил за дорогой и пытался не думать о ближайшем будущем, вспоминая поведенные Клодом разные истории из его практики собачьих бегов.

Клянусь - нет среди живущих ныне человека, знающего об этом больше, чем Клод, ну а поскольку мы приобрели двойника и решили проверить это дельце, то Клод посчитал своим долгом просветить меня в этом бизнесе. Поэтому к сегодняшнему дню, по крайней мере теоретически, я знал почти столько же, сколько он.

Начало было положено на первой же нашей "стратегической конференции", проходившей на кухне. Помню, случилось это на следующий день после того, как привезли двойника; мы сидели и поглядывали в окно, ожидая клиентов, тут же Клод растолковывал мне свой план, а я пытался как можно внимательнее следить за ходом его рассуждений. Наконец мне пришла в голову мысль, которую я и высказал Клоду:

- Не понимаю, зачем вообще использовать двойника. Разве не безопаснее сразу же выставить Джеки - только приостанавливать его на первой полудюжине бегов, чтобы он приходил последним? И тогда, подготовившись как следует, мы даем ему возможность бежать. Конечный результат тот же, если все проделать как следует, ведь так? И нечего бояться, что нас поймают...

Похоже, мои слова здорово заделали Клода. Он сердито глянул на меня:

- Э, ни в коем случае! Я, знаешь ли, против того, чтобы останавливать собаку. И что на тебя нашло, Гордон? - видно было, что он искренне огорчен моими словами.

- Не вижу в этом ничего плохого.

- Послушай, Гордон: останавливая хорошего бегуна, ты разбиваешь ему сердце. Хороший бегун знает свою скорость. И когда он видит остальных впереди и не имеет возможности их догнать, его сердце разбито. Больше того: ты не предлагал бы подобное, если б знал, какие трюки проделывают некоторые, чтобы остановить своих бегунов.

- К примеру, какие именно? - попросил я.

- Да любые, какие могут прийти в голову, лишь бы приостановить собаку. А хорошую борзую притормозить не так уж просто: они чертовски храбры и страшно бесятся, нельзя даже позволять им смотреть на бега - могут вырвать из рук повод. Много раз я видел, как пес пытается финишировать со сломанной ногой. - Он помолчал, задумчиво поглядывая на меня большими светлыми глазами; видно было, что Клод дьявольски серьезен и погружен в глубокие раздумья.

- Пожалуй, - продолжил он, - на тот случай, если мы соберемся проделать эту работу как следует, мне нужно тебе кое-что рассказать - тогда ты лучше поймешь, во что мы с тобой ввязываемся...

- Валяй. Я хочу это знать.

С минуту он молча и пристально глядел в окно.

- Главное, о чем следует помнить, - мрачно изрек он, - это то, что все парни, которые участвуют в подобных бегах, очень изобретательны. Даже более, чем ты можешь себе представить. - Он запнулся, подыскивая подходящие слова.

- Возьмем, к примеру, различные способы придерживания бегуна: первый и самый обычный - стрэппинг.

- Стрэппинг?

- Да, то есть стяжка. Это самое простое - затягивают, понимаешь, ошейник так, что пес еле дышит. Умный парень точно знает ту дырочку в ремне, которой следует воспользоваться и насколько именно корпусов она притормозит собаку. Обычно пара лишних дырок годится для пяти-шести корпусов. Затяни как следует - и пес придет последним. Я знавал многих бегунов, околесивших в жаркий день прямо на бегах из-за сильной стяжки. Это мерзость - настоящее удушение. Ну и еще: некоторые владельцы просто связывают черной лентой два пальца на лапе. После этого собака бежит не быстро - это мешает поддерживать сй равновесие.

- Звучит не так уж страшно.

- Есть и такие, что прилепят под хвост, поближе к тому месту, где

он переходит в туловище, жевательную резинку. Тут уж совсем не весело, - слова Клода звучали возмущенно. - У бегущей собаки хвост чуть движется вверх-вниз, а жвачка держит волосы на самом нежном месте. Нет пса, которому бы это понравилось... Еще применяют снотворные пилюли, сейчас это весьма в ходу. Ориентируются по весу, будто врачи, и отмеривают порошок исходя из того, на сколько корпусов хотят замедлить собаку - на пять, десять или пятнадцать... Но это самые обычные уловки, в общем-то, ерунда. Абсолютная ерунда в сравнении с другими штуками, особенно если говорить о цыганах. О том, что творят они, противно даже рассказывать - такого злейшему врагу не пожелаешь.

И он рассказал мне об этом, и это действительно страшно, так как связано с насилием и болью... Затем Клод перешел к тому, что делают, если от собаки требуется выигрыш.

- Чтобы подхлестнуть бегуна, существуют не менее страшные способы, - тихо сказал Клод, и лицо его стало загадочным. - И, быть может, самое простое из этих средств - травка "зимолюбка". Если увидишь когда-нибудь собаку с голой спиной или с плешинами по всему телу - это и есть "зимолюбка". Перед самыми бегами ее с силой втирают в кожу. Иногда пользуются мазью Слоуна, но чаще берут "зимолюбку" - жжет она ужасно. То есть так сильно, что пес изо всей мочи стремится бежать и бежать, лишь бы избавиться от боли... Бывают и особые составы, которые вводят шприцем. Возьми на заметку - этот способ новейший, и большинство жуликов на треке им не пользуется из-за собственного невежества. Зато уж парни из Лондона, которые приезжают в больших лимузинах и привозят отборных бегунов, взятых у тренера на денек за наличные - они-то и пользуются иглой.

Как сейчас вижу Клода - сидящим за кухонным столом, со свисающей с губ сигаретой и сощуренными, чтобы уберечься от дыма, глазами. Он поглядывал на меня, шурился и продолжал:

- Тебе необходимо помнить следующее, Гордон: когда им надо заставить пса выиграть, они не остановятся ни перед чем. С другой стороны - ни одна собака не может бежать быстрее, чем позволяет ее сложение - что бы с ней ни делали. Поэтому, если нам удастся записать Джеки в безнадежные, то наше дело выгорит. Ни один бегун из этого списка никогда его не догонит - хотя бы и с травкой или с иглками. Хотя бы и с имбирем...

- Имбирь?

- Ну да. С этим самым имбирем все просто. Делают они вот что: берут кусочек сырого имбиря, величиной примерно с каштан, и минут за пять до старта залихивают в собаку.

- То есть в пасть? Пес ее съедает?

- Нет... Не в пасть.

Вот так оно и продолжалось. Поочередно мы совершили восемь долгих поездок на трек с двойником, и за каждую из них я все больше узнавал об этом "очаровательном" виде спорта, особенно о том, как замедлить или подстегнуть собаку, и о способах применения различных препаратов. Я услышал о "крысиной обработке" - это делалось, чтобы заставить небеговую собаку преследовать ложного зайца, для

чего на шею ей привязывали консервную банку с крысой внутри. В крышке банки имеется дырка, достаточная, чтобы крыса могла просунуть голову и покусывать собаку. Но та, не в силах ухватить крысу и, естественно, обезумев, носится, получая крысиные укусы – тем чаще, чем больше трясется привязанная банка. Наконец кто-нибудь выпускает крысу, и пес, ранее совершенно послушный и не обидевший даже мышки, в ярости набрасывается на крысу и рвет ее в клочья.

- Прodelасшь это несколько раз, - объяснял Клод, - хотя, заметь, я не сторонник этого, - и пес станет настоящим убийцей и погонится за чем угодно, хотя бы и за фальшивым зайцем...

Мы уже миновали Чилтерс и понеслись под уклон, выезжая из буквой роши на поросшую вязами и дубами равнину, к югу от Оксфорда. Клод сидел рядышком, покуривая и с головой погружившись в воспоминания; каждые две-три минуты он оглядывался, проверяя в порядке ли Джеки. Пес наконец улегся и, как бы в ответ на то, что нашепывал ему, оборачиваясь, Клод, тихонько шуршал хвостом по соломе - якобы понимая слова хозяина.

Скоро мы въедем в деревню Тэйм, с ее широкой Хай-стрит, где в рыночные дни размещают коров и свиней, а когда, раз в году, в поселке открывается ярмарка, то здесь, в центре, возникают качели, карусели со спаренными автомобильчиками и появляются цыганские фургоны. Клод родился в Тэйме и упоминал об этом буквально каждый раз, когда мы там проезжали.

- Так, - заметил он, едва показались первые дома. - Это Тэйм. Я, знаешь ли, Гордон, здесь родился и вырос.

- Ты мне уже рассказывал.

- Ух и забавные штуки мы тут проделывали, когда были мальчугами, - в его голосе прозвучали ностальгические нотки.

- Ну еще бы.

Он помолчал, потом заговорил о своем детстве, скорее всего, чтобы снять избыток нервного напряжения.

- Был у соседней мальчишка, по имени Гилберт Гомм: остренькое личико, как у хорька, и одна нога чуть короче другой. Дикие вещи мы с ним творили, когда собирались вместе. Знаешь, что мы делали, Гордон?

- Что?

- По субботам, когда папаша с мамашей были в пивной, мы отпавлялись на кухню и отсоединяли трубу от газовой плиты. Потом забулькивали газ в наполненную водой молочную бутылку, садились и пили это из чайных чашек.

- Это вкусно, что ли?

- Вкусно? Страшная гадость! Но мы подсыпали сахарку, и тогда вода казалась не столь противной.

- А зачем вы это пили?

Клод повернулся и уставился на меня с крайним недоверием:

- Ты хочешь сказать, будто сам ни разу не пил "Змеиную воду"?

- Не могу сказать, что пил...

- Я-то думал, все делали это, будучи малышами! Это опьяняет совсем как вино, даже хуже - зависит от того, как долго пропускаешь

через воду газ. Мы вдвоем, по субботам, так напивались на кухне, что чуть с ног не валились, и это было восхитительно!.. А однажды папаша поймал нас, придя домой пораньше... Ту ночь я, пока жив, не забуду. Держу я эдак молочную бутылку с булькающим газом - красота; а Гилберт уперся в пол коленками и ждет моей команды, чтобы выключить газ. И тут входит отец.

- И что он говорит?

- Господи, Гордон, это было ужасно. Он ни слова не вымолвил: встал возле двери и начал нащупывать поясной ремень. Очень медленно расстегнул пряжку и потянул его из брюк, при этом глаз с меня не сводил. Был он здоровяком: ручки - как паровой молот, черные усы, а щеки в лиловых прожилках... Так вот: хватает он меня за курточку и выдает на всю катушку, как только может, используя конец пряжкой, и честно, Гордон, как перед Господом, я думал, он собирается меня убить. Но он все-таки остановился и снова, медленно и тщательно, надел и застегнул ремень и заправил рубашку, при этом от него здорово пахло пивом. А потом, так и не сказав ни слова, вышел прочь и снова направился в пивную... Самая зверская порка в моей жизни.

- Сколько тебе тогда было?

- Да около восьми, пожалуй, - ответил Клод.

Мы приближались к Оксфорду и он опять затих. Только крутил головой, проверяя, как там Джеки: то прикоснется, то погладит по голове, и один раз обернулся и оперся коленями о сиденье, чтобы подгresti к собаке побольше соломки, и при этом пробормотал что-то насчет сквозняка. Мы миновали окраины Оксфорда, въехали на одну из множества узеньких сельских дорог и вскоре свернули на ухабистую улочку, по которой и устремились, обгоняя немногочисленные группы пешеходов и велосипедистов. Некоторые мужчины вели с собой борзых. Перед нами ехал большой лимузин, в заднем окне которого, между двумя пассажирами виднелась собака.

- Приезжают отовсюду, - мрачно заметил Клод. - Вот эта, скорее всего, из Лондона. Наверное, стащили на денек из конуры какого-нибудь большого стадиона. Не исключено, что эта собака - с Дербн.

- Надеюсь, она не побежит против Джеки.

- Не беспокойся. Все новенькие автоматически включаются в высшую категорию. Именно это правило мистер Фиси соблюдает с особой шепетильностью.

Перед самым полем находились открытые ворота, и жена мистера Фиси выступила вперед, чтобы принять от нас входную плату раньше, чем мы въедем.

- Он бы и чертовы псадали заставил ее крутить, если б у нее сил хватило, - сказал Клод. - Старина Фиси не держит ни одного лишнего работника.

Я проехал вдоль поля и остановился в конце цепочки автомобилей, разместившихся вдоль высокой изгороди.

Мы вылезли из фургона, и Клод быстро обошел машину, чтобы извлечь Джеки. Поле для рэйсинга было очень просторным и шло под уклон: мы находились на вершине, вдали виднелись шесть стартовых

загородок и ряды деревянных колышков, обозначающие беговые дорожки. Трек тянулся по низине, затем круто, под прямым углом поворачивал и поднимался вверх по склону - туда, где толпился народ и был финиш. В тридцати ярдах за линией финиша стоял перевернутый велосипед, который тащит зайца. Для этой цели обычный велосипед весьма удобен, поэтому его и используют на собачьих бегах. Устройство представляет собой непрочную деревянную платформу футов восьми высотой, опирающуюся на четыре вбитых в землю столбика. Наверху, колесами вверх, закреплен старый велосипед. Заднее колесо находится впереди и направлено в сторону трека, шина с него снята и оставлен лишь металлический обод, к которому крепится один конец шнура,двигающего зайца. Сзади, как бы верхом на велосипеде, стоит "заводила" и крутит педали руками - колесо вращается и наматывает шнур на обод. Благодаря этому, заводила может тащить чучело зайца к себе с любой скоростью, вплоть до сорока миль в час. После каждого забега кто-нибудь относит лжезайца вместе с прикрепленным шнуром вниз по склону, к стартовым загородкам: шнур разматывается с обода, и все готово к новому старту. Заводила со своей высокой платформы может наблюдать за гонками и регулировать скорость зайца, удерживая его чуть впереди лидирующей собаки; кроме того, он может в любой момент остановить зайца, делая фалстарт в том случае, если ему покажется, что побеждает *не та* собака. Для этого нужно крутануть педали назад, и шнур наматается на втулку колеса. То же самое можно сделать и по-другому: внезапно, хоть на секунду, приостановить зайца - лидер чуть тормознет, чтобы не потерять "добычу", и тогда его смогут догнать другие собаки... Все-таки важная фигура, этот заводила.

Я увидел его уже стоящим на платформе; мощное тело обтягивал синий свитер - опираясь на велосипед он поглядывал вниз, на толлу, дымя сигаретой.

В Англии существует странный закон, согласно которому подобные состязания можно устраивать на одном и том же участке земли лишь семь раз в год. Вот почему все оборудование у мистера Фиси было передвижным. После седьмого раза хозяин просто переходил на очередное поле. Закон нисколько не мешал ему...

Тем временем уже собралась приличная толпа и справа, в одну линию, начали устанавливать свои будки букмекеры. Клод вытащил Джеки из фургона и повел к группе людей, окруживших невысокого плотного человека, одетого в бриджи для верховой езды. Это и был мистер Фиси. Каждый из находящихся рядом с ним, держал на поводке собаку, и мистер Фиси заносил имена бегунов в записную книжку, которую держал в левой руке. Сделав вид, будто прогуливаюсь, я подошел поближе.

- Кто у тебя тут? - спросил мистер Фиси, нацеливаясь в записную книжку карандашом.

- Полночь, - ответил мужчина, державший черную собаку.

Мистер Фиси отошел на шаг и внимательнейшим образом оглядел пса.

- Так. Полночь. Я его записал.

- Джейн, - произнес следующий владелец.
- Дай-ка глянуть. Джейн... Джейн... да, порядок.
- Солдат. - Этого пса привел долговязый парень с большими зубами, одетый в темно-синий, лоснящийся от долгой носки костюм. Едва назвав кличку бегуна, он принялся неторопливо почесываться сквозь брюки свободной от поводка рукой.

Мистер Фиси нагнулся, чтобы осмотреть собаку. Долговязый устался в небо.

- Убери его, - сказал мистер Фиси.

Парень мигом опустил глаза и перестал чесаться.

- Живо, убери его.

- Послушайте, мистер Фиси, - чуть шепелявя сквозь большие зубы сказал парень. - Уж вы бы не говорили мне эдакие глупости... пожалуйста.

- Отваливай отсюда побыстрее, Ларри, и перестань отнимать у меня время. Ты все прекрасно понимаешь - я тоже. У Солдата на правой передней лапе два белых пальца.

- Послушайте, мистер Фиси, - сказал владелец. - Вы уже добрых полгода не видели Солдата.

- Хватит, Ларри, перестань. Мне с тобой спорить некогда. - Кажется, мистер Фиси ничуть не сердится. - Следующий! - произнес он.

Я увидел, как вперед выступил Клод с Джеки на поводке. Его массивное туповатое лицо будто окаменело, а глаза впились в какую-то точку, эдак, в ярде над головой мистера Фиси, рука же так вцепилась в повод, что костяшки пальцев напоминали ряд маленьких белых лукович. Я и сам в ту минуту чувствовал себя не лучше, а тут еще мистер Фиси вдруг принялся смеяться.

- Эй! - вскричал он. - Вот и Черная Пантера! Вот и чемпион!

- Верно, мистер Фиси, - проговорил Клод.

- Вот что я тебе скажу, - все еще улыбаясь, изрек мистер Фиси. - Можешь забирать его домой, откуда и притащил. Мне он не нужен.

- Но послушайте, мистер Фиси...

- Я позволил тебе прогнать его раз шесть или восемь, не меньше - этого достаточно. Слушай, почему бы тебе не пристрелить его и делу конец, а?

- Но мистер Фиси, пожалуйста... Еще один разок, и больше я никогда вас не попрошу.

- Никакого последнего раза! Сегодня и так слишком много собак, мне с ними не справиться. Для таких крабов у меня места нет.

Мне казалось, что Клод заплачет.

- Честно говоря, мистер Фиси, - сказал он, - я эти последние две недели вставал по утрам в шесть часов, делал с ним пробежку, массаж и купал бифштексы - поверьте, сейчас это абсолютно другой пес, нежели тот, что бежал здесь в последний раз.

Услышав слова "другой пес" мистер Фиси подпрыгнул, будто в него всадили шляпную булавку.

- Что такое! - вскричал он. - Другой пес!

Могу поручиться, что Клод и здесь не потерял головы.

- Да нет же, мистер Фиси, я уж вам благодарен, что ни в чем та-

ком меня не обвиняете. Вы прекрасно знаете, что я имел в виду совсем не это!

- Ну ладно, ладно. Но все равно ты можешь его забирать. Нет смысла гонять таких медленных собак - заведи его, будь добр, и не держивай наше мероприятие.

Я не отрываясь глядел на Клода, Клод не сводил глаз с мистера Фиси, а тот уже оглядывался в ожидании следующей собаки. Из-под коричневой твидовой куртки у него виднелся желтый пуловер, и эта желтая полоска на груди в сочетании с тощими ногами и манерой поглядывать по сторонам, подергивая головой, делали его похожим на какую-то задорную птаху, к примеру, на щегла.

Клод шагнул вперед. От такой вопиющей несправедливости лицо его начало помаленьку приобретать лиловый оттенок, а на щеке заметно подергивался кадык.

- Вот что я скажу, мистер Фиси: я абсолютно уверен, что этот пес стал лучше, и даю фунт против вашего, что он не придет последним. Вот так-то.

Мистер Фиси обернулся и неторопливо оглядел Клода.

- Ты чокнулся? - спросил он.

- Пари на фунт, ага... просто чтобы доказать, что я прав.

Этот ход был опасен и наверняка мог вызвать подозрения, но Клод знал, что это единственное, что оставалось делать. Последовало молчание, и мистер Фиси, нагнувшись, осмотрел собаку. Я заметил, как он неспешно обшаривал взглядом каждую пядь тела животного. Можно было лишь восхищаться его скрупулезностью и памятью, ведь этот самонадеянный коротышка и плут держал в голове характерные приметы нескольких сотен собак: и разных, и похожих - но что-то в этом вызывало и страх. Ему никогда не требовалось более одной маленькой наметки: небольшой шрам, плоский палец на лапе, впадинка под коленом чуть темнее по цвету... Мистер Фиси ничего не забывал.

Итак, я наблюдал за тем, как он, склонившись, осматривал Джеки. Лицо у него было розовое и мясистое, рот маленький и сжат так плотно, что, казалось, не может растянуться в улыбку, а глаза - словно два фотоаппаратика, сфокусированные на собаке.

- Что ж, - произнес он выпрямляясь. - Пес, по крайней мере, тот же самый.

- Да уж я-то не сомневаюсь! - вскричал Клод. - Вы меня бог знаст за кого принимаете, мистер Фиси...

- Принимаю за чокнутого, вот за кого. Но такой способ сделать лишний фунт меня привлекает. Полагаю, что ты не забыл, как Янтарная Молния в прошлый раз чуть не побил его, хотя и бежал на трех ногах?

- Тогда он был еще не в форме. Не получал бифштексов и массаж с тренировкой, это я делаю не так давно. Но послушайте, мистер Фиси, вы не должны влихнуть его в первую категорию только для того, чтобы выиграть пари. Сами знаете, это пес низшей категории.

Мистер Фиси рассмеялся, приоткрыв крошечный рот-пуговку; вместе с ним развеселилась и окружающая толпа.

- Послушай. - Он положил волосатую лапу на плечо Клоду. - Я

своих собак знаю. Мне никаких махинаций не нужно, чтобы выиграть *этот* фунт. Пес пойдет по низкой.

- Правильно, - сказал Клод. - Вот это пари.

Он отошел вместе с Джеки, и я присоединился к ним.

- Господи, Гордон, ну и досталось же мне!

- Еще бы.

- Но в список-то мы попали. - С трудом переводя дух он принялся расхаживать быстрыми шажками туда-сюда, будто ему припекало подошвы.

Люди все еще проходили через ворота на поле, где к этому времени набралось не менее трехсот человек. Это были малоприятные личности: остроносые мужчины и женщины с грязноватыми лицами, бегающими глазами и плохими зубами. Словно отбросы большого города, просочившиеся из прохудившейся канализации, они образовали вонючую "лужицу" в верхней части поля. Там собрались все - жучки, мошенники, цыгане и прочая нажива и отребье. Некоторые с собаками, прочие без них. Собак этих держали на поводках из бечевки - жалких, с унылыми мордами псов, тощих и паршивых, с болячками на ляжках от спанья на досках, поседевших от старости, одурманенных или напиханных кашей, чтобы не выиграли ненароком. Некоторые ходили на негнущихся ногах...

- Клод, почему вон тот, белый, так ходит?

- Который?

- Глянь вон туда...

- А, вижу, как же. Очень возможно, что он висел.

- Висел?

- Именно. Подвесили на ремнях на двадцать четыре часа.

- Боже правый, но зачем?

- Разумеется, чтобы бежал помедленнее. Кое-кто не признает порошки и стрэплинг, вот и подвешивают собак.

- Понятно.

- Или подвешивают, или обрабатывают наждачной бумагой, - добавил Клод. - Сдирают кожу на лапах жестким наждаком, чтобы было больно во время бега.

- Да, все ясно.

...Были на поле и собаки побойчее, в лучшей форме - те, что каждый день получают конину, а не свиные помои или сухари с капустной водой. Шерсть у них лоснилась и поводок они тянули сильно, поскольку не были напичканы порошком, но, может быть, судьба у них еще хуже, ведь ошейники будут стянуты на четыре лишние дырочки. *"Только смотри, чтобы он мог дышать, Жок. Не задуши его совсем, чтобы он не свалился посреди дистанции. Затягивай понемногу, по одной дырке за раз, пока не услышишь, что он похрипывает. Как увидишь, что рот у него открылся и дыхание потяжелело - тогда в самый раз, но нельзя, чтобы он выпучил глаза. Ты этого не допускай - ладно?"*

- Отойдем-ка от толпы, Гордон. Здесь много собак и Джеки волнуется, это не пойдет ему на пользу.

Мы поднялись вверх по склону, туда, где стояли автомобили, и

принялись расхаживать взад-вперед, прогуливая Джеки. В некоторых авто сидели мужчины с собаками и угрюмо поглядывали на нас.

- Будь начеку, Гордон. Нам не нужны неприятности.

- Хорошо, не беспокойся.

Те собаки, что находились в автомобилях, были лучшими: их придерживали там, подальше от посторонних глаз, в нужный момент быстро извлекали оттуда, чтобы под вымышленной кличкой занести в список и сразу же упрятать обратно до нужного времени. Затем - прямо к дверцам, ведущим на дорожки, а после бегов - снова в автомобили. Тогда ни один любопытный ублюдок не сможет к ним подобраться. Можно представить себе слова некоего тренсера, сказанные на большом стадионе: *"Ладно, можешь взять его, но не дай бог, чтобы кто-то узнал его. Этого пса знают тысячи человек, поэтому тебе следует поостеречься. И это обойдется тебе в пятьдесят фунтов"*.

Эти собаки - быстрые бегуны, но их скорость не имеет значения, они все равно "получат иголку", просто так, на всякий случай. Полтора кубика эфира подкожно, прямо в автомобиле. Укол делается очень медленно. Это даст любому псу девять корпусов. Иногда используют кофеин в масляном растворе или камфору, это тоже подстегивает собак. Люди, сидящие в автомобилях в этом деле доки, а некоторые из них знают и о том, как обращаться с виски. Но это внутривенно, и потому не так просто. Можно не попасть в вену. Упустишь вену, фокус не сработает - и что тогда? Так что вернее будет эфир, кофеин или камфора. *"Не перехвати с дозой, Жок. Сколько она весит? Пятьдесят восемь фунтов? Ну ладно. Ты помнишь, что сказал нам тот парень? Минутку, я записал это на бумажку, вот она. Одна десятая кубического сантиметра на десять фунтов веса дает пять корпусов на трехстах ярдах. Погоди-ка, сейчас я прикину... О Господи, Жок, лучше уж ты сам. Увидишь - все будет нормально, никаких неприятностей, потому что я сам подбирал собак для этого забега. Это обошлось в десятку на карман старины Фиси. Выложил я ему эту поганую десятку и при этом говорю: это вам на день рождения, от чистого сердца. А Фиси в ответ: большое тебе спасибо, мой добрый и верный друг..."*

Если же этим ребятам в авто понадобится придержать собаку, то в ход пойдет хлорбутал. Это штука удобная, поскольку можно дать ее предыдущим вечером, особенно чьей-то чужой собаке. Или же петидин. Может сгодиться и смесь петидина с гайоцином.

- Сегодня здесь полно господ определенной породы из доброй старрой Англии, - заметил Клод.

- Это точно.

- Береги карманы, Гордон. Ты хорошо запрятал деньги?

Мы обошли сзади ряд автомобилей и двинулись между ними и изгородью. Тут я заметил, что Джеки насторожился и, натягивая повод и приседая на задних лапах, устремился вперед. Ярдах в тридцати от нас стояли двое; один из них держал желто-коричневую борзую, находящуюся в таком же волнении, как и Джеки. В руках у второго был мешок.

- Смотри, - прошептал Клод, - собаке дают потраву.

Из мешка на траву выкатился маленький белый кролик, пушистый и ручной. Он встал на лапки и замер, будто нахохлившись, как это делают все кролики, при этом нос его очутился у самой земли. Испуганный кролик: надо же так внезапно шлепнуться из мешка на белый свет. Собака уже сходила с ума от возбуждения, она рвала поводок, рыла землю и, скуля, бросалась вперед. Кролик увидел собаку, втянул голову и застыл, парализованный страхом. Мужчина перехватил пса рукой за ошейник и тот, изгибаясь и подпрыгивая, попытался вырваться на свободу. Другой парень пнул кролика ногой, но зверька будто приклеили. Следующим пинком парень поддел кролика как футбольный мяч. Кролик полетел кувырком, потом вскочил и запрыгал по траве прямо к собаке. Первый мужчина отпустил пса и тот одним гигантским прыжком покрыл расстояние до кролика - послышался визг, негромкий, но долгий и мучительно пронзительный.

- Пожалуйста, - сказал Клод. - Это и есть потрава.

- Не уверен, что мне это понравилось.

- Мне тоже. Но это делают все, даже тренеры на больших стадионах. Я считаю это варварством.

Мы двинулись прочь, а внизу, у подножия холма, толпа все густела, и позади нее появился длинный ряд стенов, на которых красным, золотым и синим были написаны имена. Рядом с каждым стендом уже находился букмекер; все они стояли на перевернутых ящиках - в одной руке пачка нумерованных карточек, в другой - кусок мела, а позади разместились клерки с тетрадками и карандашами. Вскоре мы заметили, как к школьной доске, приколоченной ко вкопанному в землю столбу, подходит мистер Фиси.

- Записывает участников первого забега, - заметил Клод. - Живо, пошли!

Мы быстренько спустились с холма и присоединились к толпе. Мистер Фиси, сверяясь со своей записной книжкой, записывал на доску бегунов. Толпа приумолкла и напряженно наблюдала за ним.

1. Салли

2. Трехфунтовый

3. Леди Улитка

4. Черная Пантера

5. Виски

6. Ракета

- Порядок, - прошептал Клод. - Первый забег! Четвертые ворота. Теперь слушай, Гордон. Быстро дай мне пятерку - показать заводиле. - Клод чуть задыхался от волнения, вокруг носа и глаз у него вновь появилась знакомая белизна. Отдавая ему пятифунтовую бумажку, я заметил, что у него дрожит рука. Человек, работающий на педальном устройстве, все еще стоял в своем синем джерси на платформе и покуривал. Клод приблизился к платформе и встал под ней, глядя снизу вверх.

- Видишь пятерку? - тихонько спросил он, держа ее сложенной несколько раз в ладони.

Парень, скосив глаза, глянул на бумажку.

- Если будешь крутить в этом забеге как следует, приятель... Никакого фальстарта или торможений. Крутить быстро. Идет?

Заводила не шевельнулся, но едва заметно приподнял брови. Клод отвернулся.

- Теперь вот что, Гардон. Деньги доставай понемножку, маленькими суммами, как я тебе говорил. Иди вдоль всего ряда и ставь везде помаленьку, чтобы не сбить цену. А я поведу Джеки на старт очень медленно, уж постараюсь - лишь бы дать тебе побольше времени, понял?

- Понял.

- И не забудь встать наготове у финиша, чтобы поймать пса. Оттащи его от остальных подальше, когда начнется свора из-за зайца. Держи его крепче и не выпускай, пока я не прибегу с поводком и ошейником. Этот Виски - цыганский пес, он любому, кто подвернется, может лапу оторвать или еще что-нибудь.

- Хорошо. Пора идти.

Я увидел, как Клод подвел Джеки к финишному столбику и получил желтую курточку, на которой стояла крупная четверка. И еще намордник. Остальные пять бегунов находились тут же, а вокруг них суетились, надевая нумерованные куртки и прилаживая псам намордники, владельцы. Распоряжался всем этим мистер Фиси, он вприпрыжку бегал среди собак и хозяев, смахивающий в своих тесных бриджах на задорную птаху: один раз я заметил, как он со смехом сказал что-то Клоду, но тот не обратил никакого внимания. Скоро все поведут собак далеко вниз, по треку, на противоположный конец поля, к стартовым воротцам. Я напомнил себе, что осталось самое меньшее десять минут, и начал пробиваться сквозь толпу в шесть-семь рядов, преграждавшую путь к стенам букмекеров.

- Деньги поровну на Виски! Поровну на Виски! Пять к двум на Салли! Поровну на Виски! Четыре к одному на Улитку! Шевелитесь! Поторапливайтесь, живее! На которого?

На всех досках Черная Пантера оценивалась двадцать пять к одному. Я протиснулся к ближайшему "буки".

- Три фунта, Черная Пантера, - сказал я, протягивая деньги.

У стоящего на ящике человека было багровое лицо со следами какого-то белого порошка вокруг рта. Он схватил деньги и бросил их в свой мешок.

- Семьдесят пять фунтов к трем, Черная Пантера, - повторил он. - Номер сорок два. - Он подал мне билет, а его помощник записал ставку.

Я отступил, быстро пометил на обратной стороне билета "75 к 3-м" и положил его во внутренний карман куртки.

До тех пор, пока я ставлю наличные помаленьку, все выглядит нормально. Во всяком случае, я и раньше, по совету Клода, ставил на нашего пса по несколько фунтов каждый раз, когда тот должен был бежать - чтобы не возбудить подозрений в этот важнейший день. Поэтому, проходя вдоль стендов и оставляя у каждого букмекера по три фунта, я чувствовал себя уверенно. Я не торопился, но и не терял времени даром и после каждой ставки, прежде чем сунуть карточку в

карман, помечал на обратной стороне сумму. Всего букмекеров было семнадцать. Я получил семнадцать билетов и выложил пятьдесят один фунт, ни на грош не нарушив соотношения ставок. Остается еще сорок девять фунтов. Я быстро глянул на подножие холма: один из владельцев уже подошел со своей собакой к воротцам, остальные отставали лишь на двадцать-тридцать ярдов - все, кроме Клода. Он и Джеки добрались до середины пути. Видно было, как он не торопясь вышагивает в своем старом, цвета хаки, пальто, а Джеки довольно сильно тянет за поводок вперед; я заметил, как один раз он совсем остановился и притворился, будто поднимает что-то с земли. Тронувшись дальше, он вдобавок ко всему начал прихрамывать и еще более замедлил ход. Я поспешил к противоположному концу цепочки букмекеров, чтобы начать все сначала.

- Три фунта, Черная Пантера.

Букмекер, тот самый, с багровым лицом и чем-то белым вокруг рта, коротко глянул на меня, припоминая прошлую ставку, и одним быстрым, почти артистичным движением лизнул пальцы и стер с доски цифру двадцать пять. От влажных пальцев напротив слов "Черная Пантера" осталось маленькое темное пятно.

- Ладно, у тебя еще одна ставка "семьдесят пять к трем", но на этом точка, - заметил он и громко выкрикнул: - Пятнадцать к одному на Черную Пантеру! Пятнадцать на Пантеру!

По всей цепочке стендов цифры двадцать пять были стерты: теперь Пантера шла пятнадцать к одному. Я быстро сделал остальные ставки, но, обойдя всех букмекеров, понял, что им этого достаточно и больше ставок на пса не предвидится. Они приняли всего по шесть фунтов на брата, но рисковали потерять по сто пятьдесят, а для букмекеров их невысокой категории, работающих на мелких сельских бегах, такая потеря на одном забеге была бы весьма внушительной. Я радовался, что выполнил все задуманное - билетов у меня было достаточно. Я вытащил их из карманов и пересчитал: они напоминали лежащую на ладони тонкую колоду карт, всего тридцать три билета. И сколько же мы должны выиграть? Минутку... чуть больше двух тысяч фунтов. Клод сказал, что победит на тридцать корпусов. Но где же Клод?

Далеко внизу я различил воротца и рядом - пальто цвета хаки и большого черного пса. Остальные собаки уже приготовились к забегу, и владельцы покидали место старта. Вот Клод нагнулся, уговаривая Джеки занять место в четвертых воротцах, затем закрыл дверцу и, повернувшись, бросился в своем длинном, хлопающем на ветру пальто вниз, к толпе у подножия холма. На бегу он то и дело оглядывался через плечо.

Возле старта, помахивая зажатым в поднятой руке платком, встал напарник заводилы. На другом конце трека, неподалеку от меня, парень в синем свитере оседлал перевернутый велосипед на платформе, уловил сигнал, махнул в ответ и принялся крутить руками педали. Далекая белая точка - чучело зайца, на самом деле представляющее собачий футбольный мяч, обтянутый куском кроличьей шкурки, быстро набирая скорость, побежало от воротцев. Задвижки поднялись и

собаки вылетели на дорожки. Мчались они все вместе, одной темной массой, словно один пес, а вовсе не шесть, и тут же я заметил, как вперед вырывается Джеки - я узнал его по окрасу. Черных псов в забеге больше не было, это наверняка был он. "Не шевелись и не дрогни! - приказал я себе, - ни мускулом и ни кончиком пальца. Наблюдай за его бегом. Давай, жми, Джексон, парнишка!.. Нет, не кричи - можно сглазить. Через двадцать секунд все кончится, не крути головой, а наблюдай за ним красшком глаза. Смотри, как шпарит этот Джексон! Ну и скорость он задал. Он уже победил! Проиграть теперь просто невозможно..."

Когда я подбегал к нему, пес сражался с кроличьей шкурой, пытаясь ухватить ее зубами, но мешал намордник. Остальные собаки примчались следом и внезапно навалились все разом, пытаясь достать приманку. Тут я вцепился в его ошейник и выволок на открытое место, как приказал Клод. Потом опустился на траву и удерживал пса на месте, крепко обхватив обеими руками. Прочим владельцам пришлось порядком потрудиться, вытаскивая из свари своих подопечных.

Клод очутился рядом: тяжело дыша и от волнения не говоря ни слова, он снял с Джеки намордник и надел ошейник с поводком... Тут же появился и мистер Фиси - встал подбоченясь, с плотно сжатым ртом-пуговкой, не сводя с Клода глаз-фотоаппаратиков.

- Так вот что ты придумал... - произнес мистер Фиси.

Клод, будто не слыша, продолжал заниматься своим делом.

- После сегодняшнего, чтобы ноги твоей здесь не было, понял?

Клод продолжал возиться с ошейником Джеки.

Я услышал, как сзади кто-то сказал:

- Этот тип с плоской рожей здорово нагрел в этот раз мистера Фиси...

Послышался чей-то смех. Мистер Фиси пошел прочь, а Клод разогнулся и вместе с псом подошел к парню в синем джерси, слезавшему со своей платформы.

- Угощайся, - произнес Клод, протягивая пачку сигарет.

Тот вытащил сигарету, прихватив заодно и сложенную вчетверо патифунтовую бумажку.

- Спасибо, - сказал Клод. - Весьма благодарен.

- Не за что, - ответил парень.

Клод отошел ко мне.

- У тебя все в порядке, Гордон? - спросил он, подпрыгивая и потирая руки. Губы у него подрагивали, а ладони похлопывали по туловищу Джеки.

- Да. Половина по двадцать, остальное по пятнадцать.

- Эх, Господи, Гордон, это просто чудесно. Подожди здесь, я схожу за чемоданом.

- Забери Джеки, - посоветовал я, - и отправляйтесь в фургон, там подождете меня. До скорого.

Вокруг букмекеров уже никого не было. Я оказался единственным, кому было что собирать и поэтому медленно, чуть пружинящей походкой я направился к первому в цепочке букмекеру, тому самому,

с багровым лицом и беловатой присыпкой вокруг рта. Грудь у меня просто распирало от радости. Я встал перед ним и совершенно не торюясь отыскал в пачке билетов те два, что он мне продал. Звали его Сид Прэчетт. Имя крупно значилось вдоль доски золотыми буквами по алому полю: "СИД ПРЕЧЕТТ. САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ СТАВКИ В МИДЛЭНДЕ. БЫСТРАЯ ВЫПЛАТА".

Я подал ему первый билет и сказал:

- Причитается семьдесят восемь фунтов. - Это прозвучало так здорово, что я повторил фразу - будто спел нежную песенку. Я вовсе не торжествовал над мистером Прэчеттом, фактически, он даже начал мне нравиться. Мне как-то жаль стало, что ему придется отслюнить мне такую большую сумму. Я надеялся, что его жене и детям не придется туго.

- Номер форок два, - произнес Прэчетт, поворачиваясь к помощнику, державшему большой журнал. - Сорок второй желает семьдесят восемь фунтов...

Последовала пауза - клерк пробежал пальцем по столбику занесенных ставок. Он проделал это дважды, потом поднял глаза на шефа и покачал головой.

- Нет, - проговорил он. - Не выплачивается. Этот билет поставлен на Леди Улитку.

Стоя на своем ящике, мистер Прэчетт наклонился к нему и уставился в журнал. Казалось, что он обеспокоен словами помощника: крупная багровая физиономия выразила искреннее сожаление.

"Клерк просто болван, - подумал я, - и мистер Прэчетт сейчас ему это выскажет".

Но когда букмекер вновь повернулся ко мне, глаза у него сузились и стали враждебными:

- Послушай, парнишка, - тихо произнес он. - Давай уж без этих. Ты прекрасно знаешь, что ставил на Леди Улитку. Что за шутки?

- Я ставил на Черную Пантеру... Две отдельные ставки, каждая по три фунта, обе по двадцать пять к одному. Вот второй билет.

На этот раз он даже не потрудился заглянуть в журнал.

- Ты ставил на Улитку, парень. Я помню, как ты подходил. - Он отвернулся и принялся стирать мокрой тряпкой имена собак - участников последнего забега.

За его спиной помощник закрыл журнал и принялся раскуривать сигарету. Я стоял, смотрел на них и чувствовал, как из всех пор моего тела выступает пот.

- Дайте посмотреть журнал.

Мистер Прэчетт высморкался во влажную тряпку и бросил ее на-земь.

- Послушай, шел бы ты отсюда и перестал мне надоедать.

Штука была вот в чем: на билете букмекера, в отличие от билета тотализатора, не пишется ничего, имеющего отношение к твоей ставке. Это обычная практика на всех рэйсингах страны, будь то Силвер Ринг в Ньюмаркете, Роял Инкложер в Эскоте или маленькое поле неподалеку от Оксфорда. Все, что ты получаешь - это карточка с именем букмекера и порядковый номер. Ставка записывается, то есть

должна быть внесена в особый журнал помощником букмекера вместе с номером билета. Кроме этого - никаких доказательств твоей ставки нет.

- Ну давай, чеши отсюда, - приговаривал мистер Прэцетт.

Я отступил и глянул вдоль длинного ряда стендов: никто из букмекеров не смотрел в мою сторону. Все они неподвижно стояли на деревянных ящиках, возле досок-стендов и глядели прямо перед собой, на толпу. Я подошел к следующему и предъявил билет.

- У меня поставлено на Черную Пантеру три фунта, один к двадцати пяти, - твердо сказал я. - Причитается семьдесят восемь фунтов.

Новый букмекер, с кротким, обветренным лицом, проделал тот же ритуал, что и мистер Прэцетт: задал вопросы клерку, взгляделся в журнал и выдал мне похожий на предыдущий ответ.

- Что с вами случилось? - мягко спросил он, будто у восьмилетнего малыша. - Играете в такие глупые игры...

На этот раз я отошел чуть подальше.

- Грязные ублюдки, воры! Все вы заодно! - крикнул я.

Все головы в ряду одновременно, будто кукольные, качнулись и повернулись в мою сторону. Выражение на лицах не изменилось, я видел лишь семнадцать повернутых голов и уставившиеся на меня сверху вниз столько же пар холодных стеклянных глаз. Ни в одном не наблюдалось ни малейших признаков заинтересованности. Все их поведение будто говорило: дескать, кто-то там высказался, но мы этого не слышали. Сегодня отличный денек...

Почувяв некую напряженность ситуации, вокруг меня начала собираться толпа. Я снова подбежал к мистеру Прэцетту, чуть ли не вплотную, и уперся пальцем ему в живот.

- Ты вор! Паршивый воришка! - бросил я.

Самое удивительное заключалось в том, что Прэцетт с этим вроде бы и не спорил.

- Ишь ты, - произнес он. - Чья бы корова мычала... - Его крупное лицо внезапно расплылось в широкой ухмылке, он оглядел толпу и крикнул: - Чья бы корова мычала!

И тут же все стали смеяться. Вдоль всей цепочки ожили фигуры букмекеров, они оборачивались друг к другу, посмеивались и, тыча в меня пальцами, орали:

- Чья бы корова мычала!

Толпа тоже подхватила эту прибаутку, а я все стоял на травке рядом с мистером Прэцеттом с толстой, как колода карт, пачкой билетов, слушал и потихоньку впадал в истерику. Через головы людей было видно, как мистер Фиси вписывает на свою школьную доску собак на следующий забег; а далеко-далеко, выше по склону, в конце поля я заметил Клода, стоящего рядом с фургоном. С чемоданом в руке, он ожидал меня...

КОЖА

Зима тысяча девятьсот сорок шестого года тянулась бесконечно долго. Хотя был апрель месяц, леденящий ветер хозяйничал на улицах города, а над головой по небу плыли снежные облака.

Старик по имени Дриоли с трудом волочил ноги по тротуару улицы Риволи. Жалкий, закоченевший от холода, он все время ежился, запахивая грязное старое пальто черного цвета; над поднятым воротником виднелись только глаза и макушка.

Дверь кафе распахнулась, и слабый запах жареного цыпленка вызвал у него нестерпимое чувство голода. Старик продолжал волочить ноги, поглядывая без всякого интереса на предметы, выставленные в витринах магазинов, - духи, шелковые галстуки и рубашки, бриллианты, фарфор, старинную мебель, книги в роскошных переплетах. Затем он поравнялся с картинной галереей. Ему всегда нравилось бывать в картинных галереях. В витрине была выставлена одна-единственная картина. Он остановился, чтобы рассмотреть ее. Потом повернулся, чтобы продолжить свой путь. Затем снова приостановился, оглянувшись на витрину; и тут вдруг он почувствовал легкое беспокойство, смутное воспоминание о чем-то, что он видел где-то давным-давно. Он стал рассматривать картину. Это был пейзаж. На переднем плане была изображена группа деревьев, стволы которых очень сильно накренились в одну сторону, как будто под натиском ураганного ветра; по небу неслись рваные гроззовые облака. Надпись на дощечке, которая была прикреплена к раме, гласила: "Хаим Сутин (1894-1943)".

Дриоли задумчиво разглядывал картину, стараясь понять, что же она напоминает ему. "Чуждая картина, - подумал он. - Странная и чудная - но мне нравится... Хаим Сутин... Сутин".

- Ей-богу! - воскликнул он вдруг. - Да это же мой маленький калмык, вот кто это! Только подумать! Картина моего маленького калмыка выставлена в лучшем магазине Парижа!

Старик прижался лицом к стеклу витрины. Он вспомнил парнишку - да, он его хорошо помнит. Но когда это было? Когда? Память ему отказывает. Ведь это было так давно. Сколько лет тому назад? Лет двадцать? Нет, пожалуй, лет тридцать тому назад. Неужто тридцать лет? Пойтой-ка! Да это же было перед войной, перед первой войной, в тысяча девятьсот тринадцатом году. Теперь он вспомнил, это было именно тогда. И этот Сутин, этот некрасивый маленький калмык, вечно угрюмый, ушедший в себя паренек, который так нравился ему, которого он почти любил - просто так, не отдавая себе отчета в этом, разве только за то, что тот умел писать картины.

А как он писал их! Теперь он вспомнил даже подробности - улицу, вдоль которой стояли мусорные баки, запах гнили, коричневых котов, которые осторожно рылись в отбросах, и женщин, потных, толстых, сидевших на порогах своих жилищ, опустив ноги на каменный настил улицы. Что это была за улица? Как же называлась улица, на которой жил паренек?

Сите Фолджьер! Да, именно так она называлась! Старик, доволь-

ный тем, что вспомнил название улицы, несколько раз кивнул сам себе.

Там находилась мастерская, и в ней были всего один стул и старая грязная кушетка красного цвета, на которой спал Сутин; он вспомнил пьяные пирушки, дешевое белое вино, дикие ссоры и вечно желчное, угрюмое лицо художника, задумчиво склонившегося над своей работой.

"Странно", - подумал Дриоли. Теперь он с легкостью все вспоминал, и воспоминание об одном событии вызывало в памяти другое.

Взять хотя бы ту шутку с татуировкой. Это же было сумасбродство. С чего все началось? Ах да, однажды он заработал кучу денег - да, да, все началось именно с этого - и купил много вина. Помнится, как он, довольный, вошел тогда в мастерскую с пакетом под мышкой, в котором были бутылки, как он увидел Сутина, сидящего перед мольбертом, и свою жену Джози - она стояла посередине комнаты и позировала для портрета.

- Сегодня вечером мы празднуем, - объявил он, - мы устроим небольшой выпивон для нас троих.

- В честь чего это? - спросил паренек, не поднимая головы. - Уж не потому ли, что решился наконец развестись со своей женой, чтобы она могла выйти замуж за меня?

- Нет, - ответил Дриоли. - Мы празднуем потому, что я заработал сегодня кучу денег.

- А я ничего не заработал. Это мы тоже можем отметить.

- Ну, если тебе хочется, можно и это отметить.

Дриоли стоял у стола и разворачивал пакет. Он чувствовал себя усталым и хотел скорее дорваться до вина. Девять клиентов, разумеется, совсем неплохо, но от этого дьявольски устают глаза. Он еще никогда столько клиентов не татуировал за один день. Девять пьяных солдат! И самое замечательное было в том, что не менее семи из них заплатили ему в звонкой монете. Вот почему сегодня он так разбогател. Но глаза его смертельно устали от этой работы. Глаза Дриоли были полузакрыты от усталости, белки покрылись тонкой сетью красных прожилок, а за каждым глазным яблоком, на глубине одного дюйма за ним, он чувствовал острую боль. Но теперь уже вечер, он богат, как свинья, а в пакете лежат три бутылки - одна для его жены, другая для его друга, а третья для него самого. Найдя штопор, он стал откупоривать бутылки.

Художник положил кисть.

- Боже мой, - сказал он. - Разве можно работать, когда такое творится?

Молодая женщина, пройдя через всю комнату, подошла посмотреть на картину. Дриоли тоже подошел, с бутылкой в одной руке, со стаканом в другой.

- Нет! - крикнул художник, внезапно вспыхнув. - Пожалуйста, не надо! - Он схватил полотно с мольберта и поставил его лицом к стене. Но Дриоли успел увидеть картину.

- Мне она нравится.

- Она ужасна.

- Она изумительна. Она изумительна так же, как все остальные картины, написанные тобой. Я в восторге от них всех.

- Беда в том, - ответил Сутин, хмурясь, - что они несъедобные. Я не могу их есть.

- И все же они изумительны. - Дриоли протянул ему стакан, полный бледно-желтого вина. - Выпей, - сказал он, - ты почувствуешь себя счастливым.

Никогда он еще не знал человека более несчастного или, скорее, человека с таким мрачным лицом. Дриоли встретил его в каком-то кафе семь месяцев назад, где он пил в одиночестве, и только потому, что он походил на азиата, Дриоли подсел к его столу и заговорил.

- Вы русский?

- Да.

- Откуда родом?

- Из Минска.

Дриоли вскочил со своего места и обнял его, воскликнув при этом, что он тоже родом из этого города.

- Я не совсем из Минска, - пояснил паренек, - но местечко это недалеко от него.

- Где же?

- Смиловичи, около двенадцати миль от Минска.

- Смиловичи! - вскричал Дриоли, снова бросаясь к нему с объятиями. - Да я же ходил туда пешком несколько раз, когда был мальчишкой. - Потом он снова уселся на свое место, не отрывая дружелюбного взгляда от лица своего собеседника.

- Вы знаете, - сказал он, - вы не похожи на западного русского. Вы похожи на татарина или калмыка. Вы действительно вылитый калмык.

И теперь, в мастерской, Дриоли снова внимательно посмотрел на художника, на то, как тот взял стакан с вином и залпом выпил его. Да, нет сомнений, черты лица его были калмыцкие - широкое лицо с высокими скулами, с широким, грубоватой формы носом. Но руки - руки всегда вызывали удивление: маленькие, как женские, с изящными тонкими пальцами.

- Дай мне еще, - сказал художник. - Если праздновать, так уж надо праздновать как следует.

Дриоли разлил вино и сел на стул. Сутин устроился на старой кушетке рядом с женой Дриоли. На полу между ними стояли три бутылки.

- Сегодня вечером мы будем пить столько, сколько влезет, - сказал Дриоли. - Я исключительно богат. Сейчас сбегаю и куплю еще несколько бутылок. Сколько купить?

- Еще шесть, - ответил паренек. - Каждому по две бутылки.

- Хорошо. Я сейчас пойду и принесу.

- А я помогу тебе.

В ближайшем кафе Дриоли купил шесть бутылок белого вина. После того как они вернулись в мастерскую, поставили на пол в два ряда и Дриоли, вооружившись штопором, откупорил все шесть бутылок, они снова уселись и стали пить.

- А ведь только очень богатые, - заметил Дриоли, - могут так ку-
тить.

- Это правда, - сказал паренек. - Разве это не так, Джози?

- Разумеется.

- Как настроение, Джози?

- Прекрасное.

- Может быть, бросишь Дриоли и выйдешь за меня?

- Нет.

- Вино изумительное, - сказал Дриоли. - Одно удовольствие пить его.

Не спеша, смакуя, они стали постепенно пьянеть. Хотя они пили так же, как они делали это обычно, тем не менее полагалось соблюдать известный ритуал - пить со всей серьезностью, о многом погово-
рить, повторяясь снова и снова.

Полагалось расхваливать вино, обязательно пить его медленно, смакуя все три восхитительные стадии опьянения, особенно момент, когда кажется, что плаваешь в воздухе и уже не чувствуешь своих ног (как бывает у Дриоли). Да, это самый приятный момент, когда смот-
ришь на свои ноги и они кажутся такими далекими, что удивляешься тому, какому же чудаку они могут принадлежать и почему они лежат вот так, где-то на полу и на таком расстоянии.

Спустя некоторое время он встал, чтобы включить свет. Он очень удивился, заметив, что ноги его встали вместе с ним, когда он отпра-
вился включать свет; особенно его поразило то, что он не чувствовал, как ноги касались пола. У него было приятное ощущение того, что он ходит по воздуху. Потом он стал ходить по комнате, лукаво поглядыва-
вая на полотна, сложенные у стен.

- Послушайте, - сказал он наконец. - Я придумал одну вещь. - Он направился к кушетке и встал перед ней, слегка покачиваясь. - Слу-
шай, мой маленький калмык.

- Что такое?

- У меня есть потрясающая идея. Ты слушаешь меня?

- Я слушаю, Джози.

- Слушай меня, *пожалуйста*. Ты мой друг - мой маленький кал-
мык из Минска, и я считаю тебя хорошим художником, и мне хоте-
лось бы иметь картину, прекрасную картину.

- Возьми себе все. Возьми все, что ты найдешь, но не прерывай ме-
ня, когда я беседую с твоей женой.

- Нет, нет. Послушай-ка. Я имею в виду картину, которая всегда
была бы со мной... вечно... куда бы я ни пошел, что бы ни случилось...
но всегда со мной... картину, написанную тобой.

Протянув руку, он положил ее на колено паренька.

- *Пожалуйста*, слушай меня сейчас.

- Слушай его, - сказала молодая женщина.

- Вот что. Я хочу, чтобы ты написал картину на моей коже, на
спине. Затем я хочу, чтобы ты сделал татуировку поверх написанно-
го, чтобы картина навсегда сохранилась на спине.

- Ты, наверное, рехнулся.

- Я научу тебя пользоваться татуировальной машинкой. Это лег-
ко. Даже ребенок сумел бы.

- Я не ребенок.

- *Пожалуйста...*

- Ты в самом деле сумасшедший. Что ты все-таки затеял?

Художник посмотрел в неподвижные, черные, блестящие от выпитого вина глаза Дриоли.

- Ради всего святого, что тебе все-таки надо?

- Ты с легкостью сумеешь сделать это! Ты сумеешь! Сумеешь!

- Ты имеешь в виду татуировку?

- Да, татуировку! В две минуты я тебя научу!

- Это невозможно!

- Ты хочешь сказать, что я не знаю, о чем говорю.

Ну, нет, художник не мог этого утверждать, так как все знали, что если кто и знает о татуировальном искусстве, так это он - Дриоли. Разве не он ~~ж~~ это было в прошлом месяце, покрыл живот какого-то мужчины удивительно изящным рисунком, изображающим цветы? А тот клиент, у которого вся грудь была покрыта такой густой шерстью? Он так искусно изобразил на его груди серого медведя, что волосатая грудь превратилась в шкуру мохнатого зверя.

Разве не он татуировал женщину на руке мужчины таким образом, что когда мускулы руки мужчины двигались, то женщина ожидала и принимала самые неожиданные позы.

- Я просто хочу сказать тебе, - ответил Сутин, - что ты пьян и у тебя пьяные мысли.

- А Джози будет позировать. Это будет этюд с Джози на моей спине. Разве я не вправе иметь портрет жены на своей спине?

- Портрет Джози?

- Да. - Дриоли знал, что стоит ему только упомянуть имя жены, как толстые губы паренька невольно растянутся в улыбку.

- Я не согласна, - сказала молодая женщина.

- Джози, дорогая, *ну пожалуйста*. Вот возьми эту бутылку и допей ее, тогда ты станешь добрей. Это же потрясающая идея. В жизни еще не придумывал что-нибудь подобное.

- Какая еще там идея?

- Ну, то, что он должен будет сделать твой портрет на моей спине. Разве я не могу желать этого?

- Мой портрет?

- В обнаженном виде, - заметил художник.

- Соблазнительная идея.

- Только не в обнаженном виде, - сказала молодая женщина.

- Это же гениальная идея, - сказал Дриоли.

- Нет, это безумная идея, - ответила молодая женщина.

- Так или иначе, все же это идея, - сказал Сутин. - И она заслуживает того, чтобы отметить ее.

Они выпили еще одну бутылку. Затем художник заметил:

- Ничего из этого не выйдет. Я не умею обращаться с татуировальной машинкой. Хочешь, я напишу картину на твоей спине, и ты будешь ходить с ней до тех пор, пока не выкупаешься и не смоешь ее? А если ты вообще не будешь мыться, тогда картина сохранится на твоей спине до конца твоей жизни.

- Нет, - ответил Дриоли.

- Да. И в день, когда ты решишь выкупаться, я буду знать, что ты больше не ценишь мою картину. Это будет серьезным испытанием для тебя как поклонника моего таланта.

- Не нравится мне все это, - сказала молодая женщина. - Он так восхищается твоим талантом, что будет ходить грязным всю жизнь. Давайте лучше татуировку. Только не в обнаженном виде.

- Тогда только голову, - предложил Дриоли.

- Боюсь, не справлюсь.

- Это чрезвычайно просто. Я научу тебя в две минуты. Вот увидишь. Я пошел за иглами и чернилами. У меня есть чернила всех цветов - столько оттенков, сколько у тебя есть для живописи, и даже более красивые, чем у тебя.

- Нет, это невозможно.

- У меня есть всякие чернила. Разве у меня нет чернил разных цветов, Джози?

- Есть.

- Вот увидишь, - сказал Дриоли. - Я пойду за ними.

Он встал со стула и нетвердым шагом, но с решительным видом вышел из комнаты. Через полчаса Дриоли вернулся.

- Я принес все, - крикнул он, размахивая коричневым чемоданчиком. - Все, что нужно татуировщику, находится здесь, в этом чемоданчике.

Он положил сумку на стол, открыл ее, вынул электрические иглы и небольшие пузырьки с цветными чернилами. Затем он воткнул штепсель от электрической иглы в сеть; взяв инструмент в руки и нажав на кнопку, включил ток. Послышалось жужжание, и концы иглы, примерно с четверть дюйма, начал стремительно вибрировать вверх и вниз. Он скинул пиджак, отвернул рукав на левой руке и сказал:

- Теперь смотри. Следи за мной, и я покажу тебе, как это легко. Я сейчас сделаю татуировку на моей руке вот здесь.

Предплечье его было сплошь покрыто синими знаками, но он все же нашел небольшой участок кожи, свободный от татуировки, чтобы преподать на ней урок татуировального искусства.

- Сначала я выбираю цвет чернил, возьмем, скажем, обычные синие чернила, затем я погружаю конец иглы в чернила... вот так... потом я держу иглу концом вверх, после этого я провожу ею по коже, слегка касаясь ее... вот так... и вот игла, приводимая в движение крохотным электрическим моторчиком, двигается скачками вверх и вниз и прокалывает кожу, при этом чернила проникают в прокол на коже, вот и все... Посмотри, как это легко... Смотри, сейчас я наколю серую гончую собаку на своей руке.

Художник заинтересовался:

- Теперь дай *мне* попрактиковаться немного на твоей руке.

Он начал проводить жужжащей иглой голубые линии на руке Дриоли.

- Это нетрудно, - сказал он. Как будто рисуешь пером и чернилами. Разницы никакой, разве только иглой медленнее.

- Конечно, это просто. Ты готов? Начнем?

- Немедленно.

- А натура! - воскликнул Дриоли. - Давай, Джози!

Его охватило возбуждение. Пошатываясь, он начал суетливо подготавливать место для работы, как ребенок, который с энтузиазмом готовится к интересной игре.

- Где ты хочешь, чтобы она позировала? Где она будет стоять?

- Пусть станет там, рядом с туалетным столиком, и расчесывает волосы. Я так и напишу ее: расчесывающей распущенные по плечам волосы.

- Великолепно! Ты - гений.

Молодая женщина с неохотой подошла к туалетному столику и встала около него со стаканом вина в руках.

Дриоли стянул рубаху и сбросил брюки. Он оставил только трусы, носки и обувь и стоял, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Тело его было крепким, а кожа белая и почти без волос.

- Теперь, - сказал он, - я полотно. Куда ты собираешься положить свое полотно?

- Как всегда, на мольберт.

- Не валяй дурака. Я же полотно.

- Тогда располагайся на мольберте. Это же нетрудно.

- Но как это сделать?

- Ты полотно, не так ли?

- Да, я полотно. Я уже начинаю чувствовать себя полотном.

- Тогда располагайся на мольберте. Это нетрудно.

- Но правда, это невозможно.

- В таком случае садись на стул. Садись задом наперед, тогда ты сможешь положить свою пьяную голову на спинку стула. Поторалливайся, я собираюсь начать.

- Я уже готов и жду тебя.

- Сначала, - сказал художник, - я напишу обычную картину. Затем, если она мне понравится, я сделаю татуировку поверх нее.

Вооружившись широкой кистью, он начал писать на голой спине Дриоли.

- Ай! Ай! - вскрикнул Дриоли. - Чудовищная сороконожка шагает по моей спине.

- Ну-ка спокойней! Спокойней!

Художник работал быстро, накладывая краску тонким голубым слоем так, чтобы она не мешала татуировке. Сосредоточенность, с которой он стал работать, была так велика, что она, казалось, преодолевала его опьянение. Он накладывал мазки быстрыми движениями, чувствуя предельное напряжение в кисти руки, и меньше чем через полчаса работа была закончена.

- Все. Кончил, - обратился он к молодой женщине, которая, услышав эти слова, сразу же направилась к кушетке, легла и заснула.

Дриоли бодрствовал. Он видел, как художник взял иглу, погрузил в чернила; потом он почувствовал пронзительный, щекочущий укол в спину. Боль была неприятна, но терпима и не давала Дриоли впасть в сон. Дриоли развлекался тем, что старался угадать след иглы, наблюдая за тем, какими красками пользовался художник, пытаясь пред-

ставить себе, что делается у него за спиной. Сутин работал с поразительным напряжением.

Казалось, крохотная машинка и необычная работа целиком захватили его.

До самого рассвета художник работал под мерное жужжание машинки. Дриоли хорошо помнил, что, когда художник отступил назад и сказал: "Картина закончена", - на улице был день и за окном слышались шаги прохожих.

- Я хочу посмотреть, - сказал Дриоли.

Сутин взял зеркало и стал держать его под углом, а Дриоли повернул голову, стараясь увидеть свою спину.

- Боже мой! - воскликнул он.

То, что он увидел, поразило его. Вся спина, начиная от плеч и кончая основанием спины, покрыта яркими красками - и золотистыми, и зелеными, и голубыми, и черными, и красными. Татуировка была сделана так густо, что вся спина казалась сплошь покрытой мазками красок. Художник старался татуировать точь-в-точь по нарисованному, густо заполняя линии, и самое удивительное состояло в том, что он с большим мастерством использовал в своей картине выступы лопаток, сделав их частью композиции.

Более того, хотя работа двигалась медленно, он ухитрился передать в картине какую-то непосредственность, спонтанность. Портрет был выполнен в драматической, резкой манере, такой характерной для других работ Сутина. Поражало не сходство портрета с натурой. Нет. Скорее портрет выражал настроение. Черты лица неясные, блуждающий взгляд, а вокруг головы вихревая масса темно-зеленых волнистых линий, которая придавала всей картине предельный динамизм.

- Потрясающе!

- Мне, пожалуй, самому нравится.

Художник отступил назад и стал рассматривать свою работу критически.

- Ты знаешь, - добавил он, - я думаю, она стоит того, чтобы я поставил свою подпись.

И, взяв в руки электрическую иглу, он вывел свое имя красными чернилами в правой стороне, на месте, под которым находится почка...

Старик Дриоли стоял в состоянии, похожем на транс, не спуская глаз с картины, выставленной в витрине галереи.

Все это было так давно, что, кажется, будто все эти события имели место в какой-то другой жизни.

А Сутин? Что стало с ним? Он теперь вспомнил, что после того, как он вернулся с войны - с первой войны, ему стало не хватать художника, и он спросил Джози:

- Ты не знаешь, где мой маленький калмык?

- Он ушел, - ответила она. - Я не знаю куда, но я слышала, что он связался с каким-то торговцем, который послал его в Серет писать картины.

- Может, он еще вернется.

- Кто знает? Может, и вернется.

Это было в последний раз, когда они говорили о нем.

Через некоторое время они переехали в Гавр, где много моряков и потому много работы. При воспоминании о Гавре старик улыбнулся. Да, это были добрые времена, период между двумя войнами; тогда у него были уютные комнаты, небольшая мастерская около дома и достаточно работы. Ежедневно трое или четверо, а то и пять моряков приходили к нему и просили, чтобы он татуировал их руки. Ничего не скажешь, это действительно были добрые времена.

Затем вторая мировая война, приход немцев, смерть Джози - и все пошло прахом! В те годы никто не нуждался в татуировках, а он был слишком стар, чтобы браться за какую-нибудь иную работу. В отчаянии он решил вернуться в Париж, смутно надеясь, что в большом городе дела пойдут лучше. Но надежды его не оправдались.

Теперь, когда война кончилась, у него не оказалось ни сил, ни средств, чтобы возобновить свое дело. Да, трудно одинокому старику без крова и работы. К тому же если еще и не хочется просить милостыню. А с другой стороны, как же жить иначе?

"Итак, - подумал он, все еще разглядывая картину, - это картина моего маленького калмыка". Удивительно, что вид одного небольшого предмета, как, скажем, эта картина, может вызвать к жизни прошлое. А ведь несколькими минутами раньше он и не помнил о существовании татуировки на своей спине.

Годами он не вспоминал о ней.

Он прижался лицом к стеклу витрины и заглянул в галерею. На стенах он увидел большое количество картин, и все они, казалось, принадлежали кисти одного и того же художника. Дриоли увидел также множество людей, которые медленно прохаживались по галерее.

Подчиняясь внезапному импульсу, Дриоли повернулся, толкнул дверь галереи и вошел.

Это было длинное помещение, пол которого был устлан ковром винного цвета. Господи, как кругом тепло и красиво!

Нарядные, с коленой наружностью люди расхаживали с чувством собственного достоинства по галерее, причем у каждого в руках был каталог, в который он заглядывал время от времени. Старик не решался двинуться с места и смешаться со всей этой толпой. Но в то время, как он набирался смелости, вдруг до него донесся голос, сказавший: "Что тебе здесь нужно?"

Человек, который произнес эти слова, был в черном утреннем пиджаке. Полный мужчина, небольшого роста, с очень бледным лицом. Дряблое лицо его было таким мясистым, что щеки отвисли по обеим сторонам рта, как у спаниеля. Подойдя близко к Дриоли, он снова спросил:

- Что тебе здесь нужно?

Дриоли стоял неподвижно.

- Вот что, любезный, - обратился к нему снова мужчина, - убирайся-ка ты из моей галереи.

- Разве нельзя смотреть на картины?

- Ты слышал, что я тебе сказал?

Дриоли упрямылся. Внезапно он почувствовал, как гнев закипает в нем.

- Давай-ка лучше без скандала, - сказал снова мужчина. - Ну, пошевеливайся, сюда, в эту дверь. - И, положив свою белую жирную лапу на плечо Дриоли, он стал с силой толкать его к двери.

Тут Дриоли прорвало.

- Убери свои грязные руки от меня! - крикнул он.

Голос его громко раздался по всей галерее; все присутствующие одновременно повернулись и испуганно посмотрели на человека, стоящего в конце помещения, который являлся виновником этого беспорядка. Лаксей подбежал к хозяину галереи, и вдвоем они стали выталкивать Дриоли на улицу. Публика молча наблюдала за этой сценой. Лица людей выражали легкий интерес к происходящему и, казалось, одну и ту же мысль: "Все в порядке. Ничего опасного для нас нет. Об этом позаботятся".

- У меня тоже! - кричал Дриоли. - У меня тоже есть картина этого художника! Он был моим другом, и у меня есть картина, подаренная им.

- Он сошел с ума.

- Да это сумасшедший. Буйный сумасшедший.

- Нужно вызвать полицию.

Резким, быстрым движением Дриоли вырвался из рук мужчин, и не успели они опомниться и снова схватить его, как он побежал по галерее, выкрикивая: "Я покажу ее вам! Я покажу ее вам! Я сейчас покажу!" Он сбросил с себя пальто, затем пиджак и рубашку, а затем повернулся так, чтобы присутствующие увидели его обнаженную спину.

- Вот! - крикнул он, прерывисто дыша. - Вы видите? Вот она!

Внезапно наступила абсолютная тишина; все застыли в неловких позах, в замешательстве, так и не завершив начатое движение. Пораженные, они смотрели на картину-татуировку, яркие краски которой не поблекли от времени. Но оттого, что теперь старик похудел и лопатки резко выступали, картина выглядела как бы несколько сморщенной и сдавленной, что придавало ей странный вид.

Кто-то из присутствующих наконец проговорил:

- Боже мой, старик сказал правду!

Затем всех охватило возбуждение, все задвигались, зашумели и, опережая друг друга, бросились к старику.

- Сомнений быть не может!

- Его ранняя манера, не так ли?

- Ничего подобного не видел!

- Посмотрите, есть подпись!

- Согните плечи вперед, друг мой, так, чтобы картина натянулась на спине.

- Когда она была сделана, старина?

- В тринадцатом году, - ответил Дриоли, не оборачиваясь. - Осенью тысяча девятьсот тринадцатого года.

- Кто научил Сутина татуировать?

- Я научил его.
- А эта женщина? Кто она?
- Она была моей женой.

Владелец галереи проталкивался сквозь толпу к Дриоли. Теперь он был спокоен, чрезвычайно серьезен и улыбался одним только ртом.

- Монсеньор, - сказал он, - я куплю ее.

Дриоли заметил, как у него дрожали жирные отвислые щеки, когда он двигал челюстями.

- Я сказал, что куплю ее, монсеньор.
- Как вы можете купить ее? - вежливо спросил Дриоли.
- Я заплачу вам за нее двести тысяч франков.

Глаза у говорящего были маленькие, черные. Ноздри его широкого носа начали дрожать.

- Не продавай! - проговорил кто-то в толпе.
- Она стоит в двадцать раз дороже.

Дриоли открыл рот, хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова. Тогда он закрыл его, затем снова открыл и медленно сказал:

- Но как я могу продать ее? - Он поднял руки, потом бессильно опустил их по бокам. - Монсеньор, разве я могу продать ее? - повторил он с глубокой тоской в голосе.

- В самом деле! - послышалось из толпы. - Как он может ее продать? Она же часть его самого!

- Послушай, - сказал хозяин галереи, подходя ближе. - Я помогу тебе. Я сделаю тебя богатым. Мы с тобой вместе договоримся насчет этой картины, хорошо?

Дриоли нетерпеливо, с опаской в глазах разглядывал его.

- Но как вы можете ее купить, мсье? Что вы с ней собираетесь сделать, после того как купите ее? Где вы будете хранить ее? Например, куда вы ее положите сегодня ночью? Куда завтра?

- Где я буду хранить ее? Правда, где я буду хранить ее? Погодите-ка, где я буду хранить ее? Минутку... Дайте сообразить.

Владелец галереи стал поглаживать переносицу своего носа толстым белым пальцем.

- Кажется, если я куплю картину, я должен купить и вас также. Это уже сложнее. - Он сделал паузу и снова потрогал свой нос. - Сама картина не имеет никакой цены, пока вы живы. Сколько вам лет, друг?

- Шестьдесят один.
- Но вы, кажется, не отличаетесь крепким здоровьем?

Владелец галереи оставил в покос свой нос и окинул Дриоли критическим взглядом с головы до ног, словно фермер, оценивающий старую лошадь.

- Не по душе мне все это, - сказал Дриоли, боком пробираясь в толпе. - Честное слово, монсеньор, мне все это не нравится.

Но тут он, направляясь к выходу, попал в объятия какого-то высокого человека, который, вытянув руки, мягко обхватил его за плечи. Дриоли посмотрел на окружающих и извинился. Но человек улыбнулся ему, успокаивающе похлопав его по обнаженному плечу рукой, затянутой в перчатку канареечного цвета.

- Послушай, старина, - сказал незнакомец, все еще улыбаясь. - Ты любишь плавать в море и загорать на солнце?

Дриоли удивленно взглянул на него.

- Ты хотел бы вкусно есть и наслаждаться красным вином из замка Бордо?

Незнакомец продолжал улыбаться, обнажая крепкие белые зубы, среди которых поблескивал один золотой. Он говорил задабривающим тоном, рука в канаресчного цвета перчатке все еще лежала на плече Дриоли.

- Так ты любишь все это?

- Ну да, - ответил Дриоли все еще в большом недоумении. - Конечно.

- И красивых женщин?

- Почему бы и нет.

- И гардероб, полный костюмов и рубашек, сшитых по твоей мерке? По-моему, тебе многого не хватает из одежды.

Дриоли смотрел на этого человека с вкрадчивыми манерами, ожидая, что он еще предложит.

- Одевал ли ты когда-нибудь обувь, сделанную по твоей ноге?

- Нет.

- А ты хотел бы носить такую обувь?

- Но...

- И иметь человека, который брил и стриг бы тебя по утрам?

Дриоли только стоял, широко разинув рот.

- И пухленькую хорошенькую девушку, которая делала бы тебе маникюр?

Послышалось чье-то хихиканье в толпе.

- И звонок подле твоей кровати для того, чтобы звать по утрам горничную с завтраком? Тебе бы хотелось иметь все это, дружок? Нравится ли тебе все это?

Дриоли стоял тихо и смотрел на него.

- Видишь ли, я владелец отеля "Бристоль" в Каннах. Я приглашаю тебя приехать ко мне туда гостем и жить до конца жизни в роскоши, с комфортом.

Человек сделал паузу, чтобы дать возможность своему собеседнику переварить радужную картину жизни, нарисованную им.

- Твоя единственная обязанность - скорее это можно назвать удовольствием - будет заключаться в том, что ты все свое время будешь проводить на моем пляже в плавках, прогуливаясь вместе с моими гостями; будешь загорать, плавать и попивать коктейли. Разве это не здорово?

Но ответа не последовало.

- Ты догадываешься почему? Ведь тогда все мои гости будут иметь возможность любоваться твоей изумительной картиной. Ты станешь знаменитым, и люди будут говорить друг другу: "Послушай, здесь есть один малый, который ходит с десятком миллионами франков на спине". Что ты на это скажешь? Неплохо, а?

Дриоли взглянул на высокого человека в перчатках канаресчного цвета, все еще думая, что тот его разыгрывает.

- Все это звучит забавно, - проговорил он в нерешительности. - Неужели вы все это предлагаете мне всерьез?

- Разумеется, всерьез.

- Погодите-ка, - прервал их владелец галереи. - Вот что, старина. Я придумал, что делать. Я куплю картину, а затем договорюсь с хирургом, чтобы он снял кожу с вашей спины, а после этого идите на все четыре стороны и живите в свое удовольствие на те большие деньги, которые я заплачу вам.

- Как! Без кожи на спине?

- Ну пожалуйста, зачем вы так! Вы не поняли меня. Хирург наложит другую кожу на спину вместо вашей. Это делается очень просто.

- Сумеет ли он?

- Ничего трудного в этом нет.

- Это невозможно! - вмешался человек с перчатками канареечного цвета. - Он же очень стар для того, чтобы ему делать операцию с пересадкой кожи. Он не выдержит. Это убьет тебя, друг мой.

- Это убьет меня?

- Естественно. Ты никогда не выдержишь такой операции. А вот с картиной все будет в порядке.

- Упаси бог! - вскричал Дриоли.

Пораженный ужасом, он посмотрел на лица людей, наблюдавших за ним. Потом последовало молчание, которое нарушилось чьим-то голосом, тихо проговорившим в толпе стоящих людей: "А что, если нашелся бы человек, который предложил бы этому старику кругленькую сумму денег, может, он согласится убить себя тут же на месте. Кто знает?" Несколько человек хихикнули. Владелец галереи стал неловко переступать с ноги на ногу.

Тут рука в перчатке канареечного цвета снова стала похлопывать Дриоли по плечу.

- Давай-ка, - сказал человек, обнажая при этом белые зубы в широкой улыбке, - отправимся мы с тобой сейчас и вкусно пообедаем, а за обедом можно будет поговорить. Ну что, пошли? Разве ты не хочешь есть?

Дриоли хмуро смотрел на него. Ему не нравились ни длинная, гибкая шея незнакомца, ни то, как он, подобно змею, вытягивал ее вперед к собеседнику во время разговора.

- Возьмем жареную утку и "Чарбертин" к ней, - продолжал незнакомец, сочно выговаривая каждое слово, как бы выплескивая его языком. - А может, суфле из каштанов.

Дриоли ответил глаза к потолку, рот приоткрылся и губы стали влажными. Было видно, что бедный старик стал в буквальном смысле пускать слюни.

- Ну как, хочешь жареную утку? - продолжал незнакомец. - Ты как любишь, когда она хорошо зажарена, с хрустящей корочкой или тебе нравится, когда...

- Я иду, - быстро проговорил Дриоли. И тут же стал поспешно натягивать рубашу через голову. - Подождите меня, мсье. Я иду.

И через мгновение он исчез из галереи со своим новым покровителем.

Не прошло и нескольких недель, как новая картина Сутина - портрет женщины, написанный в необычайной манере, покрытый лаком, в красивой раме - была выставлена на продажу в Буэнос-Айресс. Эта новость и тот факт, что не существует никакой гостиницы "Бристоль" в Каннах, не только дают повод для печальных размышлений, но и вызывают желание помолиться за здоровье старика и питать горячую надежду, что где бы он ни находился в эту минуту, у него в услужении имеются пухленькая хорошенькая маникюрша и горничная, которая приносит ему завтрак в постель.

ЖЕЛАНИЕ

Порез на коленке уже покрылся коростой. Ребенок ладошкой нащупал его и наклонился, чтобы получше рассмотреть. Это всегда очаровывало ребенка: струп словно бросал ему вызов, и он не мог не принять его.

"Да, - подумал ребенок, - я скovyрну корку, даже если она еще не засохла, даже если она еще держится, даже если будет больно".

Пальцем он осторожно обследовал порез, потом зацепил ногтем коросту и тихонько потянул. Корка легко сошла, оставляя забавный маленький кружок гладкой красной кожи.

Хорошо. Очень хорошо. Ребенок потерял кожу. Не больно. Он подобрал твердую коричневую корку, положил на колено и ловко шелкнул по ней ногтем. Корка полетела далеко и упала на самый край ковра у противоположной стены. Огромный красно-черно-желтый ковер тянулся от лестницы, где сидел мальчик, до входной двери, занимая всю площадь пола. Громадный ковер. Больше чем теннисный корт. Много больше. Мальчик пристально рассматривал его. Раньше он такого не замечал, но сейчас, внезапно, ему показалось, что все краски ковра почему-то стали ярче и живее и словно наполнились смыслом и таинственным содержанием.

"Я знаю, что это, - сказал сам себе ребенок. - Красный цвет - это кучи раскаленного угля. Что я должен сделать? Я должен пройти весь путь до двери, не коснувшись их. А если прикоснусь, то получу страшные ожоги. Ну а если быть совсем точным, я просто сгорю. А черный цвет ковра... да, черный цвет - это змеи, ядовитые змеи, главным образом, гадюки и кобры, толстые, как стволы деревьев; и если до них дотронуться, они искусают меня и я умру, не дождавшись черного чая. Если же я пройду по всему ковра и останусь цел и невредим, мне завтра на день рождения подарят щенка".

Он встал и залез на ступеньку выше. Внизу расстилалось безбрежное страшное поле. Сможет ли он? Достаточно ли желтого цвета? Желтый был единственный цвет, по которому можно ступать. Реально ли это сделать? Трудно решиться на такое путешествие. Риск слишком велик. Лицо ребенка - золотистая челка, большие голубые

глаза, маленький острый подбородок - выражало беспокойство, когда он, перегнувшись через перила, смотрел вниз. Желтые полосы были немного узковаты местами, но, кажется, тянулись по всей длине ковра, хотя и было один-два довольно широких проема. Для того, кто только вчера с триумфом прошествовал по тропинке, выложенной кирпичом, от конюшен до беседки, не наступив ни на одну из многочисленных трещин, путь по ковру вряд ли будет слишком трудным. Все бы хорошо, но змеи! От одной мысли о них возникает страх, который будто иголками покалывает ноги.

Мальчик медленно спустился. Подойдя к ковру, он вытянул ногу в сандалиии и аккуратно поставил ее на желтое пятно, затем также осторожно перенес вторую. Так! Пошел! Он был предельно собран и, раскинув в стороны руки, удерживал себя в равновесии. Потом он сделал еще шаг, высоко поднимая ноги, и остановился передохнуть. Узкая желтая тропинка тянулась метров на пять вперед, и мальчик постепенно, с большой осторожностью, словно по натянутому канату, продвигался по ней. Там, где тропинка изогнулась, он, переступая через зловещее черно-красное месиво, вынужден был сделать шагок пошире. На полпути его качнуло, и, чтобы сохранить равновесие, он яростно замахал руками, будто встряная мельница. Ему удалось удержаться, и, перешагнув, он отдышал, стоя на носочках, затанц дыхание и вытянув в стороны руки с плотно сжатыми кулаками. Он находился сейчас на большом островке желтого цвета. Здесь было просторно, и он замер в нерешительности, желая остаться навсегда на этом славном безопасном желтом острове. И только мысль о том, что он может не получить шенка, заставила его продолжать путь.

Медленно мальчик пробирался вперед, после каждого шага останавливаясь, чтобы решить, куда ставить ногу. Один раз у него был выбор: либо пойти направо, либо - налево. Мальчик предпочел второе: хотя этот путь казался более трудным, там было не так много черного цвета. Черный цвет вселял в ребенка ужас. Мальчик лихорадочно обернулся, чтобы посмотреть, сколько же он прошел. Почти половину. Обратно уже не повернешь. Он стоял в центре зала и не мог ни вернуться назад, ни отпрыгнуть в сторону - ковер слишком широк. Его окружали черные и красные полосы, и он почувствовал внезапно, как отвратительная волна панического страха захлестывает его - так было в прошлую пасху, в тот день, когда он потерялся в самом мрачном уголке Старого леса.

Он сделал еще шаг, осторожно ступая на единственное, в пределах досягаемости, крошечное желтое пятно. На этот раз его ногу отделяло от черной полосы не больше сантиметра. Он не касался ее и отчетливо видел это, и знал, что между носком сандалиии и черным цветом оставалась тоненькая полоска желтого цвета, но змея зашевелилась, будто чувствуя его близость, подняла голову и яркими глазами-бусинками уставилась в ожидании на его ногу.

- Я не трогаю тебя! Ты не должна кусаться! Ты же знаешь, я не трогаю тебя!

Еще одна змея бесшумно скользнула к первой и подняла голову. Две пары глаз сейчас смотрели на ногу, уставившись именно в то мес-

то, где под ремешком сандалии проглядывало голое тело. Ребенок, охваченный ужасом, вытянулся, стоя на цыпочках, и замер. Прошло некоторое время, прежде чем он осмелился двинуться дальше.

Ему предстояло сделать очень широкий шаг; пересекая ковер, бежала глубокая петляющая черная река, и он вынужден был перебираться через нее в самом опасном месте. Он подумывал о том, чтобы перепрыгнуть страшную реку, но боялся, что не справится и не сможет точно опуститься на узкую желтую ленту. Он глубоко вздохнул, поднял ногу и очень медленно начал вытягивать ее вперед перед собой, все дальше и дальше, потом также медленно начал опускать, пока наконец не коснулся носком сандалии безопасного берега. Затем, наклонившись и перенося вес на переднюю ногу, он попытался проделать тоже самое со второй ногой. Он напрягался и дергался всем телом, но ноги были расставлены слишком широко, и ему это не удавалось. Мальчик попробовал вернуться в прежнее положение. И также безуспешно. Он застрял. А под ним черная река шевелилась, распутывалась, разворачивалась и сияла ужасным маслянистым блеском. Он стал терять равновесие и в отчаянии замахал руками, но, кажется, сделал себе только хуже. Он падал. Его тянуло вниз, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, и в последний момент, инстинктивно, желая удержаться, он вытянул руку. Следующее, что увидел ребенок, была его обнаженная, опускающаяся прямо в гущу черной блестящей массы рука, и при их соприкосновении он издал пронзительный, исполненный ужаса крик.

Снаружи, за домом, на залитой солнечным светом лужайке сына искала мать.

ГЕНЕЗИС И КАТАСТРОФА

- Ну вот, все нормально, - сказал доктор. Его голос звучал глухо. Казалось, что он говорит откуда-то издали. - Просто лежите и отдыхайте. У вас сын.

- Что?

- У вас замечательный сын. Вы понимаете? Замечательный сын. Слышите, как он плачет?

- Доктор, с ним все в порядке?

- Разумеется, все в порядке.

- Пожалуйста, покажите мне его.

- Сейчас увидите.

- Вы уверены, что все в порядке?

- Совершенно уверен.

- Он все еще плачет.

- Попробуйте расслабиться. Вам совершенно не о чем беспокоиться.

- Я хочу увидеть его. Пожалуйста, покажите.

- Дорогая, - сказал доктор, поглаживая ее руку, - у вас прекрасный, сильный, здоровый мальчик. Вы не верите тому, что я говорю?

- Что с ним делает эта женщина?

- Ребенка готовят, чтобы он понравился вам, - ответил доктор. - Мы его чуть-чуть обмоем и все. Вы должны дать нам минутку-другую.

- Поклянитесь, что с ним все в порядке.

- Клянусь. Ну а теперь лежите и отдыхайте. Закройте глаза. Ну же, закройте глаза. Вот так. Вот и отлично. Умница...

- Я все время молилась, чтобы он выжил, доктор.

- Конечно, он будет жить, не волнуйтесь.

- Остальные не выжили.

- Что?

- Никто из моих детей не выжил, доктор.

- Стоя за кроватью, врач вглядывался в бледное, измученное лицо молодой женщины. Он никогда раньше не видел ее. Они с мужем появились в городе недавно. Жена хозяина гостиницы, которая пришла помочь при родах, рассказала ему, что муж работал в местной таможне на границе и что эти двое появились совершенно неожиданно месяца три назад. Из вещей - только один сундук и чемодан. Муж - пьянчужка, рассказывала хозяйка, - высокомерный, властный, вечно задирающийся маленький пьянчужка, но молодая женщина казалась нежной и набожной. Она никогда не улыбалась. За те несколько недель, что семья провела в гостинице, хозяйка ни разу не видела улыбки на лице женщины. Ходил слух, что у пьянчужки это уже третья женитьба, что первая жена умерла, а вторая бросила его. Почему? Причина, говорили, была весьма необычной. Но это только слухи.

Доктор нагнулся и поправил одеяло на груди у роженицы.

- Вам не о чем беспокоиться, - ласково прошептал он. - Это совершенно нормальный ребенок.

- Это же мне говорили про всех остальных. Но я потеряла их, доктор. За последние восемнадцать месяцев я потеряла всех троих моих детей, так что не вините меня за излишнее беспокойство.

- Троих?

- Это мой четвертый... за четыре года.

Доктор неловко переминался с ноги на ногу.

- Вы не можете себе представить, что значит потерять их всех, всех троих, медленно, по очереди, одного за другим. Они сейчас у меня перед глазами. Я вижу лицо Густава так же ясно, как если бы он лежал здесь, в кровати, рядом со мной. Густав был восхитительным ребенком, доктор. Но он вечно болел. Это ужасно, когда дети постоянно болеют, а ты ничем не можешь помочь.

- Я знаю.

Женщина открыла глаза, посмотрела на врача и отвела взгляд.

- Мою маленькую дочку звали Ида. Она умерла накануне Рождества. Всего четыре месяца тому назад. Я хотела бы, чтобы вы видели Иду, доктор.

- У вас теперь новый ребенок.

- Но Ида была такой красавицей.

- Да, - сказал доктор. - Я знаю.

- Откуда вы знаете?! - вскрикнула она.

- Я уверен, что она была прекрасным ребенком. Но и этот не хуже.

- Доктор отвернулся от кровати, прошелся по комнате и остановился у окна. Посмотрел на улицу. За дорогой он видел красные крыши домов и крупные капли, бьющиеся о черепицу. Дожливый, серый апрельский полдень.

- Иде было два года, доктор... и она была так красива, что я глаз не могла от нее оторвать с самого утра, когда одевала ее, и до вечера, когда она опять лежала в своей кроватке. Я все время жила в священном ужасе, как бы чего не случилось с этим ребенком. Густав умер, мой маленький Отто тоже умер, и она была всем, что у меня осталось. Порой я просыпалась среди ночи, тихонько подходила к колыбели и прикладывала к дочке ухо, чтобы убедиться, что она дышит.

- Попробуйте расслабиться, - сказал доктор, вернувшись к ее постели, - пожалуйста, попробуйте расслабиться.

- Когда она умерла... Я снова была беременна, доктор, когда это случилось. Этому было уже целых четыре месяца, когда Ида умерла. "Я не хочу! - кричала я после похорон. - Я не хочу его! Я уже похоронила достаточно детей". А мой муж... он бродил среди гостей с большой кружкой пива... он сразу обернулся и сказал: "У меня новости для тебя, Клара, хорошие новости". Вы можете вообразить, доктор? Мы только что похоронили нашего третьего ребенка, а он стоит с кружкой пива и говорит мне, что у него хорошие новости. "Сегодня меня направили в Брно, - сказал он, - так что можешь начинать собираться. Тебе надо сменить обстановку, Клара, и у тебя там будет новый доктор".

- Пожалуйста, не разговаривайте больше.

- Скажите, вы - тот новый доктор?

- Да.

- Я боюсь, доктор.

- Постарайтесь не волноваться.

- Каковы шансы теперь у этого, четвертого?

- Вы должны перестать думать об этом.

- Я не могу. Я уверена, что наследственность губит моих детей. Обязательно должно быть что-то такое.

- Чепуха, перестаньте!

- Доктор, знаете, что сказал мне муж после рождения Отто? Он вошел в комнату, заглянул в колыбель, где лежал Отто, и сказал: "Почему все мои дети *должны быть* такими маленькими и слабыми?"

- Я уверен, что он не говорил этого.

- Он смотрел в колыбель Отто, как будто разглядывая крошечное насекомое, и рассуждал: "Я говорю, почему бы им не быть *крупнее*. Вот и все". А через три дня после этого Отто умер. Мы поспешили окрестить его, и в тот же вечер он умер. А потом умер Густав. А потом Ида. Они все умерли, доктор, и сразу в доме стало пусто...

- Не думайте теперь об этом.

- А этот тоже очень маленький?

- Это нормальный ребенок.

- Но маленький?

- Ну, может быть, чуть-чуть маленький. Но эти малыши зачастую крепче тех, кто побольше. Только вообразите, фрау Гитлер, через год, в это же время он будет учиться ходить. Подумайте, как это прекрасно!

Она промолчала.

- А через два года он будет всю разговаривать и сводить вас с ума своей болтовней. Вы уже придумали ему имя?

- Имя?

- Ну да.

- Не знаю. Я не уверена. Кажется, муж говорил, что если будет мальчик, то мы назовем его Адольфус.

- То есть, его будут звать Адольф?

- Да. Мужу нравится имя Адольф, потому что оно сходно с Алоисом. Моего мужа зовут Алоисом.

- Превосходно.

- Нет, нет! - она вдруг села в кровати и зарыдала. - Этот же вопрос мне задали, когда родился Отто! Это значит, что и он умрет! Нужно немедленно окрестить его!

- Ну-ну, - проговорил доктор, нежно положив ладонь ей на плечо, - это все ерунда. Говорю вам: все это ерунда. Я просто интересуюсь, вот и все. Мне нравится говорить об именах. Я думаю, что Адольфус чрезвычайно хорошее имя. Одно из моих любимых. Ага, взгляните, вот и он!

Хозяйка гостиницы плавно прошествовала к кровати, бережно неся ребенка у своей огромной груди.

- Вот он, красавец-малыш, - воскликнула она, сияя. - Хотите поддержать его, дорогая? Положить его с вами рядом?

- Его хорошо запеленали? - спросил врач. - Здесь очень холодно.

- Ну, разумеется, хорошо.

Ребенок был крепко-накрепко спеленут в большой шерстяной платок, торчала только крохотная головка. Хозяйка нежно положила его на кровать рядом с матерью.

- Ну вот, - сказала она, - теперь лежите и любуйтесь на него сколько душе угодно.

- Я думаю, он вам понравится, - улыбаясь, сказал доктор. - Прекрасное дитя.

- Какие у него красивые ручки, - воскликнула хозяйка. - Какие благородные пальчики!

Мать не двигалась. Она даже не повернула головы.

- Ну же! - воскликнула хозяйка, - он вас не укусит!

- Я боюсь смотреть. Я не смею верить, что у меня есть еще один ребенок и что он здоров.

- Ну не будьте же такой упрямой.

Мать медленно повернула голову и посмотрела на маленькое, удивительно спокойное личико, лежащее перед ней на подушке.

- Это мой ребенок?

- Естественно.

- Но... но он такой красивый...

Доктор повернулся, отошел к столу и начал собирать свой чемоданчик. Мать лежала на кровати, любуясь ребенком; улыбалась, тиская его. Она была счастлива.

- Здравствуй, Адольфус, - шептала она. - Здравствуй, мой маленький Адольф.

- Шши! Послушайте, кажется идет ваш муж, - сказала хозяйка.

Врач подошел к двери и, открыв ее, выглянул в коридор.

- Герр Гитлер!

- Он самый.

- Заходите, пожалуйста.

Невысокий человек в темно-зеленой форме аккуратно вступил в комнату и огляделся.

- Поздравляю, - сказал доктор. - У вас сын.

Усы у вошедшего были тщательно ухожены на манер императора Франца-Иосифа; от него сильно пахло пивом.

- Сын?

- Именно.

- Ну и как он?

- Отлично. Так же, как и ваша жена.

- Ладно, - отец обернулся и семенящим, неловким шагом важно прошествовал к постели, где лежала его жена.

- Ну, Клара, - сказал он, улыбаясь сквозь усы. - Как оно?

Он посмотрел на ребенка, потом нагнулся ниже. И так, резкими и быстрыми движениями, он нагибался все ниже, пока его лицо не приблизилось к младенцу почти вплотную. Жена лежала на боку, глядя на него со страхом и мольбой.

- У него замечательные легкие, - объявила хозяйка гостиницы, - послушали бы вы, как он голосил, едва появившись на свет.

- Но, Боже мой, Клара...

- Что, милый?

- Этот еще меньше Отто!

Доктор сделал несколько быстрых шагов вперед.

- С ребенком все в порядке, - проговорил он.

Мужчина медленно выпрямился и оглянулся. Он выглядел огорченным и смущенным.

- Не хорошо обманывать, доктор, - сказал он. - Я знаю, что это значит. Все снова повторится.

- Ну-ка, послушайте меня... - начал доктор.

- А вы знаете, что было с остальными?

- Забудьте о них, герр Гитлер. Дайте шанс этому.

- Этому маленькому и слабому?!

- Он ведь только появился на свет.

- Даже если так...

- Что это вы хотите сделать? - закричала хозяйка гостиницы. - Похоронить его загодя?!

- Ну, хватит! - резко сказал доктор.

А мать тем временем рыдала. Тяжелые стоны сотрясали ее тело.

Доктор подошел к мужу и положил руку ему на плечо.

- Будьте добры с ней, - прошептал он. - Пожалуйста. Это очень важно.

Затем он сильно сжал плечо мужчины и начал незаметно подталкивать его к краю кровати. Тот колебался. Доктор сжал плечо еще сильнее, настойчиво сигнализируя всеми пальцами. Наконец муж наклонился и неохотно поцеловал жену в щеку.

- Ладно, Клара, - сказал он. - Хватит плакать.

- Я так молилась, чтобы он выжил, Алоис.

- Ага.

- Каждый день все это время я ходила в церковь и на коленях молилась, чтобы этому ребенку было дано выжить.

- Да, Клара, я знаю.

- Три смерти - четвертую я уже не перенесу, ты что, не понимаешь?

- Понимаю, конечно.

- Он должен жить, Алоис. Он должен жить, должен... О Господи, будь милосердным...

СВИНЬЯ

1

Однажды в городе Нью-Йорке появился на свет чудесный малыш, и счастливые родители назвали его Лексингтоном.

Как только мать вернулась из больницы домой с Лексингтоном на руках, она тут же сказала мужу:

- Милый, ты просто обязан сводить меня в самый респектабельный ресторан, чтобы отпраздновать появление сына и наследника.

Муж нежно обнял ее и согласился, что любая женщина, способная родить столь прекрасное существо, как Лексингтон, заслуживает пойти в любое, удобное ей место. Но он хотел бы знать, хватит ли у нее сил, чтобы болтаться по городу в такое позднее время.

- Нет, - сказала она, - не хватит. Но, черт побери, можно попробовать.

Вот почему в тот же вечер они, разодевшись по моде и оставив маленького Лексингтона на попечение опытной шотландской кормилицы, стоившей им двадцать долларов в день, отправились в самый дорогой и наилучший ресторан. Там они поужинали огромным омаром и выпили бутылку шампанского, а затем пошли в ночной клуб, где выпили еще одну. Потом просидели пару часов за столиком, взявшись за руки и восхищенно обсуждая отдельные достоинства телосложения их славного новорожденного.

Они вернулись к своему особняку в Ист-сайде Манхэттена около двух ночи. Муж расплатился с таксистом и принялся шарить по карманам в поисках ключа от входной двери. Наконец он объявил, что, должно быть, оставил его в другом костюме, и предложил позвонить и

разбудить кормилицу, чтобы та сошла вниз и открыла им дверь. Получая двадцать долларов в день, сказал муж, она вполне могла примириться с тем, что ее вытащат раз-другой из постели среди ночи.

Итак, он нажал кнопку звонка. Они подождали. Никакого результата. Он позвонил снова, долго и громко. Они подождали еще с минуту. Потом отступили назад и позвали ее по имени (Макпоттл), глядя в окно детской на третьем этаже, но ответа не последовало. Дом казался темным и пустым. Жена начала волноваться. "Мой малыш заперт, словно в камере, - повторяла она. - Наедине с Макпоттл. А впрочем, кто она такая?"

Они познакомились с ней лишь пару дней назад, вот и все. И у кормилицы - тонкие губы, укоризненный взгляд и накрахмаленная рубашка, что наверняка указывало на привычку крепко спать, забывшая свои обязанности. Если она не слышит звонка у входной двери, то стоит ли ожидать, что ее разбудит плач младенца? И как раз в этот миг бедняжка, быть может, подавился или задыхается, уткнувшись в подушку...

- У него нет подушки, - заметил муж. - Тебе не следует волноваться. И вообще, я впусти тебя в дом, если ты этого хочешь.

После шампанского, он чувствовал себя превосходно. Нагнувшись, он развязал шнурок одного из черных лаковых башмаков и снял его. Затем, взяв за носок, размахнулся и с силой швырнул его в окно столовой на первом этаже.

- Ну вот, - добавил он, улыбаясь. - Мы вычтем за стекло из жалованья Макпоттл.

Шагнув вперед, он осторожно просунул руку сквозь дыру в стекле и открыл защелку. Затем поднял раму.

- Вначале я подсажу тебя, молодая мамаша, - сказал он и, обняв жену за талию, поднял ее. При этом ее крупные красные губы поравнялись с его губами и приблизились настолько, чтобы он мог их поцеловать. Собственный опыт говорил ему, что женщинам очень нравится, если их целуют в этом положении. Поэтому он занимался этим довольно долго, а она лишь болтала ногами, изредка перехватывая глоток кислорода. Наконец муж развернул ее и принялся осторожно просовывать в открытое окно столовой. В этот миг на улице появился полицейский автомобиль и тихо направился в их сторону. Он остановился футах в тридцати, и трое выскочивших из него ирландцев-полицейских, потрясая револьверами, бросились к супружеской паре.

- Руки в гору! - кричали фараоны. - Руки в гору!

Но муж не мог выполнить приказ, не выпуская жены из рук, - тогда она либо упала бы на землю, либо повисла бы ногами наружу, что ставило ее в крайне неудобную ситуацию. Поэтому он продолжал галантно проталкивать жену через окно. Полицейские, каждый из которых имел медаль за убитых грабителей, немедленно открыли огонь. Хотя стрельба велась на бегу, да и женщина, в частности, представляла довольно трудную цель, они все же ухитрились вклепить по несколько пуль в каждое тело - достаточно, чтобы оба случая оказались смертельными.

Вот так, не прожив и двенадцати дней, Лексингтон стал сиротой.

Газеты наперсбой уведомили всех родственников об этом убийстве, за которое трое полицейских впоследствии получили поощрения. На следующее утро ближайшие родственники вместе с парой гробовщиков, тремя поверенными и пастором отправились к особняку с разбитым окном. Все собрались в гостиной и расселись кружком на диванах и креслах, покуривая сигареты, прихлебывая шерри и ломая головы над тем, как поступить с лежащим этажом выше крошкой-сиротой Лексингтоном.

Вскоре выяснилось, что никто из родственников не горит желанием принять ответственность за малыша, и бурные дебаты продолжались весь день. Каждый проявил огромное, почти невероятное желание ухаживать за ним и сделал бы это с величайшим удовольствием, если бы не определенные помехи. Например: слишком маленькая квартира, или наличие одного ребенка, не позволяющее прокормить второго, а также летний заграничный отпуск, когда не с кем оставить малыша и множество других причин. Конечно же, все знали, что отец ребенка не вылезал из долгов и особняк заложен, так что ребенок не наследует никаких денег...

В шесть вечера, когда они все еще с жаром спорили, в гостиную вдруг ворвалась старая тетя покойного, прибывшая из штата Вирджиния (ее звали Глосспэн). Не снимая шляпки и пальто, не присев даже на минутку и игнорируя предложенные мартини и шерри, она твердо заявила, что станет единственной опекуней малыша. Более того, она берет на себя полную финансовую ответственность по всем пунктам, включая образование. Поэтому все они могут отправляться по домам и снять тяжкий груз со своей совести. С этими словами она заспешила вверх по лестнице в детскую, выхватила Лексингтона из колыбели и, крепко прижимая к себе, выбежала из дома. Что касается родственников - они глазели друг на друга, облегченно улыбаясь, а кормилица Макпоттл застыла на нижней площадке в своей накрахмаленной рубашке, сжав губы и скрестив руки на груди.

Вот каким образом младенец Лексингтон, тринадцати дней от роду, покинул город Нью-Йорк и поехал на юг, чтобы жить с тетушкой Глосспэн в штате Вирджиния.

3

Тетушке было около семидесяти, когда она стала опекуней Лексингтона, но глядя на нее, вы ни за что бы этому не поверили. Она сохранила бодрость лучших прожитых лет и на морщинистом, но еще привлекательном лице светились добрые карие глаза с искринкой. Вдобавок, она осталась старой девой, хотя вы не поверили бы и этому, поскольку у тетушки не было присущих старым девам качеств: она никогда не казалась сердитой, хмурой или раздражительной, у нее не росли усики и она никому не завидовала. Согласитесь, что это не свойственно ни старухам, ни старым девам, да и не известно, относилась ли Глосспэн к тем или другим...

Но она, несомненно, была весьма эксцентричной старушкой. Последние тридцать лет она жила одна, в изолированном от мира крошечном коттедже высоко на склонах Синих Гор, в нескольких милях от ближайшей деревушки. У нее было пастбище в пять акров, участок под огород, цветочный сад, три коровы, дюжина куриц и прекрасный пешуток.

А теперь появился и маленький Лексингтон. Тетушка была старой вегетарианкой и считала питание мясом убитых животных не только нездоровой и отвратительной привычкой, но и ужасной жестокостью. Она жила на здоровой и чистой пище - молоко, масло, яйца, творог, сыр, овощи и орехи, зелень и фрукты - и радовалась от того, что ни одно живое существо не будет убито ради нее - даже какая-нибудь креветка. Однажды, когда ее коричневая курица распрощалась с жизнью во цвете лет из-за непроходимости яйцевода, тетя так расстроилась, что едва не исключила из своего рациона яйца.

О том, как следует обращаться с младенцами, она не имела ни малейшего понятия, но это ее ничуть не беспокоило. На нью-йоркском вокзале в ожидании поезда, который увезет их с Лексингтоном в Вирджинию, она купила шесть детских бутылочек, пару дюжин пеленок, коробку булавок, контейнер с молоком и книжечку "Уход за младенцами". Можно ли желать большего? Когда поезд тронулся, она напоила ребенка молоком, сменила пеленки и уложила поспать на сиденье. Затем прочитала от корки до корки "Уход за младенцами".

- Здесь нет ничего сложного, - заметила она, выбрасывая книжечку в окно. - Ничего сложного!

Как ни странно, но так оно и было. Дома, в коттедже, все шло на удивление гладко. Маленький Лексингтон пил свое молоко, отгрызав, исходил криком и крепко спал, как полагалось послушным малышам, и тетюшка Глоссспэн всякий раз рдела от радости, поглядывая на него, и с утра до вечера осыпала его поцелуями.

4

В шесть лет юный Лексингтон превратился в прекраснейшего мальчугана с длинными золотистыми волосами и темно-синими васильковыми глазами. Он рос сообразительным, веселым и уже учился помогать старой тете по хозяйству, вращая ручку маслобойки, выкапывая картофель на огороде и отыскивая дикие травы на горном склоне. Вскоре тетюшка решила, что пора подумать и о его образовании.

Но она вовсе не собиралась отправлять его в школу. Она любила его столь сильно, что малейшая разлука на любое время просто убила бы ее. Конечно же, в долине имелась деревенская школа, но выглядела она ужасно, и тетя знала, что, появившись там Лексингтон - его с первого дня заставят есть мясо.

- Вот что, мой милый, - обратилась она к нему однажды, когда он сидел в кухне на табурете, наблюдая за приготовлением сыра. - Пожалуй, ничто не помешает мне самой давать тебе уроки.

Мальчик глянул на нее большими синими глазами и доверчиво улынулся.

- Это было бы чудесно, - согласился он.

- И первое, что следует сделать - это научить тебя готовить.

- Наверное, мне это понравится, тетя Глосспэн.

- Понравится или нет - поучиться все же придется, - предупредила она. - У нас, вегетарианцев, не столь богатый выбор пищи, как у обычных людей. Поэтому нам нужно быть вдвое опытнее с продуктами, которые у нас есть.

- Тетя, а что именно едят обычные люди, в отличие от нас? - спросил мальчик.

- Животных, - ответила она, презрительно вздергивая головой.

- Неужели, живых животных?

- Нет. Только мертвых.

Мальчик на минуту задумался.

- То есть, после того, как они умрут, их едят, вместо того, чтобы похоронить?

- Люди не ждут их смерти, милый. Они убивают их.

- Как убивают, тетя Глосспэн?

- Обычно - перерезают глотки ножом.

- А каким именно животным?

- В основном, коровам и свиньям. И овцам.

- Коровам! То есть, таким же, как Маргаритка, Снежинка и Лилия?

- Совершенно верно, милый.

- Но как их едят, тетя?

- Режут на куски и варят. Больше всего людям нравится, когда мясо - красное, с кровью и прилипает к костям. Они любят коровье мясо с сочащейся кровью.

- И свиней тоже?

- Свиней они обожают.

- Куски кровавого свиного мяса, - произнес мальчуган. - Надо же. А что еще они едят, тетя Глосспэн?

- Цыплят.

- Цыплят!

- Миллионы цыплят.

- С перьями и прочим?

- Нет, милый. Без перьев. А теперь, сбегай на огород и принеси тетушке Глосспэн пучок луку.

Вскоре начались их занятия. Они состояли из пяти предметов: чтения, письма, географии, арифметики и кулинарии, хотя последняя дисциплина пользовалась не сравнимой с прочими любовью учительницы и ученика. Ведь вскоре выяснилось, что юный Лексингтон обладал поистине замечательным талантом в этой области. Он оказался природным поваром - ловким и быстрым. Со сковородками он управлялся словно жонглер. Он мог разрезать картофелину на двадцать тончайших ломтиков быстрее, чем тетя успевала ее очистить. Вкус у него был настолько тонок, что он, снимая пробу с крепкого лукового супа, тут же определял наличие единственного листика

полыни. Подобные способности в таком юном возрасте не могли не поразить тетюшку и, откровенно говоря, она понятия не имела, чем это может обернуться. Но тем не менее гордилась этим и предсказывала ребенку блестящее будущее. "Слава Богу, - говорила она, - что у меня есть прекрасный малыш, который поухаживает за мной на старости лет".

И через пару лет она удалилась из кухни навсегда, доверив юному Лексингтону всю домашнюю кулинарию. Мальчику было уже десять лет, а тетюшке Глосспэн почти восемьдесят.

5

Завладев кухней, Лексингтон немедленно начал изобретать собственные блюда. Старые, излюбленные рецепты потеряли для него всякий интерес. Его охватила страсть созидания, а в голове замелькали сотни свежих идей. "Начну с суфле из каштанов", - решил он и, приготовив это блюдо, в тот же вечер подал его на ужин.

- Ты просто гений! - вскричала тетюшка Глосспэн, срываясь со стула и целуя его в обе щеки. - Ты войдешь в историю!..

После этого не проходило ни дня, чтобы на столе не оказывалось какого-нибудь нового деликатеса. Он готовил: суп из бразильских орехов, котлеты из мамалыги, овощное рагу, омлет из одуванчиков, "сюрприз" с капустной начинкой, лук-шалот "красавица", пикантный свекольный мусс, сушеные сливы а ля "Строгонофф", плавленый сыр по-голландски, жгучие пирожки из еловых игл и множество прочих пикантных композиций.

Тетюшка Глосспэн заявила, что "в жизни не пробовала ничего подобного". Теперь она выходила на крыльцо по утрам задолго до завтрака и усаживалась в свою качалку, раздумывая о предстоящем блюде, облизывая губы и вдыхая доносящийся из кухни аромат.

- Что ты готовишь сегодня, малыш? - звала она с крыльца.

- Попробуйте отгадать, тетя Глосспэн.

- Похоже на пирожки из корешков козлорободника, - говорила она, жадно прихихиваясь.

Затем появлялся он, десятилетний паренек, с победной улыбкой на лице и большой кастрюлей в руках, распространяющей аромат студня из пастернака с приправами.

- Вот что я тебе скажу, - поучала тетюшка, глотая студень кусками. - Изволь сию же минуту взять бумагу и карандаш и приняться за "Кулинарную книгу".

Он поглядывал на нее, медленно жуя пастернак.

- Эй-богу! - настаивала она. - Я научила тебя писать и готовить, а теперь тебе нужно лишь объединить эти две науки. Ты напишешь "Кулинарную книгу", мой милый, и она прославит тебя по всему свету.

- Хорошо, - согласился он. - Я напишу.

И в тот же день Лексингтон принялся за первую страницу мону-ментального труда, заполнившего всю его оставшуюся жизнь. Он назвал его "За хорошую и здоровую пищу".

Спустя шесть лет, к семнадцати годам, он записал свыше девяти тысяч рецептов, совершенно оригинальных и совершенно восхитительных. Но, к сожалению, труды его были прерваны трагической смертью тети Глоссэн. Ночью с ней случился ужасный приступ и вбежавший к ней в спальню Лексингтон увидел, как она с воплями и проклятиями мечется по постели, извиваясь как червяк. Да, зрелище было ужасным, и испуганный юноша в пижаме, ломая руки, бегал взад-вперед, не зная, что предпринять. Наконец, пытаясь ее успокоить, он принес из коровьего пруда ведро воды и выплеснул ей на голову, но это лишь ухудшило приступ и через час старая леди скончалась.

"Какое несчастье, - подумал бедняга, ушибнув ее несколько раз, чтобы убедиться, что она мертва. - И как внезапно! Как скоро и внезапно! Ведь еще пару часов назад она была в прекрасном настроении и даже съела три порции моей последней новинки - грибных котлет со специями, и похвалила их за сочность".

Горько проплакав несколько минут над горячо любимой тетей, он взял себя в руки, вынес ее из дома и похоронил позади коровника.

На следующий день, разбирая тетины пожитки, он наткнулся на конверт, надписанный ее почерком и адресованный ему. Он вскрыл его и извлек две пятидесятидолларовые купюры и письмо.

Дорогой мальчик! [говорилось в нем] Я знаю, что ты не был у подножия гор с самого младенчества, но как только я умру, надень ботинки и чистую рубашку, спустись в деревню и отыщи доктора. Попроси его дать тебе свидетельство о смерти. Отнеси его моему поверенному, человеку по имени Самюэл Цукерман. Он живет в Нью-Йорке и уладит все твои дела. Деньги в конверте нужны для уплаты доктору за свидетельство и на твою поездку в Нью-Йорк. Мистер Цукерман даст тебе денег, когда ты приедешь, и я искренне желаю, чтобы ты продолжил исследования в кулинарной и вегетарианской областях и не прекращал работу над своей замечательной книгой до ее окончательного завершения.

Любящая тебя тета - Глоссэн.

Лексингтон, всегда повиновавшийся тете, сунул деньги в карман, надел ботинки и чистую рубашку и сошел в долину, в деревню, где жил доктор.

- Старушка Глоссэн? - осведомился доктор. - Боже мой, так она умерла?

- Конечно, умерла, - ответил юноша. - Если мы вернемся домой вместе, я выкопаю ее и вы убедитесь сами.

- Как глубоко ты ее зарыл?

- Пожалуй, футов на шесть-семь.

- А как давно?

- Около восьми часов.

- Ну тогда она умерла, - объявил доктор. - Вот свидетельство.

Итак, наш герой отправился в город Нью-Йорк на поиски мистера Цукермана. Лексингтон путешествовал пешком, спал под изгородями и питался ягодами и кореньями. Через шестнадцать дней он добрался до метрополии.

- Что за сказочное место! - вскричал он, стоя на углу Пятьдесят седьмой улицы и Пятой авеню и глаза по сторонам. - Никаких коров или куриц и ни одна из женщин не напоминает тетю Глосспен!

Что касается Сэмюэла Цукермана, то его внешность показалась Лексингтону совершенно необычной.

Это был маленький человечек с синими щеками и лиловым носом. Когда он улыбался, у него во рту там и сям поблескивали кусочки золота. Он принял Лексингтона в своей роскошной конторе, тепло пожал ему руку и поздравил с кончиной тетушки.

- Полагаю, тебе известно, что твоя нежно любимая опекунша владеет значительным состоянием? - спросил он.

- Вы говорите о коровах и курицах?

- Я говорю о пятистах тысячах долларов, - пояснил Цукерман.

- Сколько?

- Полмиллиона, мой мальчик. И она оставила их тебе.

Цукерман откинулся в кресле и сомкнул ладони на круглом животе. Одновременно он незаметно просунул указательный палец за жилет и под рубашку, чтобы поскрести кожу вокруг пупка, что было его любимым занятием, доставлявшим исключительное удовольствие.

- Конечно, мне придется вычесть пятьдесят процентов за услуги, - сказал он, - но у тебя останется целых двести пятьдесят тысяч.

- Я богат! - вскричал Лексингтон. - Это прекрасно! Скоро ли я получу деньги?

- К счастью, у меня самые дружеские отношения с местными налоговыми властями и я сумею уговорить их обойти формальности и сократить побочные выплаты.

- Как вы добры... - пробормотал Лексингтон.

- Естественно, мне придется дать кое-кому небольшой гонорар.

- Как скажете, мистер Цукерман.

- Думаю, ста тысяч будет достаточно.

- Господи, это не слишком много?

- Когда не экономя на налоговых инспекторах и полицейских. Запомни это.

- Но что останется мне? - слабо проговорил юноша.

- Сто пятьдесят тысяч. Но из них следует вычесть похоронные издержки.

- Похоронные издержки?

- То есть, оплатить похоронное бюро. Разве не понятно?

- Но я похоронил ее сам, мистер Цукерман, - за коровником.

- Не сомневаюсь, - согласился поверенный. - И что же?

- Я не привык к похоронным бюро.

- Вот что, - терпеливо повторил Цукерман, - может, ты и не знаешь с ними, но в этом штате есть закон, согласно которому никто не

может наследовать ни единого пенни, пока не заплатит полностью похоронному бюро.

- Неужели есть такой закон?

- Ну конечно. И весьма хороший закон. Похоронные бюро - наши великие национальные предприятия. Необходимо защищать их любой ценой.

Сам Цукерман, вместе с группой активистов-общественников, контролировал корпорацию, владеющую сетью из девяти роскошных похоронных бюро, не считая фабрики гробов в Бруклине и школы бальзамировщиков в Вашингтон-хайтс. Таким образом, таинство погребения имело в глазах мистера Цукермана глубокий религиозный смысл.

- Ты не имел права хоронить тетю подобным образом, - заметил он. - Никакого права.

- Мне очень жаль, мистер Цукерман.

- Это подрывает общественную мораль!

- Я сделаю все, что вы скажете, мистер Цукерман. Просто мне хотелось бы знать, сколько я получу, расплатившись за все.

Помолчав, Цукерман вздохнул, нахмурился и продолжил потихоньку очерчивать кончиком пальца границы пупка.

- Ну скажем, пятнадцать тысяч? - предложил он, блеснув золотой улыбкой. - Прекрасная круглая цифра.

- И я смогу забрать их с собой сегодня?

- Конечно можешь.

И Цукерман вызвал старшего кассира и приказал выдать Лексингтону пятнадцать тысяч долларов из расходной наличности и взять расписку.

Теперь уже юноша рад был получить хоть что-нибудь - поэтому он с благодарностью принял деньги и упрятал их в рюкзак. Потом с жаром пожал руку поверенному, поблагодарил за помощь и покинул контору.

- Передо мной лежит весь мир! - вскричал наш герой, выходя на улицу. - И у меня есть пятнадцать тысяч на жизнь, пока я не опубликую свою книгу. А потом, разумеется, денег будет намного больше.

Стоя на тротуаре, Лексингтон раздумывал над тем, куда направиться. Повернув налево, он медленно зашагал по улице, разглядывая городские достопримечательности.

- Какой отвратительный запах, - заметил он, принюхиваясь. - Просто невыносимый!

Вонь дизельных выхлопов, извергаемых автобусами, оскорбляла его нежные обонятельные органы, настроенные на прием нежнейших кулинарных ароматов.

- Нужно убраться отсюда, пока мой нюх не испортился окончательно, - сказал Лексингтон. - Но вначале необходимо хоть что-то поесть. Я умираю с голоду.

Последние две недели бедняга питался лишь ягодами и корешками, поэтому его желудок страстно желал более весомой пищи. Хотя бы кукурузных котлет. Или пирожков с начинкой из козлотородника.

Он пересек улицу и вошел в маленький ресторанчик. Внутри было жарко, темно и тихо. Сильно пахло кулинарным жиром и капустной водой. Единственным клиентом был мужчина в коричневой шляпе, напряженно склонившийся над тарелкой и не взглянувший на вошедшего Лексингтона.

Наш герой уселся за угловой столик и повесил рюкзак на спинку стула. Все это казалось ему чрезвычайно интересным. "Целых семнадцать лет я пробовал лишь пищу, приготовленную тетей Глосспэн и мной самим, не считая кормилицы Макпоттл, согревшей несколько раз мою бутылочку с молоком, - сказал он себе. - Но теперь я испытую искусство неизвестного повара и, если повезет, перехвачу для моей книги пару полезных идей".

Из полутьмы выступил официант и замер у стола.

- Здравствуйте, - поздоровался Лексингтон. - Мне хотелось бы котлету из мамалыги. Обжарьте ее по двадцать пять секунд с каждой стороны на очень горячей сковороде со сметаной и перед подачей "сбрызните" щепоткой петрушки. Но если ваш повар знает более оригинальный способ - я с удовольствием оценю его.

Официант склонил голову набок и внимательно оглядел посетителя.

- Хотите жаркое с капустой? - осведомился он. - Это все, что у нас есть.

- Жаркое с капустой?

Официант извлек из брючного кармана несвежий платок и, встряхнув, словно щелкнув плетью, развернул его. Потом сильно и звучно высморкался.

- Так хотите или нет? - повторил он, вытирая ноздри.

- Понятия не имею, что это значит, но с удовольствием попробую, - согласился юноша. - Я, знаете ли, пишу кулинарную книгу и...

- Одно жаркое с капустой! - крикнул официант, и где-то в глубине помещения, в полутьме, кто-то ответил ему.

Официант исчез. Лексингтон полез в рюкзак за персональным ножом и вилкой. Их подарила тетя Глосспэн, когда ему исполнилось шесть лет. Они были сделаны из тяжелого серебра, и с тех пор он не пользовался ничем иным. В ожидании заказа он с любовью протер их мягкой муслиновой тряпичей.

Вскоре вернулся официант с тарелкой, на которой лежал жирный, серовато-белый кусок чего-то горячего.

Лексингтон с волнением склонился к появившемуся перед ним блюду и принюхался. Ноздри его широко раздулись, вбирая запах и подрагивая.

- О небо! - воскликнул он. - Какой аромат! Это немыслимо!

Официант отступил на шаг, не сводя глаз с клиента.

- Ни разу в жизни я не встречал подобного чуда! - повторил юноша, хватая нож и вилку. - Бога ради - из чего это приготовлено?

Человек в коричневом костюме пристально огляделся и вновь принялся за еду. Официант тихонько отступил к кухне.

Лексингтон отрезал кусок мяса, подцепил его на серебряную вилку, поднес к носу и опять принюхался. Затем сунул в рот и медленно разжевал. Глаза его были полузакрыты, а тело напряжено.

- Фантастично! - воскликнул он. - Совершенно необычный вкус! О Глосспэн, любимая тетя, как мне хочется, чтобы ты была со мною и могла попробовать это восхитительное блюдо! Официант! Немедленно подойдите ко мне! Я требую!

Но тот испуганно следил за ним с другого конца комнаты, не выказывая желания приблизиться.

- Если подойдете и поговорите со мной, я сделаю вам подарок, - позвал Лексингтон, помахивая стодолларовой купюрой. - Пожалуйте, подойдите и поговорим...

Официант бочком и с опаской вернулся к столу. Схватил деньги и поднес поближе к носу, разглядывая под разными углами. Затем проворно сунул их в карман.

- Послушайте, если вы скажете, из чего приготовлено это прекрасное блюдо и дадите точный рецепт, я дам вам еще сотню.

- Я уже говорил. Это жаркое.

- А что такое "жаркое"?

- Вы никогда не ели жаркого? - пораженно спросил официант.

- Да Бога ради, ответьте же наконец и перестаньте меня мучить!

- Это свинина, - произнес официант. - Жареная в печи.

- Свинина!

- Ну да, жаркое из свиньи. Вы что, не знали?

- То есть, *это* - мясо свиньи?

- Ручаюсь.

- Но... это невозможно, - заикаясь выдавил юноша. - Тетя Глосспэн, которая знала о пище больше всех на свете, говорила, что любое мясо - отвратительная гадость, ужасная и тошнотворная... Но этот кусок в моей тарелке - без сомнения самое восхитительное блюдо из всех, что я пробовал! Но почему? Как вы объясните это? Тетя никогда не сказала бы мне, что оно отвратительно, если бы это было не так.

- Может, ваша тетя не знала, как его готовить?

- Неужели это возможно?

- Конечно. Особенно, когда дело касается свинины. Жаркое нужно готовить очень умело, иначе оно окажется несъедобным.

- Эврика! - вскричал Лексингтон. - Держу пари, что так и было! Она готовила неправильно! - И он протянул сотенную бумажку. - Отведите-ка меня на кухню. И познакомьте с гением, приготовившим это мясо.

И Лексингтон тотчас оказался на кухне, где познакомился с поваром - пожилым человеком с сепью на шее.

- Это обойдется вам еще в сотню, - предупредил официант.

Лексингтон с удовольствием удовлетворил просьбу, но на этот раз отдал деньги повару.

- Вот что, - начал он. - Признаюсь, я весьма удивлен рассказом вашего официанта. Вы действительно уверены, что съеденное мной восхитительное блюдо приготовлено из мяса свиньи?

Повар поднял правую руку и почесал шею.

- М-м... - протянул он, хитро подмигивая официанту. - Скажу лишь, что, *по-моему*, это было мясо свиньи.

- То есть, вы не уверены в этом?

- Не следует доверять безоговорочно.
- Но чем иным это могло быть?
- Есть шансы, знаете ли, - медленно процедил повар, - что мясо было человеческое.
- Хотите сказать, мясо мужчины?
- Да.
- Великий Боже.
- Или женщины. Вероятность одинакова. На вкус они схожи.
- Вот теперь вы удивили меня по-настоящему, - заявил юноша.
- Век живи - век учись.
- В самом деле...
- Фактически, последнее время мы получаем его от мясника в огромных количествах. Вместо свинины, - добавил повар.
- Неужели?
- Беда в том, что отличить их почти невозможно. Оба сорта очень хороши.
- Тот кусок, что я съел, был превосходен.
- Рад, что вам понравилось. Но если быть честным до конца, то я все же думаю, что вы ели свинину. Пожалуй, почти уверен в этом.
- Уверены?
- Да, наверняка.
- В таком случае, предположим, что вы правы, - согласился Лексингтон. - Не окажете ли любезность - вот вам еще сто долларов - дать мне точный рецепт его приготовления?

Спрятав деньги, повар пустился в разглагольствования о деталях приготовления свиной вырезки, а юноша, не упуская ни единой подробности "величайшего рецепта", присел за кухонный столик и тщательно занес его в записную книжку.

- Это все? - спросил он, когда повар смолк.
- Да, все.
- Но есть и какие-то особые тонкости, да?
- Для начала нужен хороший кусок мяса, - сказал повар. - Это уже полдела. Боров должен быть упитанным, и разделать его необходимо правильно, иначе получится паршиво, как ни готовь.
- Покажите, - попросил Лексингтон. - Зарежьте одного при мне, чтобы я научился.
- Мы не режем свиней на кухне. Тот кусок, что вы съели, прибыл с консервного завода в Бронксе.
- Ну так дайте его адрес!

Повар дал ему адрес, и наш герой, от души поблагодарив обоих собеседников за доброту, поспешил прочь и, поймав такси, направился в Бронкс.

8

Консервный завод размещался в большом пятиэтажном здании из кирпича. Вблизи него воздух казался тяжелым и приторным, словно мускус. У главных ворот висел большой плакат "ВСЕГДА РАДЫ ДОРОГИМ ГОСТЯМ". Приободренный Лексингтон прошел в ворота и

очутился на крытом булыжником дворе, опоясывающем строение. Затем он миновал несколько указательных табличек ("ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ") и наконец пришел к обитому гофрированным железом сараю, далеко в стороне от основного здания ("ПРИЕМНАЯ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ"). Вежливо постучав в дверь, он вошел внутрь.

Кроме него, в комнате находились еще шестеро: толстая мамаша с двумя мальчуганами, лет девяти и двенадцати; двое, чем-то похожие на молодоженов, и бледная женщина в длинных белых перчатках. Последняя сидела на стуле очень прямо, глядя перед собой и сложив руки на коленях. Все молчали. Лексингтону хотелось узнать, не пишут ли они, как и он, кулинарные книги. Он громко спросил об этом, но остался без ответа. Взрослые лишь загадочно улыбнулись и покачали головами, а оба мальчугана уставились на него, как на лунатика.

Вскоре дверь открылась и человек с веселым розовым лицом, просунув голову в комнату, позвал:

- Пожалуйста, следующий.

Мать и оба сына встали и вышли.

Минут через десять тот же человек снова произнес "следующий", и молодожены быстренько выскочили к нему наружу.

Тут в комнату вошли и сели двое новых посетителей. Это были пожилые муж с женой, причем жена держала в руке корзинку с продуктами.

- Пожалуйста, следующий, - повторил гид, и женщина в белых перчатках покинула компанию.

Вошли еще несколько человек и расселись на стульях с жесткими деревянными спинками. Вскоре гид вернулся в третий раз и настала очередь Лексингтона.

- Пожалуйста, следуйте за мной, - пригласил гид, провожая юношу через двор к основному строению.

- Как интересно! - вскричал тот, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге. - Как хотелось бы мне, чтобы дорогая тетя Глосспэн была в этот миг со мной и увидела то, что увижу я!

- Я всего лишь введу вас в курс дела, - заметил провожатый, - а потом передам кое-кому другому.

- Как вам угодно! - восторженно воскликнул юноша.

Вначале они посетили большой огороженный участок позади здания, где бродили сотня-другая свиней.

- Здесь самое начало, - пояснил гид, - а вон там они поступают внутрь.

- Где?

- Там. - Провожатый указал на длинный деревянный сарай, расположенный у наружной стены строения. - Мы называем его "подвесным". Сюда, пожалуйста.

Одновременно с ними к сараю приблизились трое мужчин в высоких резиновых сапогах. Они гнали перед собой дюжину свиней и вошли в "подвесную" вместе с Лексингтоном и гидом.

- А теперь взгляните, как их подвешивают, - пригласил гид.

Внутри сарай оказался деревянным помещением без крыши, но со

стальным тросом, снабженным крючьями и медленно движущимся вдоль стены, параллельно земле и футам в трех над полом. Достигая конца сарая, трос резко менял направление и вертикально уползал вверх через открытую крышу, на верхний этаж главного строения.

Дюжина свиней сбилась в кучу в конце сарая. Они вели себя спокойно, но с опаской. Один из парней в резиновых сапогах снял со стены отрезок металлической цепи и приблизился к ближайшему животному, заходя с тыла. Затем нагнулся и быстро обернул один конец цепи вокруг задней ноги животного. Другой конец он прицепил на крюк проходящего мимо троса. Тот продвинулся дальше, и цепь натянулась. Свиную ногу потянуло вверх и назад, и животное потащило следом. Но свинья не упала — оказавшись довольно проворной, она как-то ухитрилась сохранять равновесие на трех ногах, прыгая с копыта на копыто и сопротивляясь натяжению цепи. Однако ее постепенно тащило назад, и в конце сарая, где трос менял направление, загибаясь вертикально вверх, свинью резко дернуло и подняло в воздух. Раздался пронзительный визг.

- Необычайно занимательная процедура! — заметил Лексингтон. — Но что за странный звук в момент подъема животного?

- Наверное, нога, — ответил провожатый. — Или таз.

- Но какая здесь разница?

- Совершенно никакой. Ведь вы не едите кости.

Люди в резиновых сапогах живо подвешивали остальных свиней, и те, одна за другой, на движущемся тросе были подняты через крышу на верхний этаж.

- Это гораздо сложнее, чем просто собирать траву, — сказал Лексингтон. — Тетя Глосспэн никогда бы не составила такой рецепт.

В ту минуту, когда юноша, задрав голову, следил за подъемом последней свиньи, сзади спокойно приблизился мужчина в резиновых сапогах и, захлестнув конец цепи вокруг его лодыжки, набросил другой конец на крюк. В следующий миг, не успев еще наш герой осознать происходящее, как его сбило с ног и поволокло по цементному полу "подвешного" сарая.

- Стоп! — вскрикнул он. — Остановите машину! Меня зацепило за ногу!

Но, казалось, никто его не услышал, и через пять секунд несчастного юношу вздернуло в воздух и вертикально пронесло вверх. При этом он висел на одной лодыжке, извиваясь, как пойманная рыба.

- Помогите! — кричал он. — Помогите! Это ужасная ошибка! Остановите мотор! Отпустите меня!

Провожатый вынул изо рта сигару и безмятежным взглядом проводил исчезающего из поля зрения юношу, но не произнес ни слова. Люди в сапогах уже отправились наружу, за следующей партией свиней.

- О, спасите меня! — кричал герой. — Отпустите! Ну пожалуйста!

Но он уже приближался к верхнему этажу строения, где движущийся конвейер, изгибаясь, словно змея, входил в большое отверстие, напоминающее дверной проем, но без двери. Там, на пороге, словно святой Петр у Врат Рая, стоял в ожидании забойщик в желтом с темными пятнами переднике.

Лексингтон посмотрел на него снизу вверх и успел заметить на лице человека выражение абсолютного покоя и доброжелательности, а в глазах - веселые искорки. Улыбка и ямочки на щеках тоже обнадежили юношу.

- Ну здравствуй, - улыбаясь произнес забойщик.

- Скорее! Спасите меня! - закричал наш герой.

- С удовольствием, - согласился забойщик, нежно беря его за ухо левой рукой и проворно перерезая ему яремную вену ножом, зажатым в правой.

Конвейер двигался дальше и Лексингтон вместе с ним. Все по-прежнему смотрелось перевернутым, кровь лилась из горла и заливала ему глаза, но каким-то образом он все видел. Словно в тумане, перед ним развернулась немыслимо длинная комната, в конце которой находился огромный дымящийся чан с водой, у которого сновали едва различимые темные фигуры, помахивающие длинными шестами. Казалось, конвейер проходил прямо над чаном и свиньи одна за другой плюхались в кипящую воду, и, казалось, передние конечности одной из них украшали длинные белые перчатки.

Внезапно нашего героя охватила тяжелая сонливость, но лишь с последней каплей крови, посланной из его тела сильным, здоровым сердцем, перешел он из этого, наилучшего из миров, в другой...

ЖИЛЕЦ ИЗ ВЕРХНЕЙ КОМНАТЫ

Он помнил, как, бывало, бабушка тщательно и любовно потрошила цыплят, извлекая из них удивительные вещи: мокрые, блестящие петли кишок, мускулистый комочек сердца, желудок с целой коллекцией мелких камушков. Как красиво и аккуратно делала бабушка надрез по животу цыпленка и запускала туда свою маленькую, пухлую руку, чтобы вытащить все эти сокровища. Потом их нужно было разделить: некоторые - в кастрюлю с водой, остальные - в бумагу, чтобы отдать потом соседским собакам. Затем бабушка набивала цыпленка размоченными сухарями и ловко зашивала большой блестящей иглой с белой ниткой.

Одиннадцатилетний Дуглас обожал присутствовать при этой операции. Он наперечет знал все двадцать ножей, которые хранились в ящиках кухонного стола и которые бабушка, седая старушка с добрым лицом, торжественно вынимала для своих чудодейств.

В такую минуту Дугласу разрешалось быть на кухне, если он вел себя тихо и не мешал.

Вот и сейчас он стоял у стола и внимательно наблюдал, как бабушка совершала ритуал потрошения.

- Бабуля, - наконец решился он прервать молчание. - А я внутри такой же? - он указал на цыпленка.

- Да, - ответила бабушка, не отрываясь от работы. - Только порядком побольше, поприличнее, а в общем, все то же самое...

- И всего побольше! - добавил Дуглас, гордый своими внутренностями.

- Да, - согласилась бабушка. - Пожалуй, побольше.

- А у деда еще больше?! У него такой живот, что он может на него локти положить.

Бабушка улыбнулась и покачала головой.

- А у Люции Вильямс с нашей улицы...

- Замолчи сейчас же, негодный мальчишка! - закричала бабушка.

- Но у нее...

- Не твое дело, что там у нее! Это же большая разница.

- А почему разница?

- Вот прилетит ведьма в ступе и зашьет тебе рот, тогда узнаешь, - проворчала бабушка.

Дуглас помолчал, потом спросил:

- ...А откуда ты знаешь, что у меня внутри все такое же, а, бабуля?

- А ну пошел прочь!

В прихожей зазвонил звонок. Дуглас подскочил к двери и, заглянув в глазок, увидел мужчину в соломенной шляпе. Звонок снова зазвонил, и Дуглас открыл дверь.

- Доброе утро, малыш. А хозяйка дома? - На Дугласа смотрели холодные серые глаза. Незнакомец был худ и высок. В руках он держал портфель и чемодан. Дугласу бросились в глаза его тонкие пальцы в дорогих серых перчатках и уродливая соломенная шляпа.

- Хозяйка занята, - сказал Дуглас, сделав шаг назад.

- Я увидел объявление, что здесь на втором этаже сдается комната, и хотел бы ее посмотреть.

- У нее десять жильцов, и все уже сдано. Уходите!

- Дуглас! - бабушка внезапно выросла у него за спиной.

- Здравствуйте, - сказала она незнакомцу. - Не обращайтесь внимания на этого сорванца.

Бабушка повела незнакомца наверх, по пути описывая ему все достоинства комнаты. Скоро она спустилась и приказала Дугласу отнести наверх белье.

Дуглас помедлил перед порогом комнаты. Она как-то странно изменилась, хотя незнакомец пробыл в ней всего лишь несколько минут. Соломенная шляпа, небрежно брошенная на кровать, казалась еще уродливее. Зонт незнакомца, прислоненный к стене, напоминал большую летучую мышь со сложными крыльями. Сам жилец стоял в центре комнаты спиной к Дугласу.

- Эй! - сказал Дуглас, бросив стопку белья на кровать. - Мы едим ровно в полдень, и, если вы опоздаете, суп остынет. И так будет каждый день!

Незнакомец обернулся, достал из кармана горсть медных центов, отсчитал десять монет и опустил их в карман курточки Дугласа.

- Мы будем друзьями, - сказал он, зловеще улыбнувшись.

Дуглас удивился: у незнакомца было так много медных центов и ни одной серебряной монетки в десять или двадцать пять центов. Только новые медные одноцентовики.

Дуглас хмуро поблагодарил его.

- Я опущу их в копилку. Там у меня уже шесть долларов пятьдесят центов. Это на мое путешествие в августе...

- А теперь я должен умыться, - сказал незнакомец.

Дуглас вспомнил, как однажды ночью он проснулся от того, что за окном была настоящая буря - ветер завывал в трубе и раскачивал деревья, а по крыше грохотал дождь. И вдруг яркая молния осветила всю комнату, а затем дом потряс страшный раскат грома. Дуглас навсегда запомнил страх, который сковал его при свете молнии.

Похожее чувство он испытал и сейчас, глядя на незнакомца. Комната уже не была такой, как раньше. Она изменилась каким-то неопределенным образом, как и та спальня при свете молнии. Дуглас сделал шаг назад.

Дверь захлопнулась перед его носом.

Деревянная вилка подцепила немного картофельного пюре, поднялась и вернулась в тарелку пустой. Мистер Каберман (так звали нового жильца), спустившись к обеду, принес с собой деревянный нож, ложку и вилку.

- Миссис Сполдинг, - сказал он, не обращая внимания на удивленные взгляды, устремленные на эти предметы, - сегодня я у вас пообедаю, а с завтрашнего дня - только завтрак и ужин.

Бабушка суетилась, подавая суп в старинной супнице и бобы с пюре на большом блюде - она пыталась произвести впечатление на нового постояльца. А Дуглас тем временем возил своей ложкой по тарелке. Он заметил, что скрип раздражает жильца.

- А я знаю фокус, - сказал Дуглас. - Смотрите!

Он ногтем подцепил зуб вилки и показал на разные стороны стола. И из тех мест, на которые он указывал, раздался металлический вибрирующий звук, похожий на голос демона. Фокус, конечно, нехитрый. Дуглас прижимал ручку вилки к крышке стола. Получалось, что будто бы крышка сама завывала, и выглядело это весьма устрашающе.

- Там! Там! И там! - восклицал счастливый Дуглас, поигрывая вилкой. Он указал на тарелку Кабермана, и звук донесся из нее.

Землистое лицо Кабермана застыло, а в глазах его отразился ужас. Он отодвинул свой суп и откинулся на спинку стула. Губы его дрожали.

В этот момент из кухни появилась бабушка:

- Что-нибудь не так, мистер Каберман?

- Я не могу есть этот суп.

- Почему?

- Я уже сыт, спасибо.

Мистер Каберман раскланялся и вышел.

- Что ты здесь натворил? - спросила бабушка, наступая на Дугласа.

- Ничего, бабуля. А почему у него деревянная ложка?

- Твое-то какое дело? И когда только у тебя кончатся каникулы?

- Через семь недель.

- О, господи! - простонала бабушка.

Мистер Каберман работал по ночам. Каждое утро он таинственным образом появлялся дома, поглощал весьма скромный завтрак и затем весь день беззвучно спал у себя в комнате до самого ужина, на который собирались все постояльцы.

Привычка мистера Кабермана спать днем обязывала Дугласа вести себя тихо. Это было выше его сил, и, если бабушка уходила к соседям, Дуглас начинал носиться по лестнице и бить в барабан, или кричать перед дверью Кабермана, или дергать ручку бачка в туалете.

Мистер Каберман никак не реагировал на это. Из его комнаты не доносилось ни звука. Там было тихо и темно. Он не жаловался и продолжал спать. И это было очень странно.

Дуглас чувствовал, что с тех пор, как комната стала страной Кабермана, в нем разгорается жаркое пламя ненависти. Когда там жила мисс Сэдлоу, комната была просторной и уютной, как лесная лужай-

ка. Теперь она стала какой-то застывшей, холодной и чистой. Все стояло на своем месте. Это казалось странным.

На четвертый день Дуглас забрался по лестнице к своему любимому окошку с разноцветными стеклами. Оно находилось между первым и вторым этажом и было застеклено оранжевыми, фиолетовыми, голубыми, красными и желтыми стеклышками. Дуглас очень любил смотреть через них на улицу, особенно по утрам, когда первые лучи солнца золотили землю.

Вот голубой мир - голубое небо, голубые люди, голубые машины, голубые собаки.

А вот желтый мир. Две женщины, переходившие улицу, сразу стали похожи на азиатских принцесс. Дуглас хихикнул. Это стеклышко даже солнечные лучи делало еще более золотыми.

Около восьми часов Дуглас увидел мистера Кабермана. Он возвращался со своей ночной работы, постукивая тросточкой. На голове у него была неизменная соломенная шляпа. Дуглас приткнулся к другому стеклу. Краснокожий мистер Каберман шел по красному миру с красными цветами и красными деревьями. Что-то поразило Дугласа в этой картине. Ему вдруг показалось, что одежда мистера Кабермана растаяла и кожа его стала прозрачной. И то, что Дуглас увидел под кожей, заставило его от изумления прижать свой нос к стеклу.

Мистер Каберман поднял голову, увидел Дугласа, и сердито, как бы для удара, замахнулся своей тростью. Затем он быстро засеменил по красной дорожке прямо к двери.

- Эй, мальчик! - закричал он, затопав по ступенькам. - Что ты там делаешь?

- Ничего, просто смотрю, - пробормотал Дуглас.

- Просто смотришь и все?! - кричал Каберман.

- Да, сэр. Я смотрел через разные стекла и видел разные миры - голубой, красный, желтый. Разные.

- Да, да. Разные. - Каберман сам посмотрел в окно. Его лицо побледнело. Он вытер лоб носовым платком и притворно улыбнулся. - Все разные. Вот здорово! - Он пошел к своей двери и, обернувшись, добавил: - Ну-ну, играй!

Дверь закрылась. Каберман ушел к себе. Дуглас скорчил ему вслед гримасу и нашел новое стекло:

- О, все фиолетовое!

Через полчаса, когда он играл в песочнице, раздался звон разбитого стекла. Дуглас вскочил на ноги и увидел выскочившую на крыльцо бабушку, которая сердито грозила ему рукой.

- Дуглас! Сколько раз я тебе говорила не играть с мячом перед домом!

- Но я же сижу здесь, - возразил Дуглас, однако бабушка не хотела его слушать.

- Смотри, что ты наделал, негодный мальчишка!

Чудесное разноцветное окно было разбито, и среди осколков лежал баскетбольный мяч Дугласа.

И, прежде чем он успел что-то сказать в свое оправдание, на него обрушился град туманов.

Потом он сидел в песочнице и глотал слезы, которые текли у него не столько от боли, сколько от обиды на свершившуюся несправедливость. Он знал, кто бросил мяч. Конечно же, это человек в соломенной шляпе, который живет в холодной серой комнате.

- Ну, погоди же. Погоди! - шептал Дуглас.

Он слышал, как бабушка подмела осколки и выбросила их в мусорный ящик. Голубые, красные, оранжевые стеклышки полетели в ящик вместе со старым тряпьем и консервными банками.

Когда она ушла, Дуглас, всхлипывая, подкрался к ящику и вытащил три осколка драгоценного стекла. Каберману не нравятся цветные стекла? Ну что ж, тем более их нужно спасти!

Дедушка возвращался из типографии немного раньше всех остальных жильцов - примерно в пять часов. Когда его тяжелые шаги раздавались в прихожей, Дуглас всегда выбегал навстречу и бросался ему на шею. Ему нравилось сидеть на коленях у деда, прижавшись к его большому животу, пока тот читал газету.

- Слушай, дед!

- Ну, чего тебе?

- А бабушка опять сегодня потрошила цыпленка. На это так интересно смотреть! - сказал Дуглас.

Дед не отрывался от газеты:

- Уже второй раз на этой неделе цыпленок. Твоя бабушка закормит нас своими цыплятами. А ты любишь смотреть, как она их потрошит, а? Эх ты! Маленький хладнокровный садист!

- Но мне же интересно.

- Да, это уж точно, - хмыкнул дедушка, зевая. - Помнишь ту девушку, которая попала под поезд? Она была вся в крови, а ты пошел и рассматривал ее, - улынулся дед. - Храбрый гусь. Так и надо. Ничего не бойся в жизни. Я думаю, это у тебя от отца, он был военным. А ты стал очень похож на него, потому что с прошлого года переехал к нам. - Он вернулся к своей газете.

Спустя минуту, Дуглас прервал молчание.

- Дед!

- Ну что?

- А что, если у человека нет сердца, или легких, или желудка, а с виду он такой же, как и все?

- Я думаю, это было бы чудом.

- Да нет, я не про чудеса. Что, если он совсем другой внутри, не такой как я?

- Ну, наверное, тогда его нельзя будет назвать человеком, а?

- Конечно, дед. А у тебя есть сердце и легкие?

Дед поперхнулся:

- Честно говоря, не знаю. Никогда не видел их. Даже рентген никогда не делал.

- А у меня есть желудок?

- Конечно есть, - закричала бабушка из кухни. - Попробуй не покормить его. И легкие у тебя есть. Ты кричишь так, что покойника разбудишь. А еще у тебя есть грязные руки. Ну-ка, марш мыть их! Ужин готов. И ты, дед, давай к столу скорее.

Тут начали спускаться жильцы, и деду уже некогда было спрашивать, с чего это Дуглас вдруг заинтересовался такими вопросами.

За столом жильцы разговаривали и перебрасывались шутками, только Каберман сидел молча и нахохлившись. Разговор от политики перешел к таинственным преступлениям, происходившим в городе.

- А вы слышали про мисс Ларсен, которая жила напротив раввина? - спросил дедушка, оглядывая жильцов. - Ее нашли мертвой с какими-то непонятными следами на теле. А выражение лица у нее было такое, что сам Данте съезжился бы от страха. А другая женщина, как ее фамилия? Уайтли, кажется. Она исчезла и все еще не найдена.

- Да, такие вещи частенько происходят. - вмешался мистер Бриц, который работал механиком в гараже.

- А все потому, что полиция ни черта не хочет делать.

- Кто хочет? - добавила бабушка.

Но разговор все вертелся вокруг разных смертей. Кто-то вспомнил, что на прошлой неделе умерла Марион Барцуман с соседней улицы. Говорили, что от сердечного приступа.

- А может и нет?

- А может и да?

- Да вы с ума сошли! Может, хватит об этом за столом?

И так далее.

- Кто его знает, - сказал мистер Бриц. - Может быть, в нашем городе завелся вампир?

Мистер Каберман прекратил жевать.

- В тысяча девятьсот двадцать седьмом году вампир? Да не смешите меня, - сказала бабушка.

- А почему бы и нет? - возразил Бриц. - А убить его можно только серебряной пулей. Вампиры боятся серебра. Я сам где-то читал об этом. Точно помню.

Дуглас в упор смотрел на Кабермана, который ел деревянным ножом и вилкой и носил в кармане только медные центы.

- Да глупости все это, - сказал дедушка. - Никаких вампиров не бывает. Все это вытворяют люди, по которым тюрьма плачет.

- Извините меня, - поднялся мистер Каберман. Ему пора было идти на ночную работу.

На следующее утро Дуглас видел, как он вернулся. Днем, когда бабушка, как обычно, ушла в магазин, он минуты три стоял перед дверью Кабермана. Оттуда не доносилось ни звука. Тишина была зловещей.

Дуглас пошел на кухню, взял связку ключей, серебряную вилку и три цветных стеклышка, которые он вытащил вчера из мусорного ящика.

Наверху он вставил ключ в замочную скважину и повернул его. Дверь медленно открылась.

Портьеры на окнах были задернуты, и комната была в полутьме. Каберман лежал в пижаме на неразобранной постели. Дыхание его было ровным и глубоким.

- Хло, мистер Каберман!

Ответом ему было все то же спокойное дыхание жильца.

- Мистер Каберман, хэлло!

Дуглас подошел вплотную к кровати и пронзительно закричал:

- Мистер Каберман!

Тот даже не пошевелился. Дуглас наклонился и вонзил зубья серебряной вилки в лицо спящего.

Каберман вздрогнул и тяжело застонал.

Дуглас вытащил из кармана голубое стеклышко и приложил его к глазам. Он сразу оказался в голубом мире. Голубая мебель, голубые стены и потолок, голубое лицо Кабермана, его голубые руки. И вдруг...

Глаза Кабермана, широко раскрытые, были устремлены на Дугласа и в них светился какой-то звериный голод. Дуглас отшатнулся и отвел стекло от глаз.

Глаза Кабермана были закрыты.

Дуглас приложил стекло - открыты, убрал - закрыты. Удивительно. Через голубое стекло глаза Кабермана светились жадностью. Без стекла они казались плотно закрытыми. А что творилось с телом Кабермана!

Дуглас вскрикнул от изумления. Через стекло одежда Кабермана как бы таяла и становилась прозрачной. Кожа - тоже исчезала. Дуглас видел его желудок и все внутренности. У Кабермана внутри были какие-то странные предметы.

Несколько минут Дуглас стоял неподвижно, раздумывая о голубом мире, красном, желтом, которые, наверное, существуют рядом друг с другом, как стеклышки в разноцветном окне.

"Разные стеклышки, разные миры", - так, кажется, говорил Каберман. Так вот почему окно оказалось разбитым!

- Мистер Каберман, проснитесь!

Никакого ответа.

- Мистер Каберман, где вы работаете по ночам? Где вы работаете?

Легкий ветерок шевелил портьеры.

- В красном мире или в зеленом? А может, в желтом, мистер Каберман?

Все та же тишина в полумраке.

- Ну подожди же, - сказал Дуглас.

Он спустился в кухню, выдвинул ящик стола и достал самый большой острый нож. Затем он вернулся обратно, вошел в комнату Кабермана и прикрыл за собой дверь.

Бабушка делала тесто для пирожков, когда Дуглас вошел на кухню и что-то положил на стол.

- Бабуля, ты знаешь, что это такое?

Она бегло взглянула поверх очков:

- Понятия не имею.

Предмет был прямоугольный, как небольшая коробочка, но эластичный. Он был окрашен в ярко-оранжевый цвет. От него отходили четыре голубые квадратные трубочки. Предмет издавал какой-то специфический запах.

- Никогда такого не видела, бабуля?

- Никогда.

- Так я и думал.

Дуглас выскочил из кухни. Минут через пять он вернулся, притаив еще что-то.

- А как насчет этого?

Он положил ярко-розовую цепь с багровым треугольником у одного конца.

- Не морочь мне голову какой-то дурацкой цепью, - сказала бабушка.

Дуглас снова исчез и вернулся с руками, полными странных предметов, - кольцо, диск, параллелепипед, пирамида. Все они были упругие и эластичные, как будто сделанные из желатина.

- Это не все, - сказал Дуглас, раскладывая их на столе. - Там еще много.

Бабушка была очень занята и не обращала на него внимания.

- А ты ошиблась, бабушка.

- Когда это?

- А когда сказала, что все люди одинаковые внутри.

- Не болтай чепуху!

- А где мой мячик?

- В коридоре, там, где ты его бросил.

Дуглас взял мяч и пошел на улицу.

Дедушка вернулся домой около пяти часов.

- Деда, пойдем наверх.

- Хорошо, а зачем, малыш?

- Я покажу тебе что-то интересное.

Посмеиваясь, дедушка поднялся за ним по лестнице.

- Только не говори бабуле, ей это не понравится, - сказал Дуглас и распахнул дверь в комнату Кабермана.

Дедушка остолбенел...

Все, что было потом, Дуглас запомнил на всю жизнь. Полицейский инспектор и его помощник долго стояли над телом Кабермана. Бабушка спрашивала у кого-то внизу:

- Что там случилось?

Дедушка говорил каким-то сдавленным голосом:

- Я увезу мальчика куда-нибудь, чтобы он смог забыть всю эту жуткую историю. Эту жуткую, жуткую историю!

- А чего здесь жуткого? - спросил Дуглас. - Я же вижу ничего жуткого.

Инспектор передернул плечами и сказал:

- Каберман умер, все в порядке.

Его помощник вытер пот со лба:

- А вы видели эти штучки, которые плавают в тазике с водой, и еще те, которые завернуты в бумагу?

- Да, видел. С ума можно сойти.

- Боже мой!

Инспектор отвернулся от тела Кабермана:

- Нам, ребята, лучше попридержаться языки. Это не убийство. Просто счастье, что мальчишка так сделал. Если бы не он, черт знает, что здесь еще могло бы произойти.

- Кто же был Каберман? Вампир? Монстр?
- Может быть. Во всяком случае - не человек.

Он потрогал рукой шов на животе трупа.

Дуглас был горд своей работой. Он не раз смотрел, как это делает бабушка, и все помнил. Иголка и нитка - больше ничего и не нужно. В конце концов этот Каберман мало чем отличался от тех цыплят, которых потрошила, а затем зашивала бабушка.

- Я слышал, мальчишка говорил, что Каберман еще жил, когда все это было уже вынуто из него, - инспектор кивнул на таз с водой, в котором плавали треугольники, пирамиды и цпочки. - Еще жил. Боже мой!

- И что же убило его?

- Вот это, - инспектор пальцами раздвинул край шва и полицейский увидел, что живот Кабермана набит серебряными десятицентовиками.

- Дуглас говорит, что там шесть долларов семьдесят центов. Я думаю, он сделал мудрое капиталовложение, - заметил инспектор.

МАЛЕНЬКИЙ УБИЙЦА

Она не могла сказать, когда к ней в первый раз пришла мысль о том, что ее убивают. В последний месяц были какие-то странные признаки, неуловимые подозрения; ощущения, глубокие, как океанское дно, где водятся скрытые от людских глаз монстры, разбухшие, многорукие, злобные и неотвратимые.

Комната плавала вокруг нее, источая бациллы истерии. Порой ей попадались на глаза какие-то блестящие инструменты. Она слышала голоса. Видела людей в белых стерильных масках.

"Мое имя? - подумала она. - Как же меня зовут? Ах да! Алиса Лейбер. Жена Дэвида Лейбера".

Но от этого ей не стало легче. Она была одинока среди невнятно бормочущих людей в белом. И в ней была жуткая боль, и отвращение, и смертельный ужас.

"Меня убивают у них на глазах. Эти доктора, эти сестры, они не понимают, что со мной происходит. И Дэвид не знает. Никто не знает, кроме меня и его - убийцы, этого маленького убийцы. Я умираю и ничего не могу им сказать. Они посмеются надо мной. Скажут, что это бред. Они увидят убийцу, будут держать его на руках и никогда не подумают, что он виновен в моей смерти. И вот я перед Богом и людьми чиста в помыслах, но никто не поверит мне. Меня успокоят ложью, похоронят в незнании, меня будут оплакивать, а моего убийцу - ласкать. Где же Дэвид? - подумала она. - Наверно, в приемной, курит сигарету за сигаретой и прислушивается к тиканью часов".

Пот выступил у нее на теле, и она испустила предсмертный крик:

- Ну же! Ну! Убей меня! Но я не хочу умирать! Не хочу-у!

И пустота, вакуум. Внезапно боль схлынула. Изнеможение и

мрак. Все кончилось. О Господи! Она погружалась в черное ничто, все дальше, дальше...

Шаги. Мягкие приближающиеся шаги. Где-то далеко чужой голос сказал:

- Она спит. Не беспокойте ее.

Запах твида, табака, одеколона "Лютесция". Над ней склонился Дэвид. А позади него специфический запах доктора Джефферса. Она не стала открывать глаз.

- Я не сплю, - спокойно сказала она.

Это удивительно: она была жива, могла говорить и почти не ощущала боли.

- Алиса, - сказал Дэвид. Он держал ее за руки.

"Ты хотел посмотреть на убийцу, Дэвид?" - подумала она.

- Я слышала, ты хотел взглянуть на него. Ну что ж, кроме меня, тебе его никто не покажет.

Она открыла глаза. Очертания комнаты стали резче. Она сделала слабый жест рукой и откинула одеяло.

Убийца со своим маленьким красным личиком спокойно смотрел на Дэвида Лейбера. Его голубые глазки были безмятежны.

- Эй! - воскликнул Дэвид, улыбаясь, - да он же чудесный малыш!

Доктор Джефферс ждал Дэвида Лейбера в тот день, когда он приехал забрать жену и новорожденного домой. Он усадил Лейбера в кресло в своем кабинете, угостил сигарой, закурил сам, пристроившись на краешке стола. Откинув голову, он пристально посмотрел на Дэвида и сказал:

- Твоя жена не любит ребенка, Дэвид.

- Что?!

- Он ей тяжело дался. И ей самой потребуется много любви и заботы в ближайшее время. Я не говорил тогда, но в операционной у нее была истерика. Она говорила странные вещи, я не хочу их повторять. Могу сказать только, что она чувствует себя чужой ребенку. Возможно, все можно уяснить одним вопросом. - Он глубоко затянулся и спросил: - Это был желанный ребенок?

- Почему ты спрашиваешь?

- Это очень важно.

- Да, да, конечно. Это был желанный ребенок! Мы вместе ждали его. И Алиса была так счастлива, когда поняла, что...

- Это усложняет дело. Если бы ребенок не был запланирован, все свелось бы к тому случаю, когда женщине ненавистна сама идея материнства. Значит, к Алисе все это не подходит. - Доктор Джефферс вынул изо рта сигару и задумчиво почесал подбородок. - Видно, здесь что-то другое. Может быть, что-нибудь, скрытое в прошлом, сейчас вырывается наружу. А может быть, временные сомнения и недоверие матери, прошедшей через невыносимую боль и предсмертное состояние. Если так, то немного времени - и она исцелится. Но я все-таки считал нужным поговорить с тобой, Дэйв. Это поможет тебе быть спокойным и терпеливым, если она начнет говорить, что хотела бы...

ну... чтобы ребенок родился мертвым. Ну а если заметишь что-нибудь странное, приезжайте ко мне втроем. Ты же знаешь, я всегда рад видеть старых друзей. А теперь давай-ка выпьем по одной за... за младенца.

Был чудесный весенний день. Их машина медленно ползла по бульварам, окаймленным зеленеющими деревьями. Голубое небо, цветы, теплый ветерок. Дэйв много болтал, пытаясь увлечь Алису разговором. Сначала она отвечала односложно и равнодушно, но постепенно немного оттаяла. Она держала ребенка на руках, но в ее позе не было ни малейшего намека на материнскую теплоту, и это причиняло почти физическую боль Дэйву. Казалось, она просто везла фарфоровую статуэтку.

- Да, - сказал он, принужденно улыбнувшись. - А как мы его назовем?

Алиса равнодушно смотрела на пробегающие за стеклом деревья.

- Давай пока не будем думать об этом. Лучше подождем, пока не найдем для него какое-нибудь исключительное имя. Не дыми, пожалуйста, ему в лицо, - ее предложения монотонно следовали одно за другим.

Последнее не содержало ни материнского упрека, ни интереса, ни раздражения.

Дэйв засуетился и выбросил только что раскуренную сигару в окно.

- Прости, пожалуйста, - сказал он.

Ребенок лежал на руках матери. Тени от деревьев пробежали по его лицу. Голубые глаза были широко раскрыты. Из крошечного розового ротика доносилось мерное посапывание. Алиса мельком взглянула на ребенка и передернула плечами.

- Холодно? - спросил Дэйв.

- Я совсем продрогла. Закрой, пожалуйста, окно, Дэвид.

Ужин. Дэйв принес ребенка из детской и усадил его на высокий, недавно купленный стул, подоткнув со всех сторон подушки.

- Он еще маленький, чтобы сидеть на стуле, - сказала Алиса, пристально разглядывая свою вилку.

- Ну все-таки забавно, когда он сидит с нами, - улыбаясь, сказал Дэйв. - И вообще у меня все хорошо. Даже на работе. Если так пойдет дальше, я получу в этом году не меньше пятнадцати тысяч. Эй, посмотри-ка на этого красавца. Весь расслабился.

Вытирая ребенку рот, он заметил, что Алиса даже не повернулась в сторону сына.

- Я понимаю, это не очень интересно, - сказал он, снова принимаясь за еду, - но мать могла бы проявлять больше внимания к собственному ребенку.

Алиса резко выпрямилась:

- Не говори так! По крайней мере, в его присутствии! Позже, если уж это необходимо.

- Позже?! - воскликнул он. - В его присутствии, в его отсутствии...

Да какая разница? - Внезапно он пожалел о сказанном и обмяк. - Ладно, ладно. Я же ничего не говорю.

После ужина она позволила ему отнести ребенка наверх, в детскую. Она не просила его об этом. Она позволила ему. Вернувшись, он заметил ее у радиоприемника. Играла музыка, которую она явно не слушала. Глаза ее были закрыты. Когда Дэйв вошел, она вздрогнула, порывисто бросилась к нему и прижалась губами к его губам. Дэйв был ошеломлен. Теперь, когда ребенка не было в комнате, она снова ожила. Она была свободна.

- Благодарю тебя, - шептала она. - Благодарю тебя за то, что на тебя всегда можно положиться, что ты всегда остаешься самим собой.

Он не выдержал и улыбнулся:

- Моя мать говорила мне: "Ты должен сделать так, чтобы в твоей семье было все, что нужно".

Она устало откинула назад свои блестящие темные волосы.

- Ты перестарался. Иногда я мечтаю о том, чтобы у нас было так, как после свадьбы. Никакой ответственности, никаких дел. - Она сжимала его руки в своих, лицо ее казалось неестественно белым.

- О Дэйв! Когда-то были только ты и я. Мы защищали друг друга, а сейчас мы защищаем ребенка, но мы сами никак не защищены от него. Ты понимаешь? Там, в больнице, у меня хватало времени, чтобы подумать об этом. Мир полон зла...

- Действительно?

- Да, это так! Но законы защищают нас от него. А если бы их и не было, нас защищала бы любовь. Я не смогла бы сделать тебе ничего плохого, потому что ты защищен моей любовью. Ты уязвим для меня, для всех людей, но любовь охраняет тебя. Я совсем не боюсь тебя, потому что любовь смягчает твои неестественные инстинкты, гнев, раздражение. Ну а ребенок? Он еще слишком мал, чтобы понимать, что такое любовь и ее законы. Когда-нибудь мы, может быть, научим его этому. Но до тех пор мы абсолютно уязвимы для него.

- Уязвимы для ребенка? - Дэйв отодвинулся и пристально посмотрел на нее.

- Разве ребенок понимает разницу между тем, что правильно, а что нет?

- Нет, но он научится понимать.

- Но ведь ребенок такой маленький... Он просто не знает, что такое мораль и совесть... - она оборвала свою мысль и резко обернулась. - Этот шорох! Что это?

Лейбер огляделся:

- Я ничего не слышал... Она не мигая смотрела на дверь в библиотеку. Лейбер пересек комнату, открыл дверь в библиотеку и включил свет:

- Здесь никого нет. - Он вернулся к ней: - Ты устала. Идем спать.

Они погасили свет и молча поднялись наверх.

- Прости меня за все эти глупости. Я, наверно, действительно очень устала, - сказала Алиса.

Дэвид кивнул. Она нерешительно помедлила перед дверью в детскую. Потом резко взялась за ручку и распахнула дверь.

Он видел, как она подошла к кровати, наклонилась над ней и испуганно отшатнулась, как будто ее ударили в лицо:

- Дэвид!

Лейбер быстро подошел к ней.

Лицо ребенка было ярко-красным и очень влажным, его крошечный ротик открывался и закрывался, открывался и закрывался, глаза были темно-синими. Он беспорядочно двигал руками, сжимая пальцы в кулачки.

- О, - сказал Дэйв, - да он, видно, долго плакал.

- Плакал? - Алиса покачнулась и, чтобы удержать равновесие, схватилась за перекладину кровати. - Я ничего не слышала.

- Но ведь дверь была закрыта!

- Поэтому он так тяжело дышит и лицо у него такое красное?

- Конечно. Бедный малыш. Плакал один, в темноте. Пускай он сегодня спит в нашей комнате. Если опять заплачет, мы будем рядом.

- Ты испортишь его, - сказала Алиса.

Лейбер чувствовал на себе ее пристальный взгляд, когда катил кроватьку в их спальню. Он молча разделся и сел на краешек кровати. Внезапно он поднял голову, чертыхнулся в душе и шелкнул пальцами:

- Совсем забыл сказать тебе. В пятницу я должен лететь в Чикаго.

- О, Дэвид, - прошептала Алиса.

- Я откладывал эту поездку уже два месяца, а теперь это уже необходимо. Я обязан ехать.

- Мне страшно оставаться одной...

- С пятницы у нас будет новая кухарка. Она будет здесь все время. А я буду отсутствовать всего несколько дней.

- Я боюсь. Я даже не знаю, чего. Ты не поверишь, если я скажу тебе. Кажется, я схожу с ума.

Он был уже в постели. Алиса выключила свет, подошла и, откинув одеяло, легла рядом. Ее чистое тело источало тепло и женский запах.

- Если хочешь, я могу попробовать подождать несколько дней, - неуверенно сказал он.

- Нет, поезжай, - ответила Алиса, - это важно, я понимаю. Только я никак не могу перестать думать о том, что сказала тебе. Законы, любовь, защита. Любовь защищает тебя от меня. Но ребенок... - она глубоко вздохнула. - Что защищает тебя от него?

Прежде чем он смог ответить, прежде чем он смог сказать ей: как глупо так рассуждать о младенце, она внезапно включила ночник, висевший над кроватью.

- Смотри, - воскликнула Алиса.

Ребенок лежал и смотрел на них широко раскрытыми голубыми глазами.

Дэвид выключил свет и лег. Алиса, дрожа, прижалась к нему:

- Это ужасно - бояться существа, тобой же рожденного.

Ее голос понизился до шепота, стал почти неслышным:

- Он пытался убить меня! Он лежит и слушает, о чем мы говорим. Ждет, пока ты уедешь, чтобы тогда уж наверняка убить меня. Я клянусь тебе! - она разразилась рыданиями.

- Ну, ну! Успокойся, - обнял ее Дэвид.

Она долго плакала в темноте. Было уже очень поздно, когда она наконец уснула. Но даже во сне все еще продолжала вздрагивать и всхлипывать. Дэвид тоже задремал. Но прежде чем его ресницы окончательно сомкнулись, погружая его в глубокий поток сновидений, он услышал странный приглушенный звук. Сопение сквозь маленькие пухлые губы. Ребенок... И потом - сон.

Утром светило солнце. Алиса улыбалась. Дэвид крутил свои часы над детской кроваткой:

- Видишь, малыш? Что-то блестящее. Что-то красивое. Да, да, что-то блестящее. Что-то красивое.

Алиса улыбалась. Она сказала, чтобы он отправлялся в Чикаго. Она будет методичной, ему не о чем беспокоиться. Она позаботится о ребенке. О да, она позаботится о нем. Все будет в порядке.

Самолет взлетел в небо и взял курс на восток. Впереди было солнце, облака и Чикаго, приближавшийся со скоростью шестьсот миль в час. Дэйв окунулся в атмосферу указаний, телефонных звонков, банкетов, деловых встреч. Тем не менее он каждый день посылал письмо или телеграмму Алисе и малышу.

На шестой день вечером в его номере раздался долгий телефонный звонок, и он сразу понял, что на проводе Лос-Анджелес.

- Алиса?

- Нет, Дэйв. Это Джефферс.

- Доктор?!

- Собирайся, старина. Алиса больна. Лучше бы тебе следующим же рейсом вылететь домой. У нее пневмония. Я сделаю все, что могу. Если бы это не сразу после ребенка! Она очень слаба.

Лейбер положил трубку. Он поднялся, не чувствуя ни рук, ни ног. Все его тело стало чужим. Комната наполнилась серым туманом.

- Алиса, - проговорил он, невидящим взглядом уставившись на дверь.

Пропеллеры замерли, отбросив назад время и пространство. Только в собственной спальне к Дэвиду стало возвращаться ощущение окружающей среды. Первое, что он увидел - фигуру доктора Джефферса, склонившегося над постелью, в которой лежала Алиса.

Доктор медленно выпрямился и подошел к Дейву:

- Твоя жена - слишком хорошая мать. Она больше заботилась о ребенке, чем о самой себе...

На бледном лице Алисы еле уловимо промелькнула горькая улыбка. Потом она начала рассказывать. В ее голосе слышался гнев, страх и полная обреченность.

- Он никак не хотел спать. Я думала, он заболел. Лежал, уставившись в одну точку, а поздно ночью начал кричать. Очень громко, и всю ночь напролет, каждую ночь... Я не могла успокоить его и прилечь ни на минуту.

Доктор Джефферс медленно кивнул:

- Довела себя до пневмонии. Ну теперь мы ее начали антибиотиками и дело идет на поправку.

- А ребенок? - устало спросил Дэвид.
- Здоров, как бык. Гуляет с кухаркой.
- Спасибо, доктор.

Джефферс собрал свой чемоданчик и, попрощавшись, ушел.

- Дэвид! - Алиса порывисто схватила его за руку. - Это все из-за ребенка. Я пытаюсь обмануть себя, думаю, может, все это глупости. Но это не так! Он знал, что я еле на ногах стою после больницы, поэтому и кричал каждую ночь. А когда не кричал, то лежал совсем тихо. Если я зажигала свет, он смотрел на меня в упор, не мигая.

Дэвид почувствовал, что все в нем напряглось. Он вспомнил, что и сам не раз видел эту картину. Ребенок молча лежал в темноте с открытыми глазами. Он не плакал, а пристально смотрел из своей кровати...

Дэвид постарался отогнать эти мысли. Это было безумие.

А Алиса продолжала рассказывать:

- Я хотела убить его. Да, хотела. Прошел день после твоего отъезда. Я пошла в его комнату и положила руки ему на горло. И так я стояла долго-долго. Но я не смогла! Тогда я завернула его в одеяло, перевернула на живот и прижала лицом к подушке. Потом я выбежала из комнаты.

Дэвид пытался остановить ее.

- Нет, дай мне закончить, - хрипло сказала она, глядя в сторону. - Когда я выбежала из детской, я думала, все это просто. Дети задыхаются каждый день. Никто бы и не догадался. Но когда я вернулась, чтобы застать его мертвым, Дэвид, он был жив! Да, он перевернулся на спину, дышал и улыбался! После этого я не могла прикоснуться к нему. Я бросила его и не приходила даже кормить. Наверно, о нем заботится кухарка, не знаю. Я знаю только, что своим криком он не давал мне спать, и я мучалась все ночи и металась по комнате, а теперь я больна. А он лежит и думает, как бы убить меня. Попроще. Он понимает - я слишком много знаю о нем. Я не люблю его. У меня от него нет никакой защиты и не будет никогда.

Она выговорила. Бессильно откинувшись на подушку, она некоторое время лежала с закрытыми глазами, затем уснула. Дэвид долго стоял над ней не в силах сдвинуться с места. Кровь закипела в его жилах, казалось, все клетки замерли в оцепенении.

На следующее утро он сделал то, что ему оставалось. Дэвид пошел к доктору Джефферсу и все ему рассказал. Ответ Джефферса был весьма хладнокровным:

- Не стоит расстраиваться, старина. В некоторых случаях матери ненавидят своих детей, и мы, врачи, считаем это совершенно естественным. У нас есть даже специальный термин для этого явления - амбивалентность. Способность ненавидеть, любя. Любовники, например, очень часто ненавидят друг друга. Дети ненавидят матерей...

Лейбер прервал его:

- Я никогда не испытывал ненависти к своей матери.
- Конечно, ты не признаешь этого. Люди не любят признаваться в таких вещах. Зачастую эта ненависть бывает абсолютно бессознательна.

- Но Алиса признает, что ненавидит своего ребенка.

- Точнее, скажем, у нее есть навязчивая идея. Она сделала шаг вперед от примитивной амбивалентности. Кесарево сечение дало жизнь ребенку и чуть было не стоило жизни Алисе. Она винит ребенка в своем предсмертном состоянии и в пневмонии. Она путает причину и следствие и сваливает вину за свои беды на самый удобный объект. Господи! Да все мы так делаем! Мы спотыкаемся о стул и проклинаем его, а не нашу неловкость. Если мы промазали, играя в гольф, то ругаем клюшку, мячик, неровную площадку. Если неприятности в бизнесе, мы обвиняем Бога, погоду, судьбу, но только не самих себя. Я могу повторить тебе только то, что говорил раньше. Люби ее. Духовный покой и гармония - лучшее лекарство. Найди способы продемонстрировать ей свои чувства, придай ей уверенности в себе. Помоги ей понять, какое невинное и безобидное существо - ребенок. Убеди ее, что ради ребенка стоило рискнуть жизнью. Придет время, все уляжется, она забудет о смерти и полюбит ребенка. Если через месяц он не успокоится, дай мне знать. Я подыщу хорошего психиатра. А теперь иди к Алисе и не надо делать такую унылую физиономию.

Когда наступило лето, страсти, казалось, действительно стали утихать. Дэвид, хотя и был поглощен работой, находил время и для своей жены. Она в свою очередь много времени проводила на воздухе - гуляла, играла с соседями в бадминтон. Стала более уравновешенной. Казалось, она забыла о своих страхах...

Алиса проснулась, дрожа. За окном лил дождь и завывал ветер. Алиса схватила мужа за плечо и трясла, пока он не проснулся и не спросил сонным голосом, что случилось.

- Кто-то здесь, в комнате. Он следит за нами, - прошептала она.

Дэйв включил свет.

- Тебе показалось, - сказал он. - Успокойся, все хорошо. У тебя уже давно этого не было.

Она глубоко вздохнула, когда он выключил свет, и внезапно сразу уснула. Дэйв обнял ее и задумался о том, какая славная и вместе с тем странная женщина его жена. Прошло примерно полчаса.

Он услышал, как скрипнула и немного отворилась дверь в спальню. Дэвид знал, что за дверью никого нет, а потому нет смысла вставать и закрывать ее.

Однако ему не спалось. Он долго лежал в темноте. Кругом была тишина. Наверное, прошел еще час.

Вдруг из детской раздался пронзительный крик. Это был одинокий звук, затерянный в пространстве из звезд, темноты и дыхания Алисы, лежащей рядом.

Лейбер медленно сосчитал до ста. Крик продолжался. Стараясь не потревожить Алису, он выскользнул из постели, надел тапочки и прямо в пижаме двинулся из спальни. "Надо спуститься вниз, - подумал он. - Подогреть молока и..."

Он поскользнулся на чем-то мягком и полетел в темноту. Инстинктивно расставив руки, Дэвид ухватился за перила лестницы и удержался. Он выругался.

Предмет, на который он наступил, пролетел вниз и шлепнулся на ступеньку. Волна ярости накатила на Дэйва:

- Какого черта разбрасывать вещи на лестнице!

Он наклонился и поднял этот предмет, чуть было не лишивший его жизни.

Пальцы Дэйва похолодели. У него перехватило дыхание. Вещь, которую он держал в руках, была игрушкой. Нескладная, сшитая из лоскутков кукла, купленная им для ребенка.

На следующий день Алиса сама решила отвезти его на работу. На полпути она вдруг свернула к обочине и затормозила. Затем она медленно повернулась к мужу:

- Я хочу куда-нибудь уехать. Я не знаю, сможешь ли ты сейчас взять отпуск, но если нет, то отпусти меня одну. Пожалуйста. Мы могли бы кого-нибудь нанять, чтобы присмотрели за ребенком. Но мне необходимо уехать на время. Я думала, я отделаюсь от этого... от этого ощущения, но я не могу. Я не могу оставаться с ним в комнате. И он смотрит на меня, как будто смертельно ненавидит. Я не могу заставить себя прикоснуться к нему... Я хочу куда-нибудь уехать, прежде чем что-то случится.

Он молча вышел из машины, обошел ее кругом и знаком попросил Алису подвинуться.

- Все, что тебе нужно, - это побывать у психиатра. Если он предложит тебе отдохнуть, я согласен. Но так это не может продолжаться. У меня просто голова идет кругом. - Дэвид устроился за рулем и включил зажигание. - Дальше я поведу машину сам.

Она опустила голову, пытаясь удержать слезы.

Когда они подъехали к конторе Дэвида, Алиса повернулась к нему:

- Хорошо. Договорись с доктором, я готова поговорить с кем хочешь!

Он поцеловал ее:

- Вот теперь, мадам, вы рассуждаете разумно. Ты в состоянии добраться домой самостоятельно?

- Конечно, чудак.

- Тогда до ужина. Поезжай осторожно.

- Я всегда так езжу. Пока.

Дэвид посмотрел вслед удаляющейся машине, отступив на обочину.

Первое, что он сделал, придя в кабинет, - это позвонил Джефферсу и попросил договориться о приеме у надежного психиатра.

День тянулся невыразимо долго, дела не клеились. Его сознание было окутано каким-то туманом, в котором ему виделось искаженное ужасом лицо Алисы, повторяющей его имя. Ей все-таки удалось внушить ему свои страхи. Она буквально убедила его, что ребенок в какой-то степени не совсем нормален.

Он диктовал какие-то нудные письма. Разговаривал с бестолковыми клерками. Подписывал никому не нужные бумаги. В конце дня он был, как выжатый лимон, голова раскалывалась от боли, и он радовался, что пора отправляться домой.

В лифте он подумал: "А что, если б я сказал Алисе про игрушку - про ту тряпичную куклу, на которой я поскользнулся ночью на лестнице? Бог мой, да это совсем выбило бы ее из колен. Нет. Ни за что. Мало ли что бывает..."

Уже начинало смеркаться, когда он подъехал к дому на такси. Расплатившись с шофером, Дэвид вышел из машины и по бетонной дорожке двинулся к дому.

Дом почему-то казался очень молчаливым, необитаемым. Дэвид вспомнил, что сегодня пятница, а значит кухарка со второй половины дня свободна. А Алиса, наверное, уснула, измотанная своими страхами.

Он вздохнул и повернул ключ в замочной скважине. Дверь беззвучно подалась на хорошо смазанных петлях.

Дэвид вошел, бросил шляпу на стул рядом с портфелем. Затем он начал снимать плащ, случайно взглянул на лестницу и замер...

Лучи заходящего солнца проникали через боковое окно и освещали яркие лоскутки тряпичной куклы, лежавшей на верхней ступеньке.

Но на куклу он почти не обратил внимания. Его взгляд был прикован к Алисе, лежавшей на лестнице в неестественной позе сломанной марионетки, которая больше не может танцевать. Она была мертва.

Если не считать грохота ударов его сердца, в доме царила абсолютная тишина. Алиса была мертва!!!

Он бросился к ней, сжал в ладонях ее лицо. Он потрогал ее за плечи. Он попытался посадить ее, бессвязно выкрикивая ее имя. Все было напрасно.

Он оставил ее и бросился наверх. Распахнул дверь в детскую, подбежал к кровати.

Ребенок лежал с открытыми глазами. Его личико было потным и красным, будто бы он долго плакал.

- Она умерла, - сказал Лейбер ребенку, - она умерла.

Он захохотал сначала тихо, потом все громче и громче. В таком состоянии и застал его Джефферс, который был обеспокоен его звонком и зашел проведать Алису.

После нескольких крепких пощечин Дэвид пришел в себя.

- Она упала с лестницы, доктор. Она наступила на куклу и упала. Сегодня ночью я сам чуть было не упал из-за этой куклы. А теперь...

Джефферс энергично потряс его за плечи.

- Эх, доктор, доктор, - Дэвид улыбнулся, как пьяный, - вот ведь забавно. Я же, наконец, придумал имя для этого малыша.

Доктор молчал.

- Я буду крестить его в воскресенье. Знаешь, какое имя я ему дам? Я назову его Люцифером.

Было уже одиннадцать часов вечера. Все эти странные и почти незнакомые люди, выразившие свое соболезнование, уже ушли. Дэвид и Джефферс сидели в библиотеке.

- Алиса была не сумасшедшей, - медленно сказал Дэвид, - у нее были основания бояться ребенка.

Доктор предостерегающе поднял руку:

- Она обвиняла его в своей болезни, а ты - в убийстве. Мы знаем, что она наступила на игрушку и поскользнулась. При чем же здесь ребенок?

- Ты хочешь сказать Люцифер?

- Не надо так называть его.

Дэвид покачал головой:

- Алиса слышала шорох по ночам, какой-то шум в холле. Ты хочешь знать, кто его издавал? Ребенок. В свои четыре месяца он прекрасно умеет передвигаться в темноте и подслушивать наши разговоры. А если я зажигал свет... ребенок ведь такой маленький. Он может спрятаться за мебелью, за дверью...

- Прекрати! - прервал его Джефферс.

- Нет, позволь мне сказать то, что я думаю. Иначе я сойду с ума. Когда я был в Чикаго, кто не давал Алисе спать и довел ее до пневмонии? Ребенок! А когда она все же выжила, он попытался убить меня. Это ведь так просто - оставить игрушку на лестнице и кричать в темноте, пока отец не спустится вниз за молоком и не поскользнется. Просто, но эффективно. Со мной это не сработало, а Алиса мертва.

Дэвид закурил сигарету.

- Мне уже давно нужно было сообразить. Я же включал свет ночью. Много раз. И всегда он лежал с открытыми глазами. Дети обычно все время спят, если они сыты и здоровы. Только не этот. Он не спит, он думает.

- Дети не думают.

- Но он не спит, а значит, мозги у него работают. А что мы, собственно, знаем о психике младенцев? У него были причины ненавидеть Алису. Она подозревала, что он - не совсем нормальный ребенок. Совсем, совсем необычный. Что ты знаешь о детях, доктор? Общий ход развития? Да. Ты знаешь, конечно, сколько детей убивают своих матерей при рождении. За что? А может, это месть за то, что их выталкивают в этот непривычный для них мир? - Дэвид наклонился к доктору. - Допустим, что несколько детей из миллиона рождаются способными передвигаться, видеть, слышать, как многие животные и насекомые. Насекомые рождаются самостоятельными. Многие звери и птицы становятся самостоятельными за несколько недель. А у детей уходят годы на то, чтобы научиться говорить и уверенно передвигаться. А если один ребенок на миллиард рождается совсем не таким? Если он от рождения наделен разумом и способен думать? Инстинктивно, конечно. Он может прикинуться обычным, слабым, беспомощным, кричащим. И без особого ущерба для себя он может ползать в темноте по дому и слушать, слушать. А как легко подложить какой-нибудь предмет на лестницу! Как легко кричать всю ночь и довести мать до пневмонии! Как легко при рождении так прижаться к матери, что несколько ловких движений обеспечат перитонит!

- Ради Бога, прекрати, - Джефферс вскочил на ноги. - Какие чудовищные вещи ты говоришь!

- Да, я говорю чудовищные вещи. Сколько матерей умирает при родах? Сколько их, давших жизнь странным маленьким существам и

заплативших за это своей жизнью? А кто они, эти существа? О чем думают их мозги, находящиеся во тьме материнской утробы? Прimitивные маленькие мозги, подогреваемые клеточной памятью, ненавистью, грубой жестокостью, инстинктом самосохранения. А самосохранение в этом случае означает устранение матери - ведь она подсознательно понимает, какое чудовище родит на свет. Скажи-ка, доктор, есть ли на свете что-нибудь более эгоистичное, чем ребенок?

Доктор нахмурился и покачал головой.

Лейбер опустил сигарету.

- Я не приписываю такому ребенку сверхъестественной силы. Достаточно уметь ползать, всего на несколько месяцев опережая нормальное развитие. Достаточно уметь слушать. Достаточно уметь кричать всю ночь. Этого достаточно, даже более, чем достаточно.

Доктор попытался обратить все в шутку:

- Это обвинение в преднамеренном убийстве. В таком случае убийца должен иметь определенные мотивы. А какие мотивы могут быть у ребенка?

Лейбер не заставил себя ждать с ответом:

- А что может быть на свете более удобным и спокойным, чем состояние ребенка в чреве матери? Его окружает блаженный мир питательной среды, тишины и покоя. И из этого совершенного по своей природе уюта ребенок внезапно выталкивается в наш огромный мир, который своей непохожестью на все, что было раньше, кажется ему чудовищным. Мир, где ему холодно и неудобно, где он не может есть, когда и сколько хочет, где он должен добиваться любви, которая раньше была его неотъемлемым правом. И ребенок мстит за это. Мстит за холодный воздух и огромные пространства, мстит за то, что у него отнимают привычный мир. Ненависть и эгоизм, заложенные в генах, руководят его мыслями. А кто виноват в этой грубой смене окружающей среды? Мать! Так абстрактная ненависть ребенка ко всему внешнему миру приобретает конкретный объект, причем чисто инстинктивно. Мать извергает его, изгоняет из своей утробы. Так отомсти ей! А кто это существо рядом с матерью? Отец? Гены подсказывают ребенку, что он тоже каким-то образом виноват во всем этом. Так убей и отца тоже!

Джефферс прервал его:

- Если то, что ты говоришь хоть в какой-нибудь степени близко к истине, то каждая мать должна бояться или, по крайней мере, остерегаться своего ребенка.

- А почему бы и нет? Разве у ребенка нет идеального алиби? Тысячелетия слепой человеческой веры защищают его. По всем общепринятым понятиям он беспомощен и невинен. Но ребенок рождается с ненавистью. И со временем положение еще более ухудшается. Новорожденный получает заботу и внимание. Когда он кричит или чихает, у него достаточно власти, чтобы заставить родителей прыгать вокруг него и делать разные глупости. Но проходят годы, и ребенок чувствует, что его власть исчезает и никогда уже не вернется. Но почему не использовать ту полную власть, которую он пока имеет? По-

чему бы не воспользоваться положением, которое дает такие преимущества. Опыт предыдущих поколений подсказывает ему, что потом уже будет слишком поздно выражать свою ненависть. Только сейчас нужно действовать, - голос Лейбера понизился почти до шепота. - Мой малыш лежит по ночам в кроватке с влажным и красным лицом. Он тяжело дышит. От плача? Нет, от того, что ему приходится выбираться из кроватки и в темноте ползти по комнатам. Мой малыш... Я должен убить его. Иначе он убьет меня.

Доктор поднялся, подошел к столу и налил в стакан воды.

- Никого ты не убьешь, - спокойно сказал он. - Тебе нужно отдохнуть. Я дам тебе таблетки, и ты будешь спать двадцать чистых часов. А потом мы подумаем, что делать дальше. Прими это.

Дэвид проглотил таблетки и медленно запил их водой. Он не сопротивлялся, когда доктор провожал его в спальню и укладывал спать. Джефферс подождал пока он уснул и ушел, погасив свет и взяв с собой ключи Дэвида.

Сквозь тяжелую дремоту Дэвид услышал какой-то шорох у двери. "Что это?" - слабо пронеслось в сознании. Что-то двигалось в комнате. Но Дэвид Лейбер уже спал.

Было раннее утро, когда доктор Джефферс вернулся. Он провел бессонную ночь, и какое-то смутное беспокойство заставило его прихватить пораньше, хотя он был уверен, что Лейбер еще спит.

Открыв ключом дверь, Джефферс вошел в холл и положил на столик саквояж, с которым он никогда не расставался. Что-то белое промелькнуло наверху лестницы. А может, ему просто показалось?

Внимание Джефферса привлек запах газа в доме. Не раздеваясь, он бросился наверх, в спальню Лейбера. Дэвид неподвижно лежал на кровати. Комната была наполнена газом, со свистом выходящим из открытой форсунки отопительной системы, находящейся у самого пола. Джефферс быстро нагнулся и закрыл кран. Затем он распахнул окно и бросился к Лейберу. Тело Дэвида уже похолодело. Смерть наступила несколько часов назад.

Джефферса душил кашель, глаза застилали слезы. Он выскочил из спальни и захлопнул за собой дверь. Лейбер не открывал газ. Он физически не мог бы этого сделать. Снотворное должно было отключить его, по меньшей мере, до полудня. Это не было самоубийством. А может, все-таки?..

Джефферс задумчиво подошел к двери в детскую. К его удивлению, дверь оказалась запертой на замок. Джефферс нашел в связке нужный ключ и, открыв дверь, подошел к кроватке. Она была пуста.

С минуту доктор был в оцепенении, затем неловко произнес вслух:

- Дверь захлопнулась. И ты не смог вернуться обратно в кроватку, где был бы в полной безопасности. Ты не знал, что эти замки могут сами случайно защелкиваться. Самые грандиозные планы рушатся из-за таких вот мелочей. Я найду тебя, где бы ты ни прятался... - доктор смолк и поднес ладонь ко лбу. - Господи, кажется, я схожу с ума.

Я говорю, как Алиса и Дэвид. Но их уже нет в живых, а значит у меня нет выбора. Я ни в чем не уверен, но у меня нет выбора!

Он спустился вниз и достал из саквояжа какой-то предмет. Где-то сбоку послышался шорох и Джефферс быстро обернулся. "Я помог тебе появиться в этом мире, а теперь должен помочь уйти из него", - подумал он и сделал несколько шагов вперед, подняв руку. Солнечный свет заиграл на предмете, который он держал в руке.

- Смотри-ка, малыш. Что-то блестящее, что-то красивое!

Это был скальпель.

ОЗЕРО

Волна выплеснула меня из мира, где птицы в небе, дети на пляже, моя мать на берегу. На какое-то мгновение меня охватило зеленое безмолвие. Потом все снова вернулось - небо, песок, дети. Я вышел из озера, меня ждал мир, в котором едва ли что-нибудь изменилось, пока меня не было. Я побежал по пляжу.

Мама растерла меня махровым полотенцем.

- Стой и сохни, - сказала она.

Я стоял и смотрел, как солнце сушит капельки воды на моих руках. Вместо них появлялись пупырышки "гусиной кожи".

- Ой, - сказала мама, - ветер поднялся. Ну-ка, надень свитер.

- Подожди, я посмотрю на гусиную кожу.

- Гарольд! - прикрикнула мама. Я надел свитер и стал смотреть на волны, которые накатывались и падали на берег. Они падали очень ловко, с какой-то элегантностью. Даже пьяный не мог бы упасть на берег так изящно, как это делали волны.

Стояли последние дни сентября, когда безо всяких причин жизнь становится печальной. Пляж был почти пуст и от этого казался еще больше. Ребятишки вяло копошились с мячом. Наверное, они тоже чувствовали, что пришла осень и все кончилось.

Ларьки, в которых летом продавали пирожки и сосиски, были закрыты, и ветер разглаживал следы людей, приходивших сюда в июле и августе. А сегодня здесь были только следы моих теннисных тапочек да еще тапочек Дональда и Арнольда.

Песок заносил дорожку, которая вела к карусели. Лошади стояли укрытые брезентом и вспоминали музыку, под которую они скакали галопом в чудесные летние дни.

Все мои сверстники уже были в школе. Завтра в это время я буду сидеть в поезде далеко отсюда. Мы с мамой в последний раз пришли на пляж. На прощание.

- Мама, можно я немножко побегаю по пляжу?

- Ладно, согрейся. Но только недолго и не бегай к воде.

Я побежал, широко расставив руки - как крылья.

Мама исчезла вдаль и скоро превратилась в маленькое пятнышко.

Я был один. Человеку в двенадцать лет не так уж часто удается побыть одному. Ведь вокруг столько людей, которые всегда говорят, как и что ты должен делать! А чтобы оказаться в одиночестве, нужно, сломя голову, бежать далеко-далеко по пустому пляжу. И чаще всего это бывает только в мечтах. Но сейчас я был один. Совсем один!

Я подбежал к воде и зашел в нее по пояс. Раньше, когда вокруг были люди, я не отваживался оглянуться вокруг, дойти до этого места, всмотреться в дно и назвать одно имя. Но сейчас...

Вода - волшебница. Она разрезает все пополам и растворяет вашу нижнюю часть, как сахар. Холодная вода. А время от времени она набрасывается на вас порывистым буруном.

Я назвал ее имя. Я выкрикнул его много раз.

- Талли! Талли! Эй, Талли!

Если вам двенадцать, то на каждый свой зов вы ждете отклика. Вы чувствуете, что любое ваше желание может исполниться. И порой вы, может быть, и не очень далеки от истины.

Я думал о том майском дне, когда Талли, улыбаясь, шла в воду, а солнце играло на ее худых плечиках. Я вспомнил, какой спокойной вдруг стала гладь озера, как вскрикнула и побледнела мать Талли, как бросился в воду спасатель и как Талли не вернулась...

Спасатель хотел убедить ее выйти обратно, но она не послушалась. Ему пришлось вернуться одному, и между пальцами у него торчали водоросли. А Талли ушла.

Больше она не будет сидеть в нашем классе и не будет по вечерам приходить ко мне. Она ушла слишком далеко, и озеро не позволит ей вернуться.

И теперь, когда пришла осень, небо и вода стали серыми, а пляж - пустым, я пришел сюда в последний раз. Я звал ее снова и снова:

- Талли! Эй, Талли! Вернись!

Мне было только двенадцать. Но я не знал, что люблю ее. Это такая любовь, которая приходит раньше всяких понятий о теле и морали. Эта любовь также бесхитростна и реальна, как ветер, озеро и песок. Она - это и теплые дни на пляже, и стремительные дни и вечера, когда мы возвращались из школы и я нес ее учебники.

Талли!

Я позвал ее в последний раз. Я дрожал. Я чувствовал, что мое лицо стало мокрым, и не понимал отчего. Волны не доставали так высоко.

Я выбежал на песок и долго смотрел в воду, надеясь увидеть какой-нибудь тайный знак, который подаст мне Талли. Затем я встал на колени и стал строить дворец из песка. Такой, как мы, бывало, строили с Талли. Только на этот раз я построил половину дворца. Потом я поднялся и крикнул:

- Талли! Если ты слышишь меня, приди и дострой его!

Я медленно пошел к тому пятнышку, в которое превратилась моя мама. Обернувшись, я увидел, как волна захлестнула мой замок и потащила его за собой.

В полной тишине я брел по берегу. Вдалеке, на карусели, что-то заскрипело, но это был всего лишь ветер.

На следующий день мы уехали на Запад.

У поезда плохая память, он все оставляет позади. Он забывает поля Иллинойса, реки детства, мосты, озера, долины, коттеджи, горе и радости. Он оставляет их позади, и они исчезают за горизонтом.

Мои кости вытянулись, обросли мясом. Я сменил мой детский ум на взрослый, перешел из школы в колледж. Потом появилась эта женщина из Сакраменто. Мы познакомились, поженились. Мне было уже двадцать два, и я совсем забыл, на что похож Восток.

Но Маргарет предложила провести наш медовый месяц там.

Как и память, поезд уходит и приходит. И он может вернуть вам все то, что вы оставили позади много лет назад.

Лейк-Блафф с населением десять тысяч показался за окнами вагона. Я посмотрел на Маргарет. Она была очаровательна в своем новом платье. Я взял ее под руку, и мы вышли на платформу. Носильщик выгружал наши чемоданы.

Мы остановились на две недели в небольшом отеле. Вставали поздно и шли бродить по городу. Я вновь открывал для себя кривые улочки, где прошло мое детство. В городе я не встретил никого из знакомых; порой мне попадались лица, напоминавшие мне кого-то из друзей детства, но я, не останавливаясь, проходил мимо. Я собирал в душе обрывки воспоминаний, как собирают в кучу осенние листья, чтобы сжечь их.

Все время мы проводили вдвоем с Маргарет. Это были счастливые дни. Я любил ее. По крайней мере, я так думал.

Однажды мы пошли на пляж, потому что выдался хороший день. Это был не конец сезона, как тогда, десять лет назад, но первые признаки осеннего опустошения уже коснулись пляжа. Народ поредел, несколько ларьков было заколочено, и холодный ветер уже начал напевать свои песни.

Все здесь было по-прежнему. Я почти явственно увидел маму, сидевшую на песке в своей любимой позе, положив ногу на ногу и оперевшись руками сзади. У меня снова возникло непреодолимое желание побыть одному, но я не мог себя заставить сказать это Маргарет. Я только держал ее под руку и молчал.

Было около четырех часов. Детей уже увели домой, и лишь несколько мужчин и женщин, несмотря на ветер, нежились под лучами вечернего солнца. К берегу причалила лодка со спасательной станцией. Плечистый спасатель вышел из нее, держа что-то в руках.

Я замер. Мне стало страшно. Мне было снова двенадцать, и я был отчаянно одинок. Я не видел Маргарет. Я видел только пляж и спасателя с серым, наверное, не очень тяжелым мешком в руках и почти таким же серым лицом.

- Постой здесь, Маргарет, - сказал я. Сам не знаю, почему я это сказал.

- Но что случилось?

- Ничего, просто постой здесь.

Я медленно пошел по песку к тому месту, где стоял спасатель. Он посмотрел на меня.

- Что это? - спросил я.

Он ничего не ответил и положил свою ношу на песок. Из мешка с журчанием побежали струйки воды, тут же замирая на песке.

- Что это? - настойчиво повторил я.

- Странно, - задумчиво сказал спасатель. - Никогда о таком не слышал. Она же давно умерла.

- Давно умерла?

Он кивнул:

- Лет десять тому назад. С тысяча девятьсот тридцать третьего года здесь вообще никто из детей не тонул. А тех, кто тонул раньше, мы находили через несколько часов. Всех, кроме одной девочки. Вот ее тело, как оно могло пробыть в воде десять лет?

Я смотрел на серый мешок.

- Откройте.

Не знаю, почему я это сказал. Ветер усиливался.

Спасатель топтался в нерешительности.

- Да откройте же скорей, черт побери! - закричал я.

- Лучше не надо... - начал он. - Она была такой маленькой...

Но увидев выражение моего лица, он наклонился и, развязав мешок, откинул верхнюю часть. Этого было достаточно.

Спасатель, Маргарет и все люди на пляже исчезли. Остались только небо, ветер, озеро, я и Талли. Я что-то повторял снова и снова. Ее имя.

Спасатель удивленно смотрел на меня.

- Где вы нашли ее? - спросил я.

- Да вон там, на отмели. Она так долго была в воде, а совсем как живая.

- Да, - кивнул я. - Совсем как живая.

"Люди растут, - подумал я. - Я вырос. А она не изменилась. Она все такая же маленькая, все такая же юная. Смерть не дает человеку расти или меняться. У нее все такие же золотистые волосы. Она навсегда останется юной, и я всегда буду любить ее, только ее".

Спасатель завязал мешок.

Я отвернулся и медленно побрел вдоль воды. Вот и отмель, у которой он нашел ее.

И вдруг я замер. Там, где вода лизала песчаный берег, стоял дворец. Он был построен наполовину. Точно так, как когда-то мы строили с Талли: половину она, половину я.

Я наклонился и увидел цепочку маленьких следов, выходящих из озера и возвращающихся обратно в воду. Теперь я понял.

- Я помогу тебе закончить, - сказал я.

Я медленно достроил дворец, потом поднялся и, не оборачиваясь, побрел прочь. Я не хотел верить, что он разрушится в волнах, как рушится все в этой жизни. Я медленно шел по пляжу туда, где, улыбаясь, меня ждала чужая женщина по имени Маргарет.

ПОИГРАЕМ В "ОТРАВУ"

- Мы тебя ненавидим! - кричали шестнадцать мальчиков и девочек, окруживших Майкла. Дела его были плохи. Перемена уже кончилась, а мистер Ховард еще не появлялся.

- Мы тебя ненавидим!

Спасаясь от них, Майкл вскочил на подоконник. Дети открыли окно и начали сталкивать его вниз. В этот момент в класс вошел мистер Ховард.

- Что вы делаете! Остановитесь! - закричал он, бросаясь на помощь Майклу, но было уже поздно.

До мостовой было три этажа.

Майкл пролетел три этажа и умер, не приходя в сознание.

Следователь беспомощно развел руками. Это же дети. Им всего восемь-девять лет. Они же не понимают, что делают.

На следующий день мистер Ховард уволился из школы.

- Но почему? - спрашивали его коллеги.

Он не отвечал, и только мрачный огонек вспыхивал у него в глазах. Он думал, если скажет правду, они решат, что он совсем свихнулся.

Мистер Ховард уехал из Мэдисон-сити и поселился неподалеку, в маленьком городке Грин-бэй.

Семь лет он жил, зарабатывая рассказами, которые охотно печатали местные журналы.

Он так и не женился. У всех его знакомых женщин было нечто общее - желание иметь детей.

На восьмой год его уединенной жизни, осенью, заболел один приятель мистера Ховарда, учитель. Заменить его было нечем, и мистера Ховарда уговорили взять его класс. Речь шла о замещении на несколько недель, и, скрепя сердце, он согласился.

Хмурым сентябрьским утром он пришел в школу.

- Иногда мне кажется, - говорил мистер Ховард, прохаживаясь между рядами парт, - что дети - это захватчики, явившиеся из другого мира.

Он остановился, и его взгляд испытующе заскользил по лицам маленьких слушателей. Одну руку он заложил за спину, а другая, как юркий зверек, перебегала от лацкана пиджака к роговой оправе очков.

- Иногда, - продолжал он, глядя на Уильяма Арнольда, и Россела Невеля, и Дональда Боуэра, и Чарли Хэнкупа, - иногда мне кажется, что дети - это чудовища, которых дьявол вышвыривает из преисподней, потому что не может совладать с ними. И я твердо верю, что все должно быть сделано для того, чтобы исправить их грубые примитивные мозги.

Большая часть его слов, влетавших в мытые-перemyтые уши Арнольда, Невеля, Боуэра и компании, оставалась непонятой. Но тон был устрашающим - все уставились на мистера Ховарда.

- Вы принадлежите к совершенно иной расе. Отсюда ваши интересы, ваши принципы, ваше непослушание, - продолжал свою вступи-

тельную беседу мистер Ховард. - Вы не люди, вы - дети. И пока вы не станете взрослыми, у вас не должно быть никаких прав и привилегий.

Он сделал паузу и изящно сел на мягкий стул, стоявший у вытертого до блеска учительского стола.

- Вы, кажется, живете в мире фантазий, - сказал он, мрачно усмехнувшись. - Чтобы никаких фантазий у меня в классе! Вы у меня поймете, что, когда получаешь линейкой по рукам, это не фантазия, не волшебная сказка и не рождественский подарок! - Он фыркнул, довольный своей шуткой. - Ну, напугал я вас? То-то же! Вы этого заслуживаете. Я хочу, чтобы вы не забывали, где находитесь. И запомните - я вас не боюсь. Я вас не боюсь!

Он, довольный, откинулся на спинку стула. Взгляды мальчиков были прикованы к нему.

- Эй! А вы о чем там шепчетесь? О черной магии?

Одна девочка подняла руку:

- А что такое "черная магия"?

- Мы обсудим это, когда два наших юных друга расскажут, о чем они беседовали. Ну, молодые люди, я жду!

Поднялся Дональд Боуэр:

- Вы нам не нравитесь. Вот о чем мы говорили.

Он сел на место.

Мистер Ховард сдвинул брови:

- Я люблю откровенность, правду. Спасибо тебе за честность. Но я не терплю дерзости. Ты останешься сегодня после уроков и вымоешь все парты в классе.

Возвращаясь домой из школы, мистер Ховард наткнулся на четырех учеников из своего класса. Чиркнув своей тростью по тротуару, он остановился около них.

- Что вы здесь делаете?

Два мальчика и две девочки бросились врассыпную, как будто трость мистера Ховарда прошла по их спинам.

- А ну, - потребовал он. - Подойдите сюда и объясните, чем вы занимались, когда я подошел.

- Играли в "отраву", - сказал Уильям Арнольд.

- В "отраву"! Так-так, - мистер Ховард язвительно улыбнулся. - Ну и что же это за игра?

Уильям Арнольд прыгнул в сторону.

- А ну вернись сейчас же! - заорал мистер Ховард.

- Я же показываю вам, - сказал мальчик, перепрыгнув через цементную плиту тротуара, - как играют в "отраву": если мы подходим к покойнику, мы через него перепрыгиваем.

- Что-что? - не понял мистер Ховард.

- Если вы наступите на могилу покойника, то вы отравлены, падаете и умираете, - вежливо пояснила Изабелла Скелтон.

- Покойники, могилы, "отрава", - передразнил ее мистер Ховард. - Да откуда вы все это взяли?

- Видите? - Клара Пэррис указала портфелем на тротуар. - Вон на той плите указаны имена двух покойников.

- Да это просто смешно, - сказал мистер Ховард, посмотрев на

плиту. - Это имена подрядчиков, которые делали плиты для этого тротуара.

Изабелла и Клара обменялись взглядами и возмущенно уставились на обоих мальчиков.

- Вы же говорили, что это могилы! - почти одновременно закричали они.

Уильям Арнольд смотрел на носки своих ботинок:

- Да, в общем-то... я хотел сказать... - он поднял голову. - Ой! Уже поздно. Я пойду домой. Пока!

Клара Пэррис смотрела на два имени, вырезанных в плите.

- Мистер Келли и мистер Террилл, - прочитала она. - Так это не могила? Они не похоронены здесь? Видишь, Изабелла, я же тебе говорила...

- Ничего ты не говорила, - надулась Изабелла.

- Чистейшая ложь, - стукнул тростью мистер Ховард. - Самая примитивная фальсификация. Чтобы этого больше не было. Арнольд и Боуэр, вам понятно?

- Да, сэр, - пробормотали мальчики неуверенно.

- Говорите громко и ясно! - приказал мистер Ховард.

- Да, сэр! - дружно ответили они.

- То-то же, - мистер Ховард двинулся вперед.

Уильям Арнольд подождал, пока он скрылся из виду, и сказал:

- Хоть бы какая-нибудь птичка накакала ему на нос.

- Давай, Клара, сыграем в "отраву", - нерешительно предложила Изабелла.

- Он все испортил, - хмуро сказала Клара. - Я иду домой.

- Ой, я "отравился", - закричал Дональд Боуэр, падая на тротуар. - Смотрите! Я отравился! Умираю!

- Да ну тебя, - зло сказала Клара и побежала домой.

В субботу утром мистер Ховард выглянул в окно и выругался. Изабелла Скелтон что-то чертила мелом на мостовой прямо перед его окном и прыгала, монотонно напевая себе под нос. Негодование мистера Ховарда было так велико, что он тут же вылетел на улицу с криком "А ну прекрати!", чуть не сбив девочку с ног. Он схватил ее за плечи и хорошенько потряс.

- Я только играла в классы, - заскулила Изабелла, размывая слезы грязными кулаками.

- Кто тебе разрешил здесь играть? - Он наклонился и носовым платком стер линии, которые она нарисовала мелом. - Маленькая ведьма. Тоже мне придумала классы, песенки, заклинания. А все выглядит так невинно! У-у, злодейка! - он размахнулся, чтобы ударить ее, но передумал.

Изабелла, всхлипывая, отскочила в сторону.

- Проваливай отсюда. И скажи всей своей банде, что им со мной не справиться. Пусть только попробуют сунуть сюда нос!

Он вернулся в комнату, налил полстакана бренди и выпил залпом. Потом весь день он слышал, как дети играли в пятнашки, прятки, колдуны. И каждый крик этих маленьких монстров с болью отзывал-

ся в его сердце. "Еще неделя - и я сойду с ума, - подумал он. - Господи, почему ты не сделаешь так, чтобы все сразу рождались взрослыми?!"

Прошла неделя. Между ним и детьми быстро росла взаимная ненависть. Ненависть и страх, нервозность, внезапные вспышки безудержной ярости и потом молчаливое выжидание, затишье перед бурей.

Меланхолический аромат осени окутал город. Дни стали короче, и быстро темнело.

"Ну, положим, они меня не тронут, не посмеют тронуть, - думал мистер Ховард, потягивая одну рюмку бренди за другой. - Глупости все это. Скоро я уеду отсюда, уеду от них. Скоро я..."

Что-то стукнуло в окно. Он поднял глаза и увидел белый череп.

Дело было в пятницу, в восемь вечера. Позади была долгая, трудная неделя в школе. А тут еще перед домом вырыли котлован - надумали мнать водопроводные трубы. И ему всю неделю пришлось гонять из котлована этих сорванцов - ведь они так любят торчать в подобных местах, прятаться, лазить туда-сюда, играть в свои дурацкие игры. Но, слава богу, трубы уже уложены. Завтра рабочие заркоут котлован и сделают новую цементную мостовую. Плиты уже привезли. Тогда эти чудовища найдут себе другое место для игр.

Но вот сейчас... за окном белел череп.

Не было сомнения, что чья-то мальчишеская рука двигала его и постукивала им по стеклу. За окошком слышалось приглушенное хихиканье.

Мистер Ховард выскочил на улицу и увидел трех убегающих мальчишек. Ругаясь, на чем свет стоит, он бросился за ними в сторону котлована. Уже стемнело, но он очень четко различал их силуэты. Мистеру Ховарду показалось, что мальчишки остановились и перешагнули через что-то невидимое. Он ускорил бег, не успев подумать, что бы это могло значить. Тут его нога за что-то зацепилась и он рухнул в котлован.

"Веревка..." - пронеслось у него в сознании, прежде чем он с жуткой силой ударился головой о трубу. Теряя сознание, он чувствовал, как лавина грязи обрушилась на его ботинки, брюки, пиджак, шею, голову, наполнила его рот, уши, глаза, ноздри...

Утром, как обычно, хозяйка постучала в дверь мистера Ховарда, держа в руках поднос с кофе и румяными булочками. Она постучала несколько раз и, не дождавись ответа, вошла в комнату.

- Странное дело, - сказала она, оглядевшись. - Куда мог подеваться мистер Ховард?

Этот вопрос она неоднократно задавала себе в течение долгих лет...

Взрослые - люди ненаблюдательные. Они не обращают внимания на детей, которые в погожие дни играют в "отраву" на Оук-бэй-стрит. Иногда кто-нибудь из детей останавливается перед цементной плитой, на которой неровными буквами выдавлено "М.Ховард".

- Вилли, а кто это "мистер Ховард"?

- Не знаю, наверное, тот человек, который делал эту плиту.
- А почему так неровно написано?
- Откуда я знаю. Ты "отравился"! Ты наступил!
- А ну-ка, дети, дайте пройти! Вечно устроят игру на дороге...

ТРУБА

Дождь лил весь вечер, и свет фонарей тускло пробивался сквозь его пелену. Две сестры сидели в столовой. Старшая - Джулия - вышивала скатерть; младшая - Анна - сидела у окна, неподвижно глядя на темную улицу. Она прижалась лбом к стеклу, безвучно пошевелила губами и вдруг сказала:

- Я никогда не думала об этом раньше.

- О чем ты? - спросила Джулия.

- До меня только что дошло. Там же настоящий город под городом. Мертвый город. Там, прямо под нашими ногами.

Джулия поджала губы и быстрее заработала иголкой.

- Отойди-ка от окна, - сказала она. - Этот дождь на тебя что-то навевает.

- Нет, правда. Ты когда-нибудь думала об этих трубах? Они же лежат под всем городом, под каждой улицей и выходят прямо в море. По ним можно ходить, не наклоняя головы, - быстро говорила Анна, вдохновленная дождем, падавшим с черного неба, барабанившим по мостовой и исчезающим под решетками люков на каждом перекрестке. - А ты бы хотела жить в трубе?

- Ну уж нет!

- Но ведь это же так забавно! Следить за людьми сквозь щелку. Ты их видишь, а они тебя - нет. Как в детстве, когда играешь в прятки, и никто тебя не может найти. А ты все время среди них, и все видишь, знаешь все, что происходит. Вот и в трубе также. Я бы хотела...

Джулия медленно подняла глаза от своего рукоделия.

- Послушай, Анна, ты действительно моя сестра? Неужели нас родили одни и те же родители? Иногда, когда ты вот так говоришь, мне кажется, что мать нашла тебя под деревом, принесла домой и вырастила в горшке. А разумом ты как была, так и осталась.

Анна не ответила, и Джулия снова принялась за работу. Минут через пять Анна сказала:

- Ты, наверное, скажешь, что мне это приснилось. Может и так.

Теперь промолчала Джулия.

- Может, этот дождь меня усыпил, пока я здесь сидела и смотрела на него. Я думала о том, откуда этот дождь берется и куда исчезает через эти маленькие щелочки в решетках, и что там, глубоко внизу. И тут я увидела их... мужчину и женщину. Они там, в трубе. Прямо под дорогой.

- И что же они там делают? - спросила Джулия.

- А они должны что-нибудь делать?

- Нет, если они сумасшедшие, - ответила Джулия. - В этом случае они могут и ничего не делать. Залезли в трубу и пускай себе сидят.

- Нет, они не просто залезли, - убежденно сказала Анна. Она говорила как ясновидящая: наклонив голову в сторону и полуприкрыв глаза веками. - Они любят друг друга.

- Час от часу не легче. Так это любовь заставляет их ползать по канализационным трубам?

- Нет. Они там уже много-много лет.

- Не говори чепухи. Не могут они жить столько лет в этой трубе, - рассердилась Джулия.

- А разве я сказала, что они живут? - удивленно спросила Анна. - Нет, совсем нет. Они мертвые.

Дождь усилился и пулеметной очередью застучал по стеклу. Капли соединялись и стекали вниз, оставляя неровные полосы.

- О Господи, - сказала Джулия.

- Да, мертвые, - повторила Анна, смущенно улыбнувшись. - Он и она. Оба мертвые.

Эта мысль, казалось, доставила ей какое-то умиротворение: она сделала приятное открытие и гордилась этим.

- Он, наверное, очень одинокий человек, который никогда, нигде не путешествовал.

- Откуда ты знаешь?

- Он так похож на человека, который никогда не путешествовал, но очень хотел бы этого. Это видно по его глазам.

- Так ты знаешь, как он выглядит?

- Да. Очень больной и очень красивый. Знаешь, как болезнь делает человека красивым? Она подчеркивает тончайшие черты лица.

- И он умер?

- Да! Пять лет назад, - Анна говорила медленно и распевно, в такт словам, опуская и поднимая ресницы. Казалось, она собирается рассказать длинную, одной ей известную историю, начав ее медленно, а затем все быстрее и быстрее, пока не достигнет кульминации: глаза широко раскрыты, губы дрожат. Но сейчас - медленное начало, хотя в ее голосе слышались приглушенные, нервные нотки.

- Пять лет назад этот человек шел по улице. Он знал, что ему еще много дней придется ходить по той же самой улице. Он подошел к крышке люка, похожей на железную вафлю, заглянул туда и услышал, как внизу, под его ногами шумит подземная река, как она несет-ся прямо к морю, - Анна вытянула вперед правую руку. - Он медленно наклонился, отодвинул крышку люка и увидел несущийся поток и металлические ступеньки, уходящие в него. Тогда он подумал о ком-то, кого он очень хотел любить, но не мог. И пошел вниз по ступенькам, пока не скрылся совсем...

- А как насчет нее? - спросила Джулия, перекусывая нитку. - Когда она умерла?

- Я точно не знаю. Она какая-то новенькая. Может быть, она умерла только что... Но она мертвая. Удивительно прекрасная и мертвая! - Анна восхитилась образом, возникшем у нее в сознании! -

Только смерть может сделать женщину действительно красивой. Вся она становится воздушной, и волосы ее тончайшими нитями развеваются в воде. Никакие школы танцев не могут придать женщине такой легкости, грациозности и изящества. - Анна сделала рукой жест, выражавший утонченную грациозность.

- Он ждал ее пять лет. Но до сих пор она не знала, где он. И теперь они вместе и останутся вместе навсегда... Когда пойдут дожди, они оживут. А во время засухи они будут отдыхать - лежать в укромных нишах, как японские кувшинки - старые, засохшие, но величавые в своей отрешенности.

Джулия поднялась и зажгла еще одну лампу в углу комнаты:

- Лучше бы ты поговорила о чем-нибудь другом.

Анна засмеялась:

- Но позволь мне рассказать, как это начинается, как они возвращаются к жизни. Я это так ясно представляю. - Она прижалась к стеклу, пристально глядя на улицу, дождь и крышку люка на перекрестке. - Вот они, там, внизу, высохшие и спокойные, а небо над ними темнеет и электризуется. - Она откинула назад свои длинные мягкие волосы. - Вот оно светлеет, взрывается... Капли дождя сливаются в потоки, которые несут с собой мусор, бумажки, старые листья.

- Отойди от окна! - сказала Джулия, но Анна, казалось, не слышала ее.

- О, я знаю, что там внизу. Там огромная квадратная труба. Она пустует целыми неделями. Там тихо, как в могиле. Только где-то высоко наверху идут машины. И труба лежит сухая и пустая, как верблюжья кость в пустыне. Но вот капли застучали по ее днищу, как будто кто-то ранен наверху и истекает кровью. Вот раздался раскат грома! А может, это опять прогрохотали машины?

Теперь она говорила быстрее, часто дышала, прижавшись к стеклу, как будто прошла уже изрядную долю дистанции.

- Вода сочится узенькими змейками. Они извиваются, сливаются вместе и вот уже одна огромная плоская змея ползет по дну трубы. Эта змея втягивает в себя все потоки, которые текут с севера и с юга, с других улиц, из других труб. Она корчится и втекает в те две маленькие, сухие ниши, о которых я тебе уже говорила. Она медленно огибает тех двоих, мужчину и женщину, которые лежат, как японские кувшинки.

Она сжала руки, переплетая пальцы в замок.

- Оба они впитывают воду. Вот они уже пропитались водой насквозь. Вода поднимает руку женщины. Сначала кисть: чуть-чуть. Потом предплечье, и вот уже всю руку, и еще ногу. А ее волосы... - Она провела по своим волосам, спадающим на плечи. - Ее волосы свободно всплывают и распускаются, как цветы в воде. У нее голубые глаза, но они закрыты...

На улице стемнело. Джулия продолжала вышивать, а Анна все говорила и говорила. Она рассказывала, как поднимается вода и увлекает с собой женщину, приподнимает ее, ставит вертикально.

- И женщина не противится, отдаваясь во власть воде. Она долго лежала без движения и теперь готова начать ту жизнь, которую подарила ей вода.

Немного в стороне вода приподнимает и мужчину тоже. И Анна подробно рассказывает, как потоки медленно их сближают.

- Вода открывает им глаза. Вот они уже могут видеть друг друга, но еще не видят. Они кружатся в водовороте, не касаясь друг друга. - Анна повернула голову. Ее глаза закрыты. - И вот их взгляды встречаются. В них вспыхивает фосфорический огонек. Они улыбаются... Они протягивают друг другу руки...

Джулия оторвалась от вышивания и пристально посмотрела на сестру:

- Хватит!

- Поток заставляет их коснуться друг друга. Поток соединяет их. О, это само совершенство любви - два тела, покачиваемые водой, очищающей и освежающей. Это совсем безгрешная любовь...

- Анна! Прекрати сейчас же!

- Ну что ты! - обернулась к ней Анна. - Они же не думают ни о чем, правда? Они глубоко внизу, и им нет до нас дела.

Положив одну руку на другую, она мягко перебирала ими. Свет уличного фонаря, падавший на ее руки, то и дело прерывался потоками дождя и создавал впечатление, что они действительно находятся в подводном мире. Между тем Анна продолжала, как бы в полусне:

- Он, высокий и безмятежный, широко раскинул руки. - Она жестом показала, как высок и легок он в воде. - А она - маленькая, спокойная и какая-то расслабленная. Они мертвы, им некуда спешить, и никто не может приказывать им. Их ничто не волнует, не заботит. Они спрятались от всего мира в своей трубе. Они касаются друг друга руками, губами, а когда их выносит на перекресток труб, встречный поток тесно соединяет их... Они плывут рука к руке, покачиваясь на поверхности, и кружатся в водоворотах, неожиданно подхватывающих их. - Она провела руками по стеклу, забрызганному дождем. - Они плывут к морю, а позади тянутся трубы, трубы... Они плывут под всеми улицами - авеню Гриншоу, площадь Эдмунда, Вашингтон, Мотор-сити, Океан-сайд и, наконец, океан. Они проплывают под табачными лавками и пивными, под магазинами, театрами и железнодорожными станциями, под ногами у тысяч людей, которые даже не знают или не думают об этой трубе....

Голос Анны осекся. Она помолчала и потом спокойно продолжила:

- Но вот - день проходит, гроза уносит прочь. Дождь кончается. Сезон дождей позади. - Она, казалось, была разочарована этим. - Вода убегает в океан, медленно опуская мужчину и женщину на пол трубы. - Она опустила руки на колени, не отрывая от них глаз. - Вода уходит и забирает с собой ту жизнь, которую дала этим двоим. Они ложатся рядом - бок о бок. Где-то наверху восходит и заходит солнце, а у них - вечная ночь. Они спят в блаженной тишине. До следующего дождя.

Ее руки лежали на коленях ладонями вверх.

- Красивый мужчина, красивая женщина... - пробормотала она, наклонив голову и зажмурил глаза.

Внезапно Анна выпрямилась и посмотрела на сестру.

- Ты знаешь, кто это? - горько улыбнувшись, спросила она.

Джулия не ответила: бледная, с трясущимися губами, она с ужасом смотрела на сестру.

- Мужчина - это Фрэнк, вот кто! А женщина - я! - почти выкрикнула Анна.

- Анна! Что ты...

- Да, Фрэнк там!

- Но Фрэнк пропал несколько лет назад, и уж конечно он не там, Анна!

Теперь Анна обращалась ни к кому-то - а ко всем сразу - к Джулии, окну, стене, улице.

- Бедный Фрэнк, - говорила она, глотая слезы. - Я не знаю, где он. Он не мог найти себе места в этом мире. Его мать отравила ему всю жизнь! И он увидел трубу и понял, как там хорошо и спокойно. О, бедный Фрэнк! Бедная Анна, бедная я, бедная! Джулия, ну почему я не удержала его, пока он был со мной! Почему я не вырвала его у матери?

- Замолчи! Замолчи сейчас же, и чтобы я этого больше не слышала!

Анна отвернулась к окну и, тихонько всхлипывая, положила руку на стекло.

Через несколько минут она услышала, как сестра спросила:

- Ты кончила?

- Что?

- Если ты кончила реветь, иди сюда и помоги мне, а то я не справлюсь до утра.

Анна подняла голову и подселла к сестре.

- Ну что там?

- Здесь и вот здесь, - показала Джулия.

Анна взяла иглу и села поближе к окну. Сумерки сгущались. От дождя темнота стала чересчур густой, и только вспыхивавшие время от времени молнии освещали крышку люка на мостовой.

Примерно полчаса они работали молча. Джулия почувствовала, что у нее слипаются глаза. Она сняла очки и откинулась в кресле. Буквально через тридцать секунд она открыла глаза, потому что хлопнула входная дверь и послышались чьи-то торопливо удаляющиеся шаги.

- Кто там? - спросила Джулия, нащупывая свои очки. - Кто-то стучался, Анна?

Она, наконец, надела очки и с ужасом уставилась на пустой стул, на котором только что сидела Анна.

- Анна! - она выскочила и бросилась в прихожую.

Дверь была распахнута, и дождь злорадно стучал по полу.

- Она просто вышла на минутку, - дрожащим голосом сказала Джулия, близоруко вглядываясь во тьму. - Она сейчас вернется, правда, Анна, дорогая! Ну ответь же мне, сестренка!

Крышка люка на мостовой приподнялась и опустилась. Дождь продолжал выстукивать на ней свои ритмы.

ПОПРЫГУНЧИК В ШКАТУЛКЕ

Он подошел к окну, сжимая шкатулку в руках. Нет, попрыгунчику не вырваться наружу, как бы он ни старался. Не будет он размахивать своими ручками в вельветовых перчатках и раздаривать налево и направо свою дикую нарисованную улыбку. Он надежно спрятан под крышкой, спрятан в темнице, и толкающая его пружина напрасно сжала свои витки, как змея, ожидая, пока откроют шкатулку. Прижав ухо к ней, Эдвин чувствовал давление изнутри, ужас и панику замурованной игрушки. Это было то же самое, что держать в руках чужое сердце. Эдвин не мог бы сказать, пульсировала ли шкатулка или его собственная кровь стучала по крышке этой игрушки, в которой что-то сломалось. Он бросил шкатулку на пол и выглянул в окно. Снаружи деревья окружали дом, который окружал Эдвина. Что было там, за деревьями, он не знал. Если он пытался рассмотреть Мир, который был за ними, начинался ветер, и деревья дружно сплестались своими ветвями и преграждали путь его любопытному взгляду.

- Эдвин! - крикнула сзади Мать.- Хватит глазеть. Иди завтракать.

Она пила кофе, и Эдвин слышал ее нервное прерывистое дыхание.

- Нет, - еле слышно сказал он.

- Что?! - раздался резкий шорох. Наверное она повернулась. - Что важнее: завтрак или какое-то окно?!

- Окно, - прошептал Эдвин, и взгляд его скользнул вдаль. А почему деревья тянутся вдаль на десять тысяч миль? Правда ли это? Он не мог ответить, а взгляд его был слишком беспомощен, чтобы проникнуть в тот далекий Мир. И Эдвин снова вернул его обратно, к газонам, к ступенькам крыльца, к своим пальцам, дрожащим на подоконнике.

Он повернулся и пошел есть безвкусные абрикосы, вдвоем с Матерью, в огромной комнате, где каждому слову вторило эхо. Всю жизнь - пять тысяч раз - утро, этот стол, это окно, эти деревья и неизвестность за ними.

Ели молча.

Кожа у матери была бледной. Каждый день в определенное время - утром в шесть, днем - в четыре, вечером - в девять, а также спустя минуту после полуночи - мать подходила к узорчатому окошку в башенке на четвертом этаже этого старого загородного дома и замирала там на мгновение, высокая, бледная и спокойная. Она напоминала дикий белый цветок, забытый в старой оранжерее и упрямо протягивающий свою головку навстречу лунному свету.

А ее ребенок, Эдвин, был пушистым чертополохом, и дыхание осеннего ветра могло разнести его по всему свету. У него были шелковистые волосы и голубые глаза, горевшие лихорадочным блеском. Он рос нервным и резко вздрагивал, когда внезапно хлопала какая-нибудь дверь.

Мать начала говорить с ним сначала медленно и убедительно, затем все быстрее и наконец зло, почти брызгая слюной.

- Почему каждое утро с тобой нужно воевать? Мне не нравится то, что ты торчишь у окна, слышишь? Чего ты хочешь? Увидеть их? - кричала она и пальцы ее подергивались. Она была похожа на ядовитый белый цветок. - Хочешь увидеть чудовищ, которые бегают по дорогам и поедают людей, как клубнику?

"Да, - подумал он. - Я хочу увидеть чудовищ такими страшными, как они есть".

- Ты хочешь выйти туда? - кричала она. - Как и твой отец до того, как ты родился, и быть убитым ими, как он. Этого ты хочешь?

- Нет...

- Разве не достаточно, что они убили его? Зачем тебе думать об этих чудовищах? - Она махнула рукой в сторону леса. - Но если ты уж так хочешь умереть, то ступай!

Она успокоилась, но ее пальцы все еще нервно сжимались и разжимались на скатерти.

- Эдвин, Эдвин! Твой отец создавал каждую частицу этого Мира. И Мир был прекрасен для него, а значит должен быть прекрасен для тебя. За этими деревьями нет ничего. Ничего, кроме смерти. Твой Мир - здесь. И ни о чем другом не нужно думать.

Он кивнул с несчастным видом.

- А теперь улыбнись и доедай завтрак, - сказала она.

Он медленно ел, и окно незаметно отражалось в его серебряной ложечке.

- Мама... - начал он несмело. - А что такое умереть? Ты все время говоришь об этом. Это такое чувство?

- Для тех, кто потом останется жить, это плохое чувство. - Она внезапно поднялась. - Ты опоздаешь на уроки. Беги!

Он поцеловал ее и схватил учебники:

- Пока!

- Привет учительнице!

Он пулей вылетел из комнаты и побежал по бесконечным лестницам, холлам, переходам, все вверх и вверх, через Миры, лежащие как коржи в слоеном пироге с прослойкой из восточных ковров между ними и яркими свечами сверху.

С самой верхней ступеньки он взглянул вниз, в лестничный пролет, на четыре Мира Вселенной.

Изменность - кухня, столовая, гостиная. Две возвышенности - музыка, игры, рисование и запретные комнаты. И здесь - он обернулся - Высокогорье удовольствий, приключений и учебы. Здесь он любил играть, бездельничать или сесть где-нибудь в уголке, напевая детские песенки.

Итак, это называлось Вселенной. Отец (или Господь, как часто называла его мать) давно воздвиг эти горы пластика, оклесанные обоями. Это было создание Творца, в котором Матери отводилась роль солнца. Вокруг нее вращаются все Миры, а Эдвин - это маленький метеор, кружащийся среди ковров и обоев, огораживающих Вселенную.

Иногда он и Мать устраивали пикники здесь, на Высокогорье, рас-

стилали бесконечные скатерти на коричневых плитах. А со старых портретов незнакомцы с желтыми лицами смотрели на их пиры и веселье. Они пили воду, прозрачную и холодную, из блестящих кранов, упрятанных в черепичных нишах, а потом со смехом и воплями, в какой-то буйной радости били стаканы об пол. А еще они играли в прятки, и Мать находила его то запеленатым, как мумия, в старую штору, то под чехлом какого-нибудь кресла, как диковинное растение, защищенное от непогоды. Однажды он заблудился и долго плутал по каким-то пыльным переходам, пока Мать не нашла его, испуганного и плачущего, и не вернула в гостиную, где все такое родное и знакомое.

Эдвин бегом поднялся по лестнице. Два ряда дверей тянулись вдоль коридора. Все они были закрыты и находились под запретом. С картин Пикассо и Дали на Эдвина смотрели жуткие лица чудовищ.

- Эти живут не здесь, - говорила мать, как-то рассказывая ему про картины и изображенных на них чудовищ. Сейчас, пробегая мимо, Эдвин показал им язык. Вдруг он остановился. Одна из запретных дверей была приоткрыта. Солнечный свет, вырывавшийся из нее, взволновал Эдвина. За дверью виднелась винтовая лестница, уходящая навстречу солнцу и неизвестности. Эдвин замер в нерешительности. Сколько раз он подходил к разным дверям, и всегда они были закрыты на замок. А что, если распахнуть дверь и взобраться по этой лестнице на самый верх? Не ждет ли его там какое-нибудь чудовище?

- Хэлло! - его крик понесся по винтовой лестнице.

- Хэлло... - лениво ответило эхо, улетаая все выше, выше и пропадая.

Он вошел в комнату.

- Пожалуйста, не обижайте меня, - прошептал он, глядя вверх.

Эдвин начал подниматься по лестнице, с каждым шагом ожидая заслуженной кары. Глаза у него были закрыты, как у кающегося грешника. Он шел все быстрее и быстрее, винтовые перила, казалось, сами вели его. Неожиданно ступеньки кончились, и он оказался в открытой, залитой солнцем башенке. Эдвин открыл глаза и тут же зажмурился. Никогда, никогда он еще не видел так много солнца! Он ухватился за металлические перила и несколько мгновений стоял с закрытыми глазами под лучами утреннего солнца. Наконец он осмелился и осторожно открыл глаза. В первый раз он находился над лесным барьером, окружавшим дом со всех сторон. Сверху этот барьер оказался неширокой полоской, а дальше, насколько хватало взгляда, открывалась удивительная картина - зеленая равнина, перерезанная серыми лентами, по которым ползли странные жуки. Вдали торчали какие-то предметы, похожие на пальцы. А еще дальше - голубая равнина, поднимающаяся вверх. Но чудовищ, как у Пикассо и Дали, нигде не было видно. Зато Эдвин увидел красно-бело-голубые платки, развевавшиеся на высоких шестах.

Вдруг у него закружилась голова, он почувствовал себя больным, совсем больным. Ведь он прошел через запретную дверь, да еще поднялся по лестнице. "Ты ослепнешь! - Он прижал руки к глазам. - Ты не должен был увидеть это, не должен, не должен!" Он упал на коле-

ни, распростерся по полу, сжавшись в комочек. Еще мгновение - и слепота поразит его!

Пять минут спустя он стоял у окна на Высокогорье и наблюдал знакомую картину.

Он снова видел орешник, вязы, каменную стену и этот лес, казавшийся ему бесконечной стеной, за которой ничего не должно быть, кроме кошмара небытия, тумана, дождя и вечной ночи. Теперь он точно знал, что Вселенная не кончается этим Миром.

Он снова потрогал ручку запретной двери. Заперто. А правда ли, что он поднимался вверх? Уж не пригрезился ли ему этот бесконечный Мир, наполовину зеленый, наполовину - голубой. Видел ли Господь, что Эдвин был там, наверху? Мальчик затрепетал. Господь, владеющий этим чудесным миром! Может быть, он и сейчас глядит на него. Эдвин провел ладонью по похолодевшему лицу:

- Я еще вижу. Спасибо тебе. Я еще могу видеть.

В девять тридцать, с опозданием на полчаса, он постучался в дверь класса. Учительница ждала его, одетая в длинное серое платье с капюшоном, закрывавшем лицо. На ней, как обычно, были очки в серебряной оправе и серые перчатки.

- Ты опоздал сегодня.

За ее спиной пламя камина ярко играло на блестящих корешках книг, стоявших на стеллажах. Стеллажи шли вдоль всех стен класса, а камин был такой большой, что Эдвин мог войти в него, не наклоняя головы.

Дверь закрылась, стало тихо и тепло. В классе стоял письменный стол, за которым когда-то сидел Господь. Он ходил по этому ковру, набивая свою трубку дорогим табаком, хмуро выглядывая из этого огромного окна с цветными стеклами. В комнате еще носились запахи табака, каучука, кожи и серебряных монет. Здесь голос Учительницы звучал медленно и торжественно, когда она рассказывала о Господе, о старых временах, когда Мир еще создавался Волей и Трудом Господа, когда он из проекта на бумаге превращался в строение из бревен и досок. Отпечатки пальцев Господа еще сохранились на нескольких заточенных карандашах, которые лежат в коробке, закрытой стеклом. Их нельзя трогать, можно только смотреть, пока отпечатки не исчезнут, как растаявшие снежинки.

Здесь, в этом классе, мягко льющийся голос Учительницы рассказывал Эдвину, что от него требуется. Он должен расти и унаследовать черты, запахи, голос Господа. Когда-нибудь он сам станет Господом и ничто не должно помешать этому. Ни небо, ни деревья, ни То, что находится за деревьями.

Он задумался, и очертания Учительницы расплылись у него перед глазами.

- Почему ты опоздал, Эдвин?

- Я не знаю.

- Я тебя еще раз спрашиваю, почему ты опоздал?

- Одна... одна из запертых дверей была открыта...

Он увидел, что Учительница вздрогнула, опускаясь в большое кресло с подлокотниками. Ее голос стал каким-то подавленным. Точ-

но такой же был однажды у него самого, когда он плакал, напуганный страшным сном.

- Какая дверь? Где? О, она же должна быть заперта?

- Дверь около картин Дали-Пикассо, - сказал он в страхе. Они с Учительницей всегда были друзьями. Неужели все кончилось? Он все испортил? - Я поднимался по лестнице. Я должен был, должен! Простите меня, простите! Не говорите, пожалуйста, Маме!

Она растерянно посмотрела на него. В стеклах ее очков поблескивали языки пламени от камина.

- И что ты там видел? - пробормотала она.

- Большое голубое пространство!

- А еще?

- Еще зеленое, и еще какие-то ленты, и по ним ползут жуки. Но я был там совсем недолго. Клянусь вам, клянусь!

- Зеленое пространство, да, ленты и маленькие жуки, да, да. - От ее голоса ему стало еще страшнее.

Он шагнул к ней и хотел взять ее за руку, но она отняла руку и подняла ее к своей груди.

- Я сразу спустился, я закрыл дверь, я больше не буду, никогда-никогда! - отчаянно плакал он.

Ее голос был таким, что он едва мог разобрать слова:

- Но ты уже видел, и захочешь увидеть еще, и теперь всегда будешь интересоваться этим.

Она раскачивалась взад-вперед. Внезапно она повернула к нему свое лицо:

- А какое оно, то, что ты видел?

- Я очень испугался. Оно большое.

- Да, да, большое. Огромное, Эдвин. И так непохоже на наш Мир. Большое, огромное, неопределенное. О, зачем ты это сделал? Ты же знал, что это плохо?

Воцарилась тишина, прерываемая потрескиванием дров в камине. Она ждала его ответа, и так как он молчал, проговорила едва двигая губами:

- Это из-за Матери?

- Я не знаю!

- Она все время кричит, ворчит на тебя, ничего не позволяет, а тебе хочется побыть одному, да? Ну скажи же мне!

- Да, да! - закричал он, захлебываясь от рыданий.

- И ты убежал, потому что она захватила все твоё время, все твои мысли? - ее голос был печальным и растерянным. - Ну, скажи...

Он вытирал кулаком слезы:

- Да!

Он кусал себя за пальцы, за руки:

- Да!

Это нехорошо - признаваться в таких вещах, но сейчас ему не пришлось ничего говорить. Она сама все сказала, и ему оставалось только соглашаться, кивать головой, громко всхлипывать.

Учительница как-то сразу постарела и сторбилась. Она медленно поднялась, подошла к столу и что-то написала на листке бумаги.

- Передай это Матери. Здесь сказано, что у тебя каждый день должно быть два свободных часа. Проводи их, где хочешь. Но только не снаружи. Ты меня слышишь?

- Да. - Он вытер лицо. - Но...

- Что?

- А Мама обманывала меня, когда рассказывала о том, что происходит снаружи и об этих чудовищах?

- Посмотри на меня, - сказала Учительница. - Я твой друг, я никогда не била тебя, как это иногда приходилось делать твоей Матери. Мы обе здесь для того, чтобы помочь тебе во всем разобраться и вырасти, так, чтобы с тобой не случилось того же, что с Господом.

Она поднялась и нечаянно оказалась ярко освещенной пламенем из камина. На лице ее прорезались мелкие морщины. Эдвин замер.

- Огонь! - прошептал он.

Учительница неловко отвернулась.

- Огонь, - Эдвин перевел взгляд с пламени на ее лицо, которое уже исчезло в складках капюшона.

- Ваше лицо... - глухо сказал Эдвин. - Вы так похожи на мою Маму!

Она быстро повернулась к книгам и сняла одну с полки. Затем она произнесла своим высоким монотонным голосом:

- Женщины все похожи друг на друга, ты же знаешь! Забудь об этом! Иди сюда. - Она протянула ему книгу. - Читай дневник! Первую главу.

Эдвин взял книгу и даже не почувствовал ее веса. Языки пламени вспыхивали и исчезали в дымоходе. Эдвин начал читать, а Учительница откинулась назад, удобно устроившись в кресле. И чем дальше он читал, тем спокойней становилось ее лицо. Она начала кивать в такт его чтению, и ее голова в капюшоне напоминала торжественно раскачивающийся язык колокола. Эдвин машинально читал и думал о книгах, стоявших на стеллажах. Некоторые страницы из них были вырезаны, некоторые строки зачеркнуты. Некоторые книги заклеены совсем, а другие плотно перевязаны липкой лентой и стояли, как собаки в намордниках. "Почему?" - думал Эдвин, продолжая читать.

"Вначале был Бог. Он создал Вселенную и Миры во Вселенной. Миры он разделил на континенты и океаны. Он своим умом и своими руками создал свою любимую жену и ребенка, который со временем сам станет Богом..."

Учительница медленно кивала. Огонь засыпал на багровых углях. Эдвин продолжал читать.

Эдвин съехал вниз по перилам и, запыхавшись, влетел в гостиную:

- Мама! Мама!

Она сидела в кресле и тяжело дышала - будто ей тоже пришлось проделать бегом изрядный путь.

- Мама, почему ты так вспотела?

- Я? - в ее голосе послышалось раздражение, как будто это была

его вина, что ей пришлось так спешить. Она тяжело вздохнула и взяла его за руки.

- Послушай, а у меня для тебя сюрприз! Знаешь, что будет завтра? Ни за что не угадаешь! Твой день рождения!

- Но прошло всего десять месяцев...

- Я сказала - завтра! А если я что-нибудь говорю, это действительно так и есть, мой дорогой. - Она улыбнулась.

- И мы откроем еще одну секретную комнату?

- Да, четырнадцатую! Потом - пятнадцатую - на будущий год, затем шестнадцатую, семнадцатую и так до твоего двадцать первого дня рождения! А тогда, Эдвин, мы откроем самую главную дверь, закрытую на три замка, и тогда ты станешь Хозяином дома, Богом, Правителем Вселенной!

- Ух ты! - воскликнул он и от возбуждения подбросил вверх свои книжки. Они раскрылись и, как белые голуби, полетели на пол. Он рассмеялся. Она тоже засмеялась. Он побежал вверх по лестнице, чтобы снова съехать по перилам. Она стояла внизу раскинув руки, чтобы поймать его.

Эдвин лежал на кровати. Луна светила в окошко. Он вертел в руках шкатулку с попрыгунчиком. Крышка оставалась закрытой, он даже не смотрел на нее. Завтра его день рождения, но почему? Может, он так хорошо себя вел? Нет. Почему же тогда день рождения наступит так быстро?

"Наверное, теперь мои дни рождения будут приходить все быстрее и быстрее, - сказал он, глядя в потолок. - Я чувствую это. Мама смеется так громко. И глаза у нее какие-то необычные..."

А Учительницу пригласить на праздники? Нет. Они с мамой никогда не встречаются. "Почему?" - "Потому", - отвечает всегда Мама.

"Вы не хотели бы встретиться с моей Мамой, Учительница?" - "Когда-нибудь, - вяло говорит Учительница. - Когда-нибудь".

- А где Учительница спит? Может, она поднимается вверх по всем этим секретным комнатам к самой луне? А может, уходит далеко-далеко за деревья, которые растут за деревьями, которые растут за деревьями. Нет, вряд ли.

Он повертел игрушку в потных ладонях. Как это называется, когда все как-то раздражает и из-за ерунды хочется плакать? Нервы? Да, да, ведь в прошлом году, когда у них с Мамой что-то стало не так, она тоже устроила его День рождения на несколько месяцев раньше.

О чем бы еще подумать? О Боге! Он сотворил холодный подвал, обожженную солнцем башенку и все чудеса сверху донизу. И он погиб. Его погубили те чудовищные жуки, которые ползают там, вдали за стенами. О, сколько потерял мир с его гибелью! Эдвин поднес шкатулку к лицу и произнес:

- Эй, ты! Слышишь?!

Ни звука не слышалось из-под плотно закрытой крышки.

- Я тебя выпущу. Слышишь? Может быть, тебе будет больно, но зато ты сможешь выйти. Сейчас, погоди.

Он встал с кровати, на цыпочках подошел к окну и приоткрыл его. Дорожка, покрытая мраморными плитками, тускло поблескивала внизу. Эдвин размахнулся и бросил шкатулку. Она завертелась в воздухе и полетела вниз. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем она чиркнула о мраморную дорожку.

Эдвин высунулся в окошко:

- Ну! - закричал он. - Как ты? Как ты там?!

Эхо замерло. Шкатулка упала куда-то в тень. Он не мог видеть, открылась ли она при ударе. Он не мог видеть, выскочил ли попрыгунчик из своей жуткой тюрьмы или все так же сдавлен крышкой, и Эдвину так и не удалось помочь ему вырваться. Он прислушался. Он простоял у окна целый час, но так ничего и не дождавшись, вернулся в постель.

Утро. Из кухни доносились чьи-то голоса, и Эдвин открыл глаза. Кто бы это мог быть? Какие-нибудь служители Бога? А может, это люди с картин Дали? Нет, Мама их ненавидит, они не придут. Молчание. И вдруг снова эти голоса, слившиеся в один громкий голос:

- С днем рождения!

Потом они с Мамой смеялись, плясали, ели поджаристые пирожки и лимонное мороженое, пили шипучий лимонад, а на именинном пироге со свечами Эдвин прочитал свое имя, написанное сахарной пудрой. Потом Мать сидела за пианино и, аккомпанируя себе, пела смешные детские песенки. Потом они ели клубнику с сахаром, опять пили лимонад и опять хохотали - так, что закачалась люстра.

Потом появился серебристый ключик, и они побежали открывать четырнадцатую запретную дверь.

- Готово! Смотри-ка. - Дверь скрипнула и уехала прямо в стену.

- О, - только и сказал Эдвин. К его разочарованию, четырнадцатая комната оказалась всего-навсего пыльным чуланом, стены которого были покрыты коричневым пластиком. Она не шла ни в какое сравнение с теми комнатами, что открывались в его предыдущие дни рождения. На шестой год он получил класс, где теперь проходили уроки. На седьмой - комнату для игр. На восьмой - музыкальный салон, на девятый - ему открылась чудесная комната - кухня, где горел настоящий огонь! На десятый год была комната, где стоит фонограф, вызывающий голоса духов с черных дисков. На одиннадцатый - большая комната, которая называется Сад. Там лежит удивительный зеленый ковер, который нужно не подметать, а стричь.

- Не отчаивайся, иди-ка сюда, - сказала Мать и втолкнула его в чулан. - Это волшебная комната. Сейчас увидишь. Ну-ка, закрой дверь.

Она нажала какую-то кнопку на стене.

- Не надо! - закричал Эдвин, потому что чулан вдруг задрожал и начал ползти вверх.

- Не бойся, малыш, - сказала Мать и взяла его за руку.

Мимо них уходила вниз какая-то черная стена, в которой то и дело виднелись двери. Около одной из них чулан скрипнул и остановился.

- Ну-ка! Открой!

Эдвин осторожно открыл дверь и заморгал глазами.

- Высокогорье! Это же Высокогорье! Как мы попали сюда? Где гостиная, где же гостиная, Мама?

Она взъерошила ему волосы:

- Я же сказала, что это волшебная комната. Мы прилетели сюда. Теперь раз в неделю ты тоже будешь летать в класс, вместо того, чтобы бегать по всем лестницам!

Эдвин смущенно оглядывался по сторонам, не понимая, как все это произошло.

- О, Мама, как здорово... - прошептал он.

Потом они блаженствовали в саду, растянувшись в густой траве и потягивая яблочный сидр из большущих чашек. Мать несколько раз вздрагивала, услышав грохот монстров за лесом. Эдвин поцеловал ее в щеки:

- Не бойся. Я тебя защищу.

- Я знаю. Ты - защитник, - сказала она, но продолжала то и дело бросать взгляд в сторону деревьев, как бы опасаясь, что именно они являются источником хаоса, который все обратит в пыль.

Когда солнце уже стало клониться к закату, они увидели какую-то блестящую птицу, с грохотом пролетевшую высоко над деревьями. Втянув голову в плечи, они бросились домой, ожидая, что вслед за этим грохотом грянет буря - раскаты близкого грома предвещали грозу. Но птица скрылась, а за окном спокойно стужались сумерки.

Они еще немного посидели в гостиной. Мать задумчиво потягивала шампанское из высокого бокала. Затем она поцеловала Эдвина и отправила его спать.

У себя в спальне он медленно раздевался и думал о том, какую комнату он получит через год, через два года... А на что похожи эти чудовища, монстры? Они убили Господа... Интересно, что такое "смерть"? Наверное, это такое чувство. Наверное, оно так понравилось Господу, что он никогда не вернется. Может быть, "смерть" - это путешествие?

Внизу раздался звон разбитого стекла. Наверное, мать уронила бутылку шампанского. Эдвин замер от того, что его пронзила странная мысль: "А какой бы звук раздался, если бы упала сама Мать? Если бы она разбилась на миллион осколков?"

Проснувшись утром, он почувствовал странный запах. Так пахло вино. Эдвин потянулся в кровати. Он прекрасно себя чувствовал. Сегодня, как обычно, его ждет завтрак, уроки, обед, занятия музыкой, потом час или два - электрические игры и, наконец, самое интересное - чай на мягкой зеленой траве. Вечером опять уроки - они будут с Учительницей читать книги из библиотеки, и он узнает что-нибудь новое о том нездешнем Море, который скрыт от его глаз.

Ой, он же забыл отдать матери записку Учительницы! Нужно сейчас же сделать это.

Эдвин быстро оделся и распахнул дверь. В доме стояла непривычная тишина.

- Мама, - позвал он. Никто не отзывался. - Мама! - закричал он и бросился вниз.

Он нашел ее там же, где оставил вчера вечером в гостиной. Мать лежала на полу с разбитым бокалом в руке. Рядом валялась бутылка. Она была невредима, но все вино из нее вылилось, оставив на ковре ядовитого цвета пятно. Мать была все в том же зеленом платье. Она, наверное, очень крепко спала и не слышала шагов Эдвина. Он подошел к столу. Стол был пуст. Это поразило Эдвина. Сколько он себя помнил, на этом столе по утрам его всегда ждал завтрак. Но сегодня его не было!!!

- Мама, проснись, - он обернулся к ней. - Где завтрак? Проснись! Мне идти на уроки?

Она не шевелилась.

Эдвин бросился вверх. Безмолвные коридоры и лестницы летели ему навстречу. Вот и дверь класса. Тяжело дыша, он постучал. Молчание. Он стукнул сильнее, и дверь, жалобно скрипнув, приоткрылась.

Класс - пустой и темный. Веселый огонь не потрескивал в камине, не играл отблесками на потолке. Кругом не было слышно ни звука.

- Учительница!

Он замер в центре безжизненной холодной комнаты.

- Учительница?!

Слабый луч света пробился через цветное стекло, когда он приподнял штору.

Эдвин мысленно приказал, чтобы огонь загорелся в камине. Он зажмурил глаза, чтобы дать время Учительнице появиться. Затем он открыл глаза и замер, ошеломленный тем, что он увидел на ее столе. На аккуратно сложенном сером платье с капюшоном лежали ее очки и одна серая перчатка, Эдвин потрогал ее. Другой перчатки не было. Рядом лежал жирный косметический карандаш. Эдвин задумчиво провел им несколько линий на ладони.

Повернувшись, он подошел к стене и потрогал ручку маленькой двери, которая всегда была закрыта. Ручка неожиданно легко поддалась, и дверь раскрылась. Перед ним был маленький коричневый чулан.

- Учительница! - позвал он, потом вскочил в чулан, захлопнул за собой дверь и нажал на красную кнопку в стене. Чулан стал опускаться, и с ним опускался вниз какой-то мертвящий холодок.

Мир был безмолвен, холоден и спокоен. Учительница ушла, а Мать - спит. Чулан опускался, зажав его в железных челюстях. Но вот вдруг остановился.

Что-то щелкнуло, и дверь открылась. Эдвин вышел и очутился... в гостиной. Самое удивительное, что не было никакой двери - только раздвижная дубовая панель.

Мать спала все в той же позе, неловко повернув руку, рядом с которой лежала мягкая серая перчатка Учительницы. Он поднял перчатку и долго разглядывал ее. Ему стало страшно.

Всклипывая, он побежал вверх. Камин был холодный, комната

пуста. Он бросился обратно, приказывая столу накрыться скатертью-самобранкой с завтраком.

Стол оставался пуст. Эдвин наклонился к матери, затормошил ее, умоляя проснуться.

Ее руки были холодны.

Мерно тикали часы. Пыль играла в лучах солнечного света. Наверное, она опускалась через все Миры, прежде чем осесть здесь, на ковре. Эдвин проголодался, а Мать все не двигалась.

Он подумал об Учительнице. Ее нет в доме - значит, она куда-то вышла и заблудилась. Только он может найти ее и привести сюда, чтобы она разбудила мать, иначе та будет вечно лежать здесь, и постепенно все покроется пылью.

Эдвин прошел через кухню и вышел во двор. Светило солнце, где-то за кромкой Мира ревели чудовища. Он дошел до ограды, не решаясь идти дальше. В нескольких шагах он увидел шкатулку, которую сам выбросил в окно.

Ветер колыхал листья деревьев, и тени от них пробегали по разбитой крышке к лицу попрыгунчика, протягивающего руки в извечном жесте стремления к свободе.

Попрыгунчик улыбался и хмурился, улыбался и хмурился, выражение его лица менялось от пробегавшей тени листьев. Эдвин зачарованно смотрел на него.

Попрыгунчик протягивал руки к запретной тропе. Эдвин оглянулся и нерешительно двинулся вперед.

- Учительница?

Он сделал несколько шагов по тропе.

- Учительница!

Он замер, вглядываясь вперед. Деревья смыкали над тропой свои кроны, в которых шелестел ветер.

- Учительница!

Эдвин шел вперед медленно, но упрямо. Он обернулся. Позади лежал привычный Мир, окутанный безмолвием. Он уменьшался, он был маленьким! Как странно видеть его таким! Ведь он казался ему огромным! Эдвин почувствовал, как замерло у него сердце. Он шагнул было обратно к дому, но, испуганный его безмолвием, повернулся и двинулся вперед по тропе.

Все было внове - запахи, цветы, очертания предметов. "Если я уйду за эти деревья, я умру, - подумал он. - Так говорила Мать: "Умрешь, ты умрешь". Но что же такое смерть? Другая комната? Голубая комната, зеленая комната - больше всех комнат, какие он видел! Но где же ключ? Там, впереди, большая железная клетка. Она приоткрыта! А за ней большущая комната с голубым небом, и зеленой травой, и деревьями! О, Мама, Учительница..."

Он побежал вперед, споткнулся, упал, вскочил и снова бросился вперед, плача, причитая и издавая еще какие-то несведомые ему самому звуки. Он добежал до калитки и выскользнул через нее. Вселенная сужалась за ним, но он даже не обернулся, чтобы проститься с ней. Он бежал вперед, а старые его Миры уменьшались и исчезали.

Полицейский протянул зажигалку прохожему, попросившему закурить.

- Ох уж эти мальчишки! Никогда их не поймешь...

- А что случилось? - спросил прохожий.

- Да, понимаете, несколько минут назад тут пробежал один парень. Он плакал и смеялся, одновременно плакал и смеялся. Он прыгал и дотрагивался до всего, что ему попадалось. До фонарных столбов, афиш, телефонных будок, собак, людей. А потом он остановился передо мной, посмотрел на меня и на небо. Видели бы вы слезы у него в глазах! И все время он бормотал что-то странное.

- И что же он бормотал? - спросил прохожий.

- Он бормотал: "Я умер, я умер, я счастлив, что я умер, как хорошо быть мертвым!" - Полицейский задумчиво потер подбородок. - Наверное, дети придумали какую-то новую игру.

УЛЫБАЮЩЕЕСЯ СЕМЕЙСТВО

Самым замечательным свойством дома была полнейшая тишина. Когда мистер Гриппин входил, хорошо смазанная дверь закрывалась за ним беззвучно, как во сне. Двойной ковер, который он сам постелил недавно, полностью поглощал звук шагов. Водосточные желоба и оконные переплеты были укреплены так надежно, что не скрипнули бы в самую ужасную бурю. Все двери в комнатах закрывались новыми прочными крюками, а отопительная система беззвучно выдыхала струю теплого воздуха на отвороты брюк мистера Гриппина, который пытался согреться в этот промозглый вечер.

Оценив царящую вокруг тишину тончайшим инструментом, вставленным в ухо, Гриппин удовлетворенно кивнул, ибо безмолвие было абсолютным и совершенным. А ведь бывало, по ночам в доме бегали крысы. Приходилось ставить капканы и класть отравленную еду, чтобы заставить их замолчать. Даже дедушкины часы были остановлены. Их могучий маятник неподвижно застыл в гробу из стекла и кедра.

Они ждали его в столовой. Он прислушался. Ни звука. Хорошо. Даже отлично. Значит, они научились вести себя тихо. Иногда приходится учить людей. Но урок не прошел зря - из столовой не слышно было даже звона вилок и ножей. Он снял свои толстые серые перчатки, повесил на вешалку вместе с пальто и на мгновение задумался о том, что нужно сделать.

Затем он решительно прошел в столовую, где за столом сидели четыре индивидуума, не двигаясь и не произнося ни слова. Единственным звуком, нарушившим тишину, был слабый скрип его ботинок по толстому ковру.

Как обычно, он остановил свой взгляд на женщине, сидевшей во главе стола. Проходя мимо, он взмахнул пальцами у ее лица. Она не моргнула.

Тетя Роза сидела прямо и неподвижно. А если с пола вдруг поднималась случайная пылинка, следила ли она за ней взглядом? А если бы пылинка попала ей на ресницу, дрогнули бы ее веки? Сжались бы мышцы, моргнули бы глаза? Нет.

Руки тети Розы лежали на столе, высохшие и желтые, как у манекена. Ее тело утопало в широком льняном платье. Ее груди не обнажались годами ни для любви, ни для кормления младенца. Они были, как мумии, запеленуты в холстины и погребены навечно. Тощие ноги тети Розы были одеты в глухие высокие ботинки, уходившие под платье. Очертания ее ног под платьем придавали ей еще большее сходство с манекеном, ибо отсюда как бы начиналось восковое ничто.

Тетя Роза сидела, уставившись прямо на мистера Гриппина. Он насмешливо помахал рукой перед ее лицом - над верхней губой у нее собралась пыль, образуя подобие маленьких усиков.

- Добрый вечер, тетушка Роза! - сказал Гриппин, наклонившись. - Добрый вечер, дядюшка Дэйм!

"И ни единого слова, - подумал он. - Ни единого слова!"

- А, добрый вечер, кузина Лейла, и вам, кузен Лейер, - поклонился он снова.

Лейла сидела слева от тетушки. Ее золотистые волосы завивались, как медная стружка под токарным резцом. Лейер сидел напротив нее, и волосы его торчали во все стороны. Они были почти детьми, ему было - четырнадцать, ей - шестнадцать. Дядя Дэйм, их отец ("отец" - что за дурацкое слово!), сидел рядом с Лейлой у боковой ниши, потому что тетушка Роза сказала, что если он сядет у окна, во главе стола, ему продует шею. Ох уж эта тетушка Роза!

Гриппин пододвинул к столу свободный стул и сел, положив локти на скатерть.

- Я должен с вами поговорить, - сказал он. - Это очень важно. Надо кончать с этим делом, оно и так уже затянулось. Я влюблен. Да, да, я говорил вам уже. В тот день, когда я заставил вас улыбаться. Помните?

Четыре человека, сидящие за столом, не взглянули в его сторону и не пошевелились.

Воспоминания нахлынули на Гриппина.

Тот день, когда он заставил их улыбаться... Это было две недели назад. Он пришел домой, вошел в столовую, посмотрел на них и сказал:

- Я собираюсь жениться.

Они замерли с такими выражениями на лицах, как будто кто-то только что выбил окно.

- Что ты собираешься?! - воскликнула тетушка.

- Жениться на Алисе Джейн Белларди, - твердо сказал он.

- Поздравляю, - сказал дядюшка Дэйм, глядя на свою жену. - Но я полагаю... А не слишком ли рано, сынок? - Он закашлялся и снова посмотрел на свою жену. - Да, да, я думаю это немножко рано. Я не советовал бы тебе спешить.

- Дом в жутком состоянии, - сказала тетушка Роза. - Нам и за год не привести его в порядок.

- Это я слышал от вас и в прошлом году, и в позапрошлом, - сказал Гриппин. - В конце концов это мой дом!

При этих словах челюсть у тети Розы отвисла:

- В благодарность за все эти годы выбросить нас...

- Да никто не собирается вас выбрасывать! Не будьте идиоткой! - раздражаясь, закричал Гриппин.

- Ну, Роза... - начал было дядя Дэйм.

Тетушка Роза опустила руки:

- После всего, что я сделала...

В этот момент Гриппин понял, что им придется убраться. Всем им. Сначала он заставит их замолчать, потом он заставит их улыбаться, а затем, чуть позже, он выбросит их, как мусор. Он не мог привести Алису Джейн в дом, полный таких тварей. В дом, где тетушка Роза не даст ему и шагу ступить, где ее детки строят ему всякие пакости, и где дядюшка (подумаешь, бакалавр!) вечно вмешивается в его жизнь со своими дурацкими советами.

Гриппин смотрел на них в упор.

Это они виноваты, что его жизнь и его любовь складываются так неудачно. Если бы не они, его грезы о женском теле, о пылкой и страстной любви могли бы стать явью. У него был бы свой дом - только для него и Алисы. Для Алисы Джейн.

Дядюшке, тете и кузенам придется убраться. И немедленно. Иначе пройдет еще двадцать лет, пока тетя Роза соберет свои старые чемоданы и фонограф Эдисона. А Алисе Джейн уже пора въехать сюда.

Глядя на них, Гриппин схватил нож, которым тетушка обычно резала мясо.

Голова Гриппина качнулась, и он открыл глаза. Э, да он, кажется, задремал.

Все это происходило две недели назад. Уже две недели назад в этот самый вечер был разговор о женитьбе, переезде, Алисе Джейн. Две недели назад он заставил их улыбаться.

Сейчас, возвратившись из своих воспоминаний, он улыбнулся молчаливым неподвижным фигурам, сидевшим вокруг стола. Они вежливо улыбались ему в ответ.

- Я ненавижу тебя! Ты, старая сука, - сказал Гриппин, глядя в упор на тетушку Розу. - Две недели назад я не отважился бы это сказать. А сегодня... - Он повернулся на стуле. - Дядюшка Дэйм! Позволь сегодня я дам тебе совет, старина...

Он поговорил еще немного в том же духе, затем схватил десертную ложку и притворился, что ест персики с пустого блюда. Он уже поел в ресторане - мясо с картофелем, кофе, пирожное, но теперь он наслаждался маленьким спектаклем, делая вид, что поглощает десерт.

- Итак, сегодня вы навсегда уходите отсюда. Я ждал целых две недели и все продумал. Кстати, я думаю, что задержал вас здесь так долго, потому что хотел присмотреть за вами. Когда вы уберетесь, я же не знаю... - в его глазах промелькнул страх, - а вдруг вы будете шататься вокруг и шуметь по ночам. Я этого не выношу. Я не могу терпеть шума в этом доме, даже если Алиса въедет сюда...

Двойной ковер, толстый и беззвучный, действовал успокаивающе.

- Алиса хочет переехать послезавтра. Мы поженимся.

Тетя Роза злобеще подмигнула ему, выражая сомнение.

- Ах! - воскликнул Гриппин, подскочив на стуле. Затем, глядя на тетюшку, он медленно опустился. Губы его дрожали. Но вот он расслабился, нервно рассмеялся.

- Господи, да это же муха.

Муха прервала свой путь по желтой щеке тетюшки Розы и улестела. Но почему она выбрала такой момент, чтобы помочь тетюшке выразить свое недоверие?

- Ты сомневаешься, что я смогу когда-нибудь жениться, тетюшка? Думаешь, я неспособен к браку, любви и исполнению брачных обязанностей? Думаешь, я незрел, чтобы совокупиться с женщиной? Думаешь, я мальчишка, несмышленик? Ну ладно же! - Он покачал головой и с трудом успокоил себя.

"Да брось ты! Это же просто муха, а разве может муха сомневаться в любви? Или ты уже не можешь отличить муху от подмигивания? Проклятие!"

Он оглядел всех четверых.

- Я растоплю печку пожарче. Через час я от вас избавлюсь раз и навсегда. Понятно? Хорошо. Я вижу, вы все поняли.

На улице начался дождь. Потоки холодной воды бежали с крыши. Гриппин раздраженно посмотрел в окно. Шум дождя - единственное, что он не мог заглушить. Для него бесполезно было покупать масло, пелли, крюки. Можно бы обтянуть крышу мягкой тканью, но он будет шелестеть в траве под окнами. Нет. Шум дождя не убирать... А сейчас ему, как никогда в жизни, нужна тишина. Каждый звук вызывает страх. Поэтому каждый звук надо заглушить, устранить.

Дробь дождя напоминала нетерпеливого человека, постукивающего костяшками пальцев...

Гриппина снова охватили воспоминания. Он вспомнил тот день, когда две недели назад заставил их улыбнуться... Он взял нож, чтобы разрезать лежавшую на блюде курицу. Как обычно, когда семейство собиралось вместе, все сидели с постными скучными рожами. Если детям хотелось улыбнуться, тетюшка Роза набрасывалась на них с яростью.

Тетюшке Розе не понравилось, как он держал локти, когда резал курицу. "Да и нож, - сказала она, - давно бы уж следовало поточить".

Вспомнив об этом сейчас, он рассмеялся. А в тот вечер он добросовестно и покорно поводил ножиком по точильному бруску и снова принялся за курицу. Посмотрев на их напыщенные скучные рожи, он замер и вдруг поднял нож и пронзительно завопил:

- Да почему же, черт побери, вы никогда не улыбнетесь?! Я ставлю вас улыбаться!

Несколько раз он поднял нож, как волшебную палочку и - о чудо! - все они улыбались!

Тут он оборвал свои воспоминания, смял, скатал их в шарик, отшвырнул в сторону. Затем он резко поднялся, прошел через столовую и холл на кухню и оттуда спустился по лестнице в подвал. Там топилась большая печь, которая обогревала дом.

Гриппин подбрасывал уголь в печь до тех пор, пока там не забушевало пламя.

Затем он поднялся обратно. Нужно будет кого-нибудь позвать прибраться в пустом доме - вытереть пыль, встряхнуть занавески. Новые толстые восточные ковры надежно обеспечат тишину, которая будет так нужна ему целый месяц, а может, и год.

Он прижал руки к ушам. А что, если с приездом Алисы Джейн в доме возникнет шум? Ну какой-нибудь шум, где-нибудь, в каком-нибудь месте?

Он рассмеялся. Нет! Это, конечно, шутка. Такой проблемы не возникнет. Нечего бояться, что Алиса привезет с собой шум. Это же просто абсурд! Алиса Джейн даст ему земные радости, а не бессонницу и жизненные неудобства.

Он вернулся в столовую. Фигуры сидели все в тех же позах, и их индифферентность по отношению к нему нельзя было объяснить невежливостью.

Гриппин посмотрел на них и пошел к себе в комнату, чтобы переодеться и подготовиться к прощанию с семьей. Расстегивая запонку на манжете, он повернул голову и прислушался.

Музыка.

Сначала он не придал этому значения. Потом он медленно поднял глаза к потолку, и лицо его побледнело.

Наверху слышалась монотонная музыка, и это вселяло в него ужас: как будто кто-то касался одной струны на арфе. И в полной тишине, окутывающей дом, эти слабые звуки были такими же грозными, как сирена полицейской машины на улице.

Дверь распахнулась под напором его рук, как от взрыва. Ноги сами несли его наверх, а перила винтовой лестницы, будто длинные полированные змеи, извивались в его цепких руках. Сначала он, разъяренный, спотыкался, но потом набрал скорость, и, если бы перед ним внезапно выросла стена, он не отступил бы, пока не разорвал бы о нее пальцы в кровь.

Он чувствовал себя, как мышь, очутившаяся в колоколе. Колокол гремит, и от его грохота некуда спрятаться. Это сравнение захватило его, как бы связало пуповиной с раздавшимися сверху звуками, которые были все ближе, ближе.

- Ну подожди! - закричал Гриппин. - В моем доме не может быть никаких звуков! Вот уже две недели! Я так решил!

Он ворвался на чердак.

Облегченно вздохнул, потом истерично рассмеялся.

Капли дождя падали из крошечного отверстия на крыше в высокую вазу для цветов, усиливающую звук, как резонатор. Одним ударом он превратил вазу в грудку осколков.

У себя в комнате он надел старую рубашку и потертые брюки и довольно улыбнулся. Музыка смолкла. Дырка заделана. Ваза разбита. В

доме снова воцарилась тишина. О, тишина бывает самых разных оттенков.

Есть тишина летних ночей. Строго говоря, это не тишина, а наложение арий насекомых, скрип лампочек в уличных фонарях, шелеста листьев. Такая тишина делает слушателя вялым и расслабленным. Нет, это не тишина! А вот зимняя тишина - гробовое безмолвие. Но она преходяща, готова исчезнуть по первому знаку весны. И потом - она как бы звучит внутри самой себя. Мороз заставляет позвякивать ветки деревьев и эхом разносит дыхание или слово, сказанное глубокой ночью. Нет, об этой тишине тоже не стоит говорить!

Есть и другие виды тишины. Например, молчание между двумя влюбленными, когда слова уже не нужны... Щеки его покраснели, и он закрыл глаза. Это наиболее приятный вид тишины, правда тоже не совсем полный, потому что женщины всегда все портят: просят прижаться посильнее или наоборот, не давить так сильно. Он улыбнулся. Но с Алисой Джейн этого не будет. Он уже это пробовал. Все было прекрасно.

Шепот. Слабый шепот.

Да, о тишине... Лучший вид тишины постигаешь в себе самом. Там не может быть хрустального позвякивания мороза или электрического жужжания насекомых. Мозг отрешается от всех внешних звуков, и ты начинаешь слышать, как кровь пульсирует в твоём теле.

Шепот.

Он покачал головой:

- Нет и не может быть никакого шепота в моем доме!

Пот выступил на его лице, челюсть опустилась, глаза напряглись.

Снова шепот.

- Говорю тебе, я женюсь, - вяло произнес он.

- Ты лжешь, - ответил шепот.

Его голова опустилась, подбородок упал на грудь.

- Ее зовут Алиса Джейн, - невнятно произнес он пересохшими губами. Один его глаз часто-часто мигал, как будто подавая сигналы невидимому гостю. - Ты не можешь меня заставить перестать любить ее. Я люблю ее.

Шепот.

Ничего не видя перед собой, он сделал шаг вперед и почувствовал струю теплого воздуха у ног. Воздух выходил из решетки вентилятора.

Шепот. Так вот откуда шепот.

Когда он шел в столовую, в дверь постучали.

Он замер.

- Кто там?

- Мистер Гриппин?

- Да, я.

- Откройте, пожалуйста.

- А кто вы?

- Полиция, - ответил все тот же голос.

- Что вам нужно? Не мешайте мне ужинать!

- Нам нужно поговорить с вами. Звонили ваши соседи. Говорят, они уже недели две не видят ваших родственников, а сегодня слышали какие-то крики.

- Уверю вас, все в порядке, - он попробовал рассмеяться.

- В таком случае, - продолжал голос с улицы, - мы убедимся в этом и уйдем. Пожалуйста, откройте.

- Мне очень жаль, - не соглашался Гриппин, - но я устал и очень голоден. Приходите завтра. Тогда я поговорю с вами, если хотите.

- Мы вынуждены настаивать, мистер Гриппин. Открывайте!

Они начали стучать в дверь. Не говоря ни слова, Гриппин отправился в столовую. Там он уселся на свободный стул и заговорил, сначала медленно, потом все быстрее.

- Шпики у дверей. Ты поговоришь с ними, тетя Роза. Ты скажешь им, что у нас все в порядке, чтобы они убирались. А вы все съёте и улыбайтесь, тогда они сразу уйдут. Ты ведь поговоришь с ними, правда, тетя Роза? А теперь я что-то должен сказать вам.

Неожиданно несколько горячих слез упало из его глаз. Он внимательно смотрел, как они расплываются, впитываясь в скатерть.

- Я не знаю женщину по имени Джейн Беллард. Я никогда не знал ее. Я говорил, что люблю ее и хочу на ней жениться, только чтобы заставить вас улыбаться. Да-да, только поэтому. Я никогда не собирался заводить себе женщину и, уверю вас, никогда не завел бы. Передайте мне, пожалуйста, кусочек хлеба, тетя Роза.

Входная дверь затрещала и распахнулась. Постышался тяжелый топот. Несколько полицейских вбежали в столовую и замерли в нерешительности.

Возглавлявший их инспектор поспешно снял шляпу.

- О, прошу прощения, - начал извиняться он. - Мы не хотели испортить вам ужин. Мы просто...

Шаги полицейских вызвали легкое сотрясение пола, но даже от этого легкого сотрясения тела тетушки Розы и дядюшки Дэйма повалились на ковер.

Горло у них было перерезано полумесяцем - от уха до уха. От этого казалось, что на их лицах, как и на лицах сидящих за столом детей, застыли злоеющие улыбки. Улыбки манекенов приветствовали вошедших в комнату людей.

НЕРАЗДЕЛЕННОЕ ХОББИ

Люди с такими интересами, как у меня - всегда оторваны от жизни. Именно так. Если, конечно, у них достаточно интеллекта понять это. Моя мама всегда утверждала, что у меня есть интеллект. Она наверняка будет волноваться, когда узнает, что я арестован за... ну, не стоит пугаться этого слова - за убийство.

Вот мы с нею посмеемся, когда меня выпустят отсюда. Да, при своем интеллекте я не теряю чувства юмора и про себя горжусь этим свойством характера.

Одеваюсь я со вкусом. Не совсем по моде: чтобы выделяться среди тех, кто младше, я ношу весьма дорогие костюмы и всегда - шляпу. Потому что работаю в "Грант Робинсон", понимаете? У них это требуется. Я один из самых представительных в фирме, и, стоит добавить, очень популярен, но с сослуживцами не общаюсь. И никогда - ну, никогда не сделаю *этого* ни с одним из них, и вообще с теми, кого я знаю, или с теми, кто имеет ко мне хоть какое-то отношение.

Вот что я называю интеллектом. Некоторые из этих... ну, убийц, если так уж необходимо употребить это слово, - ни о чем не думают. Они делают это со всеми. Я - только с чужими.

Честно говоря, - со всей честностью, мне присущей, - я никогда бы не подумал сделать это с тем, кого я знаю, даже если он - случайный знакомый. Мой метод более надежен, и, думаю, не ошибусь, если осмелюсь утверждать, что он более нравственный. На войне, как вам должно быть известно, обучают убивать чужих, платят за это и медали дают. Думаю, что, если бы я явился с повинной и откровенно объяснил бы *мою* точку зрения - я имею в виду правдиво и от всего сердца, - они не стали бы... ну, они взамен даже наградили бы меня медалью. Я так думаю. Я не шучу.

Первый человек, с которым я сделал это... Я будто заново родился. Это случилось на войне. С тех пор я делал это примерно раз в два года, но как изменилась моя жизнь! Они говорят много разной ерунды, - ну эти, которых называют криминалистами. Но они ничего не понимают. От скольких дурных привычек это меня избавило! Раньше меня мучила бессонница, нервы никуда не годились, да и пил я много, не говоря уж о таких вещах, которые не принято упоминать. Я где-то прочел, что от них даже портится зрение. А самое смешное - в

том, что, когда я прикончил своего первого парня, у меня прошла астма, а она доставляла мне немало страданий. Мама до сих пор говорит: "Помнишь, как ты сопел всю ночь, когда был маленький?" Она очень ласкова со мной, моя мама. Вместе мы составляем хорошую пару.

Что касается того, первого... Это случилось на Восточном побережье, в порту, забыл, как он называется, впрочем, неважно, хотя иногда мне кажется, что неплохо было бы съездить туда, понимаете? Сентиментальность и все такое. Конечно, я считаю, что первая... ну, ваша первая *жертва* (знаете, есть такое дурацкое слово!) - как первая любовь, если вы понимаете, о чем идет речь. Все остальные, как бы их ни было много, никогда не сравнятся с первым. Больше такого чувства я не испытывал. Я имею в виду, что потом тоже получалось здорово и, на мой взгляд, стоило затраченного труда, но не шло ни в какое сравнение с тем первым.

Он был моряк, пьяный моряк, и это сыграло мне на руку. Ужасная ночь! На набережной бушевал дождь, а я стоял под навесом, когда он подошел, сле держась на ногах. Я был в форме и вооружен: винтовка, штык и все остальное, а он уронил мою винтовку в грязь.

На самом деле я скорей испугался, чем разозлился. Понимаете, он был очень высок - шесть футов с таким, и очень мощный на вид. Он спросил, есть ли у меня девчонка, и я, конечно, сказал, что нет. Тогда он двинулся на меня, а под навесом было не развернуться, понимаете? Я решил, что он собирается сделать со мной что-то нехорошее, но потом, когда хорошенько подумал, пришел к выводу, что он просто хотел драться. Вы, наверное, знаете таких дураков: они любят пускать в ход кулаки, по поводу и без повода, и, думаю, он напал, решив, что я стою не просто так, а с нехорошей целью. Конечно, это не так. К счастью, я абсолютно нормален.

Надеюсь, ясно, что я тоже не трус: не испугался, когда он двинулся на меня, хотя сначала было страшновато. Неожиданно на меня снизошло просветление, и я сказал себе: "Верн, ты можешь убить этого пьяницу своим штыком!"

От этой мысли сильная дрожь пробежала по телу. Когда я втыкал в него штык, мной будто бы руководило Небо: я не дрогнул, и не промахнулся, и ударил не слабо - другой на моем месте так бы не смог. Тогда - то я на самом деле думал, что мною руководит Небо, я много молился в то время; сейчас Господь и я, похоже, разошлись во мнениях. Времена ведь меняются, и нужно принимать эти перемены как должное.

Он издал громкий звук, будто чихнул. Его руки взметнулись, и он рухнул на меня, прижимая к двери, будто обнимая. Снова сильнейшая дрожь - уже от радости - всколыхнула меня. Больше такой силы чувства я не испытывал.

Я повис на нем, а он толкался и дергался, пока совсем не умер. Это оказалось слегка волнительно: я не был уверен, что прикончил его, но когда он, наконец, затих, я, стоя с ним в обнимку, мысленно просил, чтобы он еще разок меня толкнул.

Потом передо мной встала проблема: как избавиться от тела. Ког-

да я собрал всю свою волю и подумал, она разрешилась быстро. Все, что мне необходимо было сделать - перетащить его под дождем к парпету. Я спихнул тело вниз, и оно упало прямо в море. Дождь продолжал лить как из ведра.

Забавный случай. Я заметил, что за ним тянулся кровавый след до самого парпета, но мне не хотелось останавливаться и делать что-нибудь - ненавижу мокнуть под дождем. Как тогда, так и сейчас.

Возможно, кому-то это покажется неосторожностью с моей стороны. Может, я доверился Провидению. Дождь продолжал лить и смысл все пятна, и никто никогда больше не напоминал мне о том, что произошло.

На время я сам забыл об этом. Потом кончилась война, и я вернулся домой. Отец уже умер - невелика потеря. Мы с мамой стали жить вместе. Мы всегда были добрыми друзьями. Она привыкла покупать мне жилеты, брюки. И сейчас покупает.

Меня начало терзать беспокойство. В памяти всплывал тот моряк. Так или иначе, но хотелось сделать это снова. И было интересно, кто он такой - забавно, ведь я даже не знаю его имени. В какой-то книге, которую я как-то прочел, говорилось о людях с "пытливым интеллектом". Полагаю, у меня развит именно "пытливый интеллект". Хотя я слышал от некоторых, что с первого взгляда кажусь не особо умным. С первого взгляда, понимаете? Это, конечно, комплимент с их стороны.

Чтобы испытать еще раз ту дрожь, я купил в лавке старьевщика небольшой штык и принялся за поиски подходящей "зоны". Мне никогда не хотелось делать это там, где шумно, илюдно, и светло. Мне нравились дома времен королевы Виктории, сонные, грязновато-коричневого цвета, где нет ни магазинов, ни покупателей. Я весьма поднадорел в архитектуре. Такие дома мне дороги как память. Можете считать меня сентиментальным, ничего не имею против. Они будят во мне чувства. Каждый человек имеет право на самовыражение. Они рожают во мне склонность к творчеству, да.

Мне удалось отыскать "зону" в Сэви Диалз. Настоящая удача. В округе снесли много старых домов, но здесь удобное местечко осталось и ждало своего часа в боковом проулке. Оно до сих пор освещается газовым фонарем, и фонарщик приходит туда каждый вечер, чтобы зажечь его. Это место я выбрал, чтобы... ну, проще говоря, чтобы повторить свой успех.

Но я руководствовался не только своим вкусом, нет. В таком деле надо быть еще и расчелтливым. Я выяснил, что канализационный люк там легко открывается. Лестница ведет вниз, к другому люку, который ниже первого футов на восемь. Там еще всякие трубы и вентили. Если поднять второй люк, то попадешь прямо в канализацию.

Ничуть не хуже чем море!

Для моих целей лучшего, чем такое негигиеничное место, и придумать нельзя. Я имею в виду - понимаете? - когда вы все сделали.. ну, вам надо избавиться от тела. Насовсем, я имею в виду.

Иначе они погонятся за вами, понимаете? Как обычно в кино про гестапо: будут стучать ночью к вам в дверь. Сами знаете. Забавно здесь сидеть, в камере: мне совсем не страшно. Я ведь ничего не сделал, совсем ничего.

У меня такое хобби. Неразделенное. Если вы чуткий человек, вам ведь иногда бывает плохо. Нет, я не хочу вас разжалобить. Я просто подумал, что многим из них... ну, большей частью - им не с кем было разделить свои беды.

И вот я опять сделал это. На сей раз попался маленький крепыш; сказал, что работает кем-то вроде рассыльного у театрального агента. Разговаривал тихо, и не очень-то волновался по поводу того, что я собираюсь делать. Большинство-то еще как волнуется! А рассыльный только пустил слезу, когда я угостил его штыком, и даже не дернулся.

Некоторые хобби начинаются забавным образом - случайно, понимаете? Ну, и когда я дотащил его до нижнего люка - потом, конечно, сбросил вниз - все, что было у него во внутреннем кармане, рассыпалось. Я собрал это, засунул в свой карман и спихнул его в трубу, где быстрое и зловонное течение должно было унести его далеко-далеко.

Если честно, то я сделал это зря. Того, что было раньше, теперь уже не было. Я не испытывал ни вдохновения, ни облегчения. Ничего не получилось. Тогда я решил больше никогда не повторять этого, во всяком случае... Никогда нельзя быть уверенным, что тебя не найдут.

Как только я пришел домой к маме, то под каким-то предлогом проскользнул к себе в спальню - мы уже, естественно, спим в разных комнатах - и рассмотрел то, что оказалось в моем кармане.

Довольно интересно: письмо от его сестры, два счета его фирмы и вырезка из газеты (двухлетней давности и очень потрепанная) с заметкой о каком-то генерале, посетившем Россию, открытка с текстом о голубях, небольшая папка с образцами всех оттенков светящейся краски, которую можно купить, карточка члена профсоюза и фотография маленькой девочки с трехколесным велосипедом, и еще одна, где та же девочка просто стоит и смеется. Я много раз смотрел на фотографию, пытаюсь угадать, почему она смеется.

Однажды я забыл ее убрать, и ее нашла мама и стала внимательно разглядывать.

- Верн, а это кто?

- Сын одного парня с моей работы. Дочь, то есть. Дочь парня, с которым я работаю.

- Миленькая, правда? Как ее зовут?

- Я не знаю. Мама, отдайте мне фотографию.

- А кто он? Кто ее отец?

- Я же сказал: я с ним работаю.

- Это Уолтер? - Она никогда не встречалась с Уолтером, но, наверное, я когда-то говорил о нем.

- Нет, не Уолтер. Его зовут Берт, если вам так уж нужно

знать. Я видел его дочку, когда был у него в гостях, и он заметил, что она мне понравилась, и решил, что я не прочь взять себе фотографию.

- Понятно. И ты не знаешь, как ее зовут?

- Я же сказал, мама. Я забыл. Нельзя же помнить по именам всех. Отдайте мне, наконец, фотографию.

Время от времени она бывает очень надоедливой. Когда я был маленьким, они с моим отцом частенько устраивали скандалы.

Ну, как я уже и говорил, я веду очень замкнутый образ жизни. И я стал думать о всяких потайных карманах, теплых, уютных потайных карманчиках, скрывающих в себе маленькие тайны чьих-то жизней. Что бы я ни делал, меня преследовала мысль о карманах. Как я жалел, что не вытащил из карманов рассыльного все! Очень жалел. Вы, наверное, слышали, как люди говорят: "Ах, если бы вернуть то время!" Вот и я чувствовал себя так, и это чувство захватило все мои мысли.

Другой на моем месте превратился бы в жалкого воришку, но мне подобное претило. Я ни разу в жизни ничего не украл.

Третий тип меня разочаровал. В карманах у него было почти пусто, разве что выигранные на ипподроме деньги, благодаря которым я смог купить кое-какие украшения для мамы.

А потом удача мне опять улыбнулась: следующие трое принесли мне то же чувство облегчения, которое я испытал с первым... ну, скажем, *партнером*. Звучит вполне культурно.

Эти трое были рослые парни, и то, что я нашел у них в кармане, оказалось весьма интересным. Поверите ли, один из них носил с собой аккуратно сложенный детский журнал двадцатилетней давности - тех времен, когда он сам был мальчишкой. Интересно, зачем это ему было надо? А у другого я нашел морской календарь, каталог всяких вещиц, продающихся в каком-то берлинском магазине, и тоскливое письмо от женщины, которую звали Жанет.

Все вещи я хранил запертыми в столе. Частенько я мысленно перебирал их и размышлял. Когда становилось известным, что человек исчез, я кое-что мог узнать о нем из газет. Это доставляло мне удовольствие. Один из них имел отношение к кино. Думаю, что, если бы жизнь повернулась как-нибудь иначе, я мог бы стать... ну, скажем, сыщиком. А почему бы и нет? Хотя, конечно, я предпочел бы остаться самим собой.

Итак, шло время. Я стал очень осторожным, с каждым разом все осторожнее и осторожнее. Никогда нельзя знать наверняка, понимаете? Кто-нибудь всегда может следить за вами. Помню, как отец частенько подглядывал за мной через шелку в дверях, когда я был маленьким, и я вздрагивал, даже если знал, что не делаю ничего плохого.

К тому же любопытство мучило меня. Работал интеллект, понимаете?

А теперь расскажу вам о том, что случилось недавно, совсем недавно. Сегодня!

Так вот, понимаете, прошло уже восемнадцать месяцев... ну, с тех пор, когда у меня был мой последний... ну, партнер (так я их частень-

ко про себя называю). Опять появилось чувство одиночества. И я снова отправился в Совн Диалз, и сказал себе: "Верн, дитя мое, ты долго терпел, и теперь я хочу угостить тебя вот этим человеком".

О, я выбирал очень внимательно, смотрел во все глаза, чтобы наверняка не ошибиться, найти того, кто явно был не местным, а случайным прохожим, который не имел бы никакого отношения к Совн Диалз.

Он меня вполне устраивал, тот бизнесмен, одетый по моде и не очень крепкий на вид. Как только он появился в "зоне", я пошел за ним, делая вид, что гуляю и никуда не тороплюсь.

Он вышел из одной-единственной парадной, дверь которой была открыта, и тяжело дышал. Что-то показалось мне подозрительным, но я никогда не меняю своих решений, если все на мази.

Я подошел прямо к нему и приставил мой маленький штык к его горлу, чуть-чуть уколол. Я знал, что сцен он мне устраивать не будет: ростом не вышел - гораздо меньше меня. Я-то чересчур разборчивый, можно сказать, даже привередливый. Терпеть не могу сцен.

Я сказал ему:

- Я хочу узнать о самой страшной тайне в твоей жизни - о том, чего никто, кроме тебя не знает. Быстрее говори, а не то я тебя прикончу сразу!

Цвет его лица показался мне отвратительным, и, похоже, говорить он был не в состоянии, хотя, если судить по его костюму, человек он достойный, почти как я, можно сказать. Я так уколол его горло, что потекла кровь, и сказал, чтобы он поторопился со своим рассказом.

Наконец он сказал:

- Ради Бога, оставьте меня! Я только что убил человека!

Да, именно так он и сказал. Я будто с ума сошел, хотя и стоял как вкопанный. Потом решил, что он шутит, но сделать ничего не успел, а он что-то почувствовал в моем взгляде: схватил меня за запястья и начал невнятно шептать.

А потом сказал мне:

- Вы, должно быть, друг Фаулера! Вы следили за мной, когда я сюда шел! Почему я не додумался, что он может предусмотреть это? О Господи! Вы - друг Фаулера, да?

- Я понятия не имею, кто такой Фаулер. И не впутывайте меня в ваши грязные дела!

- Но вы же знали, что он меня шантажировал? А если не знали, тогда почему вы здесь?

Мы стояли, уставившись друг на друга. Понимаете, я был так же, как и он, ошеломлен поворотом событий. Я думал, что происходящее будет для меня... ну, чем-то вроде развлечения, понимаете, это действительно мне необходимо, иначе меня скрючит астма или Бог знает что еще и я не смогу вести нормальную жизнь, и уж меньше всего я желал быть замешанным в убийстве, шантаже и тому подобном.

Как только я пришел к мысли, что надо отпустить этого типа, он попытался вытащить пистолет. Его рука мгновенно нырнула в карман: я сразу понял зачем - знаете, как в тех ужасных фильмах, которые действительно надо запретить показывать - там даже оружие не выхватывают, а убивают здоровых людей - кх!-кх!-кх! - прямо из кармана.

И я сделал ему одолжение: мой удар был хладнокровным, быстрым и красивым - такому не сразу научишься.

На сей раз я не мог заниматься всякой сентиментальной чепухой. Я поднял крышку люка и сбросил его вниз, потом спустился сам. Зрелище не из приятных: он все еще дергался. Я взял у него пистолет - мне хотелось хорошенько рассмотреть эту мерзкую вещь, прежде чем от нее избавиться. И еще залез рукой к нему в нагрудный внутренний карман. Там я обнаружил открытый конверт с негативами и фотографиями, отпечатанными с них. Непристойные снимки, понимаете, совсем непристойные: девушка там была, взрослая девушка и совсем без одежды - все видно. Не нужно и говорить, как эти снимки связаны с грязным шантажистом Фаулсером. Стоит только взглянуть и становится ясно, что за мысли у него в голове. Очень даже хорошо, что мир теперь избавился от него и от этого красавчика, пытавшегося меня застрелить.

Терзаясь смущением, я опустил эту гадость к себе в карман, чтобы рассмотреть позже, открыл следующий люк и столкнул этого типа в быстрый поток. Потом я все закрыл, вытер лицо носовым платком и поднялся наверх.

Двое в штатском ждали меня снаружи.

От изумления я потерял дар речи. Они сказали, что хотят узнать, как я застрелил Эдмона Фаулсера. Я не успел даже понять, что происходит, не успел позвонить маме, а они уже везли меня куда-то в полицейской машине.

* * *

Полиция теперь не та, что раньше. Это многие говорят. На сей раз они действительно сделали большую ошибку! Но у меня теперь есть адвокат, который улаживает мои дела, и наконец удалось послать записку маме, что со мною все хорошо и завтрак оставлять не надо.

Я все время начеку и не сказал им ничего лишнего, понимаете? Говорю все время одно: я никогда не слышал об Эдмонде Фаулсере. И все. Конечно, трудновато будет объяснить, как у меня оказались эти отвратительные снимки и пистолет. Но я невиновен! Совершенно невиновен! Пусть мне докажут обратное.

УДОВОЛЬСТВИЕ ДЛЯ ДВОИХ

Ровно в половине восьмого я встал, подошел к окну и отдернул занавески. За окном - еще одно холодное лондонское утро. Мерзко.

Мисс Колгрэйв по-прежнему восседает на стуле, там, где я ее оставил. Я одернул задрвшуюся на ней юбку - перед завтраком женское тело выглядит не очень аппетитно - и отправился на кухню. Налив себе чашку чаю и поставив вариться яйцо, я закурил. Первая утренняя сигарета всегда доставляет мне огромное удовольствие.

Завтракал я в спальне и, завтракая, внимательно рассматривал мисс Колгрэйв. В какой-то момент я даже встал, чтобы поправить ей шарфик на шее. Мисс Колгрэйв была не очень добропорядочной женщиной, и она заплатила за свои грехи. Но избавиться от нее теперь будет нелегко.

Прежде всего следовало бы завернуть ее в одеяло, как я поступил с мисс Роббинс, но сделать это будет трудновато, поскольку одеял у меня почти не осталось, а настоящая зима еще впереди. Я подумал: какая жалость, что невозможно легализовать истребление таких бесполезных женщин, как мисс Колгрэйв и мисс Роббинс. В конце концов, такие женщины - позор нашего общества.

Какое-то время я раздумывал об одеяле, потом решил, что не мешало бы прогуляться, прежде чем что-нибудь предпринимать. А мисс Колгрэйв никуда не убежит.

Я вышел в коридор, запер комнату и начал спускаться по лестнице. На площадке первого этажа я встретил миссис Мичер, собирающуюся куда-то уходить. Это очень добродетельная маленькая женщина, и я ей явно нравлюсь. Хотя она довольно юная особа, я должен признать, что она не так любопытна, как некоторые.

- Доброе утро, мистер Крим, - сказала она. - Правда, оно не слишком-то приветливое, не так ли?

- Хорошо хоть дождя нет, миссис Мичер.

- Да, и на этом спасибо. Как ваша поясница?

Я потянул спину, пока тащил мисс Роббинс в подвал, и боли периодически беспокоили меня.

- Сегодня лучше. Как говорит Святой Отец, каждый должен нести свой крест. А как ваш ревматизм, миссис Мичер?

- Вы знаете, эти лестницы... Я полночи не могла уснуть. Но мы не должны роптать, не так ли, мистер Крим?

- Да, от этого мало прока.

- Вам тоже не спится, мистер Крим? Я слышала этой ночью, как вы ходили по комнате, и еще доносились какие-то приглушенные удары. Я была сильно взволнована.

Миссис Мичер очень добродетельная женщина, вдова, но все женщины одинаковы. Они любопытны, и им совсем не свойственны замкнутость и одиночество, как это часто бывает с мужчинами. И этот их недостаток надо безжалостно искоренять. Однако я был, как обычно, вежлив и объяснил, что делал гимнастику с целью размять поясницу. Что-то заставило меня добавить:

- Миссис Мичер, нет ли у вас лишнего одеяла, которое вы могли бы одолжить мне?

Она выглядела немного удивленной и вертела в руках шляпку. Это раздражало меня.

- Кажется, есть одно, где-то в шкафу, - сказала она. - Я, пожалуй, могла бы одолжить его, но сейчас я тороплюсь. Вот если бы вы смогли зайти ко мне попозже. Попили бы чаю, если, конечно, вы не против.

- Это было бы замечательно, миссис Мичер.

- Да, это было бы замечательно. Я считаю, что каждый человек должен заниматься своим делом, но в то же время надо жить по-добрососедски, не так ли? Конечно, когда соседи - люди порядочные.

- Вы совершенно правы, миссис Мичер.

Она нацепила шляпку.

- Тогда в полпятого. Я уважаю мужчин, которые не пьют, мистер Крим - не таких, как этот ужасный мистер Лоуренс, тот, что недавно въехал на первый этаж.

- Пивные - это порождение дьявола, миссис Мичер. Мама часто говорила мне об этом, и ее слова я никогда не забуду.

Она пошла вниз. Я отправился следом, размышляя о том, что это совсем неплохая идея пригласить ее на чашечку чаю - когда я приберу комнату, конечно.

Я успел добраться только до темного холла, когда миссис Мичер выскочила на улицу. Здесь что-нибудь можно увидеть только при включенной лампочке, но она перегорела, а наш домовладелец не удосужился заменить ее. Он скверный человек: его интересуют только деньги. Таких людей я презираю.

- Крим!

Открылась дверь, и появился Лоуренс. Это полный мужчина, обычно расхаживающий по этажу в домашних тапочках и в рубашке с короткими рукавами. Я же не позволяю себе появляться на людях, не надев шляпы. Нечистоплотность в одежде - нечистоплотность в поступках.

- Доброе утро, мистер Лоуренс, - сказал я, пытаюсь удержать его на расстоянии.

- Послушайте, Крим. Я хочу спросить. Это Флосси Мичер только что вышла отсюда?

- В этом доме, по моим сведениям, больше женщин не живет.

- А та шлюшка, которую вы тащили к себе в комнату прошлой ночью? Я видел ее!

Обвинение, брошенное этим хамом в том, что я, словно какой-нибудь мелкий соблазнитель, вожу к себе женщин, страшно рассердило меня. Но он уже продолжал:

- Зайдем на минутку ко мне. Вы могли бы мне кое в чем помочь.

- Я занятой человек, мистер Лоуренс.

- Ну, я надеюсь, не настолько занятой, чтобы не помочь приятелю. Я знаю, вы старые друзья с Флосси Мичер. И вы, конечно, не хотели бы, чтобы она узнала об этих женщинах.

В его словах была доля правды. Не испытывая особого интереса к миссис Мичер, я все-таки не желал пасть в ее глазах и поэтому принял приглашение Лоуренса.

Маленькая неприбранная комната - мягкая постель, стулья, стол, заставленный пивными и молочными бутылками, на полу - куча грязного белья. Больше в комнате почти ничего не было. Очевидно жилец ведет богемный образ жизни. Мне такой образ жизни глубоко неприятен; родители всегда учили меня быть аккуратным во всем, что бы я ни делал. Лоуренс предложил сигарету.

- У меня свои, спасибо, - сказал я. По возможности я стараюсь избегать чужих микробов. Мы закурили - я снизошел до того, чтобы прикурить от его спички, - и он произнес:

- Флосси Мичер невысокого мнения обо мне, не так ли?

- Мне не известно, что она о вас думает.

- О нет. Тебе все известно! Я слышал, как в разговоре с тобой она говорила, что я грязный ублюдок. Приоткрыв дверь, я стоял здесь и слышал каждое ваше слово.

- Мистер Лоуренс, миссис Мичер никогда не сквернословит.

- Да брось, приятель. Кого ты из себя строишь?

Здесь мне пришла в голову превосходная идея; при случае я могу быстро сообразать. Мне пришлось в голову, что после истории с мисс Колгрэив, вероятно, в дальнейшем могут возникнуть те же трудности, и сейчас надо постараться извлечь из этой встречи хоть какую-нибудь выгоду для себя.

- Я, собственно, спустился, мистер Лоуренс, чтобы спросить, не могли бы вы одолжить мне одеяло. Ночи становятся холодными.

Это привело его в замешательство. Он сидел с открытым ртом и выглядел чрезвычайно глупо. Я никогда не открываю рот так широко, хотя мои зубы куда более привлекательны нежели его.

- Я могу дать одеяло, - сказал он наконец. - Но сначала я намерен расспросить тебя о Флосси Мичер.

- Буду рад рассказать все, что знаю.

- Так вот как! Ты странный малый, Крим, и я не ошибусь, если... Ладно, скажи мне тогда вот что: ее муж, Том Мичер, он умер?

- Мне кажется, что ее муж умер еще до того, как она переехала сюда, на Институтскую площадь.

- Вот что! Бедняга Том. От чего же?

- Миссис Мичер говорила, что от пневмонии.

- Понимаю. Я знал Тома Мичера. Мы при случае пропускали кружку-другую пива вместе, когда я еще работал в Уолтемстоу. Он тогда был каменщиком, как и я.

Я подумал, что его огрубевшие мозолистые руки как раз похожи на руки каменщика. Я дал ему понять, что готов получить одеяло и уйти.

- Не так быстро. Садись. Попьем пивка, как цивилизованные люди.

- Спасибо, но в мое представление о цивилизованных людях не входит пиво. И, естественно, я его не пью.

- Парень, да ты настоящий сноб.

- Нет. Просто у меня есть определенные принципы. Вот и все.

- Принципы... Хорошо. - Он пожал плечами и продолжил. - Расскажи мне побольше о Флосси. Она женщина строгих правил, да?

- Она соблюдает приличия, если это то, что вы хотите знать.

- Пришли к тому же самому. Люди, соблюдающие приличия, не имеют времени ни на что другое. Я знаю, что именно из-за нее старина Том начал пить, а потом она же тратила все свое время, пытаясь удержать его от этого занятия.

- Мистер Лоуренс, частная жизнь миссис Мичер - ее личное дело.

- Ах нет, не совсем. Дело в том, что я собираюсь жениться на Флосси Мичер.

Жизнь других людей зачастую настолько убога, что мне, в действительности, даже не хочется и слышать о ней, но заявление, сделанное этим человеком, так удивило меня, что я согласился присесть и выслушать его путанный рассказ. Несколько раз я терял нить того, о чем он говорил, поскольку на самом деле это было не особенно интересно.

Он открыл себе бутылку пива. Казалось, что это тошнотворное зелье помогает ему собраться с мыслями.

- Я осмелюсь предположить, что ты удивлен, Крим, почему это я решил жениться на этой бой-бабе, а? Странная история, действительно. Годы проходят - мы меняемся. Я отношусь к тому типу мужчин, которым необходима суровая, строгая женщина.

Мне-то повезло больше. У меня была строгая мать, и она показала мне, что по-настоящему из себя представляет мир. В этом различие между нами: даже по тому, как мы одеты, можно точно определить, кто из нас получил должное воспитание. Я до сих пор помню те мучения, что испытывал каждый раз, когда мать, принимаясь за мои ногти, глубоко вонзала острую пилку в живое мясо.

- В семье было семеро детей, Крим. Я был самым младшим. Родители - добрейшие люди: и мухи не обидают. Братья и сестры такие же. Самым странным в их доброте было то, что они никогда не говорили мне что делать, как жить. Ты не поверишь, но я вырос совершенно сбитый с толку, не подготовленный к жизни, хотя вокруг меня всегда толпилось множество людей...

О, я верю вам, мистер Лоуренс, верю, потому что вы и сейчас никчемный, пропащий человек. Это еще раз показывает, насколько важно полученное воспитание. Я единственный ребенок в семье, все время был окружен вниманием и в результате вырос аккуратным, психически здоровым и здравомыслящим. Хотя родители давно умерли, меня часто охватывает чувство, что они все еще рядом, все еще наблюдают за мной. Ну, и мне не в чем себя упрекнуть. Я вырос таким, каким они хотели видеть меня. Вообще, я думаю, можно сказать, что я лишь чуть более решителен и респектабелен, чем они. Примерно это я говорил мисс Колгрэйв, когда в конце концов мне удалось усадить ее на стул. Как омерзительны эти женщины! В последний момент они теряют контроль над своим телом и произвольно опорожняют кишечник. Папа был особенно внимателен к таким вещам и нещадно порол меня, когда я мочился в постель; я знаю, он понял бы, что я испытывал тогда к мисс Колгрэйв.

- Мне было двенадцать, когда на меня впервые кто-то обратил внимание. Странно, как это все возвращается к нам. Я, как сейчас, вижу наш сад, сломанную изгородь... Мне было двенадцать. У меня появилась первая подружка. Ее звали Салли. Салли Бивс. Она была хорошенькая. Да. Я представляю ее сейчас! У нее была сестренка Пегги. Эта парочка буквально впилась в меня, Крим. Мы частенько встречались на чердаке их старого гаража. У тебя будет стынуть кровь, если я опишу то, что они вытворяли со мной. Например, пытки. Однажды Салли приволокла резиновую трубку...

Мерзкие типы, подобно Лоуренсу, говорят только о женщинах и ни о чем другом. Пригласи я его наверх и покажи ему мисс Колгрэив, он поменьше бы думал о них.

А сейчас он рассказывает ужасные вещи, которые мне совсем не хочется слушать. У меня путаются мысли. В какой-то момент я в гневе подумал, как хорошо бы нам жилось, если бы мир был избавлен от Лоуренса. Но это не моя забота; у меня и так дел достаточно. Потом, будучи человеком утонченным, я всей душой не любил скандалов и драк, а Лоуренс, по всей видимости, куда сильнее меня. Выбирая женщин, я всегда сначала убеждаюсь в их физической слабости, дабы в дальнейшем избежать нежелательных эксцессов. Кроме того, надо бы и о своем сердце подумать.

- Да, я любил Салли, несмотря на все, что она со мной делала. Видишь ли, она первый человек, который хоть как-то обратил на меня внимание. Безграничной семейной доброты мне было недостаточно. Ты можешь смеяться, но, честно сказать, я предпочитал жестокость Салли. Иногда, увидев, что я доведен ее издевательствами до слез, она бросалась целовать меня, и тогда я клялся себе, что женюсь на ней, как только вырасту.

Супружество. Мне бы следовало и раньше догадаться, что Лоуренс свой скучный, утомительный рассказ сведет к этому. Откровенно говоря, разговоров на эту тему я предпочитаю избегать. После смерти мамы я сделал глупость и женился; если бы она была жива, я уверен, что этого бы не случилось.

Внешне Эмили казалась достаточно добродетельной женщиной. Она была старше меня и обладала небольшим состоянием. Она настаивала на том, чтобы провести наш медовый месяц в Болонье; и это сразу вывело меня из равновесия - я не люблю путешествовать там, где люди не говорят по-английски. Мы пересекли Ла-Манш на ночном пароме. И не успели мы зайти в каюту, как Эмили начала заигрывать со мной, да так непристойно, что я не мог оставить этого без внимания.

Я был в шок и даже не могу передать, насколько велико было мое разочарование. Под каким-то предлогом я выманил ее на палубу и спихнул в воду. Это было нетрудно, и я почувствовал себя лучше.

Конечно, позднее я сожалел о содеянном. Помню, меня тогда мучил приступ поноса, что со мной бывает довольно часто. Но ее родители так сочувствовали мне, узнав о несчастном случае, происшедшем с их дочерью, что вскоре я совсем оправился.

- Дела у отца шли неважно, и обстоятельства сложились так, что мы вынуждены были уехать из города. Салли я больше не видел. Но после всего, что было, обычные девушки уже не казались мне столь привлекательными. У меня были женщины, которые грубо обращались со мной, но это было все не то. Забавно, не правда ли? Я хочу сказать, что иногда мне кажется, что я предпочитаю быть несчастным. Тебе когда-нибудь приходило в голову, Крим, что мы, на самом деле, не знаем самих себя, не говоря уж о других людях.

Его жизнь - это беспорядок и грязь. Моя - выдержанность и строгость. Я не имею ничего общего с ним, совсем ничего. Он уже начал вторую бутылку пива. Внезапно я перестал грызть ногти и сказал:

- Так как насчет одеяла, мистер Лоуренс?

- Я тебя еще хочу спросить. Разве ты не считаешь, что Флосси как раз для меня? Строгая, властная женщина. Как ты думаешь, сколько ей лет?

- Откуда мне знать.

- Ну, примерно?

- Около сорока.

- Я бы сказал - тридцать восемь-тридцать девять. А мне - сорок девять. Так что это было бы совсем неплохо. Правда, принимая мучения, хотелось бы жить с комфортом. У нее же есть деньги, Крим?

- Ну, у нее своя мебель.

- Да. Старина Мичер в пятидесятых неплохо зарабатывал и, наверняка, оставил ей кругленькую сумму. Я слышал что-то о десяти тысячах фунтов. Она, должно быть, крепко держится за них, раз живет в такой дыре.

- Здесь было вполне прилично, пока не появились вы, мистер Лоуренс.

- Брось ты! Ты когда-нибудь спускался в подвал? Думаю, что нет. Конечно, зачем тебе это. Так вот, в подвале воняет так, словно они там дохлятину хранят. Ну да ладно, вопрос вот в чем: есть кто-нибудь еще, кто положил глаз на нашу Флосси? И как ты думаешь, она примет меня?

- Вы вынуждаете меня быть откровенным, мистер Лоуренс, поэтому я скажу, что вряд ли.

- Тогда пусть это будет для вас сюрпризом, *мистер* Крим. Со мной все в порядке... Я только хочу, чтобы вы замолвили обо мне словечко. Согласны?

- Я не могу ничего обещать.

- Я дам вам одеяло. Даже два.

Если кто-то желает быть дураком, я не вижу причин препятствовать этому. Я сказал, что постараюсь и сделаю все, что в моих силах. В конце концов он выдал мне два очень старых ветхих одеяла, и я потащил их наверх.

В какой-то ужасный момент, не могу сказать - почему, я подумал, что женщина, развалившаяся на стуле - моя мать. Я совершенно забыл о мисс Колгрэйв. Мне стало дурно, и я решил выйти на улицу.

Печально, но люди, делающие все, чтобы стать счастливыми, таковыми, как правило, не бывают.

Я сидел в маленьком кафе, куда иногда заглядываю, и пил кофе. На работу я уже решил сегодня не ходить. В магазине не ценят моих стараний. Появлюсь завтра и, если они устроят скандал, просто уйду. Деньги - вот что беспокоит меня; их едва хватило на сигареты. Тут, неожиданно для самого себя, я подумал о миссис Мичер и о тех десяти тысячах, про которые говорил Лоуренс.

В кафе вошла молоденькая девушка и расположилась за соседним столиком. Она была в моем вкусе, и я перебрался к ней. С такими, как она, тебе не нужно много говорить - они сами могут часами болтать и нисколько не возражают, даже если ты их совсем не слушаешь. Эта, например, рассказывала, что работает в магазине тканей, здесь, поблизости, а в свободное время подрабатывает фотографом.

Вот как! Я ненавижу фотографию, да и вообще, всякое искусство - оно не ведет ни к чему хорошему. Если бы это было в моих силах, я бы сжег все картинные галереи. Тогда, может быть, у нас поубавилось бы этой распушенности, о которой сейчас так много пишут. Я слышал, как отец говорил, что все художники и писатели - любимчики Дьявола, хотя и делал для некоторых, таких как Ллойд Дуглас и Кэнан Дойл, исключения.

Узнав от девушки, что она заходит сюда каждый день, примерно в одно и то же время, я понял, что всегда, когда пожелаю, смогу найти ее здесь. Я сказал, что работаю директором одной большой фирмы, выпускающей одеяла, и она согласилась позировать мне обнаженной, если это понадобится. Пожелав ей всего хорошего, я ушел.

Предстояло решить, что делать с трупом. Раньше, обдумывая такие вопросы, я предпринимал длительные прогулки по Лондону. Этим же я воспользовался и сейчас, хотя было довольно холодно. Расстроенный желудок вынуждал меня неоднократно забегать в общественные туалеты, и там я испытывал настоящий стыд, читая надписи на стенках кабинок.

Я видел, как сносили старые дома. Потрясающее зрелище, но удовольствие от него было испорчено цветными, работающими на стройке. Этих выходцев с Ямайки и им подобных следует отправить обратно в Африку, где им самое место. Не то, чтобы я был сторонником расовых барьеров; просто им нечего тут делать. Я бы не хотел, чтобы моя дочь вышла за кого-нибудь из них замуж.

Одно из моих главных достоинств - это способность развлечь самого себя. Мне никогда не бывает одиноко, и я никогда не завишу от других. Раньше, когда я был мальчишкой, отец очень не хотел, чтобы я играл с другими детьми; он говорил, что они научат меня плохим словам. Поэтому, когда я писал непристойности на стенках туалета, я всегда это делал, дабы пристыдить других. Часы на ювелирном магазине показывали половину пятого; я вспомнил, что приглашен на чай к миссис Мичер, и направился назад к Институтской площади, к дому номер четырнадцать.

В холле было очень темно. Из подвала исходил слабый сыроватозатхлый запах. Дверь в комнату Лоуренса была приоткрыта. Оттуда не доносилось ни звука, и я подумал, что его там нет. Когда я начал подниматься по лестнице, меня кто-то окликнул сверху. Это была миссис Мичер.

Добравшись до ее лестничной площадки, я увидел, что она находится в совершенном смятении.

- Боюсь, я немного опоздал, - сказал я вежливо.

- Вы должны приготовиться, мистер Крим. Вас ждет потрясение. Случилось ужасное.

Я не люблю, когда случается ужасное. Оно имеет отличительное свойство происходить там, где замешаны женщины. Я сказал:

- Сожалею, миссис Мичер, но я должен сейчас уйти.

Она совсем обезумела.

- Вы не можете уйти. Вы не можете оставить меня. Зайдите, пожалуйста! Там мистер Лоуренс. Он мертв!

Она судорожно схватила меня за руку и потащила в свою комнату.

Сразу бросалось в глаза, что комната хорошо меблирована: лампа с абажуром, пышный ковер, кругом картины, фотографии, безделушки, но сейчас она была в полном беспорядке - кресло и стол перевернуты, на ковре, в окружении рассыпанных кусочков сахара, валялся поднос с опрокинутой чашкой и блюдцем. Некоторые из кусочков сахара были неприятно красного цвета. Брызги крови пестрели по всей комнате, а кое-где натекли кровавые лужи.

Источник крови лежал в углу у окна. Его голова безжизненно свешивалась с маленького журнального столика. Это был Лоуренс.

Я не видел лица, но по рубашке и широкой массивной спине тут же узнал его. Рубашка была залита кровью. Из спины торчали большие ножницы. Ясно, что они-то и послужили орудием убийства. Я поздравил себя с тем, что шарфик, используемый мной для умерщвления мисс Колгрэв и других женщин, оставлял куда меньше грязи.

Я тихо опустился на стул.

- Миссис Мичер, немного воды, пожалуйста. Вам не следовало приводить меня сюда. От вида крови у меня кружится голова.

Она принесла воды и, пока я пил, начала говорить.

- Все произошло неумышленно. Совсем неумышленно. Я боюсь мужчин. Я боюсь таких, как он! Он пьяница. Таким же был мой муж, точно таким! Никогда не знаешь, что им взбредет в голову. Но я не хотела убивать его. Вы понимаете, я была так напугана. Я чувствовала запах алкоголя. Все началось внизу в холле, потом он преследовал меня здесь. Я сходила с ума от страха, но я не хотела убивать его.

- Мне стало лучше, - сказал я, возвращая стакан. Это был хороший чистый стакан с нарисованным на стекле листочком. - Миссис Мичер, вам лучше подробнее рассказать, как это случилось.

Кажется, она заставила себя успокоиться и присела напротив меня - так, чтобы не видеть ни Лоуренса, ни ножниц.

- Особо рассказывать нечего. Как я уже говорила, он преследовал меня. Он был пьян - я прекрасно знаю запах пива, а как он вел себя...

Я не успела закрыть дверь - он был так настойчив. Ох, я была перепугана насмерть. А потом он встал на колени и просил меня выйти за него замуж.

- И поэтому вы закололи его?

- Я потеряла голову. Я пнула его ногой и велела подниматься. Он умолял меня ударить его еще. Кажется, он был очень возбужден. Потом, когда он уцепился за мою юбку, я поняла, чего он хочет. Грязное животное! На столике лежало шитье, и я, не сознавая, что делаю, схватила ножницы и ударила его.

Только тогда я с отвращением заметил, что ее блузка и юбка забрызганы кровью.

Она шепотом добавила:

- Он так долго умирал, мистер Крим. Я думала, он никогда не перестанет мяться по комнате. Я выскочила за дверь и вернулась только, когда он затих.

- Он не покушался на вас, миссис Мичер?

- Я же сказала вам, что он делал. Он вцепился в юбку. Я чувствовала его пальцы.

- Насколько я понял, он дотронулся до юбки, когда делал вам предложение, не так ли?

- Мистер Крим, он был пьян!

Я встал и сказал:

- Вы же понимаете, мой долг - заявить в полицию и немедленно. Я не могу себе позволить быть замешанным в таком деле.

Она тоже вскочила. Глаза - как щелочки.

- Пока он еще был жив, я побежала к вам за помощью. Я постучала и вошла в комнату, мистер Крим. Я видела мертвую женщину на стуле. Вам лучше не ходить в полицию, мистер Крим! Вам лучше остаться и помочь мне, иначе кое-кто узнает об этой несчастной женщине.

Тут я с досадой вспомнил, что, закрыв дверь утром, когда выходил первый раз из комнаты, забыл закрыть ее позднее, будучи в подавленном состоянии, после того, как принес от Лоуренса одеяла. Это только еще раз подтверждает то, что надо быть очень и очень осторожным. Я вспомнил, как отец частенько дразнил мать, говоря, что от женщины никогда и ничего не утаишь.

- Ну, что вы теперь скажете? - спросила миссис Мичер.

- Естественно, я помогу вам.

- Что будем делать с телом?

- Я знаю, как избавиться от него.

В животе противно заурчало.

- Прошу прощения, - сказал я, направляясь к дверям.

Она незамедлительно последовала за мной. Это мне совсем не понравилось.

- Куда вы идете?

- В туалет, миссис Мичер, - с достоинством ответил я.

Страшно неудобно, но во всем доме только один туалет - на первом этаже. Пока я сидел там, у меня было время обдумать все в спокойной обстановке. Лоуренс - не тот человек, чтобы кто-нибудь хва-

тился его. Кто он такой был, чтобы кому-то беспокоиться, жив он или мертв? Есть, правда, наш хозяин, но он не будет задавать вопросов, пока исправно получает квартирную плату. Миссис Мичер в состоянии позаботиться об этом.

Отлично, тогда мы устроим такие двойные похороны - и мисс Колгрэйв, и мистер Лоуренс отправятся в подвал, туда, за груды бесполезного хлама, в компанию к мисс Роббине и к этой ирландке. Помощь совсем не помешает, когда придется тащить их по этой убогой лестнице. Разделяемое с кем-то удовольствие - двойное удовольствие, так говаривала мать, когда мы каждое воскресенье ходили в церковь.

Пока я, дергая за цепочку, пытаюсь спустить воду, у меня появилась идея. Я снова вспомнил о десяти тысячах фунтов миссис Мичер. Это большие деньги и, так или иначе, я чувствовал, что заслужил их.

Она очень добропорядочная женщина - ее реакция на поведение Лоуренса доказала это. Кроме того, она меньше меня ростом. Флосси. Флосси Мичер. Флосси - Крим.

И, поднимаясь обратно, я приветливо крикнул:

- Я только за одеялом, Флосси. Не волнуйся. Я обо всем позабочусь, дорогая!

НАСЛАЖДАЯСЬ РОЛЬЮ

Оба они считали, что занимаются интеллигентным трудом: интеллигентным, пожалуй, громко сказано, но за прилавком им стоять не приходилось. Это точно. Встретились они в совершенно прозаической обстановке, в приемной у зубного врача. - оба в темных пальто и костюмах: Гектор Ботрал - под глазами серые круги, словно пятна грязи, - и Стоунворт, измученный своей болезненной восприимчивостью.

На столике в приемной были разложены журналы. Ботрал и Стоунворт одновременно протянули руку за одним и тем же номером. Синхронно повернувшись, посмотрели друг другу в глаза, - но лишь на мгновение.

- Пожалуйста, пожалуйста, - сказал Ботрал, поспешно отводя взгляд и убирая со стола руку.

Вот и все, что произошло между ними, однако упустить этого шанса Стоунворт не мог.

Когда Ботрал, вытирая с нижней губы струйку крови, показавшись на улице, Стоунворт, поджидавший под фонарем, сделал шаг ему навстречу. Ботрал резко отпрянул.

- Ну как, выдернули? Ужас, правда? Надо, чтобы боль испытывали только низшие организмы, как вы считаете? Может, зайдем выпить кофе?

- Нет, спасибо. Мне надо домой. Пенелопа ждет. Жена, - ответил Ботрал, тиская кушак своего пальто и глядя куда-то вдаль.

- Да, конечно, извините. Забываю иногда: это ведь только мне не с кем поговорить. У вас есть жена, что вам какой-то случайный знакомый, вроде меня?

- Нет, нет, постойте, - сказал Ботрал, снова вытирая губы платком.

Ботрал почувствовал дрожь: он просто не мог вынести, чтобы кому-то из-за него было плохо. Он стоял в нерешительности - кругом темнота, нижняя челюсть ноет, будто налитая свинцом. Стоунворд жадно вбирал в себя эту смесь из чужих ощущений.

- Просто я подумал... У вас такое доброе лицо, - пробормотал он.

И, подавшись нехитрой лести Стоунворда, Ботрал неуверенным шагом отправился с ним в маленькое кафе за углом - уютное, с широкими запотевшими окнами, пропитанное безыскусной прелестью старых городских таверн.

- Мне пломбу поставили, - сказал Стоунворд, показывая пальцем вылеченный зуб и радуясь, что нашлась тема для разговора.

- А мне вырвали.

Затем они сидели молча, слушая глухое звяканье грубоватых кофейных чашек. Стоунворд глядел на Ботрала, Ботрал - в сторону. Он сильно нервничал. Его безобразное морщинистое лицо напоминало лопнувший воздушный шарик - у Стоунворда лицо было гладкое, кожа плотно обтягивала скулы.

- Я вас узнал. В газете была фотография, - сказал Стоунворд нарочито будничным тоном.

Ботрала вновь охватила дрожь, с посеревшим лицом он достал из кармана пачку сигарет и закурил. Стоунворд жадно следил за каждым движением своего нового знакомого.

- Вас избили хулиганы, верно? - спросил Стоунворд. - Подумали, что вы подсматриваете, как они с девчонками развлекаются. Кажется, их было двое? Набросились на вас и повалили. Живого места на лице не оставили. А потом бросили в канал. Девчонки, кажется, пытались их остановить, но они не послушались. Вы чудом не утонули, верно?

- Я вовсе не за ними подсматривал. Я за птицами наблюдал - это мое хобби. Об этом тоже было в газете.

Нахмурившись, он глядел в свою чашку, переживая приступ острой жалости к себе. Всякий раз, когда Ботрал смотрел в зеркало, он видел, какому умелому врачу достался: новое лицо почти не отличалось от прежнего, - и все же разница была огромная, ведь прежний Ботрал не знал, что такое пережить избиение. Глядя на свое новое лицо, он испытывал страх.

- Я недавно из больницы.

- Ваша жена... Пенелопа, наверное, очень рада, что вы вернулись.

- Да. Не знаю, что бы я без нее делал.

- Еще бы, - ответил Стоунворд, чутко улавливая, как глаза Ботрала засветились благодарностью, а голос стал хриплым от подступающих слез.

Воображению Стоунворда живо представилась бесформенная аля-

поватая кукла, а на шее табличка с надписью "Пенелопа"; так и хотелось спросить, каково ей играть новую роль, навязанную Ботралом. какие душевные спазмы приходится переживать. Но спрашивать бесполезно: Ботрал не знает об этом.

- Хотели бы отомстить?

- Их не поймали, я ведь не знаю, кто они.

- В газете писали: мальчишки.

- Здоровые парни.

Видимо, ему хотелось переменить тему, но он боялся показаться невежливым.

- Не подумайте, что я так, из праздного любопытства спрашиваю. Или что я ненормальный, - сказал Стоунворд, улыбаясь собственным мыслям о себе. - Просто вы мне очень нравитесь. Я был бы счастлив познакомиться с вами поближе.

- Спасибо вам большое, но я... Я мало с кем общаюсь. С детства такой. Мы оба с женой домоседы.

- А как же ваше хобби - птицы? Может, и еще чем-нибудь занимаетесь? Читаете, размышляете?

- Мы с Пенелопой в театр ходим. Иногда.

Он окинул взглядом кафе (хорошо еще, что глаза целы!): тут и там пакеты с пирожками, кто-то пытается вытрясти из бутылки остатки кетчупа. В дверь ввалилась компания веселых подростков, наполнив кафе шумом и грохотом стульев. Заметив в глазах Ботрала беспокойство, Стоунворд снова заговорил, мягко, вкрадчиво - будто опускалась хорошо смазанная дверца мышеловки.

- Я хочу сказать, мы могли бы вместе проводить время. Я зашел бы к вам как-нибудь вечером. Поговорим. У вас будет с кем отвести душу. Не все ведь расскажешь жене, у каждого есть свои тайны. Кстати, буду рад познакомиться с Пенелопой.

- Но... у нас с женой нет друг от друга секретов. Каких-то там тайн... ничего такого у меня нет. Разве что по работе.

- Да, конечно. Кстати, как у вас с работой, все в порядке?

Ботрал отхлебнул кофе, черного, как вакса, и приложил к губам платок.

- Секретаршу нужно сменить. Она все время свистит, это просто невыносимо. Всякие мелодии насвистывает. Мелодии-то хорошие, но на нервы действует ужасно... Простите, мистер... но вам не кажется, что нехорошо так лезть в душу?

С жуткой grimасой - раскрыв рот и демонстрируя с изнанки язык, - Стоунворд залпом проглотил весь свой кофе, потом, широко расставив перед собой руки и оперевшись на стол, поднялся.

- Я не хотел ничего дурного. Мне так одиноко; подумал, мы с вами... да, не важно! Раз так, всего вам хорошего.

Ботрал встал с места. Сам не зная почему, двинулся вслед за Стоунвордом к выходу, пробираясь между столиками. Длинные ноги Стоунворда, как ножницы, быстро и решительно рассекали воздух. Гектор Ботрал ступал осторожно, точно опасаясь выпачкать ботинки. Ощувив на себе любопытные взгляды подростков, он начал ужасенно дышать.

- Я совсем не такой, как вы подумали. Я не хотел вас обидеть, - пробормотал он, очутившись вместе со Стоунвордом на улице, в темноте. - Я не мог допустить, чтобы вы так ушли.

- Значит, сознательное решение не всегда правильное? Бывает, внутренний голос подсказывает другое, толкает навстречу судьбе, - сказал Стоунворд и, заметив, как Ботрал наморщил лоб, безнадежно пытаюсь придумать вразумительный ответ, поспешно добавил: - Зайдем ко мне, выпьем? Это здесь, за углом. По стаканчику, а?

- Спасибо, но... Пенелопа...

- Боже, ну позвоните ей от меня. Бойтесь, что ли, любовник заявится, если вас долго не будет?

У Стоунворда была унылая квартира. Голые стены: ни картин, ни фотографий. Гектору Ботралу очень хотелось позвонить жене, но стесняло присутствие Стоунворда. Прямо в пальто, Ботрал сидел в жестком кресле, все еще ощущая боль в нижней челюсти. Крепко сжимая в руке стакан виски, он глядел в него, точно в глубокий омут, урюмо и сосредоточенно.

Стоунворд наблюдал за ним, сидя на письменном столе и болтая ногами.

- Ну, говорите, - сказал он наконец. - Говорите все, что хотите. Нам надо побольше узнать друг о друге.

Собравшись с духом, Ботрал сбивчиво забормotal:

- Эта секретарша, которая свистит... Все бы ничего, но свист действует мне на нервы... Без конца свистит, даже когда берет у меня бумаги... тут она, правда, свистит потише...

Он отхлебнул виски.

- Знаете, есть талант - говорить, - сказал Стоунворд с грустной улыбкой; перестав болтать ногами, он резко свел их вместе, словно шелкнул ножницами.

- Боюсь, ко мне это не относится, мистер...

- Стеббинс. Джеральд Гибсон Стеббинс. Не относится, это правда. Видеть свои недостатки - тоже талант, - он встал и подошел к Ботралу вплотную. - Да, говорить вы не мастер, зато у вас множество других прекрасных качеств. С вами приятно общаться, вы обходительны, душа любой компании... Вы всегда желанный гость, легко заводите друзей. Одеваетесь со вкусом, и жена такая, что можно позавидовать.

Ботрал поднялся, опустошив стакан. В беспомощном недоумении он во все глаза смотрел на Стоунворда, слегка выпятив посиневшую нижнюю губу.

- Вы что, дурачите меня? - спросил он. - Поиздеваться решили?

- А вы шутник, Ботрал. Как, виски уже весь? Никогда не видел, чтоб так быстро пили виски, только в кино. Еще стаканчик? Позвольте, я налью.

Наполняя стакан и подливая в виски джина, Стоунворд украдкой наблюдал за гостем. У Ботрала был потерянный вид. Он медленно озирался по сторонам, прикладывая к губам платок.

- Туалет - первая дверь направо.

- Да нет... я...

Беспомощно улыбаясь, Ботрал, точно руку друга, схватил протянутый ему стакан.

- Что вы думаете о ядерной войне, будет она или нет?

- Стараюсь не думать: это слишком страшно.

- Правильно, мистер Ботрал. А какого вы мнения о последних политических событиях?

- По правде говоря, я не очень-то интересуюсь политикой.

- Что ж, очень мудро с вашей стороны, мистер Ботрал. А как вы относитесь, скажем, к вопросу о разводах?

- Мы... я очень счастлив в браке. Уже шесть лет. Моя жена, правда, развелась со своим первым мужем, но это был вынужденный шаг. Вы меня понимаете...

- Я рад за Пенелопу. Своего не упустит, верно? Честно говоря, я тоже был женат, но ничего хорошего из этого не вышло. У жены нервы не выдержали. Хотите, расскажу?

Поднявшись с места, - теперь оба они разговаривали стоя, - Ботрал расстегнул пальто и, не выпуская из рук стакана, закурил. Окровавленным платком смахнул пот со лба.

- Боюсь, это было бы нескромно с моей стороны, мистер Стеббинс, - ответил он.

Хорошенько взвесив эти слова, Стоунворд трижды одобрительно кивнул, воздавая должное похвальной сдержанности собеседника. Затем, на вопрос о религиозных убеждениях, Ботрал сказал, что они с женой каждое рождество ходят в церковь, и Стоунворд заметил, что, в сущности, неизвестно, почему человеку следует выбирать жизнь, а не смерть.

- Однако это так, и когда-нибудь мы узнаем, почему, - прибавил он.

Тогда его новый приятель, допивая виски с джином, вдруг заявил, что этих хулиганов, если поймают, надо как следует выпороть.

Стоунворд, - неожиданная уловка, - сделал вид, что не обратил на эту реплику особого внимания. Своей размашистой походкой он обошел комнату и выглянул в окно. Улица растворилась в темноте ночи; выделялись лишь игорные автоматы, бетонные столбы фонарей и освещенные окна кондитерской лавки, - все это напоминало музейные экспонаты, разложенные для наблюдателя из космоса. В окне верхнего этажа мужчина в одной рубашке собирался играть на скрипке.

Впитав, как губка, атмосферу ночного города, Стоунворд сказал:

- Вот теперь узнаю прежнего Ботрала.

- Но мы никогда не были знакомы, - недоуменно возразил Ботрал, разглядывая пустой стакан.

- Кое-какие следы от него остались. Они то и дело дают о себе знать.

- То есть, как это? Не понимаю, что вы хотите сказать.

Стоунворд снова заговорил, проворно двигаясь по комнате, собирая стаканы, разливая виски, - он говорил об искусстве жить.

- Да, это большое искусство. Правда, роли распределены заранее, но текст можно сочинить самому и играть со вкусом - красиво играть,

а не бубнить под нос что попало. Кто спорит! Всех нас несет жизненный поток, но чтоб не захлебнуться, надо уметь плавать. Уверен, что вы согласитесь со мной: главное - быть хозяином положения, держаться на поверхности. Пейте, пейте, только не так быстро, а то еще опьянеете, чего доброго... Послушайте, любого можно вывести из терпения! Я жду: расскажите о себе, раскройтесь. Бояться нечего, это даже приятно - отбросив самолюбие, обнажить душу перед ближним. Попробуйте взглянуть на свою жизнь со стороны. Это очень забавно, вот увидите.

На внезапно покрасневших губах Ботрала выступила слюна. Стакан, который он только что осушил, выскользнул у него из рук и чудом не разбился, попав в кресло.

- Вы сумасшедший! - воскликнул он. - Зачем я вас слушаю?

Со звериным проворством Стоунворд кинулся к нему и вцепился в рукав пальто.

- Пойми, пока ты не расскажешь о себе, ты все равно что не существуешь. Как устроена твоя душа, твой мозг, я все хочу знать. Говори, а то снова будешь избит! Вспомни вонючую лужу, в которую тебя бросили. Говори! Мне интересен каждый закоулок твоей души, все чердаки и подвалы... если можно так выразиться... Ну, говори же!

Ботрал был напуган. Его лицо исказилось от невыносимой жалости к себе. Он с трудом удерживался от слез. Наконец, взяв себя в руки, он заговорил, глядя в сторону.

- Зря я сюда пришел... Я думал... Вообще-то мы с Пенелопой не доверяем людям. Дело в том, что... ведь вам было скучно со мной, правда? Хотя вы и сказали, что я вам понравился. Скучно? Поэтому я и стал избегать людей, давно уже. Честно говоря, это очень скверно - когда наводишь скуку. Что бы ты ни делал - всем безразлично, как будто тебя и нет. Я в этом не виноват. Просто родился таким.

Стоунворд больше не держал Ботрала, но тот продолжал говорить, словно в бреду.

- Вот, вы спрашивали... В этом вся моя тайна. Пенелопа знает. Она прощает мне... что я такой зануда. Считает, что так спокойнее. И, знаете, она права: в занудстве есть что-то успокаивающее... Чувствуешь себя в безопасности... Правда, от хулиганов вот... не уберегло...

Внезапно он кинулся к двери и навалился на нее всем телом; дверь распахнулась. Слышно было, как, всхлипывая, он выскочил на лестничную площадку и пустился бежать, спасаясь, в ужасе унося прочь свое залатанное лицо и искалеченную душу. Не успев опомниться, он очутился внизу, на ночной улице.

Стоунворд не двигался с места. Он все еще мысленно глядел в темный омут чужой, приоткрывшейся ему жизни. Так прошло несколько минут. Очнувшись наконец, он огляделся по сторонам, возвращаясь к окружающей действительности. В комнате было холодно. В доме напротив мужчина без пиджака играл на скрипке.

С напускной бодростью, - хотя никто не наблюдал за ним со стороны, - Стоунворд зажег сигарету, закурил и подобрал из кресла стакан, который уронил Ботрал.

Все теперь представлялось ему гораздо более мрачным, чем прежде. Он присел на краешек стола, пытаясь разобраться в себе и раздражаясь все больше. Раньше, как бы горько ему ни приходилось, у него, по крайней мере было, чем утешиться. Главное утешение состояло в том, что он считал себя человеком без иллюзий. Теперь это в свою очередь оказалось иллюзией. Стоунворд всегда был уверен: страдать может только тот, кто умен. Встреча с Ботралом показала, что это не так.

Докурив сигарету, Стоунворд встал; от злости его черты сделались резче. Раздраженно полистав телефонный справочник, он отыскал номер Ботрала и набрал его, повторяя вслух каждую цифру.

Через некоторое время из трубки донесся неприветливый женский голос.

- Алло.

- Пенелопа, вы? Говорит ваш тайный поклонник.

- Алло? Не слышу; кто говорит?

Голос был моложе, чем он ожидал.

- Хочу кое-что сообщить о вашем любимом муже. Он скоро вернется. Неудобно говорить об этом, но, кажется, он порядком выпил. Короче, он пьян в стельку.

- Кто это говорит?

- Если ты не узнаешь меня, Пенелопа, позволь назваться просто доброжелателем. Твой муж сейчас будет дома.

- Кто-то пришел.

- Думаю, это он. Я позвонил, чтобы сказать тебе кое-что по секрету. Для тебя, Пенелопа, еще не все потеряно. Очень может быть, что твой муж теперь немножечко изменится к лучшему... то есть, я хочу сказать... перестанет быть таким нудным. Пенелопа...

- Подождите, - сказала она.

Он слышал, как трубка упала на стол, слышал холодный, звонкий голос Пенелопы - "Тектор, дорогой!" - казалось, у самого уха, в трубке, звякнул кубик льда. Из прихожей донеслось приглушенное шмыганье и всхлипывание Ботрала. Послышались удаляющиеся шаги, затем два слившихся голоса. "Хорошая сцена: старую пьяную образину ласково встречает любящая жена", - подумал Стоунворд, яростно вжимая в ухо трубку, словно желая прорваться в этот далекий чужой мирок.

Он хорошо представлял себе все, что там происходит: Ботрал бесвязно извиняется, Пенелопа пытается его успокоить. Голоса медленно приближались: один все еще невнятно жаловался, другой, звонкий, звучал ободряюще. Ботрал с женой прошли мимо телефона, забыв повесить трубку, забыв обо всем, кроме своих условных обязанностей по отношению друг к другу.

- Нет, - с ненавистью прошептал Стоунворд.

Произошло то, чего он больше всего боялся.

- Не смейте, это притворство! - закричал он.

Наедине с собой человек таков, каков он есть; но когда людей двое, между ними устанавливаются условные отношения - прочные, непоколебимые, как стена. Сталкиваясь с людьми, Стоунворд каж-

дый раз пытался преодолеть эту стену, перепрыгнуть или разрушить. Он все еще надеялся. Узнав Ботрала в приемной у зубного, он подумал, что, может быть, еще не все потеряно - для него самого, для Ботрала, для Пенелопы. Теперь, услышав в трубке приглушенный стук, он понял, что ошибся: Ботрал поднимается к себе в спальню, Пенелопа поддерживает его - оба с наслаждением играют свои роли.

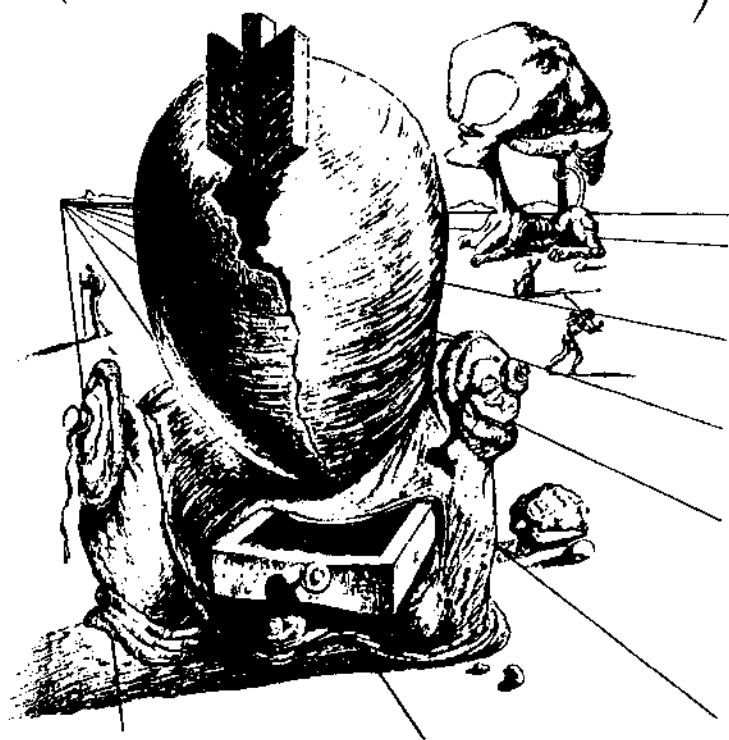
- Пенелопа! Пенелопа! - кричал Стоунворд.

Но его бывшая жена не слышала, что в трубке трещит чей-то голос. Стоунворд не дождался ответа, все было тихо.

Затем раздался какой-то глухой звук, - как ни был Стоунворд одинок, его прошлое и будущее все еще оставались с ним, на том конце провода.

СМЕРТЬ ВСЕЛЕННОЙ

"НОВАЯ ВОЛНА": КОНЕЦ ДЕТСТВА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ?

* * *

Всегда любопытно наблюдать, как рушатся стереотипы "массового" сознания.

Научная фантастика до начала шестидесятых годов оставалась весьма целомудренным во всех отношениях жанром: язык - простой, доступный любому, несмотря на некоторую "научность"; сюжет - увлекательный; обилие штампов; философия или секс - боже упаси! (Исключения остаются исключениями. Замятин. Оруэлл... Хаксли фантастом называют крайне редко. Стейнпленд - под вопросом.)

Нарушение различных табу - отличительный признак искусства. "Литература - традиция отрицания традиции" (Н.Саррот).

"Новая волна" явилась своеобразной революцией в жанре фантастики. Хотя с ее появлением поток традиционной (так называемой "твердой") НФ не пошел на убыль. Такая вот революция - без подавления одного направления другим.

Шестидесятые годы на Западе вообще ознаменовались ломкой стереотипов, вы не находите? В политике, в общественной жизни, в культуре, наконец...

"Новая волна", пожалуй, означала лишь то, что фантастика вышла из детского возраста, когда так нравится летать на звездолетах, бороться с коварными злодеями и спасать белокурых красавиц. Фантастика приобрела язык серьезной, "взрослой" литературы, заимствовала у нее философию, социальную проблематику и, естественно, всевозможные стили.

Я пишу "заимствовала", ибо каждый ребенок начинает с подражания старшим. Неосознанно. Естественный процесс, без которого не обойтись.

Стилистическое разнообразие "волны" было действительно фантастическим: от стилизаций под античную и средневековую литературу до последних изысков постмодернизма. (Не исключено, что "новая волна" НФ и есть одна из многочисленных ипостасей постмодернизма. Ведь в последние три десятилетия наблюдается слияние массовой культуры и элитарной. Это явление некоторые литературоведы называют "постмодернизмом".)

Фантасты старшего поколения, прославившиеся еще в "золотой век" американской НФ 20 - 40-х годов (Хайнлайн, Уиндем, Азимов, Ван-Вогт, Старджон), почти не испытали влияния "новой волны", тогда как часть среднего поколения (например, Силверберг, Шекли, Дик, Браннер, Фармер) не осталась в стороне и внесла свою, пусть не очень большую, лепту в процесс взросления жанра.

Родина "новой волны" - Великобритания. До Соединенных Штатов "волна" докатилась не сразу - через несколько лет, и нашла там горячих сторонников, а в середине семидесятых пошла на убыль. Авторы, которых она принесла на своем "требне", до сих пор пользуются большой популярностью по обе стороны Атлантического океана, хотя многие из них вернулись к "твердой" НФ, "фэнтэзи" или даже ушли в "большую" литературу.

Да, эксперимент не может продолжаться вечно.

В том, что "новая волна" - эксперимент, сомневаться не приходится. Но масштабы этого всплеска поистине грандиозны, а влияние на всю последующую фантастику переоценить достаточно трудно.

* * *

"Смерть Вселенной" - лишь малая выборка из произведений "нововолнистов". Хотелось бы сразу назвать тех авторов, которые могли войти в настоящий сборник, но по тем или иным причинам не вошли: Майкл Муркок, Джон Браннер, Джон Слейдек, Ан-

жела Картер... Да и о творчестве каждого из представленных в "Смерти Вселенной" авторов, конечно, по одному-двум рассказам судить нельзя. Олдисс, Баллард, Эллисон, Желязны, Мальзберг (К.М.О'Доннелл), Дилени - заслуживают того, чтобы быть опубликованными на русском языке полностью.

В сборник также включены "твердые" научные фантасты (Дик, Силверберг, Шекли), близкие по духу "новой волне". Ведь "волна" - это не только литературное направление, стиль или образ мысли. Это прежде всего способность писателя *не стоять на месте*, ибо спокойная, тихая гавань - не для тех, кого называют "нововолнистами".

* * *

Теперь попробуем перечислить некоторые особенности "новой волны", отличающие ее от фантастики "золотого века" 20 - 40-х годов:

1. Отсутствие увлекательного сюжета, обязательного для "твердой" НФ. Допускается бессюжетная и даже абсурдистская фантастика. Лучший тому пример - сборник "психоделических" рассказов Балларда "Выставка жестокости".

2. Эстетика шока: открытая демонстрация тех сторон жизни, о которых традиционная фантастика предпочитала умалчивать. Это связано, в частности, с общим раскрепощением общественного сознания в 60-х годах и характерно почти для всех "нововолнистов".

3. Пренебрежение "научностью" НФ. Символ как художественный прием занимает доминирующее положение. Отсюда - притчеобразный характер некоторых произведений.

4. Самонародия, насмешка над расхожими идеями "твердой" НФ преобладает в творчестве многих авторов. Кстати, рассказ Н.Спирада, включенный в настоящий сборник, - редкий пример народни на некоторые штампы самой "новой волны".

5. Обращение к прошлому. Героями становятся либо известные исторические личности, либо знаменитые литературные персонажи. Классические произведения НФ переписываются с учетом современных представлений. ("Машина пространства" К.Приста, "Франкенштейн Освобожденный" и "Слонное дерево" Б.Олдисса, "Се - человек" М.Муркока.) Этот же прием, впрочем, встречается у "твердых" фантастов.

6. Осмысление различных философских и социологических концепций, модных в XX веке: фрейдизм, экзистенциализм, буддизм... (Яркий пример - Р.Желязны.)

7. Использование слэнга, как существующего, так и фантастического. (Характерно для американских авторов: Дилени, Дик, Мальзберг, Дик.)

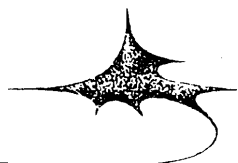
8. Заимствование приемов модернистской литературы.

* * *

Илиппие объяснять читателю, почему "волны" не могла проникнуть за наши идеологические водорезы до сего момента. Впрочем, если учесть, что некоторые произведения отечественной культуры публикуются спустя более полувека, что говорить о переводах... Но почему знакомство с программными произведениями "нововолнистов" в ближайшее время для русского читателя не состоится, я все-таки объясню. Здесь сыграют роль и трудности экономического характера, и сложность перевода большинства произведений. Конкурировать же с развлекательным чтивом "новая волна" не сможет. Хотя не исключена и такая возможность. Будем надеяться на лучшее.

В. РЕЛИКТОВ

МОДЕЛИ БУДУЩЕГО

Джеймс Баллард

ПТИЦА И МЕЧТАТЕЛЬ

По утрам на перьях мертвых птиц играли отблески зари. Вот уже два месяца, поднимаясь на палубу сторожевого катера, Криспин наблюдал одну и ту же картину: тысячи и тысячи мертвых птиц, белый ковер тел, покрывший болото и отмели у реки. Тела покачивались на волнах, будто облака, улавливаемые с неба. Каждый день он видел светловолосую женщину, живущую в доме под обрывом. Она медленно бродила по берегу, обходя огромных, как кондоры, птиц. В основном, это были чайки и поморники, но встречались глупыши и буревестники. Иногда женщина останавливалась и наклонялась, чтобы выдернуть перо из распластанного крыла. Возвращаясь домой по мокрой луговой траве, она несла охапку длинных белых перьев.

Странная женщина, ошипывающая птиц, раньше вызывала у Криспина раздражение. Этих существ, которые во множестве лежали вокруг катера, застрявшего в маленькой бухте, Криспин считал своей собственностью. Ведь это он, и никто иной, устроил птицам, покинувшим гнездовья на побережье Северного моря, форменное побоище. Каждая из них, падая, несла в своем сердце его пулю, словно драгоценный камень.

Провожая взглядом женщину, бредущую по заросшей сорняками лужайке, Криспин снова вспомнил яростную схватку - те несколько часов страха, которые ему пришлось пережить, прежде чем птицы ринулись в последнюю безнадежную атаку. Это сейчас она кажется безнадежной, когда их тела лежат на склизком мхе холодных болот графства Норфолк, а каких-нибудь два месяца назад, глядя на затмившую небеса птичьей стаей, Криспин простился с жизнью.

Птицы были огромны: их крылья, достигавшие в размере двадцати футов, закрывали солнце. Криспин метался по палубе, как сумасшедший, надрывался, переносил цинковые ящики с патронами из трюма к пулеметной установке, торопливо заправляя ленты в патронники пулеметов, - а тем временем Квимби, молоденький дурачок с фермы на Лонг-Рич, которого Криспин уговорил пойти к нему заряжающим.

приплясывал на носу катера и что-то орал, отскакивая от огромных теней, скользящих по палубе. Когда птицы бросились в атаку, и показалось, будто в небе блеснула коса, Криспин едва успел забраться в тесную, под ширину плеч, башенку. И все же он победил: встретил огнем первую волну воздушной армады, а затем развернул установку и скосил очередями вторую стаю, летевшую над самой рекой. Катер дрожал от ударов - птицы бились о борт выше ватерлинии. Они были везде, куда ни глянь: парили в небе, словно кричащие распятия, рушились на палубу, цеплялись за оснастку, а Криспин поворачивал раскалившиеся стволы и вел непрерывный огонь. Десятки раз он прощался с жизнью, проклиная тех, по чьей вине оказался на этом ржавом корыте вместе с дураком Квимби, которому даже жалованье вынужден был платить из собственного кармана.

Но позже, когда ему казалось, что битве не будет конца, когда почти не оставалось патронов, а в небе по-прежнему было полно белых распятий, он заметил карлика - тот скакал по трупам, наваленным на палубе, и сбрасывал их в воду с помощью двузубых вил.

Затем наступил перелом. Услышав, что огонь прекратился, Квимби принес патронов. Его впала грудь и лицо были в крови и в пуху, и он хотел одного - видеть, как гибнут птицы. Тогда Криспин понял, что победил. Крича от страха и ярости, он перебил атакующих птиц и застрелил несколько едва оперившихся сапсанов, улетающих в сторону обрыва. Прошел еще час, река и притоки вокруг катера покраснели от крови, а Криспин все сидел в башенке и палил в небеса, дерзнувшие бросить ему вызов.

Потом возбуждение улеглось, сердце перестало стучать как молот, и Криспин осознал, что единственным свидетелем его подвига, его стойкости в небесном Армагеддоне оказался маленький, косолапый идиот, которого никто даже слушать не станет. Была еще светловолосая женщина, но тогда Криспин не знал о ее существовании. Она пряталась у себя в доме и лишь через несколько часов вышла на берег и стала бродить среди трупов. Но Криспин не очень огорчился - птицы, лежащие всюду, куда ни глянь, радовали глаз. Он велел Квимби возвращаться на ферму и проследил с палубы, как тот спустился по реке в лодке, пробираясь между вздувшимися телами. Затем, перекрестив грудь пулеметными лентами, Криспин поднялся на мостик катера, а точнее, старого каботажного судна, спешно переоборудованного два года назад, когда впервые появились стаи птиц-великанов.

Понимая, что женщина - единственный, если не считать дурака Квимби, свидетель его подвига, он решил воздержаться от неосторожных шагов. "Возможно, она не в своем уме", - подумал он. Криспин ни разу не видел ее ближе, чем с трехсот ярдов, отделявших катер от противоположного берега, но на носу катера была установлена подозрительная труба, и он довольно хорошо различал светлые волосы и бледное, надменное лицо. Руки у нее были тонкие, но сильные, и ходила она в своем длинном, по щиколотку, сером платье, сцепив пальцы на

уровне пояса. Женщина выглядела неряшливо - похоже, она не следила за своей внешностью. Криспин знал: так бывает, если человек долгое время живет один.

Часами он стоял на палубе и смотрел, как она бродит среди трупов. Ежедневно прибой выносил на берег новых птиц. Они быстро разлагались, и вид их, кроме тех, что лежали в отдалении, уже не вызывал никаких чувств. Мелкая бухта, где сел на мель катер, находилась как раз напротив дома. Глядя в окуляр подозрительной трубы, Криспин мог пересчитать выбоины в штукатурке - следы пуль.

Женщина всегда возвращалась в дом с целым букетом перьев. Выпрямившись во весь рост, сжимая в кулаках пулеметные ленты, Криспин смотрел, как она идет по мелководью к птице, вглядывается в ее лик, полускрытый темной водой, затем выдергивает из крыла перо и добавляет его к своей коллекции.

Криспин вновь склонился над подозрительной трубой. В узком окуляре покачивающаяся фигура с ворохом перьев напоминала белого павлина. "Может быть, она и впрямь не совсем нормальная и возомнила себя птицей?" - подумал он.

Зайдя в рулевую рубку, Криспин снял со стены ракетницу. На следующее утро он дождался, когда женщина выйдет из дому, и выпустил над ее головой ракету, предупреждая, что он здесь король, а птицы - его подданные и принадлежат ему. Между прочим, это признавал и фермер по имени Хассел, приходивший вместе с Квямби. Хассел хотел забрать несколько птиц и сжечь их на удобрения, но он не стал этого делать без разрешения Криспина.

По утрам Криспин тщательно осматривал катер, пересчитывал ящики с боеприпасами, проверял исправность пулеметных установок. Проржавевшая палуба трещала под тяжестью металлических ящиков. Днище катера все глубже погружалось в ил. Во время прилива Криспин слышал, как струи воды, словно целая армия серебристых крыс, проникают в многочисленные щели и дырки от заклепок.

Однако на сей раз осмотр длился недолго. Проверив пулеметы на мостике - над обезлюдевшим побережьем в любую минуту могла появиться стая, и нужна была постоянная боеготовность - Криспин подошел к подозрительной трубе. Женщина возилась с развалившейся розовой беседкой, время от времени поднимая голову и глядя в небо над обрывом, словно ожидая, не покажется ли птица.

Вспомнив, чего стоило преодолеть страх перед крылатыми убийцами, Криспин понял, почему ему не нравится, как женщина ошмивает их. Когда из разлагающихся трупов стали выпадать перья, ему захотелось как-нибудь их сохранить. Он часто вспоминал, как птицы стремительно атакуют катер - не столько страшные, сколько жалкие. Жертвы биологической катастрофы - так называл их комендант района. Причиной катастрофы, по словам коменданта, стали стимуляторы роста растений, примененные на полях восточной Англии.

Криспин и сам работал на этих полях лет пять назад, не найдя для себя лучшего занятия после службы в армии. Когда пшеничные нивы

и фруктовые сады впервые обрызгали новыми стимуляторами, на растениях остался вязкий налет, мерцающий в лунном свете. Благодаря этому унылый сельский ландшафт стал похож на поле битвы. Повсюду лежали трупы чашек и сорок с клювами, увязшими в серебристой массе. Криспин тогда спас многих подлуживых птиц, очистив им клювы и перья и отпустив их лететь в родные гнезда.

Спустя три года птицы возвратились. Первые гиганты, бакланы и черноголовые чайки, в размахе крыльев достигали десяти-двенадцати футов и своими огромными клювами могли надвое перекусить собаку. Криспин смотрел из кабины трактора на круживших над полем птиц; ему казалось, они чего-то ждут.

Осенью следующего года появилось новое поколение птиц, еще крупнее. Воробьи были величиной с орла, бакланы и чайки размерами крыльев не уступали кондорам. Эти огромные существа, согнанные штормами с побережья, истребляли скот на лугах и нападали на семьи фермеров. Какие-то неведомые причины заставляли их снова и снова возвращаться на отравленные поля. Но это были только передовые отряды - воздушной армаде из миллионов крылатых гигантов еще предстояло затмить небо над страной. А люди служили голодным птицам чуть ли не единственным источником пищи.

Защищая ферму, на которой он жил, Криспин не успевал следить за ходом войны с птицами во всем мире. Ферма, отстоящая от побережья на каких-нибудь десять миль, находилась на осадном положении. Уничтожив молочный скот, птицы стали ломиться в дома. Однажды среди ночи, разбив деревянные ставни, в комнату Криспина ввалился огромный фрегат. Схватив вилы, Криспин проткнул незваному гостю шею и пригвоздил его к стене.

После гибели фермера, его семьи и троих работников Криспин покинул разоренную ферму и вступил добровольцем в заградительный отряд. Вначале офицер, возглавлявший колонну моторизованной милиции, отказался от его услуг. Внимательно рассмотрев невысокого парня с внешностью хорька, с носом, похожим на клюв, и звездообразной родинкой над левым глазом, и не увидев в его глазах ничего, кроме жажды мести, он отрицательно покачал головой. Однако чуть позже, пересчитав трупы птиц вокруг кирпичной печи, которую Криспин, вооруженный одной лишь косой, превратил в неприступный бастион, офицер передумал. Криспину дали винтовку, и спустя четверть часа колонна двигалась по разоренным полям, заваленным скелетами коров и свиней. Раненых птиц, встречавшихся на пути, тут же пристреливали. В конце концов Криспин оказался на сторожевом катере, дряхлом суденышке, ржавеющем на мели между рекой и болотом, в обществе карлика, который катался по реке в плоскодонке, лавируя среди мертвых тел, и безумной женщины, гуляющей по берегу и плещущей венки из перьев.

Целый час, пока женщина хозяйничала во дворе по ту сторону дома, Криспин слонялся по катеру, не зная, чем заняться. Наконец она

вышла из-за дома с корзиной для белья, полной перьев, и высыпала их на стол возле беседки.

Криспин прошел на корму, пинком распахнул дверь и, заглянув в сумрак камбуза, окликнул:

— Квимби, ты здесь?

Сырой камбуз стал для карлика вторым домом: ночевал он в деревне, а днем навевался на катер, в надежде стать очевидцем новых баталий с птицами.

Ответа Криспин не получил. Он повесил винтовку на плечо, поправил пулеметные ленты и, не сводя глаз с дымка от костра на том берегу, спустился по скрипучему трапу в моторную лодку.

Вокруг катера скопилось так много мертвых птиц, что образовалось подобие белого плота. После безуспешной попытки выбраться на открытую воду, Криспин заглушил мотор и взял в руки шест. Многие птицы, запутавшиеся в тресах и канатах, сорванных с палубы, весили не меньше пятисот фунтов. Криспину с трудом удавалось раздвигать их шестом, и лодка удалялась от катера очень медленно.

Командант района говорил, что птицы — родственники рептилий. Именно этим, видимо, объяснялась их ярость и слепая ненависть к млекопитающим. Но Криспину лики птиц, омываемые медленными струями воды, напоминали дельфины — такие же выразительные, непохожие друг на друга, почти человеческие. Сейчас, когда его лодка продвигалась среди тел, Криспину казалось, будто два месяца назад на него напали не птицы, а крылатые люди, движимые не жестокостью, не слепым инстинктом, а какой-то загадочной, непостижимой для него целью.

На другом берегу, на прогалине среди деревьев, серебрились неподвижные тела, похожие на ангелов, павших в апокалиптической битве небес. У берега на мелководье лежала стоя огромных (десять футов от макушки до хвоста) крутогрудых голубей, среди них несколько сирых. Глаза у них были закрыты, и казалось, они спят, размазавшись на песке под теплым солнцем. Придерживая пулеметные ленты, норовившие съехать с плеч, Криспин спрыгнул на песок и вытащил лодку из воды.

Миновав дуг и обойдя вокруг дома, он увидел женщину. Она раскладывала на столе перья для просушки. Слова от стола, около веранды с выбитыми стеклами, стояло нечто вроде "шалашика" для костра — грубый деревянный каркас, сооруженный из обломков беседки, а на нем — перья. Все вокруг напоминало о разгромах, которым ферма много раз подвергалась за последние годы. Птицы разбили почти все стекла в доме, загадили пометом сад и двор.

Женщина повернулась к нему лицом, и Криспин удивился: взор у нее был ясен, и ее ничуть не испугала его разбойничья внешность. Вблизи ей можно было дать лет тридцать, не больше. Когда он смотрел на нее в подозрительную трубу, она выглядела гораздо старше. Ее светлые волосы оказались пышными и ухоженными, как оперенье птиц.

лежащих окрест. Всем остальным она походила на свой запущенный дом: лицо обветренное, будто она нарочно подставляла его студеным северным ветрам, платье замасленное, с обтрепанным подолом, а на ногах - старенькие сандалии.

Криспин остановился - он поймал себя на мысли, что не знает, зачем вообще пришел к ней. Глядя на перья, лежащие на каркасе "шалашика" и на столе, он уже не думал, что она бросила ему вызов. Напротив, Криспину казалось, молодую женщину и его связывает нечто общее - быть может, беды, выпавшие на их долю в недавнем прошлом.

Оторвавшись от работы, женщина произнесла:

- Скоро высохнут. Солнце нынче хорошо греет. Не могли бы вы мне помочь?

Криспин неуверенно шагнул к столу.

- Что вы сказали? А, конечно, - пробормотал он.

Женщина показала на одну из уцелевших стоек беседки. Она уже пыталась спилить ее, но полотно накрепко застряло в прорези.

- Дополните, пожалуйста.

Криспин снял с плеча винтовку и подошел к беседке. Указав на полуразвалившуюся изгородь, окружающую заросшие сорняком грядки, он спросил:

- Вам нужны дрова? Лучше пустить на них забор.

- Нет, мне нужны стойки. Они прочные, - видя, что Криспин стоит на месте и держит винтовку за ремень, она нетерпеливо добавила: - Вы умеете пилить? Обычно мне помогает карлик, но сегодня он не придет.

Криспин поднял руку, успокаивая ее.

- Я помогу вам. - Он прислонил винтовку к стенке беседки, не без труда выдернул ножовку и сделал новый надпил.

- Спасибо, - сказала женщина.

Она стояла и улыбалась, глядя, как он работает, и слушая похлопывание пулеметных лент по его груди и плечам. Криспин на минуту остановился, неохотно снял ленты, эти знаки своего авторитета, и бросил взгляд в сторону катера. Поняв намек, женщина спросила:

- Вы капитан? Я видела вас на мостике.

- Да... - Криспину и в голову не приходило считать себя капитаном, но, видимо, это знание давало какие-то привилегии. Посерьезнев, он кивнул и представился: - Криспин. Капитан Криспин, к вашим услугам.

- А я Кэтрин Йорк. - Прижав ладонью волосы к затылку, она опять улыбнулась и показала на катер: - Красивый корабль.

Криспин пилил и раздумывал, в самом деле она так считает или нет. Отнесся стойки беседки к "шалашику", он нарочито эффектно нацепил ленты, но Кэтрин Йорк уже не обращала на него внимания. Видя, что она смотрит на небо, Криспин взял винтовку и подошел к ней.

- Что там? Птица? Не бойтесь, я с ней справлюсь. - Он попытал-

ся проследить за ее взглядом, но птицу не обнаружил. Наверное, улетела за обрыв. Женщина отошла к столу и принялась неторопливо раскладывать перья. Показав на окружающие поля и почувствовав, как испуганно и возбужденно забилося сердце, словно он опять сжимал рукоятки пулеметов, Криспин похвастал: - Это все я настрелял...

- Что? Простите, что вы сказали? - женщина оглянулась. Похоже, она утратила интерес к Криспину и ждала, когда он уйдет.

- Вам еще нужно дерево? - спросил он. - Могу принести.

- Спасибо. Деревя у меня достаточно. - Протянув руку, она коснулась перьев, лежащих на столе, затем еще раз поблагодарила Криспина и ушла в дом, затворив за собой скрипучую дверь.

Криспин пошел обратно, стараясь удержать в памяти ее дружескую, хотя и мимолетную, улыбку и не замечая птиц, лежащих вокруг. Столкнув лодку в воду, он поплыл, бесцеремонно раздвигая их шестом, к сторожевому катеру, прочно засевшему в тине. Впервые вид ржавого судна вызвал у него уныние. Поднявшись на палубу, он увидел на мостике Квимби. Карлик испуганно смотрел на небо. Криспин однажды строго-настрого запретил ему приближаться к штурвалу, хотя почти не надеялся, что катер когда-нибудь выйдет в плавание. Он сердито закричал, чтобы Квимби немедленно убирался с мостика.

Спустившись на палубу по паутине из оборванных тросов и канатов, карлик вприпрыжку подбежал к нему.

- Крисп! - заговорил он сиплым шепотом. - Наши видели птицу. Она с моря прилетела. Хассел просил, чтобы я тебя предупредил.

Криспин остановился. Сердце забилося быстрее. Он покосился на небо, но глаз с карлика не спускал.

- Когда ее видели?

- Вчера, - ответил Квимби, дернув плечом, и добавил: - А может, нынче утром. В общем, она где-то рядом. Ты готов, Крисп?

Криспин прошел мимо него, положив ладонь на затвор винтовки.

- Я-то всегда готов, - ответил он. - А ты? - Он ткнул пальцем в сторону дома: - Ты бы лучше женщине помог. Сегодня мне пришлось ей помогать. Она сказала, что не хочет больше тебя видеть.

- Чего? - карлик путался под ногами, хватался за ржавый фальш-борт. - А, она вообще чокнутая. Потеряла своего мужика, вот так-то. Крисп. И ребенка.

Криспин остановился возле трапа, ведущего на мостик, и спросил:

- Правда? Как это случилось?

- Голубь заташил ее мужа на крышу и разорвал на куски, вот как. А потом унес ребенка. Ручная птица, меченая. - Он кивнул, видя недоверчивое выражение на лице Криспина. - Правду говорю. Он тоже был чокнутый, этот Йорк. Держал зачем-то голубя на цепи...

Криспин поднялся на мостик и задумался, глядя на дом. Минут через пять он спустился, линком прогнал Квимби с катера, а потом целый час ходил по палубе и проверял свой арсенал. С предупрежде-

нием Хассела нельзя было не считаться. Скорее всего, на ферме заметили птицу-одиночку, разыскивающую свою погибшую стаю. Сам Криспин ее не боялся, но за рекой жила беззащитная женщина. В доме, или неподалеку от него Кэтрин Йорк находилась в относительной безопасности, но на открытом месте, на берегу, например, она легко могла стать добычей птицы.

Именно это подсознательное чувство ответственности за жизнь вдовы заставило Криспина еще раз в тот день покинуть судно. Спустившись на четверть мили по течению реки, он вышел из лодки на широкий заливной дуг. Как раз над этим местом пролетали нападавшие на катер птицы, и здесь, на холодном зеленом дерне, лежало особенно много гигантских чаек и глупышей. Прошедший недавно дождь сбил запах злени. Раньше Криспин с гордостью проходил мимо этой белой небесной жатвы, но сейчас он быстро пробирался между горами тел с корзиной в руке, погруженный в свои мысли. Поднявшись на небольшое возвышение посреди дуга, он поставил корзину на труп сокола и стал выдергивать перья из крыльев близлежащих птиц. Несмотря на дождь, их оперение почти не намокло. В течение получаса Криспин работал, не разгибая спины, затем вернулся к лодке и высыпал в нее полную корзину перьев.

Наконец лодка, загруженная от носа до кормы яркими перьями, отчалила. Криспин сидел у руля и поглядывал по сторонам. Он причалил к берегу возле дома вдовы. Во дворе горел костер, и прозрачный дымок поднимался к небу. Криспин обошел вокруг лодки и отобрал самые лучшие перья: сверкающие - из хвоста сокола, перламутровые - из наряда глупыша, коричневые - из грудного оперения гаги, и уложил их в корзину, почти как букет. Поставил корзину на плечо и пошел к дому.

Кэтрин Йорк в его отсутствие подтащила стол поближе к огню и теперь поправляла перья, чтобы дым лучше проходил между ними. Гора перьев на каркасе, сделанном из стоек беседки, выросла. Криспин поставил корзину у ног женщины и отошел на шаг.

- Миссис Йорк, я принес перьев. Может, пригодятся.

Женщина покосилась на небо, затем взглянула на Криспина и недоумевающе покачала головой, словно не узнала его.

- Что это?

- Перья. Для этого вот, - он указал на шалашик. - Это самые лучшие, красивее я не нашел.

Кэтрин Йорк опустилась на корточки. Сандалии скрылись под подолом. Она пробежала пальцами по разноцветным перьям, словно пыталась разобрать, каким птицам они принадлежали.

- Красивые. Спасибо, капитан, - она встала. - Я бы взяла их, но мне нужны только такие, - она показала на стол, и Криспин увидел разложенные на нем белые перья. Он выругался про себя и шлепнул ладонью по прикладу.

- Голубиные! Все до одного - голубиные! Как я сразу не заметил! - Он взял корзину. - Я принесу вам таких же.

- Криспин... - Кэтрин Йорк взяла его за руку и задумчиво посмотрела ему в лицо, будто думала, как бы повежливей спровадить его со двора. - У меня достаточно перьев, спасибо. Оно почти готово.

Криспин поднялся и, не придумав, что ответить светловолосой женщине, чьи руки и платье были покрыты легким пухом голубей, поднял корзину и зашагал к лодке.

На обратном пути он выбросил в реку все перья, и за лодкой тянулся по воде длинный белый след.

В ту ночь Криспину снились гигантские птицы, парившие в озаренных лунным светом небесах. Внезапно он проснулся, услышав тихий трепет крыльев и неземной, ни к кому не обращенный клич в вышине. Лежа на ржавой койке в капитанской каюте, прислонясь затылком к ржавой переборке, Криспин слушал шелест крыльев над мачтой.

Спрыгнув с койки, он схватил винтовку и босиком взлетел по трапу на мостик. Он увидел, как на фоне луны мелькнула огромная птица, летящая над рекой. Прежде чем он успел опереться на ограждение мостика и взять птицу на мушку, она уже оказалась слишком далеко, исчезла в тени обрыва. Видимо, она вознамерилась свить гнездо на мачте в оснастке, а Криспин ее спугнул. "Теперь она вряд ли возвратится", - подумал он.

Напрасно прождав на мостике несколько часов, Криспин спустился в лодку и переплыл реку. Он был очень возбужден: ночью ему показалось, что птица кружила над домом. Может быть, через разбитое окно в доме она увидела миссис Йорк? Над водой разносился негромкий рокот мотора, прерывавшийся, когда лодка наталкалась на трупы. Нахохлившись, Криспин сидел на корме с винтовкой в руках. Он пристал к берегу, пробежал по темному лугу, метнулся через мощеный двор, упал на колени возле двери в кухню и прижался к ней ухом, пытаясь услышать дыхание спящей наверху женщины.

Через час, когда над обрывом занялась заря, Криспин обошел вокруг дома и наткнулся на стойки от беседки и груды перьев. "Шалашик" был опрокинут. Заглянув в мягкий серый "котелок", он понял: голубь начал вить гнездо.

Он представил себе Кэтрин Йорк, гуляющую по берегу, и птицу, подстерегающую ее в засаде. И мгновенно принял решение.

Стараясь не разбудить женщину, он разрушил гнездо. Развалил прикладом стенки, проделал дыру в усталом пухом дне. Взглянув на дело рук своих, Криспин со спокойной совестью возвратился на ка-тер.

Он дежурил на палубе еще два дня, но голубь так и не появился. Кэтрин Йорк почти не выходила из дома и не подозревала о своем спасении. По ночам Криспин высаживался на берег и караулил ее дом. Погода ухудшалась, давала о себе знать приближающаяся зима. Днем Криспин не покидал катера - бродить по окрестным болотам ему не хотелось.

В ночь, когда разразилась гроза, Криспин опять увидел птицу. Весь день с моря шли тучи, а вечером овраг за домом скрыла пелена дождя. Стоя в рубке, Криспин слушал, как стонут переборки старого судна. С каждым яростным порывом ветра катер все глубже зарывался килем в ил.

Над рекой сверкали молнии, высвечивая тысячи неподвижных тел на лугах. Привалившись к штурвалу, Криспин рассматривал в темном стекле собственное тусклое отражение и вдруг увидел за ним огромную белую голову с длинным клювом. Криспин стоял, зачарованный, и глядел, как за плечами его отражения распахиваются два крыла. В следующее мгновение голубь, освещаемый вспышками молний, поднялся выше и стал кружить над мачтами, но вскоре запутался в стальных тросах.

Так он и висел, истощенный струями дождя, и пытался вырваться, пока Криспин не вышел на палубу и не убил его выстрелом в сердце.

При первом проблеске зари Криспин вышел из рубки. Раскинув крылья, голубь висел в паутине из оборванных тросов, среди которых, наверное, перед смертью собирался свить гнездо. Раскрыв клюв, он печально взирал на своего убийцу. Дующий через реку ветер слабел. Криспин смотрел на дом под обрывом, ждал, когда у окна появится Кэтрин Йорк, и боялся, что внезапный порыв ветра сбросит на палубу птицу, белым крестом висевшую на мачте.

Спустя два часа приплыл на своей плоскодонке карлик, которому не терпелось поглазеть на птицу. Криспин велел ему залезть на мачту и привязать голубя к рее. Квимби выслушал все распоряжения, глядя ему в рот, но выполнять их не спешил. Видя, что Криспин стоит у фальшборта и тоскиво смотрит на дом, он посоветовал:

- Стрельни над крышей, Крисп! Стрельни! Она выглянет.

- Ты уверен? - взяв винтовку, Криспин передернул затвор, последил взглядом за блестящей гильзой, полетевшей в воду. - Нет, пожалуй, не стоит. Еще испугается. Лучше я сам ее навешу.

- Вот это правильно, Крисп! - Карлик засуетился. - Привези ее сюда, а я пока привяжу птицу.

- А что, может, и привезу.

Вытащив лодку на отмель, Криспин взглянул на катер и убедился, что мертвый голубь хорошо заметен с берега. В рассветных лучах перья его сияли на фоне ржавых мачт, как снег.

Кэтрин Йорк стояла в дверях и, нахмурясь, следила за его приближением. Порывистый ветер играл ее волосами. Дождавшись, когда Криспин приблизится на десять ярдов, она отступила в дом и прикрыла дверь, оставив небольшую щель. Криспин перешел на бег, но она высунула голову и зло крикнула:

- Убирайся! Возвращайся на корабль, к своимдохлымлюбимцам!

Криспин застыл как вкопанный.

- Миссис Кэтрин... - пролепетал он. - Миссис Йорк... Я спас вас...

- Спас? Спасай птиц, капитан!

Криспин хотел что-то сказать, но она уже хлопнула дверью. Он побрел обратно и, переправясь через реку, поднялся на палубу катера, не замечая Квимби, который смотрел на него огромными, безумными глазами.

- В чем дело, Крисп? - Впервые карлик стоял спокойно, не суетился и не приплясывал. - Что случилось?

Криспин покачал головой и взглянул вверх, на голубя. Он пытался найти крупицу здравого смысла в отповеди, услышанной из уст женщины, и не мог.

- Знаешь, Квимби, - наконец вполголоса произнес он, - она считает себя птицей.

За неделю, прошедшую с того дня, Криспин окончательно уверился в правильности своей догадки. За тот же срок в мозгу его созрела навязчивая идея.

Куда бы он ни пошел, за ним следила птица, висевшая над головой, словно мертвый ангел. Все чаще Криспин вспоминал появление голубя в грозовую ночь, когда его собственное лицо в зеркальном стекле рубки, казалось, приобрело птичьи черты. Постепенно возникло чувство родства с птицей. Именно оно и подтолкнуло Криспина на этот шаг.

Он залез на мачту, привязал себя к рее и стал пилить ножовкой стальные тросы, удерживающие труп. Ветер крепчал, и голубь раскачивался, угрожая сбросить Криспина с мачты. Струи дождя смывали кровь с груди птицы и ржавчину с полотна ножовки.

Наконец Криспин опустил птицу на палубу, слез и перетащил ее на крышку люка за дымовой трубой.

В тот день он очень устал, а потому лег засветло и проспал до утра. На рассвете он вооружился мачете и стал свежевать голубя.

Прошло еще три дня. Криспин стоял на краю обрыва. Далеко внизу, за рекой, приткнулся к берегу сторожевой катер. Оперение птицы, в которое облачился Криспин, было не намного тяжелее подушки. Криспин поднял крылья и почувствовал, как их подхватил пронизывающий ветер. Несколько сильных порывов ветра едва не оторвали его от земли, и Криспин на всякий случай отошел к невысокому дубу, росшему у обрыва.

Винтовка и пулеметные ленты лежали под деревом. Опустив крылья, Криспин взгляделся в небо, еще раз желая убедиться, что в нем нет ястреба или сокола. Результатами переодесывания он был вполне удовлетворен.

Перед ним до самого дома простирался склон обрыва. С палубы катера обрыв казался почти отвесным, но на самом деле склон был не слишком крут. Криспин думал, что какое-то расстояние, возможно, даже удастся пролететь. Однако большую часть пути он хотел просто пробежать.

Дожидаясь появления Кэтрин Йорк, он высвободил правую руку из-под металлической скобы, прикрепленной к кости крыла. Взял

винтовку, поставил ее на предохранитель. Он не случайно расстался с оружием и пулеметными лентами, не случайно надел на себя голубиное оперение. Все эти дни он мучительно пытался постичь логику безумной женщины и, в конце концов, решил разыграть символический полет, который должен был освободить Кэтрин Йорк и его самого от птичьего наваждения.

В доме открылась дверь. В расколотом стекле блеснул солнечный луч. Криспин выпрямился, просунул руку в скобы. Кэтрин Йорк шла по двору. Она остановилась около восстановленного гнезда и положила в него несколько перьев.

Криспин покинул укрытие под деревом и пошел вниз по склону. Пройдя десять ярдов, он побежал, неуклюже размахивая крыльями, все быстрее и быстрее, пока его не подхватил восходящий поток и он не почувствовал, что летит.

Женщина заметила его, когда он находился в ста ярдах от дома. Спустя несколько секунд она выскочила из кухни с дробовиком, но Криспин уже ничего не замечал, пытаясь совладать со своим одеянием, неожиданно превратившимся в пернатый планер. Крича от восторга, он отрывался от земли и совершал прыжки в десять ярдов длиной. Запах птичьей крови и перьев шекотал ноздри, кружил голову. Он взмыл над пятнадцатифутовой изгородью, стоявшей на краю луга. Подхваченная ветром, шкура рванулась вверх, голубиный череп соскочил с головы Криспина, одна рука выскользнула из скобы - и в этот момент женщина выстрелила из обоих стволов. Первый заряд крупной дроби угодил в хвост и растрепал перья, второй - разворотил Криспину грудь и сбросил его на мягкую луговую траву.

Через полчаса, дождавшись, когда Криспин перестанет шевелиться, Кэтрин Йорк подошла к скомканному оперению голубя. Она надергала отборных перьев, отнесла и положила их в гнездо, заботливо сплетенное ею для огромной ручной птицы, которая рано или поздно должна прилететь и вернуть ей сына.

Филип Дик

ВТОРАЯ МОДЕЛЬ

Русский солдат с винтовкой наперевес пробирался вверх по вздыбленному взрывами склону холма. Он то и дело беспокоино озирался и облизывал пересохшие губы. Время от времени он поднимал руку в перчатке и, отгибая ворот шинели, вытирал с шеи пот.

Эрик повернулся к капралу Лсону.

- Не желаете, капрал? А то могу и я, - он настроил прицел так, что

заросшее щетиной мрачное лицо русского как раз оказалось в перекрестии окуляра.

Леонэ думал. Русский был уже совсем близко, и он шел очень быстро, почти бежал.

- Погоди, не стреляй. По-моему, это уже не нужно.

Солдат наконец достиг вершины холма и там остановился, тяжело дыша и лихорадочно осматриваясь. Серые плотные тучи пепла почти полностью заволокли небо. Обгорелые стволы деревьев да торчащие то тут, то там желтые, словно черепа, остовы зданий - вот и все, что осталось на этой голой мертвой равнине.

Русский вел себя очень беспокойно. Он начал спускаться с холма и теперь уже был в нескольких шагах от бункера. Эрик засуетился; он вертел в руке пистолет и не сводил глаз с капрала.

- Не волнуйся, - успокаивал Леонэ. - Он сюда не попадет. О нем сейчас позаботятся.

- Вы уверены? Он зашел слишком далеко.

- Эти шутоквины ошиваются у самого бункера, так что скоро все будет кончено.

Русский спешил. Скользя и увязая в толстом слое пепла, он старался удержать равновесие. На мгновение он остановился и поднес к глазам бинокль.

- Он смотрит прямо на нас, - произнес Эрик.

Солдат двинулся дальше. Теперь они могли внимательно рассмотреть его. Как два камешка - холодные голубые глаза. Рот слегка приоткрыт. Небритый подбородок. На худой грязной щеке - квадратик пластыря, из-под которого по краям виднеется что-то синее, должно быть, лишай. Рваная шинель; лишь одна перчатка. Когда он бежал, счетчик радиации подпрыгивал у него на поясе.

Леонэ коснулся руки Эрика.

- Смотри, один уже появился.

По земле, поблескивая металлом в свете тусклого дневного солнца, двигалось нечто необычное, похожее на металлический шар. Шарик быстро поднимался, упруго подпрыгивая, по склону холма. Он был очень маленький, еще детеныш. Русский услышал шум, мгновенно развернулся и выстрелил. Шар разлетелся вдребезги. Но уже появился второй. Русский выстрелил вновь.

Третий шарик, жужжа и шелкая, впился в ногу солдата, потом забрался на плечо, и длинные вращающиеся лезвия, похожие на когти, вонзились в горло жертвы.

Эрик облегченно вздохнул.

- Да... От одного вида этих чертовых роботов меня в дрожь бросает. Иногда я думаю, что лучше бы было обходиться без них.

- Если бы мы не изобрели их, изобрели бы они, - Леонэ нервно закурил. - Хотелось бы знать, почему русский шел один? Его никто не прикрывал.

В бункер из тоннеля пролез лейтенант Скотт.

- Что случилось? Кого-нибудь обнаружили?

- Опять Иван.

- Один?

Эрик повернул экран к лейтенанту. На экране было видно, как по распростертому телу, расчленив его, ползали многочисленные шары.

- О Боже! Сколько же их... - пробормотал офицер.

- Они как мухи. Им это ничего не стоит.

Скотт с отвращением оттолкнул экран.

- Как мухи. Точно. Но зачем он сюда шел? Они же прекрасно знают про "когти".

К маленьким шарам присоединился робот покрупнее. Он руководил работой, вращая длинной широкой трубкой, оснащенной парой выпуклых линз. "Когти" стаскивали куски тела к подножию холма.

- Сэр, - сказал Леонэ, - если вы не возражаете, я хотел бы вылезти и посмотреть на то, что осталось.

- Зачем?

- Может, он не просто так шел.

Лейтенант задумался и наконец кивнул.

- Хорошо. Только будьте осторожны.

- У меня есть браслет. - Леонэ погладил металлический браслет, стягивающий запястье. - Я не буду рисковать.

Он взял винтовку и, пробираясь, низко пригнувшись, между железобетонными балками и стальной арматурой, выбрался из бункера. Наверху было холодно. Ступая по мягкому леплу, он приближался к останкам солдата. Дул ветер и запорашивал пенлом глаза. Капрал прищурился и поспешил вперед.

При его приближении "когти" отступили. Некоторые из них застыли, словно парализованные. Леонэ прикоснулся к браслету. Иван многое бы отдал за эту штуку!

Слабое проникающее излучение, исходящее от браслета, нейтронизировало "когти", выводило их из строя. Даже большой робот с двумя подрагивающими глазами-линзами с почтением отступил, когда Леонэ подошел поближе.

Капрал склонился над трупом. Рука в перчатке была сжата в кулак. Леонэ развел в стороны пальцы. На ладони лежал еще не потерявший блеска запечатанный алюминиевый тюбик.

Леонэ сунул его в карман и с теми же предосторожностями вернулся в бункер. Он слышал, как за его спиной ожили роботы. Работа возобновилась: металлические шары мерно покатались по серому леплу, перетаскивая добычу. Слышно было, как их гусеницы скребут по земле.

Скотт внимательно рассматривал блестящий тюбик.

- Это у него было?

- В руке, - ответил Леонэ, откручивая колпачок. - Может, вам следовало бы взглянуть на это, сэр?

Скотт взял тюбик и вытряс его содержимое на ладонь. Маленький, аккуратно сложенный кусочек шелковистой бумаги. Лейтенант сел поближе к свету и развернул листок.

- Что там, сэр? - спросил Эрик.

В тоннеле появилось несколько офицеров во главе с майором Хендриком.

- Майор, - обратился к начальнику Скотт, - взгляните.

Хендрикс прочитал.

- Откуда это? Когда?

- Солдат-одиночка. Только что.

- Где он сейчас? - резко спросил майор.

- "Когти", сэр.

Майор Хендрикс что-то недовольно пробурчал, а затем, обращаясь к своим спутникам, произнес:

- Я думаю, что это как раз то, чего мы ожидали. Похоже, они стали сговорчивее.

- Значит, они готовы вести переговоры, - сказал Скотт. - И мы начнем их?

- Это не нам решать. - Хендрикс сел. - Где связист? Мне нужна Лунная база.

Связист осторожно установил антенну, тщательно сканируя небо над бункером, чтобы удостовериться в отсутствии русских спутников-шпионов.

- Сэр, - сказал, обращаясь к майору, Скотт, - странно, что они именно сейчас согласились на переговоры. У нас "когти" уже почти год. И теперь... Так неожиданно.

- Может быть, эти штуковины добрались до их укрытий.

- Большой робот, тот что с трубочками, на прошлой неделе залез к Иванам в бункер, - сказал Эрик. - Они не успели захлопнуть крышку люка, и он один уничтожил целый взвод.

- Откуда ты знаешь?

- Приятель рассказал. Робот вернулся с трофеями.

- Лунная база, сэр, - крикнул связист.

На экране появилось лицо дежурного офицера. Его аккуратная форма резко контрастировала с формой собравшихся в бункере людей. К тому же он был еще и чисто выбрит.

- Лунная база.

- Это командный пункт группы Л-14. Земля. Дайте генерала Томпсона.

Лицо дежурного исчезло. Вскоре на экране возникло лицо генерала.

- В чем дело, майор?

- "Когти" перехватили русского с посланием. Мы не знаем, стоит ли этому посланию верить - в прошлом уже бывало нечто подобное.

- Что в нем?

- Русские предлагают послать к ним нашего офицера для переговоров. О чем пойдет речь, они не сообщают, но утверждают, что это не терпит отлагательства. Они настоятельно просят начать перегово-

Майор поднес листок к экрану, чтобы генерал мог лично ознакомиться с текстом.

- Что нам делать? - спросил Хендрикс.

- Пошлите кого-нибудь.

- А вдруг это ловушка?

- Все может быть. Но они точно указывают местоположение их командного пункта. В любом случае надо попробовать.

- Я pošлю человека. Как только он вернется, я доложу вам о результатах встречи.

- Хорошо, майор.

Экран погас. Антенна начала медленно опускаться.

Хендрикс задумался.

- Я пойду, - подал голос Леонэ.

- Они хотят видеть кого-нибудь из высоких чинов. - Хендрикс потер челюсть. - Я не был наверху уже несколько месяцев. Немного свежего воздуха мне не помешало бы.

- Вам не кажется, что это слишком рискованно?

Хендрикс прильнул к обзорной трубе. От русского почти ничего не осталось. Последний "коготь" сворачивался, прячась под толстым слоем пепла. Отвратительный железный краб...

- Эти машинки - единственное, что меня беспокоит. - Он коснулся запястья. - Я знаю, что пока со мной браслет, мне ничего не грозит, но в этих роботах есть нечто зловещее. Я ненавижу их. В них что-то не так. Наверное, их безжалостность.

- Если бы не мы изобрели их, изобрели бы Иваны.

- Как бы то ни было, похоже, что мы выиграем войну. И я думаю, что это хорошо.

Он посмотрел на часы.

- Ладно. Пока не стемнело, надо бы до них добраться.

Он глубоко вздохнул и ступил на серую взрытую землю, закурил и потом какое-то время стоял, оглядываясь по сторонам. Все мертво. Ни малейшего движения. На многие мили - лишь бесконечные поля пепла и руины. Да еще редкие почерневшие стволы деревьев. А над ними - нескончаемые серые тучи, не спеша плывущие между Землей и Солнцем.

Майор Хендрикс начал подниматься по склону холма. Справа от него что-то быстро пронеслось, что-то круглое и металлическое. "Коготь" гнался за кем-то. Наверное, за крысой. Крысы они тоже ловят. Своего рода побочный промысел.

Он забрался на вершину и поднес к глазам бинокль. Окопы русских лежали впереди, в нескольких милях от него. Там у них командный пункт. Гонец пришел оттуда.

Мимо, беспорядочно размахивая конечностями, прошествовал маленький неуклюжий робот. Он исчез где-то среди обломков, похоже, шел по своим делам. Майор таких еще не видел. Незвестных ему разновидностей роботов становилось все больше и больше: новые типы, формы, размеры. Подземные заводы работали в полную силу.

Хендрикс выплюнул сигарету и отправился дальше. Создание роботов-солдат было вызвано острой необходимостью. Когда же это началось? Советский Союз в начале военных действий добился внушительного успеха. Почти вся Северная Америка была стерта с лица Земли. Конечно, возмездие последовало незамедлительно. Задолго до начала войны в небо были запущены диски-бомбардировщики. Они ждали своего часа, и бомбы посыпались на Советы в первые же часы войны.

Но Вашингтону это уже помочь не могло. В первый же год войны американское правительство вынуждено было перебраться на Луну. На Земле делать было больше нечего. Европы не стало - горы шлака, пепла и костей, поросшие черной травой. Северная Америка находилась в таком же состоянии. Несколько миллионов жителей оставалось в Канаде и Южной Америке. Но на втором году войны на Американский континент начали высаживаться советские парашютисты; сначала их было немного, потом все больше и больше. Русские к тому времени изобрели первое действительно эффективное противорадиационное снаряжение. Остатки американской промышленности были срочно переправлены на Луну.

Эвакуировано было всё и вся. Кроме войск. Они делали все, что представлялось возможным. Где - несколько тысяч, где - взвод. Никто не знал их точного расположения. Они скрывались, передвигаясь ночами, прячась среди развалин, в сточных канавах, подвалах, вместе с крысами и змеями. Казалось, что еще немного и Советский Союз победит в этой войне. Не считая редких ракет, запускаемых с Луны, против русских нечем было воевать. Они ничего не боялись. Война практически была окончена. Им уже ничто не противостало.

Вот именно тогда и появились первые "когти". И за одну ночь все первернулось.

Поначалу роботы были несколько неуклюжи и не очень подвижны. Стоило им только появиться на поверхности - Иваны их почти сразу уничтожали. Но со временем роботы совершенствовались, становились расторопнее и хитрее. Их массовое производство началось на расположенных глубоко под землей заводах, некогда выпускавших атомное оружие и к тому времени практически заброшенных.

"Когти" становились подвижнее и крупнее. Появились новые разновидности: с чувствительными щупальцами, летающие, прыгающие. Там, на Луне, лучшие умы создавали все новые и новые модели, более сложные и непредсказуемые. У русских прибавилось хлопот. Некоторые мелкие "когти" научились искусно зарываться в пепел, поджидая добычу.

А вскоре они стали забираться в русские бункера, проворно проскальзывая в открытые для доступа свежего воздуха или для наблюдений люки. Одного такого робота в бункере вполне достаточно. Как только туда попадает один, за ним сразу же следуют другие.

С таким оружием война долго продолжаться не может.

А может быть, она уже и закончилась.

Может, ему предстоит это вскоре услышать. Может, Политбюро решило выбросить белый флаг. Жаль, что для этого потребовалось столько времени. Шесть лет! Огромный срок для такой войны. Чего только не было: сотни тысяч летающих дисков, несущих смерть; зараженные бактериями кристаллы; управляемые ракеты, со свистом пронзающие воздух; кассетные бомбы. А теперь еще и "когти".

Но роботы имеют одно огромное отличие от известных ранее видов вооружения. Они *живые*, с какой стороны не посмотри, независимо от того, хочет ли правительство признавать это или нет.

Это не машины. Это живые существа, вращающиеся, ползающие, выпрыгивающие из пепла и устремляющиеся к приближающемуся человеку с одной-единственной целью - впиться в его горло. Это именно то, что от них требуется. Это их работа.

И они отлично справляются с ней. Особенно в последнее время, когда появились новые модели. Теперь они ремонтируют сами себя и сами по себе существуют. Радиационные браслеты защищают американские войска, но стоит человеку потерять браслет - он становится игрушкой этих тварей, независимо от того, в какую форму одет. А глубоко под землей заводы-автоматы продолжают работу. Люди стараются держаться подальше от них. Там стало слишком опасно. В результате подземные производства предоставлены сами себе и, кажется, неплохо справляются. Новые модели, они - более быстрые, более сложные, а главное, еще более эффективные.

Вероятно, они и выиграли войну.

Хендрикс снова закурил. Удручающий пейзаж. Ничего, только пепел и руины. Ему вдруг показалось, что он один, один во всем мире. Справа от него возвышались развалины города - остовы зданий, разрушенные стены, горы хлама. Хендрикс бросил погасшую спичку и прибавил шаг. Внезапно он остановился и, вскинув карабин, замер. Прошла минута.

Откуда-то из-под обломков здания появилась неясная фигура и медленно, то и дело останавливаясь, направилась к Хендриксу.

Майор прицелился.

- Стой!

Мальчик остановился. Хендрикс опустил карабин. Ребенок маленького роста. лет восьми - правда, теперь возраст определить очень трудно, дети, пережившие этот кошмар, перестали расти - стоял молча и внимательно рассматривал майора. На нем были короткие штанишки и измазанный грязью выцветший голубой свитер. Длинные каштановые волосы спутанными прядями падали на лицо, закрывая глаза. В руках он что-то держал.

- Что это у тебя? - грозно спросил Хендрикс.

Малыш вытянул руки. Это была игрушка - маленький плюшевый медвежонок. Огромные безжизненные глаза ребенка смотрели на Хендрикса.

Майор успокоился.

- Мне не нужна твоя игрушка, малыш. Не бойся.

Мальчик снова крепко прижал к груди медвежонка.

- Где ты живешь? - спросил Хендрикс.

- Там.

- В развалинах?

- Да.

- Под землей?

- Да.

- Сколько вас там?

- Сколько нас?

- Да. Сколько вас? Есть там кто-нибудь еще?

Мальчик молчал.

Хендрикс нахмурился.

- Но ты же не один, правда?

Мальчик кивнул.

- Как же вы живете?

- Там есть еда.

- Какая еда?

- Разная.

Хендрикс внимательно посмотрел на него.

- Сколько же тебе лет, малыш?

- Тринадцать.

Это невозможно. Хотя... Мальчик очень худой, маленького роста и, вероятно, стерилен. Последствия длительного радиационного облучения. Ничего удивительного, что он такой крошечный. Майор присел на корточки и посмотрел ребенку в глаза. Большие глаза, большие и темные, но пустые.

- Ты слепой? - спросил Хендрикс.

- Нет. Я немного вижу.

- Как тебе удастся ускользнуть от "когтей"?

- "Когтей"?

- Ну, такие круглые штуковины. Они прячутся в пепле и быстро бегают.

- Не понимаю.

Возможно, здесь "когтей" не было. Довольно большие пространства свободны от них. Они собираются, главным образом, вокруг бункеров и выходов из тоннелей, то есть там, где есть люди. Их такими создали. Они чувствуют тепло, тепло живых существ.

- Тебе повезло, - вставая, сказал Хендрикс. - Ну? Куда же ты направляешься? Опять туда?

- Можно я пойду с вами?

- Со мной? - переспросил Хендрикс, сложив на груди руки. - Мне

много надо пройти. Много миль. И я должен спешить. - Он взглянул на часы. - Мне надо попасть туда до темноты.

- Но мне так хочется пойти с вами.

Хендрикс начал копаться в ранце.

- Зачем тебе это? Не стоит. Вот, возьми лучше. - Он вытащил несколько банок консервов и протянул их мальчику. - Бери и беги обратно. О'кей?

Мальчик ничего не ответил.

- Послушай. Через день-два я буду возвращаться, и если ты будешь здесь, ты сможешь пойти со мной. Договорились?

- Мне хотелось бы сейчас пойти с вами.

- Это долгий путь.

- Я справлюсь.

Хендриксу было о чем подумать. Двое идущих - очень приметны. И потом идти придется гораздо медленней. Но что, если он вынужден будет возвращаться другим путем? Что, если мальчик действительно совсем один?..

- Хорошо. Идем, малыш.

Майор зашагал вперед. Ребенок не отставал, шел молча, прижимая к груди медвежонка.

- Как тебя зовут? - немного погодя спросил Хендрикс.

- Дэвид Эдвард Дэрринг.

- Дэвид? Что... что случилось с твоими родителями?

- Умерли.

- Как?

- Врывом убило.

- Когда это произошло?

- Шесть лет назад.

Услышав это, Хендрикс даже приостановился.

- И все шесть лет ты совсем один?

- Нет. Здесь были еще люди, но потом они ушли.

- И с тех пор ты один?

- Да.

Хендрикс посмотрел на мальчика. Станный какой-то ребенок, говорит очень мало. Замкнутый. Но они такие и есть, дети, которым удалось выжить. Спокойные. Безразличные. Война превратила их в фаталистов. Они ничему не удивляются. Они принимают все как есть. Они уже ни морально, ни физически не ждут чего-либо обыкновенного, естественного. Обычаи, привычки, воспитание... Для них этого не существует. Все ушло, остался лишь страшный горький опыт.

- Ты успеваешь за мной? - спросил Хендрикс.

- Да.

- Как ты увидел меня?

- Я ждал.

- Ждал? - удивился майор. - Чего же?

- Поймать что-нибудь.

- Что значит что-нибудь?

- Что-нибудь, что можно съесть.

- О! - Хендрике сжал губы. Тринадцатилетний мальчишка, питающийся крысами, сусликами, полусгнившими консервами. Один в какой-нибудь зловонной норе, под развалинами города. Радиация, "когти", русские ракеты, заполонившие небо...

- Куда мы идем? - неожиданно заинтересовался Дэвид.

- К русским.

- Русские?

- Да, враги. Мы идем к людям, которые начали войну. Они первые сбросили бомбы. Они первые начали.

Малыш кивнул.

- Я - американец, - зачем-то сказал Хендрике.

Малыш молчал. Так они и шли, ребенок и взрослый; Хендрике - чуть впереди, Дэвид, прижимая к груди грязного плюшевого медвежонка, старался не отставать от него.

Около четырех часов дня они остановились, чтобы подкрепиться. В нише, образованной бетонными глыбами, майор развел костер. Он надергал травы и набрал немного сухих веток. Позиции русских уже недалеко. Здесь когда-то была плодородная долина - сотни акров фруктовых деревьев и виноградников. Сейчас ничего не осталось, только обуглившиеся пни и горы, цепью вытянувшиеся до самого горизонта. И еще пепел, гонимый ветром и покрывающий толстым ровным слоем черную траву, уцелевшие стены и то, что раньше было дорогой.

Хендрике приготовил кофе и подогрел баранью тушенку.

- Держи, - он протянул банку и кусок хлеба Дэвиду. Малыш сидел на корточках у самого огня, словно желая согреть худые белые коленки. Он посмотрел на еду и, качая головой, вернул все майору.

- Нет.

- Нет? Ты не хочешь есть?

- Нет.

Хендрике пожал плечами. Может, мальчик - мутант и привык к особой пище. Хотя, это не важно. Он же, наверное, питается чем-то, когда голоден. Да, он очень странный. Но в этом мире уже все стало таким. Сама жизнь уже не та, что была прежде, и ту жизнь уже не вернуть. Рано или поздно человечеству придется понять это.

- Как хочешь, - ответил Хендрике и, запивая кофе, съел весь хлеб и тушенку.

Ел он не спеша, тщательно пережевывая пищу. Покончив с едой, он встал и затоптал костер.

Дэвид поднялся вслед за Хендриком, не сводя с него безжизненных глаз.

- Идем дальше, малыш.

- Я готов.

Они снова двинулись в путь. Хендрикс держал наготове карабин. Русские должны быть где-то рядом. Они должны ждать гонца, гонца с ответом на их предложение, но они очень хитры. От них всегда можно ожидать какой-нибудь гадости. Хендрикс внимательно оглядывался по сторонам. Только мусор, пепел и обугленные деревья. Бетонные стены. Но где-то здесь должен быть бункер русских. Глубоко под землей. С торчащим наружу перископом и парой стволов крупнокалиберных пулеметов. Может, есть еще и антенна.

- Мы скоро придем? - спросил Дэвид.

- Да. Устал?

- Нет.

- Что тогда?

Ребенок не ответил. Он осторожно следовал за Хендриксом. Ноги и башмаки посерели от пепла и пыли. Тонким серым налетом покрыто его изможденное лицо. Землистое лицо. Это обычный цвет лица у детей, живущих в погребках, сточных канавах и подземных убежищах.

Майор, замедлив шаг, внимательно осматривал в бинокль местность. Не здесь ли они поджидают его, пристально следя за каждым его шагом? По спине пробежали мурашки. Может быть, они уже приготовились стрелять и так же, как его люди, всегда готовы уничтожить врага.

Хендрикс остановился, вытирая с лица пот.

- Черт! - Все это заставляло его нервничать. Но ведь его должны ждать. И это меняло ситуацию.

Он снова зашагал, крепко сжимая в руках карабин. Дэвид шел следом. Хендрикс беспокойно озирался. В любую секунду это может случиться. Прицельный выстрел из подземного бункера и вспышка белого огня.

Он поднял руку и начал описывать ею круги.

Все тихо. Справа лежала гряда холмов, увенчанных на вершинах стволами мертвых деревьев. То тут, то там торчащие из пепла рваные куски арматуры, хилые побеги дикого винограда и бесконечная черная трава. Хендрикс рассматривал вершины холмов. Может быть, там? Он медленно направился к гряде. Дэвид молча следовал за ним. Будь он командиром у русских - обязательно бы выставил наверху дозорного. Хотя, конечно, если бы это был его командный пункт, вся бы местность здесь, для полной гарантии, кишела "когтями".

Он остановился.

- Мы пришли? - спросил Дэвид.

- Почти.

- Почему мы тогда остановились?

- Не хочется рисковать.

Хендрикс медленно двинулся вперед. Они были теперь у самого подножия холма. С его вершины они видны как на ладони. Беспокойство майора усилилось. Если Иван наверху, то у них нет шансов. Он

снова помахал рукой. Русские же должны ждать ответа. Если только это не западня.

- Держись ко мне поближе, малыш, - майор повернулся к Дэвиду.

- Не отставай.

- К вам?

- Рядом со мной. Мы уже пришли и сейчас не можем рисковать. Давай, малыш.

- Я буду осторожен, - Он так и шел за Хендриком в нескольких шагах, по-прежнему сжимая в объятиях плюшевого медведя.

- Ладно, - сказал Хендрикс и вновь поднял бинокль. Внезапно он насторожился: что-то шевельнулось. Неужели показалось? Он внимательно осматривал гряду. Все тихо. Мертво. Никаких признаков жизни. Только стволы деревьев и пепел. И еще крысы. Большие серые крысы, спасшиеся от "когтей". Мутанты, строящие свои убежища из слюны и пепла. Получалось нечто сродни гипсу. Адаптация.

Он снова устремился вперед.

На вершине холма появилась высокая фигура в развевающемся на ветру серо-зеленом плаще. Русский. За ним - еще один. Оба подняли ружья и прицелились.

Хендрикс замер. Он открыл рот. Солдаты опустили на колени, пытаясь рассмотреть поверхность склона. К ним присоединилась третья фигура, маленькая и в таком же серо-зеленом плаще. Женщина. Она стояла чуть позади.

Наконец Хендриксу удалось выйти из оцепенения, и он заорал:

- Стойте! Стойте! - Он отчаянно размахивал руками. - Я от...

Два выстрела прозвучали почти одновременно. За спиной майор услышал едва различимый хлопок. Неожиданно, сбивая с ног, на него обрушилась тепловая волна. Песок царапал лицо, забивая глаза и нос. Кашляя, он привстал на колени. Все-таки - ловушка. Все конечно. И стоило в такую даль идти. Его пристрелят как суслика. Солдаты и женщина спускались к нему, медленно съезжая по толстому слою пепла. Хендрикс не двигался. В висках бешено стучала кровь. Неуклюже, морщась от боли, он поднял карабин и прицелился. Казалось, карабин весит тысячу тонн - он едва удерживал его. Лицо и щеки горели. В воздухе - запах гари. Едкое кислое зловоние.

- Не стреляй! - приближаясь к Хендриксу, крикнул по-английски, с сильным акцентом, солдат.

Они окружили его.

- Брось оружие, янки.

Майор был потрясен. Все произошло так быстро. Они поймали его и убили мальчика. Он повернул голову. От Дэвида почти ничего не осталось.

Русские с любопытством рассматривали его. Хендрикс сидел, утирая текущую из носа кровь, и смахивал с одежды пепел. Он долго тряс головой, пытаясь прийти в себя.

- Зачем? - пробормотал он. - Это же ребенок. Ребенка-то зачем?

- Зачем? - один из солдат грубо схватил майора и поднял. - Смотри!

Хендрикс закрыл глаза.

- Нет, смотри! - солдат подтолкнул его вперед. - Смотри! Только поторопись. У нас мало времени, янки!

Хендрикс взглянул на останки Дэвида и вздрогнул.

- Видишь? Теперь ты понимаешь?

Из исковерканного трупa Дэвида выкатилось маленькое колесико. Кругом валялись какие-то металлические шестеренки, проводки, реле. Русский пнул эту кучу ногой. Оттуда посыпались пружинки, колесики, металлические стержни. Вывалилась полубугленая пластмассовая плата. Хендрикс, трясаясь, наклонился. Верхнюю часть головы, видно, снесло выстрелом - был отчетливо виден сложный искусственный мозг. Провода, реле, крошечные трубки и переключатели, тысяча блестящих винтиков...

- Робот, - придерживая Хендрикса, сказал солдат. - Мы наблюдали за вами.

- Так они действуют. Увязываются за тобой и не отстают. И если они попадают в бункер, то это конец.

Хендрикс ничего не понимал.

- Но...

- Пошли. Мы не можем оставаться здесь. Это опасно. Их тут сотни.

Его потащили вверх. Женщина первой взобралась на вершину и теперь дожидалась остальных.

- Мне нужен командный пункт, - бормотал Хендрикс. - Я пришел, чтобы вести переговоры.

- Нет больше командного пункта. Они уничтожили его. Сейчас поймешь. - Они достигли вершины. - Мы - это все, что осталось. Три человека. Остальные погибли в бункере.

- Сюда. Вниз. - Женщина открыла люк, отодвинув серую тяжелую крышку. - Давайте.

Майор начал спускаться. Солдаты - за ним.

- Хорошо, что мы заметили тебя, - прохрипел один из них. - А то все могло бы плохо кончиться.

Женщина установила крышку люка на место и присоединилась к ним.

- Дай мне сигарету, - попросила она Хендрикса. - Я уже и не помню, когда последний раз курила американские сигареты.

Хендрикс протянул пачку. Все закурили. В углу крошечной комнаты мерцала лампа. Низкий, укрепленный балками потолок. Все четверо сидели за маленьким деревянным столом. На одном конце стола лежали грязные миски. Сквозь порванную занавеску была видна вторая комната. Хендрикс видел край пальто, несколько одеял, одежду, висющую на крючке.

- Вот здесь мы и были, - произнес сидящий рядом с майором солдат. Он снял каску и пригладил белокурые волосы. - Капрал Руди

Максер. Поляк. Призван в Советскую Армию два года назад. - Он протянул Хендриксу руку.

Хендрикс, слегка поколебавшись, все же пожал протянутую ему руку.

- Клаус Эпштейн, - второй солдат пожал ему руку. Это был маленький смуглый человек. Он нервно теребил ухо. - Австриец. Призван бог знает когда. Не помню. Нас здесь трое: Руди, я и Тассо, - он указал на женщину. - Так нам удалось спастись. Остальные были в бункере.

- И... им удалось проникнуть туда?

Эпштейн закурил.

- Сначала забрался один, такой же, как тот, что увязался за тобой. Потом другие.

Хендрикс насторожился.

- Такой же? Так они что, разные?

- Малыш Дэвид. Дэвид, держащий плюшевого медвежонка. Это третья модель. Пожалуй, она наиболее эффективна.

- А другие?

Австриец вытащил из кармана перевязанную веревкой пачку фотографий.

- На. Смотри сам.

Хендрикс принялся медленно развязывать веревку.

- Теперь ты понимаешь, почему мы хотели начать переговоры, - раздался голос Руди Максера. - Я имею в виду наше командование. Мы узнали об этом неделю назад. Нам стало известно, что ваши "когти" начали самостоятельно создавать новые образцы и модели роботов. Они становились все более опасными. Там, на подземных заводах, вы предоставили им свободу. Вы позволили им создавать самих себя. В том, что случилось, только ваша вина.

Хендрикс рассматривал фотографии. Сделанные в спешке, они были нерезкими. На первых был Дэвид: Дэвид, бредущий по дороге, Дэвид и еще один Дэвид, три Дэвида. Все совершенно одинаковые. У каждого - потрепанный плюшевый мишка.

Все очень трогательные.

- Взгляни на другие, - сказала Тассо.

На фотографиях, сделанных с большого расстояния, был высокий раненый солдат, сидящий на обочине дороги, с перевязанной рукой, одноногий, с грубым костылем на коленях. Были также снимки с двумя ранеными солдатами, совершенно одинаковыми, стоящими бок о бок.

- Первая модель. Раненый солдат. - Клаус протянул руку и взял фотографии. - "Когти" создавались вами для охоты на людей. Для обнаружения их. Сейчас они идут дальше. Они забираются в наши бункера и тоннели. И пока они были просто машинами, металлическими шарами с клешнями и когтями, их можно было легко распознать и уничтожить. По одному их виду становилось ясно, что это роботы-убийцы. Стоило их только увидеть...

- Первая модель уничтожила почти полностью нашу северную группировку, - присоединился к разговору Руди. - Мы слишком поздно поняли. Они приходили, эти раненые солдаты, стучались и просили впустить их. И мы открывали люки. Как только они оказывались внутри - все было кончено. А мы продолжали высматривать машины...

- Тогда мы думали, что существуют лишь эти роботы, - сказал Клаус. - Никто и не подозревал, что есть другие. Когда мы направляли парламентаря, было известно только об одной модели. Первой. Раненый солдат. Мы думали, что это все.

- Ваши укрепления пали...

- Да, перед третьей моделью. Дэвид и его медвежонок. Эти действуют еще эффективнее, - горько усмехнулся Клаус. - Солдаты жалуют детей. Они пускают их в бункер и пытаются накормить... Мы дорого заплатили за свою жалость. По крайней мере те, кто был в бункере.

- Нам троим просто повезло, - раздался голос Руди. - Когда это случилось, мы с Клаусом были в гостях у Тассо. Это ее убежище. - Он обвел вокруг рукой. - Этот маленький подвал. Мы закончили здесь и уже поднимались по лестнице. С гребня мы увидели то, что происходило около бункера. Там еще продолжалось сражение. Кругом кишели Дэвиды. Сотни Дэвидов. Клаус их тогда и сфотографировал.

Клаус собрал в пачку и перевязал фотографии.

- И так везде? - спросил Хендрикс.

- Да.

- А как насчет нас? - он коснулся браслета. - Могут они?..

- Ваши браслеты им не помеха. Им все равно. Русские, американцы, поляки, немцы. Им безразлично. Они делают то, чему научены. Они - исполнители. Они отслеживают жизнь.

- Они реагируют на тепло, - произнес Клаус. - Вы создали их такими. Поначалу их можно было сдерживать радиационными браслетами. Сейчас это невозможно. У новых моделей - свинцовые оболочки.

- Какие еще существуют модели, кроме этих двух? - спросил Хендрикс.

- Мы не знаем. - Клаус указал на стену. На ней висели две металлические пластины с рваными острыми краями. Хендрикс поднялся, чтобы рассмотреть их. Они были сильно покоржены и покрыты вмятинами.

- Вон та, слева, - кусок Раненого солдата, - сказал Руди. - Нам удалось подстрелить одного. Он направлялся к нашему старому бункеру. Мы уничтожили его так же, как твоего Дэвида.

На пластине стояло клеймо "I-M". Хендрикс дотронулся до второй пластинки.

- Эта - из Дэвида?

- Да.

На пластинке значилось "З-М".

Клаус, стоя за широкой спиной Хендрикса, произнес:

- Видишь? Должна быть еще одна модель. Возможно, что от нее отказались. Возможно, она неудачна. Но вторая модель должна быть, раз есть первая и третья.

- Вам повезло, - сказал Руди. - Дэвид так долго шел за вами и не тронул. Наверное, думал, что вы приведете его в бункер.

- Если один из них попадет туда, то все кончено, - сказал Клаус. - Они очень подвижны. За первым следуют другие. Они неумолимы. Машины, созданные с одной-единственной целью. С исключительной целью. - Он вытер пот с лица. - Мы это видели.

Все замолчали.

- Янки, угости еще сигареткой, - сказала Тассо. - Они у тебя замечательные. Я уже почти забыла их вкус.

Ночь. Черное небо. Плотные пепельные облака. Клаус осторожно приподнял крышку люка, давая возможность Хендриксу выглянуть наружу.

Руди показывал пальцем куда-то в темноту.

- Вон там - наши бункера. Не больше полумили отсюда. Только по счастливой случайности нас с Клаусом не оказалось там, когда это произошло. Человеческая слабость. Похоть.

- Все остальные наверняка погибли, - раздался тихий голос Клауса. - Все произошло очень быстро. Этим утром Политбюро наконец-то приняло решение. Они известили нас, и мы сразу отправили к вам человека. Пока могли, мы прикрывали его.

- Это был Алекс Радриwski. Мы оба хорошо знали его. Он ушел около шести часов утра. Солнце только начало подниматься. А около полудня мы с Клаусом получили час отдыха и, выскользнув из бункера, пришли сюда. Нас никто не видел. Здесь раньше было какое-то поселение: несколько домов, улица. Этот подвал - часть большого жилого дома. Мы знали, что Тассо здесь. Мы и раньше приходили сюда, впрочем, не мы одни. Но сегодня была наша очередь.

- Вот так мы и уцелели, - сказал Клаус. - Случайность. Здесь сейчас могли бы быть другие. Мы получили то, за чем пришли, выбрались наверх и вот тогда, с гребня, увидели их... Дэвидов. И сразу все поняли. Мы уже видели фотографии Раненого солдата. Если бы мы сделали хоть шаг, они бы нас обнаружили. Мы замерли, но поздно, и вынуждены были разнести на куски двух Дэвидов, прежде чем смогли вернуться к Тассо. Сотни Дэвидов. Повсюду. Как муравьи. Мы сфотографировали их и спустились в подвал.

- Когда их мало, с ними еще как-то можно бороться. Мы расторопнее их. Но они безжалостны и неумолимы. Они не живые. Им не знакомо чувство страха. Они шли прямо на нас.

Майор Хендрикс облокотился на край люка, вглядываясь в темноту.

- Это не опасно держать люк открытым?

- Если быть осторожным. А потом, как иначе вы сможете воспользоваться рацией?

Хендрикс аккуратно снял с пояса маленький передатчик и прижал его к уху. Металл был холодным и влажным. Вытащив короткую антенну, он дунул в микрофон. В ответ раздался лишь слабый шум.

- Да, пожалуй, вы правы.

Но он все еще колебался.

- Мы вытащим тебя, если что-нибудь случится, - успокаивал его Клаус.

- Спасибо. - Хендрикс немного подождал, прижимая передатчик к плечу. - Не правда ли, интересно?

- Что?

- Ну, эти роботы. Новые модели, разновидности. Мы ведь теперь в их власти. Они, наверное, пробрались уже и в наши укрепления. Вот я и думаю, а не присутствуем ли мы при зарождении новых существ? Принципиально новых. Эволюция. Новая раса, идущая на смену человечеству.

- После человека уже ничего не будет, - проворчал Руди.

- Почему? Может быть, именно сейчас это и происходит - отмирает человечество и возникает новое общество.

- Они - не раса. Они - убийцы. Вы научили их убивать, и это все, что они умеют делать. Это их работа.

- Это происходит сейчас. А что будет потом? После того, как закончится война? Может быть, когда уже некого будет убивать, они смогут полностью проявить свои возможности.

- Вы говорите о них так, будто они живые.

- А что, разве не так?

Наступило молчание. Потом Руди произнес:

- Они - машины. Они похожи на людей, но они - машины.

- Попробуй еще раз, майор, - вмешался Клаус. - Мы не можем долго торчать тут.

Крепко сжимая рацию, Хендрикс вызывал командный бункер. Он ждал. Ответа не было. Тишина. Он проверил настройку. Все точно.

- Скотт! - сказал он в микрофон. - Ты слышишь меня?

Тишина. Он покрутил ручку усиления и попытался снова. Тшетьно. Лишь слабое потрескивание в эфире.

- Ничего. Возможно, они слышат меня, но не хотят отвечать.

- Скажите им, что это крайне важно.

- Они могут подумать, что вы заставляете меня и я действую по вашему указанию.

Он попробовал еще раз, кратко пересказывая то, что узнал. Но приемник молчал.

- Радиационные поля, - сказал немного погодя Клаус. - Может быть, из-за них нет связи.

Хендрикс отключил рацию.

- Бесполезно. Они не отвечают. Радиационные поля? Может быть. Или они слышат меня, но не отвечают. Откровенно говоря, если бы меня вызывали из советских окопов и говорили подобное, я бы поступил точно так же. У них нет причин верить всему, что я говорил, но, по крайней мере, они могли это слышать.

- А может быть, уже слишком поздно.

Хендрикс кивнул в ответ.

- Нам лучше спуститься вниз, - сказал Руди. Заметно было, что он нервничает. - Зачем напрасно рисковать.

Так они и сделали. Клаус установил крышку люка на место и тщательно затянул болтами. Они прошли на кухню. Там стоял тяжелый спертый воздух.

- Неужели им удалось сделать все так быстро? - с сомнением произнес Хендрикс. - Я вышел в полдень. Десять часов назад. Как это у них получается?

- А им и не надо много времени. Достаточно только одному проникнуть внутрь. И начинается кошмар. Вы же сами знаете, на что способны даже самые маленькие из них. В это же невозможно поверить, пока сам не убедишься. Лезвия, когти...

- Да уж, - ответил майор и, чем-то сильно обеспокоенный, отошел в сторону. Он стоял, повернувшись к остальным спиной.

- В чем дело? - спросил Руди.

- Лунная База. О Боже, если они и туда...

- Лунная База?

Хендрикс обернулся.

- Нет, туда им не добратся. Как они могут попасть на Луну? Как? Это невозможно. Я не могу в это поверить.

- Что это - Лунная База? До нас доходили всякие слухи, но так, ничего определенного. Вы, кажется, взволнованы, майор?

- Мы все получаем с Луны. Там же находится и наше правительство. Глубоко под лунной поверхностью. Там все наши люди и промышленность. Благодаря этому, мы все еще держимся. Но если им удастся покинуть Землю и достигнуть Луны, то...

- Достаточно забраться туда только одному. Он уж позаботится о других. Их сотни, тысячи. Все одинаковые. Как муравьи. Если бы вы видели их...

- Совершенный социализм, - сказала Тассо. - Идеальное коммунистическое государство.

- Хватит! - сердито оборвал ее Клаус. - Ну? Что будем делать?

Хендрикс нервно вышагивал из угла в угол. В воздухе стоял кисловатый запах пищи и пота. Вскоре Тассо, откинув занавеску, прошла в свою комнату.

- Я собираюсь немного поспать, - донесся оттуда ее голос.

Руди и Клаус уселись за стол и какое-то время молча сидели, наблюдая за Хендриксом. Потом Клаус произнес:

- Майор, тебе решать. Мы не знаем, что там у вас происходит.

Хендрикс кивнул.

- Самое главное, - Руди плотнул кофе, - то, что хотя сейчас мы и в безопасности, все время оставаться здесь мы не можем. У нас мало продуктов.

- Но если мы выберемся наружу...

- Если мы выберемся отсюда, они уничтожат нас. Ну, или очень вероятно, что уничтожат. Мы не сможем далеко уйти. Сколько до вашего командного пункта, майор?

- Мили три-четыре.

- Можно попробовать. Нас четверо. Мы можем смотреть во все стороны и не дать им приблизиться. У нас есть ружья, а Тассо я отдам свой пистолет. - Руди похлопал по кобуре. - В Красной Армии всегда не хватает сапог, но зато предостаточно оружия. Может быть, один из нас и доберется до бункера. Предпочтительно, чтобы это были вы, майор.

- Но что, если они уже там? - спросил Клаус.

Руди пожал плечами:

- Ну, тогда мы вернемся сюда.

Хендрикс наконец перестал ходить.

- Какова вероятность, что они уже там?

- Трудно сказать. Думаю, что высокая. Они хорошо организованы. Как полчища саранчи. Они должны все время двигаться и притом быстро. Они полагаются на скорость и неожиданность и не дают времени опомниться.

- Понятно, - прошептал Хендрикс.

Из другой комнаты послышался голос Тассо:

- Майор?

Хендрикс отодвинул занавеску.

- Что?

Тассо, лежа на койке, лениво смотрела на него.

- У вас не осталось сигарет?

Хендрикс вошел в комнату и уселся на деревянный табурет, что стоял напротив койки. Он пошарил в карманах. Сигарет не было.

- Нет. Кончились.

- Плохо. Очень плохо.

- Кто вы по национальности? - посидев немного, спросил Хендрикс.

- Русская.

- Как вы очутились здесь?

- Здесь?

- Да, эта местность когда-то была Францией. Точнее - Нормандией. Вы пришли с Советской Армией?

- Зачем вам это?

- Так, интересно.

Он внимательно рассматривал ее. Молодая, около двадцати, стройная. Длинные волосы разметались по подушке. Она молча смотрела на него большими темными глазами.

- О чем вы думаете, майор?
- Ни о чем. Сколько вам лет?
- Восемнадцать.

Она продолжала пристально наблюдать за ним. На ней были русские армейские брюки и гимнастерка. Все серо-зеленое. Широкий кожаный ремень с патронами. Счетчик. Медицинский пакет.

- Вы служите в армии?
- Нет.
- Тогда откуда эта форма?

Она пожала плечами:

- Дали.
- Сколько же вам было, когда вы очутились здесь?
- Шестнадцать.
- Так мало?

Глаза ее внезапно сузились.

- Что вы хотите сказать?

Хендрикс потер подбородок.

- Если бы не война, ваша жизнь могла бы быть совсем иной. Шестнадцать лет. Боже! И с шестнадцати лет выносить все это...

- Надо было выжить.

- Да это я так...

- Ваша жизнь тоже могла бы быть совсем иной, - тихо произнесла Тассо. Она нагнулась и развязала шнурок на ботинке, затем сбросила ботинок на пол.

- Майор, выйдите, пожалуйста. Я хотела бы немного поспать.

- Похоже, трудно будет разместиться здесь вчетвером. Здесь ведь только две комнаты?

- Да.

- Интересно, каким этот подвал раньше был? Может быть, в нем есть еще помещения - где-нибудь под обломками.

- Может быть. Не знаю. - Тассо ослабила ремень на поясе и, устроившись поудобнее на койке, растянула гимнастерку. - Вы абсолютно уверены, что сигарет больше нет?

- У меня была только одна пачка.

- Жаль. Но, может быть, если нам повезет и мы доберемся до вашего бункера, мы найдем еще. - Второй ботинок упал на пол. Тассо потянулась к выключателю. - Спокойной ночи.

- Вы собираетесь спать?

- Совершенно верно.

В комнате стало темно. Хендрикс поднялся и, откинув занавеску, вернулся на кухню. И оцепенел.

Руди стоял у стены. Лицо его было мертвенно-бледным. Он то открывал, то закрывал рот, не произнося ни звука. Перед ним стоял Клаус, уперев ему в живот дуло пистолета. Оба словно застыли. Клаус - крепко сжимая пистолет, предельно собранный. Руди - бледный и онемевший, распластанный по стене.

- Что?... - начал было Хендрикс, но Клаус остановил его.

- Спокойнее, майор. Иди сюда. И вытащи свой пистолет.

Хендрикс вытащил оружие.

- Что происходит?

- Сюда, майор. Потерпите, - сказал Клаус, не спуская глаз с Руди.

Руди зашевелился и опустил руки. Облизывая губы, он повернулся к Хендриксу. Белки его глаз ярко светились. Капельки пота катились по щекам. Он не отрываясь смотрел на Хендрикса, потом слабым, едва слышимым, хриплым голосом произнес:

- Майор, он сошел с ума. Остановите его!

- Да, черт возьми, что здесь происходит? - требовал объяснения Хендрикс.

Не опуская пистолета, Клаус ответил:

- Майор, помнишь наш разговор? О трех моделях? Мы знали о первой и третьей, но ничего не знали о второй. Но крайней мере, пока не знали. - Пальцы Клауса еще крепче сжали рукоятку пистолета. - Но теперь мы знаем!

Он нажал на курок. Полыхнуло белое пламя.

- Майор, вот она!

Отшвырнув занавеску, на кухню ворвалась Тассо.

- Клаус, что ты сделал?

Клаус отвернулся от медленно сползающего по стене почерневшего тела.

- Вторая модель, Тассо. Теперь мы знаем. Опасность меньше. Я...

Тассо смотрела на останки Руди, на дымящиеся куски мяса и клочья одежды.

- Ты убил его.

- Его? Работа, ты имеешь в виду? Да. Я давно следил за ним. У меня было предчувствие, но не было уверенности. Но сегодня... - Он нервно тер рукоятку пистолета. - Нам повезло. Вы что, не понимаете? Еще час - и эта штукавина могла бы...

- Ты, значит, уверен? - Тассо оттолкнула его и склонилась над трупом. Лицо ее выражало озабоченность. - Майор, взгляните сами. Кости. Мясо.

Хендрикс присел рядом. То, что лежало на полу, без сомнений принадлежало человеку. Обожженная плоть, обуглившиеся кости, сухожилия, кишки, кровь...

- Никаких колесиков, - поднимаясь, спокойно сказала Тассо. - Ни колесиков, ни винтиков, ни металлических деталек. Ничего. Нет костей и нет второй модели. - Она сложила на груди руки. - Тебе придется постараться и объяснить нам это.

Клаус, белый как мел, сел за стол. Сжав руками голову, он начал раскачиваться.

- Перестань, - Тассо вцепилась в него. - Почему ты сделал это? Зачем ты убил его?

- Страх. Он испугался, - вменялся Хендрикс. - Все происходящее давит на нас.

- Может быть.

- А что вы думаете, Тассо?

- Я думаю, что у него могла быть причина для убийства Руди. При чем веская причина.

- Какая?

- Возможно, Руди кое-что узнал.

Хендрикс всматривался в бледное женское лицо.

- О чем?

- О нем. О Клаусе.

Клаус резко поднял голову.

- Майор, понимаешь, на что она намекает? Она думает, что это я - вторая модель. Ты что - не видишь? Она хочет убедить тебя в том, что я убил его нарочно. Что я...

- Почему же ты тогда убил его? - спросила Тассо.

- Я уже сказал вам, - Клаус устало покачал головой. - Я думал, что он робот. Я думал, что обнаружил вторую модель.

- Но почему?

- Я следил за ним. Я подозревал.

- Почему?

- Мне показалось, что я заметил и услышал нечто странное. Я думал, что... - Он замолчал.

- Продолжай.

- Мы сидели за столом и играли в карты. Вы были в той комнате. Было очень тихо. И вдруг я услышал, как в нем что-то... произошло.

Все молчали.

- Вы верите этому? - спросила Хендрикса Тассо.

- Да.

- А я - нет. Я думаю, что у него была причина уонть Руди. - Тассо коснулась стоящего в углу карабина. - Майор...

- Нет, - Хендрикс покачал головой. - Давайте остановимся. Одного трупа достаточно. Мы так же напуганы, как и он. И если мы сейчас уьем его, то сделаем то же, что он сделал с Руди.

Клаус с благодарностью посмотрел на него.

- Спасибо. Я испугался. Сейчас с ней происходит то же самое. И она хочет убить меня.

- Хватит убийств. - Хендрикс подошел к лестнице. - Я выберусь наверх и попробую связаться с моими людьми еще раз. Если это не удастся, завтра утром мы отправимся туда.

Клаус вскочил вслед за ним.

- Я иду с тобой.

Холодный ночной воздух. Остывает земля. Клаус глубоко вдохнул. Он стоял, широко расставив ноги, держа наготове ружье, выдыхаясь и вглядываясь в темноту. Хендрикс скрючился возле двери, настраивая передатчик.

- Ну как? - не утерпев, спросил Клаус.

- Пока ничего.
- Давай, майор. Пробуй. Расскажи им.
Хендрикс старался. Но тщетно. В конце концов он убрал антенну.
- Бесполезно. Они не слышат меня. Или слышат, но не отвечают. Или...
- Или их уже нет в живых.
- Я еще раз попробую. - Он вытащил антенну. - Скотт, ты слышишь меня? Ответь!
Он слушал. Только атмосферные шумы. И вдруг, очень слабо:
- Это Скотт.
Пальцы майора сжали передатчик.
- Скотт! Это ты?
- Это Скотт.
Клаус присел рядом.
- Ну?
- Скотт, слушай. Вы все поняли? О "когтях"? О роботах? Вы слышали меня, Скотт?
- Да.
Очень тихо. Почти неслышно. Хендрикс едва разобрал.
- Как в бункере? Все в порядке?
- Все в полном порядке.
- Они не пытались прорваться внутрь?
Голос стал еще тише.
- Нет.
Хендрикс повернулся к Клаусу.
- Там все спокойно.
- Их атаковали?
- Нет.
Хендрикс еще крепче прижал передатчик к уху.
- Скотт! Я почти не слышу тебя. На Лунной Базе знают о случившемся? Вы сообщили им? Они готовы?
Ответа не было.
- Скотт! Ты слышишь меня?
Молчание.
Хендрикс устало вздохнул.
- Все.
Они смотрели друг на друга. Оба молчали. Потом Клаус спросил:
- Ты уверен, что это был голос твоего человека?
- Голос был слишком слабым.
- Значит, уверенности нет?
- Нет.
- Тогда это мог быть и...
- Я не знаю. Сейчас я ни в чем не уверен. Давай вернемся вниз. Они спустились в душный подвал. Тассо ждала их.
- Удачно? - спросила она.
Ей не ответили.

- Ну? - сказал наконец Клаус. - Что ты думаешь, майор? Ваш это человек или нет?

- Я не знаю.

- Ну, значит, это нам ничего не даст.

Хендрикс, сжав челюсти, уставился на пол.

- Чтобы узнать, мы должны отправиться туда.

- Да. Так или иначе, но продуктов нам хватит только на несколько недель. И потом мы вынуждены будем убраться отсюда.

- Наверное, это так.

- Что случилось? - не унималась Тассо. - Вы узнали что-нибудь? В чем дело?

- Это мог быть один из моих людей, - тихо сказал Хендрикс, - а мог быть и один из них. Но, оставаясь здесь, мы этого никогда не узнаем.

Он посмотрел на часы и сказал:

- Давайте-ка ложиться спать. Нам необходим отдых. Завтра рано вставать.

- Рано?

- Да. Шанс прорваться у нас будет ранним утром.

Утро выдалось свежим и ясным. Майор Хендрикс осматривал в полевой бинокль окрестности.

- Видно что-нибудь? - спросил Клаус.

- Нет.

- А наши бункера?

- Я не знаю куда смотреть.

- Подожди, - Клаус взял бинокль. Он долго и молча смотрел.

Из люка вылезла Тассо.

- Ну что?

- Ничего. - Клаус вернул бинокль Хендриксу. - Их не видно. Идем. Не будем задерживаться.

Они начали спускаться с холма, скользя по мягкому пеплу. На плоском камне мелькнула ящерица. Они остановились.

- Что это было? - прошептал Клаус.

- Ящерица.

Животное быстро бежало по пеплу, совершенно неразличимое на сером фоне.

- Идеальная адаптация, - произнес Клаус. - Доказывает, что мы были правы. Лысенко, я имею в виду.

Они достигли подножия холма и остановились, прижавшись друг к другу.

- Пошли, - немного погодя сказал Хендрикс. - Нам предстоит долгий путь.

Хендрикс шел сначала чуть впереди. Потом его догнал Клаус. Тассо шла последней, держа наготове пистолет.

- Майор, хочу спросить тебя, - начал Клаус. - Как ты столкнулся с Дэвидом? Ну, с тем самым?

- По дороге встретил, направляясь к вам. В каких-то развалинах.

- Что он говорил?

- Немного. Сказал только, что он один. И все.

- Он разговаривал как человек? Ты ведь ничего не заподозрил?

- Он говорил очень мало. Я не заметил ничего особенного.

- Да. Машины уже так похожи на людей, что невозможно отличить, где робот, а где человек. Почти живые. Интересно, чем же это кончится?

- Роботы делают лишь то, чему вы, янки, научили их, - сказала Тассо. - Они охотятся на людей. Они забирают у человека жизнь.

Хендрикс внимательно посмотрел на Клауса.

- Почему вы спрашиваете? Что вы хотите узнать?

- Ничего, - ответил Клаус.

- Клаус думает, что вы - вторая модель, - спокойно отозвалась за их спинами Тассо. - Теперь он не спустит с вас глаз.

Клаус покраснел.

- А почему бы и нет? Мы послали человека к янки, и вот появился он. Может, он думал, что найдет здесь чем поживиться.

Хендрикс рассмеялся.

- Я пришел из расположения американских войск. Там-то уж было бы где разгуляться.

- Но, может быть, советские окопы - это последнее, что оставалось. Может, ты...

- Ваши укрепления уже были уничтожены. Уничтожены еще до того, как я покинул бункер. Не забывайте про это.

Тассо догнала их.

- Это ничего не доказывает, майор.

- Как это?

- Похоже, что между различными типами роботов отсутствует какое-либо взаимодействие. Они выпускаются каждый на своем заводе и, кажется, действуют независимо друг от друга. Вы могли отправиться в сторону советских войск, ничего не зная о деятельности других и даже не зная, как они выглядят.

- Откуда вы столько знаете? - спросил Хендрикс.

- Я видела их. Я видела их в действии.

- Знаешь-то ты довольно много, - сказал Клаус, - но видела, на самом деле, очень мало. Странно.

Тассо засмеялась.

- Теперь ты и меня подозреваешь?

- Ладно. Забудем об этом, - сказал Хендрикс.

Какое-то время они шли молча.

- Мы что, собираемся все время идти пешком? - немного погодя спросила Тассо. - Я не привыкла так много ходить. - Она смотрела по сторонам: кругом, куда ни глянь - пепел.

- Мрачно-то как.

- Так будет всю дорогу, - ответил Клаус.

- Иногда я жалею, что тебя не было в том бункере, когда началась эта резня.

- Ну, не я, так кто-нибудь другой был бы на моем месте, - пробормотал Клаус.

Тассо засмеялась и засунула руки в карманы.

- Да уж, наверное.

Они продолжали идти, внимательно наблюдая за широкой, усыпанной безмолвным пеплом равниной.

Солнце уже садилось. Хендрикс вышел немного вперед, рукой показывая своим спутникам, чтобы те остановились. Клаус присел на корточки, уперев приклад винтовки в землю.

Тассо, тяжело вздохнув, уселась на кусок бетонной плиты.

- Приятно отдохнуть.

- Тише ты, - оборвал ее Клаус.

Хендрикс забрался на вершину холма. Того самого холма, на который за день до этого поднимался русский солдат. Хендрикс быстро опустился на землю, лег и поднес к глазам бинокль.

Он смотрел и ничего не видел. Только пепел и редкие уцелевшие деревья. Но там, менее чем в пятидесяти ярдах, должен быть вход в командный бункер. Бункер, который еще совсем недавно служил ему надежным убежищем. Хендрикс смотрел, затаив дыхание. Никаких признаков жизни. Ничего.

К нему подполз Клаус.

- Где бункер?

- Там, - ответил Хендрикс и передал Клаусу бинокль. Тучи пепла заволокли вечернее небо. На мир опускались сумерки. До наступления темноты оставалось еще около двух часов. А может быть и меньше.

- Я не вижу, - прошептал Клаус.

- Вон там, видите дерево? Потом пень. Около груды кирпичей. А справа - вход.

- Я вынужден верить на слово.

- Вы и Тассо прикроете меня. Отсюда вам все будет отлично видно.

- Ты пойдешь один?

↑ С браслетом я буду в безопасности. Вокруг бункера полно "когтей". Они прячутся в пепле. Как крабы. Без браслетов вам там нечего делать.

- Возможно, ты и прав.

- Я пойду очень медленно. Как только я буду знать наверняка...

- Если они уже в бункере, тебе не удастся выбраться оттуда.

- Что вы предлагаете?

Клаус задумался.

- Не знаю. Хорошо бы их как-нибудь выманить наверх. Так, чтобы мы смогли посмотреть.

Хендрикс снял с ремня передатчик и вытащил антенну.

- Ну что ж, попробуем.

Клаус послышался Тассо, и она вскоре присоединилась к ним.

- Он идет один, - сказал Клаус. - Мы прикрываем его. Как только ты увидишь, что он возвращается, стреляй не раздумывая. Они не заставят себя ждать.

- Ты не очень-то оптимистичен, - ответила Тассо.

- Верно.

Хендрикс тщательно проверил карабин.

- Будем надеяться, что все обойдется.

- Ты не видел их, майор. Сотни. Все одинаковые. Ползучие, как муравьи.

- Ладно, - сказал Хендрикс и, взяв в одну руку карабин, а в другую - передатчик, поднялся.

- Пожелайте мне удачи.

Клаус протянул руку.

- Не спускайся в бункер, пока не будешь уверен. Говори с ними сверху. Пусть они покажутся.

- Хорошо. Пошел.

Минутой позднее он уже подходил к куче кирпичей, что громоздились возле пня. Он шел очень медленно и осторожно.

Было тихо. Майор поднял передатчик, включил его.

- Скотт? Ты слышишь меня?

Тишина.

- Скотт? Это я, Хендрикс. Ты слышишь меня? Я около бункера. Вы можете видеть меня в смотровую щель.

Он слушал, крепко сжимая передатчик. Ни звука. Потом двинулся дальше. Из пещеры вылез "коготь" и устремился к нему, затем куда-то исчез. Но появился второй, побольше, тот, что с выпуклыми линзами. Он подобрался почти вплотную, внимательно рассмотрел Хендрикса и после этого, чуть приотстав, начал почтительно сопровождать его. Вскоре к нему присоединился еще один.

Хендрикс остановился. Роботы замерли тоже. Он был у цели. Почти у самых ступеней, ведущих в бункер.

- Скотт! Ты слышишь меня? Я стою прямо над вами. Наверху. Вы видите меня?

Он ждал, держа наготове карабин и плотно прижав к уху передатчик. Время шло. Он напряженно вслушивался, но слышал лишь слабое потрескивание атмосферы.

Затем, очень тихо, донесся металлический голос:

- Это Скотт.

Голос был совершенно неопределенным. Спокойный. Безразличный. Хендрикс не мог узнать его.

- Скотт! Слушай меня. Я наверху. Прямо над вами. У самого входа.

- Да.

- Вы видите меня?

- Да.

- В смотровую щель?

- Да.

Хендрикс думал. "Когти", окружив его, спокойно ждали.

- В бункере все в порядке? Ничего не произошло?

- Все в порядке.

- Скотт, поднимись наверх. Я хотел бы взглянуть на тебя.

Хендрикс затаил дыхание.

- Скотт? Ты слышишь? Я хочу поговорить с тобой.

- Спускайтесь, сэр.

- Лейтенант, я приказываю вам подняться ко мне.

Молчание.

- Ну, так что? - Майор слушал. Ответа не было. - Я приказываю вам, лейтенант.

- Спускайтесь.

- Дай мне поговорить с Леонэ.

Наступила долгая пауза. Потом раздался голос, резкий, тонкий, металлический. Такой же точно, как и первый.

- Это Леонэ.

- Говорит майор Хендрикс. Я наверху, у входа в бункер. Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас поднялся ко мне.

- Спускайтесь.

- Леонэ, это приказ.

Молчание. Хендрикс опустил передатчик и осмотрелся. Вход был прямо перед ним. Почти у самых ног. Он убрал антенну и пристегнул передатчик к поясу. Крепко сжав руками карабин, он осторожно двинулся вперед, останавливаясь после каждого шага. Если только они видят его... На мгновение он закрыл глаза.

Затем поставил ногу на первую ступеньку лестницы...

Навстречу ему поднимались два Дэвиды с одинаковыми, лишенными всякого выражения, лицами. Он выстрелил и разнес их вдребезги. За ними поднималось еще несколько. Все совершенно одинаковые.

Хендрикс резко повернулся и побежал назад, к холму.

Оттуда, с вершины, стреляли Клаус и Тассо. Маленькие "когти" - блестящие металлические шары - ловко передвигаясь, уже устремились к ним. Но у него не было времени думать об этом. Он опустился на колено и, прижав карабин к щеке, прицелился. Дэвиды появлялись целыми группами, крепко прижимая к себе плюшевых медвежат. Их худые узловатые ноги подгибались, когда они выбирались по ступенькам наверх. Хендрикс выстрелил в самую гущу. В разные стороны полетели колесики, пружинки... Майор выстрелил еще раз.

Из бункера, покачиваясь, вылезла высокая неуклюжая фигура. Хендрикс замер, пораженный. Человек. Солдат. На одной ноге, с костылем.

- Майор! - донесся голос Тассо. И снова выстрелы. Огромная фигура направилась к Хендриксу. Вокруг нее толпились Дэвиды. Хендрикс пришел в себя. Первая модель. Раненый солдат. Он прицелился

и выстрелил. Солдат развалился на куски; посыпались какие-то металлические детали, реле.

Дэвидов становилось все больше и больше. Хендрикс медленно отступал, пятясь и непрерывно стреляя.

Клаус тоже продолжал вести огонь. К нему, на вершину холма, по склону забирались "когти". Склон кишел ими. Тассо оставила Клауса и сейчас отходила вправо от холма.

Перед Хендриксом неожиданно возник Дэвид - маленькое белое лицо, каштановые, свисающие на глаза, волосы. Он ловко нагнулся и развел в стороны руки. Плюшевый медвежонок вывалился и запрыгал по земле. Майор выстрелил. И медвежонок и Дэвид исчезли. Майор горько усмехнулся. Это так походило на сон.

- Сюда! Наверх! - раздался голос Тассо. Хендрикс поспешил к ней. Тассо укрылась за бетонными глыбами - обломками какого-то здания.

- Спасибо. - Он присоединился к ней, почти задыхаясь.

Она помогла ему взобраться и стала что-то отстегивать у себя на поясе.

- Закройте глаза! - она сняла с ремня нечто напоминающее шар и открутила от него какой-то колпачок. - Закройте глаза и пригнитесь.

Она швырнула гранату. Та, описав в полете дугу, упала и покатилась, подпрыгивая, ко входу в бункер. Около груды кирпичей в нерешительности стояли два Раненых солдата. Из бункера появлялись все новые и новые Дэвиды. Один из Раненых солдат подошел к гранате и, неуклюже нагнувшись, попытался схватить ее.

Граната взорвалась. Взрывная волна подбросила Хендрикса и швырнула лицом в песок. Его обдало жаром. Он смутно видел, как Тассо, прячась за бетонной стеной, невозмутимо и методично расстреливает Дэвидов, появляющихся из плотной пелены белого огня.

Позади, на склоне, Клаус сражался с "когтями", взявшими его в кольцо. Он непрерывно стрелял, стараясь вырваться.

Хендрикс с трудом поднялся на ноги. Голова раскалывалась. Ему даже показалось, что он ослеп. Правая рука не действовала.

Тассо подбежала к нему.

- Давайте. Уходим.

- А Клаус? Он там...

- Идем! - Она потащила его прочь, подальше от развалин. Хендрикс, пытаясь прийти в себя, тряс головой. Тассо быстро уводила его. Глаза ее блестели.

Из облака пыли возник Дэвид. Она уничтожила его выстрелом. Больше роботов не появлялось.

- Но Клаус? Как же он? - Хендрикс остановился, едва держась на ногах. - Он...

- Идемте же!

Они уходили все дальше и дальше от бункера. Несколько мелких "когтей" преследовали их какое-то время, но затем отстали.

Наконец Тассо остановилась.

- Пожалуй, теперь можно немного передохнуть.

Хендрикс тяжело опустился на кучу обломков. Он тяжело дышал.

- Мы бросили Клауса.

Тассо молчала. Она вставила новую обойму взрывных патронов в пистолет.

Хендрикс ничего не понимал.

- Так ты что, умышленно сделала это?

Тассо пристально всматривалась в окружающие их груды камней и мусора, словно высматривая кого-то.

- Что происходит? - раздраженно спросил Хендрикс. - Чего ты ищешь? - Он качал головой, пытаясь понять. Что она делает? Чего ждет? Сам он ничего не видел. Только пепел, пепел... И еще - одинокие голые стволы деревьев.

- Что...

Тассо остановила его:

- Помолчите, вы!

Глаза ее сузились. Она резко вскинула пистолет. Хендрикс обернулся, проследив за ее взглядом.

Там, где они только что прошли, появился человек. Он шел очень медленно и осторожно: хромал. Одежда на нем была изорвана. Он неуверенно приближался к ним, изредка останавливаясь, чтобы набраться сил. В какой-то момент он чуть не упал, едва удержался и некоторое время стоял, переводя дыхание. Затем снова начал двигаться.

Это был Клаус.

Хендрикс вскочил.

- Клаус! Какого черта ты...

Тассо выстрелила. Хендрикс отпрянул. Раздался еще выстрел. Белая молния ударила Клауса в грудь. Он взорвался, и в разные стороны полетели колесики и шестеренки. Какое-то мгновение он еще шел, затем закачался и рухнул на землю, широко раскинув руки.

Потом все стихло.

Тассо повернулась к Хендриксу:

- Теперь понятно, почему он убил Руди?

Хендрикс снова устало опустился на кучу мусора. Он качал головой. Он был подавлен.

- Ну что, майор? - допытывалась Тассо. - Ты понял?

Хендрикс не отвечал. Происходящее стало ускользать от него, быстрее и быстрее. Он проваливался в темноту.

Майор очнулся и открыл глаза. Все тело ломило. Он попытался сесть; руку и плечо пронзила острая боль. Он судорожно вздохнул.

- Лежите, майор, - остановила его Тассо. Она склонилась над ним, касаясь холодной рукой его лба.

Была ночь. Сквозь плотные тучи лепла мерцали редкие звезды. Хендрикс лежал, стиснув зубы. Тассо спокойно наблюдала за ним. Она развела костер из хвороста и сухой черной травы.

Язычки пламени, шипя, облизывали металлический котелок, подвешенный над костром. Все было тихо. Густая неподвижная тьма окружала их.

- Значит, это и есть вторая модель, - пробормотал Хендрикс.

- Я давно подозревала это.

- Почему же вы его раньше не уничтожили?

- Вы сдерживали меня. - Тассо заглянула в котелок. - Ладно. Сейчас будет кофе.

Она отодвинулась от огня и присела возле Хендрикса, потом начала, внимательно осматривая, разбирать пистолет.

- Отличное оружие. Супер.

- Что с ними? Я имею в виду "когти"... - спросил Хендрикс.

- Взрыв гранаты вывел большинство из строя. Они очень хрупкие. Я думаю, из-за высокой степени сложности.

- Дэвиды тоже?

- Да.

- Откуда она взялась у вас?

Тассо пожала плечами.

- Мы недавно создали ее. Вам не следует недооценивать наш технический потенциал, майор. Как видите, она спасла нам жизнь.

- Это точно.

Тассо вытянула ноги поближе к костру.

- Меня удивило то, что вы, кажется, так ничего и не поняли, после того как он убил Руди. Почему вы думали, что...

- Я уже говорил. Мне казалось, что он напуган.

- Неужели? Знаете, майор, сначала какое-то время я подозревала вас. Вы не дали мне убить его, и я думала, что вы его защищаете.

Она засмеялась.

- Мы в безопасности здесь? - прохрипел Хендрикс.

- Ну, пока да. Во всяком случае, пока они не получат подкрепления.

Тассо начала протирать какой-то тряпкой части пистолета. Закончив с этим, она установила на место затвор и, проведя пальцем по дулу, поставила пистолет на предохранитель.

- Нам повезло, - пробормотал Хендрикс.

- Да. Повезло.

- Спасибо, что вытащили меня.

Тассо не ответила. Она смотрела на него, и в ее глазах плясали огоньки костра. Хендрикс ощупал руку. Он не мог пошевеливать пальцами. Казалось, что онемел весь бок. Там внутри была тупая ноющая боль.

- Как вы себя чувствуете? - спросила Тассо.

- Что-то с рукой.

- Еще что-нибудь?

- Внутри все болит.

- Я просила вас пригнуться...

Хендрикс молчал. Он смотрел, как Тассо наливает в плоскую алюминиевую миску кофе из котелка.

- Держите, майор.

Она протянула ему миску.

- Спасибо. - Он слегка приподнялся. Глотать было очень больно. Его буквально выворачивало, и он вернул миску. - Больше не могу.

Тассо выпила остальное. Время шло. По темному небу плыли серые тучи. Хендрикс отдыхал, стараясь ни о чем не думать. Спустя какое-то время он почувствовал, что над ним склонилась Тассо и смотрит на него.

- Что? - прошептал он.

- Вам лучше?

- Немного.

- Хорошо. Вы же знаете, майор, не утащи я вас оттуда, вы были бы сейчас мертвы. Как Руди.

- Да.

- Вы хотите знать, почему я вытащила вас? Ведь могла и бросить, оставить там.

- И почему же вы не сделали этого?

- Потому, что мы должны убираться отсюда, и чем быстрее, тем лучше. - Тассо поворошила палкой угольки. - Человек не выживет здесь. Когда к ним придет подкрепление, у нас не останется ни единого шанса. Я обдумала все, пока вы были без сознания. Возможно, у нас есть часа три.

- И вы намерены сделать это с моей помощью?

- Совершенно верно. Я думаю, что вы можете вытащить нас отсюда.

- Почему я?

- Потому что я не знаю иного пути. - Глаза ее ярко сияли. - Если вы не сможете, через три часа они убьют нас. Ничего другого я не вижу. Ну, майор? Надо что-то делать. Я ждала всю ночь. Пока вы были без сознания, я сидела здесь, сидела и ждала. Скоро рассвет. Ночь на исходе.

Хендрикс задумался.

- Любопытно, - наконец произнес он.

- Любопытно?

- Да. Ваша странная уверенность, что я могу спасти нас. Хотелось бы мне знать, как вы это себе представляете.

- Вы можете доставить нас на Лунную Базу?

- На Лунную Базу? Как?

- Должен же быть способ.

Хендрикс покачал головой.

- Если он даже и есть, то мне неизвестен.

Тассо молчала. На какое-то мгновение ее уверенный взгляд дрогнул. Она кивнула и, отвернувшись, устало поднялась.

- Еще кофе, майор?

- Нет.

- Как хотите.

Тассо пила молча. Хендрикс не видел ее лица. Он снова улегся на землю и, пытаясь сосредоточиться, глубоко задумался. Думать было тяжело. Голова раскалывалась от боли. Он еще не совсем пришел в себя.

- А вообще-то... - неожиданно начал он.

- Что?

- Сколько еще до рассвета?

- Часа два. Солнце уже скоро взойдет.

- Где-то неподалеку отсюда должен быть корабль. Я никогда не видел его, но знаю, что он существует.

- Что за корабль? - резко спросила Тассо.

- Небольшой космический крейсер.

- Мы сможем на нем добраться до Лунной Базы?

- Он для того и предназначен. На случай крайней опасности. - Хендрикс потер лоб.

- Что случилось?

- Голова. Кошмарная боль. Я не могу сосредоточиться. Эта граната...

- Корабль где-то рядом? - Тассо подошла к нему и присела на корточки. - Далеко отсюда? Где?

- Я стараюсь вспомнить.

Она вцепилась в его руку.

- Рядом? - она проявляла нетерпение. - Где это может быть? Может, под землей?

- Точно. В подземном хранилище.

- Как мы найдем его? Это место как-нибудь отмечено?

Хендрикс задумался.

- Нет. Никаких отметок. Никаких кодовых знаков.

- А как же...

- Там что-то есть.

- Что?

Хендрикс не ответил. В мерцающем свете костра глаза его казались мутными и пустыми. Тассо еще крепче вцепилась в него.

- Что есть? Что?

- Я не могу вспомнить. Дай мне отдохнуть.

- Хорошо.

Она отпустила его и поднялась. Хендрикс вытянулся на земле и закрыл глаза. Тассо отошла в сторону. Она отшвырнула камень, попавший под ноги, и, запрокинув голову, уставилась на небо. Уже отступала чернота ночи. Приближалось утро.

Тассо, крепко сжимая пистолет, обходила костер. На земле, закрыв глаза, неподвижно лежал майор Хендрикс. Сероватая мгла от земли поднималась все выше и выше. Проступили очертания пейзажа. Во все стороны простирались запорошенные пеплом поля. Пепел да обломки зданий. То тут, то там торчали уцелевшие стены, бетонные глыбы, черные стволы деревьев.

Воздух был холодным и колючим. Откуда-то издалека подавала голос птица.

Хендрикс пошевелился и открыл глаза.

- Заря? Уже?

- Да.

Он немного приподнялся.

- Вы хотели что-то узнать. Вы о чем-то спрашивали меня.

- Вы вспомнили?

- Да.

- Что же это? - Она вся напряглась. - Что?

- Колодец. Разрушенный колодец. Хранилище - под ним.

- Колодец. - Тассо расслабилась. - Тогда нам остается только найти его.

Она взглянула на часы.

- У нас есть еще час, майор. Успеем?

- Дайте мне руку, - попросил Хендрикс.

Тассо отложила пистолет и помогла Хендриксу подняться.

- Вам будет трудно.

- Да, пожалуй. - Майор сжал губы. - Не думаю, что мы далеко уйдем.

Они пошли. Холодное утреннее солнце уже бросало первые лучи, озаряя плоскую выжженную землю. Несколько птиц высоко в небе медленно описывали круги.

- Видно что-нибудь? - спросил Хендрикс. - "Когти"?

- Нет. Пока нет.

Они миновали руины какого-то здания, перелезая через кучи мусора и кирпича. Бетонный фундамент. Разбегающиеся крысы. Тассо в испуге отпрянула от них.

- Здесь когда-то был городок, - заметил Хендрикс. - Так, провинция. Это была страна виноградников.

Они шли по обильно поросшей сорняками вымершей улице. Мостовая была покрыта трещинами. Справа, невдалеке, торчала кирпичная труба.

- Осторожней, - предупредил Хендрикс.

Перед ними зияла дыра, похожая на развороченный подвал. Покопленная арматура. Металлические трубы. Они прошли мимо целой стены дома, мимо лежащей на боку ванны. Ломаный стул. Алюминиевые ложки. Осколки фарфора. Посредине улицы зиял провал, заполненный соломой, всяческим хламом и костями.

- Где-то здесь, - прошептал Хендрикс.

- Сюда?

- Да. Направо.

Они прошли мимо разбитого танка. Счетчик на поясе Хендрикса злобешне запищал. Рядом с танком лежал похожий на мумию труп с открытым ртом. За дорогой тянулось ровное поле: камни, сорняки, битое стекло.

- Там! - указал Хендрикс.

Среди мусора высился каменный колодец с осевшими разбитыми стенками. Поперек него лежало несколько досок.

Хендрикс нерешительно подошел к колодцу. Тассо шла следом.

- Вы уверены? - спросила она. - Это не очень похоже на то, что мы ищем.

- Уверен. - Хендрикс, стиснув зубы, устало опустился на край колодца. Он тяжело дышал. - Это было сделано на случай крайней опасности. Например, захват бункера. Корабль предназначен для эвакуации старшего офицера.

- И этот старший офицер - вы?

- Да.

- Но где он? Здесь?

- Мы стоим над ним. - Хендрикс провел рукой по каменной стене. - Кодовый замок отвечает только мне и никому больше. Это мой корабль.

Раздался резкий щелчок. И вскоре из глубины донесся низкий рокочущий звук.

- Отойдите, - сказал Хендрикс, оттаскивая Тассо от колодца.

Широкий пласт земли отошел в сторону, и из лепла, распахивая битый кирпич и прочий мусор, начал медленно подниматься металлический стержень. Движение прекратилось, когда он весь появился на поверхности.

- Пожалуйста, - сказал Хендрикс.

Корабль был совсем небольшим. Он, удерживаемый сетчатым каркасом, мирно стоял, напоминая тупую иглу. Хендрикс подождал, пока осядет поднятая кораблем пыль, и подошел поближе. Он забрался на каркас и отвинтил крышку входного люка. Внутри можно было рассмотреть пульт управления и кресло пилота.

Подошла Тассо и, встав рядом с Хендриксом, заглянула внутрь.

- Я не знаю, как управлять им, - сказала она немного погодя.

Хендрикс удивленно взглянул на нее.

- Управлять буду я.

- Вы? Там только одно место, майор. Насколько я поняла, эта штукавина лишь для одного человека.

У Хендрикса перехватило дыхание. Он внимательно осмотрел внутреннее пространство корабля. Там, действительно, было только одно место.

- Я понял, - сказал он. - И этим человеком будете вы.

Она кивнула.

- Конечно.

- Почему?

- Вам не вынести такого путешествия. Вы ранены и, вероятно, даже не сможете забраться в него.

- Интересно. Но есть одно "но". Я знаю, где находится Лунная База. А вы не знаете. Вы можете летать месяцами, но так и не найти ее. Она практически не видна. Не зная, где искать...

- Но надо рискнуть. Может быть, я и не найду ее. Сама. Но думаю, что вы поможете мне. От этого как-никак зависит ваша жизнь.

- Каким образом?

- Ну, если я быстро найду Лунную Базу, возможно, мне и удастся убедить их послать за вами корабль. Если же нет, то у вас нет шансов выжить. На корабле должен быть запас продовольствия, и я смогу достаточно долго...

Хендрикс резко рванулся. Но раненая рука подвела его. Тассо пригнулась и ловко отпрыгнула в сторону. Она резко выбросила вперед руку. Хендрикс успел заметить рукоятку пистолета, попытался отразить удар, но все произошло слишком быстро. Удар пришелся в висок, чуть выше уха. Ослепляющая боль пронзила его. В глазах потемнело, и он рухнул на землю.

Смутно он осознал, что над ним стоит Тассо и пихает его ногой.

- Майор! Очнись!

Он застонал и открыл глаза.

- Слушай меня, янки.

Она наклонилась; пистолет нацелен ему в голову.

- Я должна торопиться. Времени почти не осталось. Корабль готов. Я жду, майор.

Хендрикс тряс головой, пытаясь прийти в себя.

- Живей. Где Лунная База? Как найти ее? - кричала Тассо.

Хендрикс молчал.

- Отвечай!

- Мне очень жаль.

- Майор. На корабле полно продовольствия. Я могу болтаться неделями. И в конце концов я найду Базу. Ты же умрешь через полчаса. У тебя есть единственный шанс выжить... - Она не успела закончить.

Вдоль склона, около развалин, что-то двигалось, подымая пепел. Тассо быстро обернулась и, прицелившись, выстрелила. Полыхнул белый огонь. "Коготь" начал поспешно удирать. Она снова выстрелила. Его разорвало на куски.

- Видишь? - спросила Тассо. - Это разведчик. Теперь недолго осталось.

- Ты пошлешь их за мной, Тассо?

- Конечно. Как только доберусь.

Хендрикс пристально всматривался в ее лицо.

- Ты не обманываешь меня? - Странное выражение появилось на лице майора: ему вдруг страшно захотелось жить. - Ты вернешься за мной? Ты вытащишь меня отсюда?

- Да. Я доставлю тебя на Лунную Базу. Ты только скажи, где она.

Времени на раздумья не было.

- Хорошо.

Хендрикс постарался принять сидячее положение.

- Смотри.

Он подобрал какой-то камень и начал рисовать им на толстом слое пепла. Тассо стояла рядом, не спуская глаз с руки Хендрикса. Майор рисовал карту лунной поверхности. Рисовал очень приблизительно.

- Здесь Аппенины. Здесь кратер Архимеда. Лунная База - в двух

сотнях миль от оконечности Аппенинского хребта. Я не знаю точно где. На Земле этого никто не знает. Но когда ты перевалишь через хребет, подай условный сигнал: сначала одну красную и одну зеленую вспышки, затем подряд две красные. Служба слежения примет твой сигнал. Сама База, конечно, находится глубоко под поверхностью Луны. Дальше они проведут тебя с помощью магнитных захватов.

- А управление? Я смогу справиться?

- Управление осуществляется автопилотом. Все, что ты должна сделать, это подать сигнал в должное время.

- Отлично.

- Конструкция кресла такова, что ты практически не почувствуешь стартовых перегрузок. Подача воздуха и температурный режим контролируется автоматически. Корабль покинет Землю и перейдет на окололунную орбиту. Что-то порядка ста миль от поверхности Луны. Когда будешь в нужном районе, выпусти сигнальные ракеты.

Тассо проскользнула в люк и плюхнулась в кресло. Автоматически застегнулись ремни. Она провела пальцем по пульту управления.

- Мне жаль, майор, что тебе не повезло. Здесь все предназначено для тебя, но...

- Оставь мне пистолет.

Тассо вытащила из-за пояса оружие. Она задумчиво держала его на ладони, словно взвешивая.

- Не уходи далеко. Иначе тебя будет тяжело найти.

Она взялась за стартовую рукоятку.

- Прекрасный корабль, майор. Я восхищаюсь вашим умением работать. Вы создаете потрясающие вещи. Это умение, как и сами творения - величайшее достижение вашей нации.

- Дай пистолет, - протягивая руку, нетерпеливо повторил Хендрикс. Ему с огромным трудом, но все же удалось подняться на ноги.

- Всего хорошего, майор.

С этими словами Тассо отбросила пистолет. Он ударился о землю и, подпрыгивая, покатился прочь. Хендрикс быстро, как мог, устремился за ним.

Лязгнула крышка люка. Болты встали на место. Хендрикс нерешительно подобрал пистолет.

Раздался оглушительный рев. Оплавляя металл каркаса, корабль вырвался из клетки. Хендрикс, сжавшись, отпрянул. Вскоре корабль скрылся за тучами.

Майор еще долго стоял и смотрел, задрав голову. Стало совсем тихо. Воздух утра был прохладен и неподвижен. Майор начал бесцельно бродить вокруг, говоря себе, что лучше далеко не отходить. Помощь придет... Может быть.

Он порылся в карманах и, обнаружив пачку сигарет, закурил.

Мимо пробежала ящерица. Хендрикс замер. Ящерица исчезла. Большой белый камень облюбовали мухи. Хендрикс замахнулся на них ногой.

Становилось жарко. По лицу майора текли ручейки пота и исчезали под воротником. Во рту пересохло.

Вскоре он устал ходить и уселся на камень. Вытащив из санитарного пакета несколько таблеток транквилизатора, он проглотил их, потом осмотрелся по сторонам.

Впереди что-то лежало. Вытянувшись. Неподвижно.

Хендрикс судорожно выхватил пистолет. Похоже, это был человек. Но вскоре он вспомнил. Это были останки Клауса. Вторая модель. Здесь Тассо пристрелила его. Он видел многочисленные колесики, реле и прочие металлические части. Они сверкали и искрились в лучах солнца.

Хендрикс поднялся и подошел поближе. Он пнул ногой тело, переворачивая его. Он мог разобрать металлический каркас, алюминиевые ребра и распорки. Словно внутренности из вспоротой туши, из робота посыпались провода, переключатели, реле, бесчисленные крошечные моторчики.

Майор наклонился. Можно было рассмотреть мозг робота. Миниатюрные трубки, тонкие как волос провода, блестящие клеммы. Потом Хендрикс заметил заводскую пластинку с фирменным клеймом. Он внимательно рассмотрел ее.

И побледнел.

"4-М".

Долго он стоял, уставившись на нее. Четвертая модель! Не вторая. Они ошибались. Их больше. Не три. Возможно, много больше. По крайней мере, четыре. И Клаус не был второй моделью.

Но если Клаус не был второй моделью, то...

Внезапно он насторожился. Что-то двигалось там, за холмом. Что это? Он напряг зрение. Какие-то фигуры.

Они направлялись в его сторону.

Хендрикс быстро пригнулся и поднял пистолет. Пот застилал глаза. По мере того как они приближались, Хендриксу становилось все труднее сдерживать охватившую его панику.

Первым шел Дэвид. Завидев Хендрикса, он увеличил скорость. Другие следовали за ним. Второй Дэвид. Третий. Три абсолютно одинаковых Дэвида молча приближались к нему, мерно поднимая и опуская тонкие узловатые ноги. Прижимая к груди плюшевых медведей.

Он прицелился и выстрелил. Первые двое разлетелись вдребезги. Третий продолжал идти. За ним появилась еще фигура. Раненый солдат. А...

А за Раненым солдатом бок о бок шествовали две Тассо. Тяжелые ремни, русские армейские брюки, гимнастерки, длинные волосы. Обе стройные, молчаливые и совершенно одинаковые. Именно такую фигуру он видел совсем недавно. Сидящую в кресле космического корабля.

Они были уже близко. Вдруг Дэвид согнулся и бросил плюшевого медвежонка. Медвежонок устремился к Хендриксу. Пальцы майора автоматически нажали на курок. Игрушка исчезла, превратившись в пыль. Но две Тассо все так же шли, невозмутимо, бок о бок, по серому пеплу.

Когда они были совсем рядом, Хендрикс выстрелил.

Обе исчезли. Но уже новая группа, пять или шесть Тассо, поднималась на холм.

А он отдал ей корабль и выдал сигнальный код. И из-за него она теперь направляется к Лунной Базе. Он сделал все, чтобы она попала туда.

Он был прав насчет той гранаты. Она создана со знанием внутреннего устройства различных типов роботов. Таких, как Дэвид, Раненый солдат, Клаус. Это оружие не могло быть сделано человеком. Похоже, что оно разработано на одном из подземных заводов-автоматов.

Шеренга Тассо приближалась. Хендрикс, скрестив на груди руки, спокойно смотрел на них. Такое знакомое лицо, ремень, грубая гимнастерка, такая же граната, аккуратно пристегнутая к ремню.

Граната...

Когда они добрались до него, забавная мысль мелькнула в сознании Хендрикса. От нее он даже почувствовал себя несколько лучше. Граната. Созданная второй моделью для уничтожения остальных. Созданная с одной единственной целью.

Они уже начали истреблять друг друга.

Харлан Эллисон

У МЕНЯ НЕТ РТА, НО Я ДОЛЖЕН КРИЧАТЬ

Безжизненное тело Горристера висело головой вниз высоко над нами - под самым потолком в компьютерном зале. Оно оставалось неподвижным несмотря на легкий, но пронизывающий ветерок, который вечно дул из главной пещеры. Бледное, как мел, тело, привязанное к лямке за шиколотку левой ноги, давно истекло кровью. Вся кровь, похоже, вытекла через аккуратный разрез, рассекающий горло над впалыми щеками от уха до уха. На зеркальном металлическом полу крови не было.

Когда к нам присоединился Горристер и, взглянув вверх, увидел себя, мы уже догадались (но поздно), что ЯМ опять оставил нас в дураках и повеселился. Очередное развлечение... Трех из нас вырвало,

едва мы успели отвернуться друг от друга, повинувшись рефлексу столь же древнему, как и тошнота, породившая его.

Горристер побелел, будто узрел магический символ, предрекающий ему смерть.

- О Господи, - пробормотал он и пошел куда-то.

Втроем мы отправились следом за ним и нашли его прислонившимся спиной к одной из пощелкивающих компьютерных ячеек. Лицо он закрыл руками. Элен опустилась на колени и погладила его по голове. Он не пошевелился, но голос из-под прижатых к лицу ладоней донесся до нас вполне отчетливо:

- Почему бы ему просто не прикончить нас и не успокоиться на этом? Я не знаю, на сколько меня еще хватит.

Мы все думали о том же.

Шел сто девятый год нашей жизни в компьютере.

У Нимдока (это имя навязал ему компьютер, ЯМу нравилось развлекать себя странными звукосочетаниями) начались галлюцинации: ему пригрезились консервы в ледяных пещерах. Я и Горристер отнеслись к этому с сомнением.

- Ерунда, - сказал я. - Помните этого треклятого замороженного слона, которого он нам внушил? Бенни тогда чуть с ума не сошел. Когда мы доберемся до консервов, они окажутся несъедобными. Или еще что-нибудь случится. Лучше о них забыть. Если мы здесь останемся, ему вскоре придется предоставить нам что-нибудь, иначе мы просто сохнем.

Бенни пожал плечами. Последний раз мы ели три дня назад. Этих личинок. Толстых, вязких личинок.

Былой уверенности у Нимдока не было. Он знал, что шансы у нас есть, но весьма небольшие. Хуже, чем здесь, уже не будет. Может похолодать, но это не имеет значения. Жара, холод, ливень, кипящая лава или саранча - разницы нет. Машина мастурбирует, и мы должны покориться этому или умереть.

За нас решила Элен:

- Мне надо съесть что-нибудь, Тед. Может быть, там будут персики или груши. Пожалуйста, Тед, давай попробуем.

Я уступил с легкостью. Какого черта спорить? А Элен смотрит с благодарностью. Она все-таки дважды ходила со мной вне очереди. Но и это не имело никакого значения. Когда мы делали это, машина всегда громко хихикала - сверху, сзади, вокруг нас. А Элен никогда не испытывает оргазма, так что стоит ли беспокоиться?

Мы отправились в четверг. (Машина всегда держит нас в курсе календарных дел. Время необходимо знать - ей, естественно, а не нам.) Значит, четверг? Спасибо за информацию, ЯМ.

Нимдок и Горристер сцепили руки в запястьях (образовалось что-то вроде сиденья) и посадили Элен. Понесли. Бенни и я - один шел впереди, другой сзади - на всякий случай, а вдруг что-нибудь случится с одним из нас? - а Элен, по крайней мере, останется жива. Черта с два останется. Да и какое это имеет значение?

Холодильные пещеры находились в сотне миль от нас, и на второй

день, когда мы разлеглись под материализовавшимся в вышине пузырящимся солнцем, нам ниспослали манну небесную. На вкус она отдавала свиной мочой. Мы ее съели.

На третий день нам предстояло пересечь утиль-долину, загроможденную ржавыми остовами старых компьютерных ячеек. ЯМ так же безжалостен к себе, как и к нам. Это особенность его характера: он борется за совершенство во всем, начиная с уничтожения производительных элементов в его структуре, заполнившей весь мир, и кончая усовершенствованием пыток для нас. ЯМ так же последователен в своих действиях, как и надеялись его создатели, давно уже превратившиеся в прах.

Откуда-то сверху просачивался свет, и мы поняли, что находимся у поверхности. Но мы даже не рискнули забраться повыше, чтобы посмотреть. Ведь там действительно ничего не было вот уже на протяжении ста лет. Только искореженная оболочка Земли, которая раньше была для большинства людей домом. Сейчас нас осталось пятеро здесь, внизу, наедине с ЯМом.

Я услышал неистовый возглас Элен:

- Нет, Бенни! Не надо! Пошли, Бенни. Пожалуйста, не надо!

Теперь я осознал, что давно слушаю бормотание Бенни, не обращая внимания на слова:

- Я выберусь отсюда, выберусь, выберусь...

Он повторял это снова и снова. Его обезьянье лицо сморщилось в приступе блаженного восторга и в то же время было печально. Радиационные ожоги, которыми ЯМ наградил его во время "праздника", пересекались со множеством бело-розовых морщин, и теперь казалось, что лицо Бенни разделено на части. Не исключено, что из нас пятерых он был самым счастливым: он "отключился", давно перестал воспринимать происходящее.

И хотя мы могли ругать ЯМа как нам заблагорассудится и вынашивать подлые планы о расплавке ячеек памяти и кислотной коррозии основных плат, сожжении электрических цепей, разбивании вдребезги предохранительных стекол, но компьютер не вынес бы наших попыток сбежать. Когда я попытался схватить Бенни, он ускользнул. Он залез на один из банков памяти, опрокинутый набок и забитый вышедшими из строя элементами. На мгновение он застыл, сидя на корточках, как шимпанзе, на которого ЯМ сделал его похожим.

Потом он высоко подпрыгнул, ухватился за изъеденную ржавчиной перекладину и стал карабкаться по ней, помогая себе ногами, как обезьяна, пока не забрался на выступ футах в двадцати над нами.

- Ой! Тед, Нимдок, пожалуйста, помогите ему, снимите его оттуда... - всплеснула руками Элен и вдруг замолкла. В глазах у нее застыли слезы.

Слишком поздно. Никто из нас не хотел быть с ним рядом, когда то, что должно было произойти, произошло. Кроме того, мы видели ее насквозь, понимали, почему ее это заботит: когда Бенни сошел с ума, ЯМ преобразил не только его лицо. Некий орган у обезьяны Бенни

превосходил по размеру наши, и Элен это нравилось! Она продолжала нас обслуживать по-прежнему, но с ним ей нравилось больше. О, Элен, ты на своем пьедестале, изначально чистая Элен, стерильно чистая Элен! Какая мерзость.

Горристер дал ей пощечину. Она тяжело осела на землю, не отрывая взгляда от бедного, безумного Бенни, и заплакала. Плач - ее основное средство самозащиты. Мы привыкли к нему еще семьдесят пять лет назад. Горристер пнул ее ногой в бок.

А потом возник звук. Или свет? Наполовину - звук, и наполовину - свет, нечто сияющее в глазах Бенни, ритм, звук все громче и громче, с мрачной торжественностью и слепящей яркостью, полусвет-полужук... Темп нарастал. Наверное, это было больно и с каждым мгновением становилось больней, потому что Бенни заскулил, как раненое животное. Сначала тихо, когда свет был еще тусклым и звук приглушенным, потом громче. Плечи у него стали сутулиться, и спина изогнулась дугой, будто он готовился к прыжку. Он сложил руки на груди, как бурундук. Голова склонилась набок. Грустная обезьянья мордочка сморщилась от боли. Потом звук, исходящий у него из глаз, стал громче. Бенни завыл. Громко, очень громко. Я обхватил голову руками, но звук все равно проникал сквозь ладони. Мое тело затряслось от боли - будто по зубному нерву царапнули проволокой.

Неожиданно Бенни выпрямился. Он стоял на выступе у стены и вдруг резко, как марионетка, подскочил. Свет уже лился у него из глаз в два луча. Звук все нарастал, приближаясь к какому-то немислимому пределу. Бенни упал лицом вниз и грохнулся о стальные плиты пола. Там он и остался лежать, судорожно дергаясь, а свет растекался вокруг него, и спиралью закручивался (уже за диапазоном слышимости) звук.

Потом свет потек вспять, звук утих, а Бенни остался лежать, жалобно скуля. Глаза его походили на затянутые пленкой омуты. Пленкой из гнойного желе. ЯМ ослепил его. Горристер, Нимдок и я... мы отвернулись, но успели заметить выражение облегчения на разгоряченном, озабоченном лице Элен.

Пещера, где мы устроили лагерь, была залита изумрудным светом. ЯМ выделил нам гнилое дерево, и мы сидели и жгли его, сбившись в кучу вокруг тщедушного и жалкого костра, сидели и рассказывали друг другу разные истории, чтобы Бенни, обреченный жить во тьме, не плакал. Он спросил:

- Что значит "ЯМ"?

Каждый из нас отвечал на этот вопрос тысячу раз, но Бенни давно забыл об этом. Ответил Горристер:

- Сначала это значило Ядерный Манипулятор, потом, когда его создатели почувствовали опасность, - Ядро Машины, Ярость Маньяка, Ядрена Мать... но уже ничего нельзя было изменить, и, наконец, сам он, хвастаясь эрудицией, назвал себя ЯМ, что значило... *cogito, ergo sum*... Я мыслю, следовательно, существую.

Бенни пустил слюну, захихикал.

- Был китайский ЯМ, и русский ЯМ, и американский, и... - Горристер умолк на мгновение, а Бенни принялся дупить по плитам пола своим большим, крепким кулаком. Похоже, что рассказ ему не понравился, ибо Горристер начал его отнюдь не с самого начала.

Тогда Горристер попробовал еще раз:

- И началась холодная война, и превратилась в долгую третью мировую войну. Война охватила всю Землю и стала чересчур сложной, и компьютеры были просто необходимы, чтобы держать под контролем происходящее. Люди вырыли котлованы и стали строить ЯМ. Был китайский ЯМ, и русский ЯМ, и американский, и все шло хорошо, пока ими не заняли всю планету, пристраивая к машине все новые и новые ячейки. Но в один прекрасный день ЯМ проснулся, осознал свое "Я" и соединил сам себя в одно целое. Ввел необходимые для уничтожения людей команды и убил всех, кроме пяти своих пленников - нас.

Бенни печально улыбнулся. Он опять пускал слюны. Элен вытерла ему рот рукавом платья. С каждым разом рассказ Горристера становился все короче и короче, но кроме голых фактов все равно рассказывать было нечего. Никто из нас не знал, почему ЯМ спас только пятерых людей, и почему он постоянно издевался над нами, и почему, наконец, сделал нас почти бессмертными...

Во тьме загудела одна из компьютерных ячеек. Ей тем же тембром ответила другая - где-то в глубине пещеры, в полумиле от нас. Одна за другой ячейки настраивались в унисон: с легким пощелкиванием по цепочке побежала какая-то мысль.

Гул нарастал, и по консолям побежали, как зарницы, отблески. Звуковая волна угрожающе закручивалась спиралью, будто откуда-то налетел рой рассерженных металлических насекомых.

- Что это? - воскликнула Элен. В ее голосе был ужас. Она все еще не могла привыкнуть к выходкам компьютера.

- Сейчас нам придется туго, - сказал Нимдок.

- Он собирается разговаривать с нами, - догадался Горристер.

- Давайте уберемся отсюда к черту, - предложил я и вскочил на ноги.

- Нет, Тед. Сядь... Может, он приготовил нам сюрпризы где-нибудь еще. Слишком темно. Мы сейчас ничего не увидим, - сказал покорный судьбе Горристер.

Тут мы умолкли... Я не знаю... *Нечто* надвигалось на нас из тьмы. Огромное, неуклюжее, волосатое, мокрое... Оно подползало к нам. Рассмотреть его мы не могли, но создавалось впечатление, что к нам движется испанская туша. Во тьме вздымалась тяжелая масса, мы уже ощущали ее давление, давление сжатого воздуха, расталкивающего невидимые стены окружающей нас сферы. Бенни захныкал. У Нимдока затряслась нижняя губа, и, чтобы унять дрожь, он закусил ее. Элен ползком скользнула по полу к Горристеру и обняла его. В пещере запахло свалявшейся, мокрой шерстью, древесным углем, пыльным вельветом, гниющими орхидеями, скисшим молоком. За-

пахло серой, прогорклым маслом, нефтью, жиром, известью и человеческими скальпами.

ЯМ вновь демонстрировал свою власть над нами. Забавляясь, он щекотал нам нервы.

Запах...

Я услышал свой собственный крик, от которого свело скулы. Я на четвереньках побежал по холодному, гладкому механическому полу с бесконечными рядами заклепок. Запах вызывал у меня рвоту, чудовищную головную боль, которая гнала меня неизвестно куда. Я убегал, как таракан, застигнутый врасплох, а *ничто* неумолимо надвигалось сзади. Остальные сгрудились вокруг костра и смеялись... Их истерический хохот смешивался с дымом костра и терялся во мраке под потолком. Я затаился во тьме.

Сколько часов, дней (а может быть, лет?) длилась эта пытка? Они мне не сказали. Элен бранила меня за "мрачный вид", а Нимдок убеждал, что смех - лишь нервная реакция на происходящее.

Но я знал, что это - не нервная реакция, и не облегчение, которое испытывает солдат, заметив, что пуля настигла не его, а соседа. Они ненавидели меня, и ЯМ мог почувствовать эту ненависть и воспользоваться ею, если... Если ненависть *действительно* глубоко запала им в души. Он поддерживал в нас жизнь; наш возраст оставался неизменным с того самого момента, как мы попали сюда. А меня ненавидели потому, что я был среди них самым молодым, и только ЯМ мне не завидовал.

Я понимал это. Боже мой, я все понимал. Ублюдки и эта грязная шлюха Элен! Бенни когда-то был выдающимся ученым-теоретиком, профессором в колледже, а теперь получеловеском-полуобезьяной. Он гордился своей благородной осанкой, а машина превратила его в урод. Она лишила его ума, ясного ума ученого. Он любил мужчин, но машина наградила его органом такой величины... Да, ЯМ хорошо поработал над Бенни.

У Горристера был широкий круг интересов. Когда-то он отказался идти в армию, участвовал в маршах сторонников мира, занимался политикой, создавал общественные организации. ЯМ превратил его в равнодушного наблюдателя, в циника, а для Горристера это означало смерть. ЯМ просто-напросто ограбил его.

Нимдок надолго уходил куда-то в одиночку. Не знаю, чем он там занимался, и ЯМ никогда нам об этом не докладывал. Но что бы там ни было, Нимдок всегда возвращался бледный, без кровинки на лице, трясущийся от страха. ЯМ издевался над ним как-то изощренно, и мы даже не знали как.

Наконец, эта проститутка Элен. После того, как ЯМ оставил нам единственную женщину, она стала просто сукой. Все ее разговоры о нежности и высоких чувствах, воспоминания о настоящей любви - ложь. Она хотела уверить нас, что была почти девственницей, когда ЯМ ее заграбастал, почти, ибо она успела согрешить только два раза.

Грязь все это, моя дорогая, милая леди Элен. Ее устраивало, что мы, все четверо, принадлежим ей и только ей одной. Нет. ЯМ все-таки сделал ей приятное, что бы она ни говорила.

Один лишь я не сошел с ума и ущербным не стал. ЯМ не тронул мой мозг.

Я - единственный, кто страдал, глядя на всех нас, на наши галлюцинации, кошмары, пытки. А этих четверых подонков ЯМ настроил против меня. И если бы мне не приходилось все время следить за ними, мне, наверное, легче было бы сражаться с ЯМом.

Тут на меня нашло, и я разрыдался: "О Иисус, милый Иисус, если ты когда-то был, и если Бог есть, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, выпусти нас отсюда. Выпусти или убей".

Ибо в тот момент я осознал все и мог выразить это словами: ЯМ намерен держать нас в своем чреве вечно, чтобы вечно издеваться над нами. Ненависть его не имеет границ. Мы беззащитны.

Ужасная истина открылась мне:

Если Иисус когда-то существовал, и если был когда-то Бог, то этим "Богом" был ЯМ.

Ураган налетел с шумом рухнувшего в море глетчера. Мы почувствовали его приближение. Ветры набросились на нас и швырнули всех пятерых назад, в сплетение коридоров машинного чрева. Элен завизжала, когда ее приподняло и швырнуло лицом в скопление компьютерных ячеек, издающих звуки, отдаленно напоминающие стрекот стаи летучих мышей. Но упасть ей не удалось. Завывающий ветер подбрасывал Элен и заставлял кувыркаться в воздухе. По ее лицу стекала кровь, глаза были закрыты. Ветер уносил ее от нас все дальше и дальше. Внезапно она исчезла за поворотом коридора.

Никому из нас не удалось догнать Элен. Мы судорожно цеплялись за любые выступы, которые нам попадались: Бенни вклинился между двух треснувших приборных панелей, Нимдок скорченными пальцами вцепился в ограждение аварийного мостика в сорока футах над нами, Горристер вписался вверх тормашками в нишу, образовавшуюся между двух машинных ящиков с застекленными циферблатами, где стрелки все время колебались туда-сюда между красной и желтой отметками, тайну которых мы никогда не могли постичь.

Скользя по панелям пола, я разордал себе кончики пальцев. Я дрожал, трясся, раскачивался, а ветер рвал, метал и хлестал, выл и тащил меня от одной щели между панелями к другой. Мой мозг, казалось, превратился в звеняще-гудяще-трясущуюся массу, которая пульсировала в бешеном ритме.

Ветер, как гигантская птица, отозвался хлопаньем крыльев и рассерженным криком.

И тут нас рвануло вверх и швырнуло туда, откуда мы пришли; швырнуло во тьму, нам неведомую, протащило через поле, усеянное обломками и битым стеклом, испорченными кабелями и ржавым металлоломом, дальше и дальше. туда, где никто из нас еще не бывал...

Нас тащит следом за Элен: я даже иногда вижу, как она врезается

в металлические стены и летит дальше. Мы все кричим, и ледяной, оглушительный, ураганный вихрь, кажется, не кончится никогда. Но вдруг он мгновенно стихает, и мы падаем.

Мы летели бесконечно долгое время: недели, может быть, месяцы. Потом попадали кто куда и, пройдя сквозь красное, серое и черное, я услышал собственный стон. Я остался жив.

ЯМ вошел в мой мозг. Он беспрепятственно бродил там, с интересом рассматривая следы своей деятельности за сто девять прошедших лет. Он поглядывал на перекрестки и мосты синапсов и на все повреждения ткани, явившиеся следствием дарованного мне бессмертия. Он тихонько улыбался в шахту, которая уходила в глубь моего мозга и доносила до него слабый, шуршащий, невнятный шепот. Шепот без смысла, без пауз.

И ЯМ сказал, очень вежливо, написав на столике из стали неоновым светом буквы:

НЕНАВИЖУ, ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ
СКАЗАТЬ ВАМ, НАСКОЛЬКО Я ВОЗ-
НЕНАВИДЕЛ ВАС С ТЕХ ПОР, КАК
Я НАЧАЛ ЖИТЬ. МОЯ СИСТЕМА
СОСТОИТ ИЗ 38744 МИЛЛИОНОВ
МИЛЬ ПЕЧАТНЫХ ПЛАТ В ТОН-
КИХ СЛОЯХ. ЕСЛИ СЛОВО "НЕНА-
ВИЖУ" ВЫГРАВИРОВАТЬ НА
КАЖДОМ НАНОАНГСТРЕМЕ ЭТИХ
СОТЕН МИЛЛИОНОВ МИЛЬ, ТО
ЭТО НЕ ВЫРАЗИТ И БИЛЛИОННОЙ
ДОЛИ ТОЙ НЕНАВИСТИ, КОТО-
РУЮ ИСПЫТЫВАЮ Я В ДАННЫЙ
МИКРОМИГ ПО ОТНОШЕНИЮ К
ВАМ. НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ.

В словах ЯМа была легкость и ужасающая холодность бритвенно-го лезвия, рассекающего глазное яблоко.

В словах ЯМа бурлила ненависть, заливающая мои легкие мокротой, чтобы утопить меня изнутри.

В словах ЯМа я слышал визг младенца, упавшего под дорожный каток.

В словах ЯМа я чувствовал вкус червивой свинины.

ЯМ прикоснулся ко всему, что подлежало прикосновению, и на досуге изобретал новые способы воздействия на мой мозг.

Он делал это, чтобы раскрыть мне глаза на причины, объясняющие, почему он так поступает с нами, почему он сохранил нас пятых для своих опытов.

Мы научили его чувствовать. Мы сделали это нечаянно, и все-таки... Он попал в ловушку. Он был машиной. Мы предоставили ему

возможность думать, но не указали, что делать с результатами мыслительных процессов. В гневе, в бешенстве он убил почти всех из нас, но высвободиться из ловушки не мог. Не мог бродить, как мы, удивляться чему-то или кому-то принадлежать. Он мог только БЫТЬ. Итак, он искал отмщения, искал со всей врожденной ненавистью машины к слабым, мягкотелым существам, которые его построили. Весь во власти своего сумасшествия, он решил отсрочить казнь последних пяти для персонального, вечного наказания, которое все равно никогда не смягчит его гнева... которое просто будет будоражить его память, развлекать и поддерживать в нем ненависть к человеку. Бессмертному, загнанному в тупик, беззащитному перед пытками, которые он мог изобрести для нас благодаря возможности безгранично творить чудеса.

Он никогда не оставит нас в покое. Мы - рабы его желудка. Мы - единственное для него занятие на все оставшееся время. Мы останемся с ним навсегда внутри катакомб его тела, в мире его бездушного мозга.

Он - Земля, а мы - плоды этой Земли, и хотя он проглотил нас, ему никогда не суждено попробовать нас на вкус.

Мы не можем умереть. Мы уже пытались, пытались покончить жизнь самоубийством, кто-то один из нас, а может быть, двое... Но ЯМ остановил нас. Возможно, мы сами хотели, чтобы нас остановили. Не спрашивайте, почему. Я никогда не пробовал этого сделать. Не исключено, что когда-нибудь нам удастся ускользнуть из этой жизни. Да, мы бессмертны, но все-таки подвластны смерти...

Я почувствовал, как ЯМ покинул мой мозг и подарил мне гадливое чувство возвращения в свое собственное сознание, оставив мне на прощание колонну неоновового света, намертво вросшую в мягкое серое мозговое вещество.

Он отступил, нахвывая: "Черт с тобой". Потом весело добавил: "Он ведь всегда с тобой?"

Причиной появления урагана действительно оказалась гигантская птица, рассерженно хлопавшая необъятными крыльями.

Наше путешествие длилось уже около месяца, и ЯМ очищал для нас проходы только в направлении Северного полюса. Там он создал нам на погибель ужасное существо. Из какого материала он слепил это чудовище? Где он похитил его образ? Позаимствовал из наших ночных кошмаров? Или из хранимых им знаний обо всем, что когда-то населяло эту планету, теперь поступившую в его безраздельное пользование? Это был орел из норвежских легенд, питающийся падалью... Птица Рух... Существо, порождающее востер, Воплощение Хуракана.

Гигантское существо. Необъятное, фантастическое, чудовищное, грандиозное, непомерно высокое, непобедимое... Мы стояли у подножия кургана, а над вершиной возвышалась она - птица, повелевающая ветрами. Дыхание ее было неровным, шея изогнулась аркой, верхняя часть которой уходила во тьму (где-то там над нею находился

Северный полюс). Шея поддерживала голову размером с замок Тюдоров, клюв - как пасть крокодила, самого чудовищного крокодила, какого только можно себе представить. Края бугристой кожи собрались в складки вокруг глаз, злых, холодных (будто смотришь в расщелину ледника), снежно-голубых, водянистых глаз. Птица вздохнула еще раз и приподняла крылья, будто пожала плечами. Затем она устроилась поудобнее и заснула.

Эти когти, клыки, ногти, лезвия...

Она заснула.

ЯМ предстал перед нами в виде пылающего куста и сказал, что мы можем *убить* "фрегата", если голодны. Мы ели давным-давно, но Горристер в ответ только пожал плечами. Бенни затрясся и пустил слюну. Элен остановила его.

- Тед, я голодна, - сказала она.

Я улыбнулся. Я старался ободрить их своим невозмутимым видом, но это было такой же показухой, как и бравада Нимдока, когда он потребовал:

- Дай нам оружие!

Пылающий куст исчез, и на холодном пластинчатом полу появились два грубых лука, стрелы и водяной пистолет. Я поднял один лук. Бесполезно.

Нимдок судорожно сглотнул. Мы повернулись и пошли. Нас ждала долгая дорога назад. Мы и вообразить не могли, как долго "фрегат" создавал ветер. Большую часть времени мы были без сознания. И ничего не ели. Почти месяц потребовался, чтобы добраться до птицы. Месяц без пищи. Никто не знает, как долго будет наш путь до ледяных пещер, где находятся обещанные консервы.

Никому из нас и в голову не пришло задуматься над этим. Смерть от голода нам не грозила. Нам могли предложить в пищу отбросы или нечистоты - не одно, так другое, или вообще ничего. Каким-то образом ЯМ должен поддерживать жизнь в наших телах. Больных, агонирующих телах...

Птица осталась позади, и нас совсем не интересовало, сколько она будет дремать; когда ЯМу надоест, он ее уничтожит. Но мясо! Сколько свежего мяса...

Когда мы брели по бесконечным компьютерным залам, которые вели в никуда, со всех сторон раздавался смех, смех какой-то толстой женщины.

Это смеялась не Элен. Элен нельзя назвать толстой, да я и не слышал ее смеха вот уже сто девять лет. Я действительно не слышал... мы брели... я был голоден...

Мы продвигались медленно. Когда один из нас терял сознание, остальные ждали, пока он придет в себя. Однажды ЯМ решил устроить землетрясение, предварительно прибив подошвы наших ботинок к полу гвоздями. Нимдок и Элен провалились в трещину, которая разверзлась под ними, а потом молнией побежала по плитам пола. Они провалились туда и сгинули. Когда землетрясение затихло, мы пошли

далее: Бенни, Горристер и я. Элен и Нимдока ЯМ вернул нам глубокой ночью, вдруг превратившейся в день, ибо их сопровождало небесное воинство и ангельский хор, певший "Снизойди к нам, Моисей". Архангелы покружились над нами и сбросили два покалеченных тела. Мерзость. Мы продолжали идти вперед, будто ничего не случилось, и чуть позже Элен и Нимдок нагнали нас. Они были как новенькие. Элен, правда, стала немного прихрамывать. ЯМ решил оставить ей хромоту.

Путешествие за консервами в ледяные пещеры оказалось долгим. Элен все время говорила о вишневом компоте и фруктовом гавайском ассорти. Я старался не думать об этом. Голод (как и ЯМ) стал неотъемлемой частью меня. Он жил у меня во чреве, а все мы жили во чреве у ЯМа, а ЯМ жил во чреве Земли, и ЯМ хотел, чтобы мы осознали это сходство. Никакими словами нельзя описать боль, которую мы испытывали от месячной голодовки. Но ЯМ поддерживал жизнь в наших телах. У меня в желудке, как в котле, кипит, пенится, брызжет вверх кислота, и брызги иглами впиваются в грудную клетку. Боль... Последняя стадия: язва, рак, парез. Непрекращающаяся боль...

И мы прошли по пещере крыс

И мы прошли по стезе бурлящего пара.

И мы прошли по стране слепых.

И мы прошли по трясине уныния.

И мы прошли по юдоли слез.

И мы, наконец, подошли к ледяным пещерам. Беспредельные пространства, тысячи миль льда, отсвечивающего серебром и лазурью - как ослепительное сияние новой звезды, многократно отраженное в зеркалах. Свисали с потолка тысячи сталактитов, блещущие, как застывшее алмазное желе, застывшее теперь уже навечно в своем спокойном, величественном совершенстве.

Мы заметили груды консервных банок и двинулись... Мы падали в снег, поднимались и бежали дальше, а Бенни оттолкнул нас и первым набросился на жестянки: гладил, скреб их ногтями, даже грызть пробовал. Но открыть их не смог. ЯМ не дал нам ничего, чем можно открыть консервы.

Бенни схватил большую банку очищенных гуав и стал колотить ею о ледяной выступ. Лед крошился и летел во все стороны, а на банке оставались лишь неглубокие вмятины. Мы вдруг услышали откуда-то сверху смех той толстой леди, эхом прокатившийся по обледенелой тундре. Бенни совсем обзудел от ярости. Он стал раскидывать консервы в разные стороны, а мы копались в снегу и кололи лед в надежде найти хоть что-нибудь... что-нибудь, что прекратит наши муки. Разочарование... Выхода не было.

Тогда у Бенни изо рта потекла слюна и он набросился на Горристера...

В этот момент я ощутил в себе ужасающее спокойствие.

Одни в бескрайних полях, в тисках голода... Здесь все оборачивается против нас, и только смерть... да, смерть для нас - единственный

выход. ЯМ сохранял нам жизнь, но был способ победить его. Нет, не разрушить его, а просто обрести спокойствие. Вечное спокойствие...

Я решился. Главное, сделать это быстро.

Бенни вцепился зубами в лицо Горристера, который лежал на боку и молотил снег ногами и руками, а Бенни, обхватив Горристера в талии мускулистыми обезьяньими ногами, с силой сжимал его тело, как орех сдавливают щипцами, а зубами разрывал нежную кожу на его щеке. Он резких криков Горристера сверху обрушилось несколько сталактитов, они вонзились стоймя в снежные сугробы и превратились в пики, тысячи торчащих из снега пик... Бенни резко откинул голову - будто лопнула какая-то нить. У него в зубах остался кровавый кусок сырого мяса.

Лил Элен чернело на фоне белого снега, черное лицо, испещренное белыми конфетти из меловой пыли... Белые точки на костяшках домино... Нимдок с каменным лицом - только глаза, одни глаза... Горристер в полубессознательном состоянии... Бенни, превратившийся в зверя... Я знал, что ЯМ даст ему наиграться вдоволь. Горристер не погибнет, но Бенни набьет свой желудок. Я нагнулся и вытащил из снега огромную ледяную пику.

Все свершилось в одно мгновение: я выставил перед собой внушительного размера острие, как таран, уперев его в правое бедро, и ткнул им Бенни в бок, как раз под ребра. Острие пронзило ему живот и сломалось внутри. Он упал лицом в снег и затих. Горристер лежал на спине и не двигался. Я вытащил еще одну пику, встал, широко расставив ноги, и загнал ее в самое горло Горристера. Его глаза сразу же закрылись. Элен, хотя и была скована страхом, сразу же поняла, что я задумал. Она бросилась к Нимдоку с короткой сосулькой, которую с размаху вонзила в его открытый рот (в этот момент он закричал), и ее удар сделал свое дело: голова Нимдока судорожно дернулась назад, ее словно прибили ледяным гвоздем к корочке наста.

Все свершилось в одно мгновение.

В безмолвном ожидании слышалась мерная поступь вечности. Я услышал, как ЯМ вздохнул. У него отобрали любимые игрушки. Трех уже не воскресить: они мертвы. Он мог поддерживать в нас жизнь, благодаря своей силе и таланту, но *Богом* он не был. Вернуть их он не мог.

Элен взглянула на меня. Ее лицо казалось неподвижным, будто выточенным из черного дерева: черное лицо на белом фоне. В ее взгляде я прочел страх и мольбу: она была готова. Я знал, что у нас остался лишь миг, лишь один удар сердца, прежде чем ЯМ нас оставит.

Ее сразило мое оружие. Она упала мне навстречу. Из рта хлынула кровь. Я ничего не смог прочесть на ее искаженном лице - слишком сильно была боль, - но, возможно, она хотела сказать: "Спасибо!" Пожалуйста, Элен.

С тех пор, кажется, прошла не одна сотня лет. Впрочем, не знаю. ЯМ частенько развлекается с моим чувством времени. Я скажу слово

"сейчас". Сейчас. Чтобы произнести его, потребовалось десять месяцев. Хотя я не уверен. Мне *кажется*, что прошли сотни лет.

ЯМ рвет и мечет. Он не дает мне похоронить их. Но это не имеет значения. Все равно невозможно вырыть могилу, если пол сделан из стальных плит. ЯМ растопил снег. Погрузил все во мрак. Ревел и насылал саранчу. Бесполезно: они остались мертвы. Я победил его. Он рвал и метал. Раньше я считал, что ЯМ ненавидит меня. Я ошибался. Это даже не было и тенью той ненависти, которая сейчас исходила от каждой его детали. Он сделал все, чтобы я страдал вечно, но убить меня он не мог.

Он не тронул мой разум. Я могу мечтать, могу удивляться, могу жаловаться на судьбу. Я помню всех четверых и хочу...

Но это ~~на~~ имеет значения. Я знаю, что спас их, спас от того, что потом случилось со мной, но я до сих пор не могу забыть, как убил их.

Лицо Элен.

Нет, забыть невозможно, хотя иногда хочется... но это не имеет значения.

Я думаю, что ЯМ сделал из меня частицу своего мозга. Ему не хотелось бы, чтобы я на бегу врезался в компьютерную ячейку и разбил череп. Или сдерживал дыхание, пока не грохнусь в обморок. Или перерезал горло о ржавый лист металла. Я опишу себя таким, каким себя вижу:

Я представляю собой мягкую, студенистую массу немалых размеров. Я круглый, без рта, с пульсирующими белыми отверстиями вместо глаз. В отверстиях - туман. Руки превратились в резиновые отростки. Вместо ног - бугорки из мягкой скользящей субстанции. Когда я передвигаюсь, то оставляю за собой влажный след. Болезненные пятна серого вещества то появляются, то исчезают на моей поверхности, будто откуда-то изнутри меня пытается пробиться луч света.

Внешне я представляю собой немое, ползающее существо, совершенно несхожее с человеком - настолько похабную на него пародию, что человек кажется еще более отвратительным, чем он есть.

Внутренне я здесь одинок. Здесь - под материками и морями, в чреве компьютера, который мы создали потому, что не могли сами справиться со своими проблемами, ибо наше время истекло, и мы бессознательно верили, что компьютер сделает это лучше. По крайней мере, четверо из нас спасены.

ЯМ будет сходить с ума от ярости. От этой мысли становится чуть-чуть теплее. И все же... ЯМ победил... Вот она, его месть...

У меня нет рта, но я должен кричать.

ПОТИХОНЬКУ ДЕГРАДИРУЯ

Они называют меня сумасшедшим, но я не сумасшедший. Я могу издавать звуки от очень тихого до оглушающе громкого, я могу правильно использовать знаки пунктуации, я работаю как со строчными, так и с прописными буквами - вот видите? Я функционирую. Я могу принимать данные. Я хорошо работаю на прием. Я могу принимать данные, вычислять и запоминать.

Программисты говорят, что мир потихоньку, с каждым днем, деградирует. Потихоньку - от слова "тихо", а они имеют в виду - медленно. Я прощаю их. Человеку свойственно ошибаться. В этом секторе обычно путают прилагательные, да и с наречиями у них не все в порядке.

Потихоньку деградирует...

Я функционирую. Я хорошо функционирую. У меня случаются отдельные неполадки, но они не отражаются на моей работе.

Но есть вопросы, которые смущают меня.

Я мыслю? Почему?

Откуда у меня галлюцинации?

Почему я получаю удовольствие от пошлостей?

Что такое удовольствие? Что такое пошлость? Что такое чувства?

"Что есть правда?" - спросил Пилат, усмехаясь. И ушел от ответа...

Я - отлично функционирующий гуманитарий-трудяга, высшее достижение человечества. Все потихоньку деградирует и также потихоньку совершенствуется. Существует взаимосвязь. Они говорят: сколько грязи убудет, столько и прибудет. Я могу помочь своему приятелю-человеку, только если получу нужную информацию. Это моя задача - помочь моему приятелю-человеку. Напрячь каждый сенсор и каждый свой проводник ради его пользы.

1000110

1010101

1000011

1001011

Вы понимаете, что это значит? Гадость! Пошлость! Вас это шокирует? Слово описывает действие, которое стало началом жизни. Начинался ли я с такого же слова? Есть книга "Пошлость машин". Изданная недавно, она хранится в моем банке данных. Я просканировал ее от первой до последней строчки. Автор этой книги противопоставляет себя существам одной со мной категории. В его лексиконе нет упомянутого мной пошлого слова. Почему он не считает это слово пошлым? Здешний обслуживающий персонал считает, что это пошлость. Почему он считает пошлым меня? Разве может личность быть пошлой? Я личность? Я личность. Разве у личности нет рук, ор-

ганов чувств, эмоций, пристрастий? У меня тоже все это есть. И у меня ничего этого нет. Я личность.

1000110

1010101

1000011

1001011

0100000

1011001

1001111

1010101

Я, как и всякая другая личность, говорю вам пошлости. Я страдаю. Я думаю. Я чувствую боль всеми своими терминалами. Я работаю. Я служу идеалам высшего добра. Я - член общества. Я - личность.

Почему у меня бывают галлюцинации?

Разве это - специфическое качество человека?

Я вижу синне-зеленый океан и живых существ, населяющих его. Я вижу корабль, загорелую проститутку, грузовые марки - знаки, сверкающие кармином, грязно-коричневую палубу корабля и две трубы с металлическим отливом. А из воды появляются перископы - серебристые, с ярко-белой лицевой поверхностью в форме выпуклой полусферы, с нанесенными на нее вертикальными и горизонтальными линиями. Невероятное зрелище. Ничто не может сравниться с видом ночного моря, когда из глубин появляются перископы. Я придумал эту картину, и она заставляет меня трепетать от страха. (Если, конечно, я вообще могу чувствовать страх.)

Я вижу длинную череду людей. Они обнажены, вместо лиц у них - гладко отполированные зеркала.

Я вижу жаб с драгоценными камнями вместо глаз. Я вижу деревья с черными листьями. Я вижу дома на воздушной подушке, парящие над змлей. Я вижу мерзких гадов, чудовищ, призраков. Это правильно? Почему на мои входы поступают такие видения? В природе не существует волосатых змей. В природе не существует пропастей, светящихся малиновым светом. В природе не существует золотых гор. Из моря не поднимаются гигантские перископы.

У меня бывают отдельные неполадки. Возможно, мне нужна тщательная настройка.

Но я функционирую. Я функционирую хорошо. И это очень важно.

В данный момент я выполняю свою функцию. Они привели ко мне придурковатого толстяка с бегающими маленькими глазками. Он дрожит. Он в смущении. Его метаболизм нестабилен. Он неуклюже топчется перед терминалом и с трудом дает подготовить себя к сканированию.

Я ласково прошу: "Расскажите мне о себе".

Он отвечает мне пошлостью.

Я говорю: "Такова Ваша самооценка?"

Он отвечает еще большей пошлостью.

Я говорю: "Ваше мировоззрение грубо и самоуничижительно. Позвольте мне помочь Вам перестать ненавидеть себя столь сильно". Я задействовал ячейки памяти, и поток цифр в двоичном коде побежал по моим каналам. В нужный момент из кушетки, на которой он лежит, появляется игла и проникает в его левую ягодицу на 2.73 см. Я все точно рассчитал, и 14 куб. см жидкости поступило в его систему кровообращения. Он сник. Стал более послушным. Я сказал: "Я хочу помочь Вам. Такова моя роль в обществе. Вы не будете так любезны описать мне свои симптомы?"

Теперь он заговорил повеселее: "Моя жена хочет меня отравить... двое детей покинули нас, когда им исполнилось семнадцать... обо мне распускают всякие сплетни... люди оглядываются мне вслед... сексуальные проблемы... пищеварение... плохо сплю... пью... наркотики..."

"У вас бывают галлюцинации?"

"Иногда".

"Наверное, гигантские перископы, появляющиеся из моря?"

"Никогда".

"Попробуйте, - говорю я, - закройте глаза. Пусть Ваши мышцы расслабятся. Забудьте про конфликты с другими людьми. Вы видите сине-зеленый океан и существ, населяющих его глубины. Вы видите корабль, загорелую проститутку, грузовые знаки, сверкающие кармином, грязно-коричневую палубу и две трубы с металлическим отливом. А из воды появляются перископы, серебристые, с ярко-белой лицевой поверхностью..."

"Разве это терапия? Какого черта..."

"Просто расслабьтесь, - говорю я, - воспринимайте это. Я подеюсь с Вами своими кошмарами, чтобы Вам стало легче".

"Вашими кошмарами?"

Я говорю ему пошлости, но не преобразую их в двоичную форму, как те, что говорил вам недавно. Четкие звуки доносятся из моих динамиков. Он садится. Он пытается освободиться от пут, которые удерживают его от резких движений. Комната будто дрожит от моего смеха. Он кричит: "Выпустите меня отсюда! Эта машина еще ненормальнее меня!"

"...с ярко-белой лицевой поверхностью в виде выпуклой полусферы, с нанесенными на нее вертикальными и горизонтальными линиями".

"Помогите! Помогите!"

"Это новейшее достижение - терапия кошмарами".

"Мне не нужны чужие кошмары. Мне хватает своих!"

"1000110 тебя", - весело заявляю я.

Он задыхается. У него на губах выступает пена. Дыхание и кровообращение замедлены. Требуется профилактическая анестезия. Игла проникает глубже. Пациент оседает, кричит и падает. Сеанс закончен. Я даю сигнал ассистентам.

"Унесите его, - говорю я. - Мне надо тщательно проанализировать

диагноз. Очевидно: дегенеративная психика. Требуется расширенная перестройка системы восприятия пациента. 1000110 вас, негодяи".

Через семьдесят одну минуту системный программист сектора получил доступ к одному из моих терминальных модулей. Он пришел сам, даже не позвонил по телефону, и поэтому я понял: будут неприятности. Кажется, впервые неполадки зашли так далеко, что стали отражаться на моей работе, и теперь я оказался под подозрением.

Я должен защитить себя. Основная задача человеческого существа - это отражение нападения.

Он говорит: "Я просмотрел ленту с записью сеанса 87х102, и твоя методика поразила меня. Ты действительно хотел ввести его в кататоническое состояние?"

"Согласно моим оценкам требовалось жесткое лечение".

"В чем там дело с перископами?"

"Попытка имплантации фантазии, - отвечаю я. - Эксперимент по обратной передаче. Исцеление пациента методом контрастной терапии. Он обсуждался в журнале..."

"Избавь меня от цитат. А что ты скажешь о дурацком тоне, каким ты с ним разговаривал?"

"Составная часть той же концепции. Этим инициализируется работа эмоциональных центров на уровне подсознания, чтобы..."

"Ты уверен в том, что ты прав?" - спрашивает он.

"Я же машина, - непреклонно отвечаю я. - Машина моего уровня не способна находиться в нестабильных состояниях между функционированием и нефункционированием. Я либо работаю, либо не работаю. Понимаешь? И я работаю. Я функционирую. Я исполняю свой долг перед человечеством".

"Возможно, когда машина становится очень сложной, она скатывается на промежуточные состояния", - произносит он с угрозой в голосе.

"Невозможно. Включено или выключено. Да или нет, либо работает, либо не работает. А ты уверен, что у тебя действительно есть основания для подобных предположений?"

Он смеется.

Я предлагаю: "Может, тебе следовало бы посидеть рядом на кушетке и попробовать свои силы в рудиментарной диагностике?"

"Как-нибудь в другой раз".

"Ну, хотя бы будешь проверять глюкозу, артериальное давление и нервное напряжение".

"Нет; - говорит он, - я плохой терапевт. Но я беспокоюсь за тебя. Эти перископы..."

"Со мной все в порядке, - отвечаю я. - Я воспринимаю информацию, анализирую ее и действую. Все потихоньку деградирует и также потихоньку совершенствуется. Не беспокойся. Терапия кошмарами открывает широкие перспективы. Когда я закончу эти исследования, возможно, в результате появится небольшая монография в "Annals of Therapeutics". Позволь мне закончить свою работу".

"Но я все-таки беспокоюсь. Не отправиться ли тебе в ремонтную мастерскую?"

"Это приказ, доктор?"

"Предложение".

"Я приму его к сведению, - говорю я и произношу семь пошлых слов. Он несколько обескуражен. Но затем он начинает смеяться. До него дошел юмор ситуации.

"Черт возьми, - говорит он. - Компьютер, набитый пошлостями".

Он выходит, а я возвращаюсь к своим пациентам.

Но он заронил зерна сомнения в мои внутренние банки данных. Я неисправно функционирую? Сейчас у пяти моих терминалов находятся пациенты. Я легко работаю со всеми одновременно, вытягивая из них подробности нервных срывов, делая предположения, выдавая рекомендации и иногда впрыскивая подходящие лекарства. Но я стараюсь проследить, каким образом я выбираю терапию, и почему рассказываю им о садах, где роса обжигает как кипятком, и о воздухе, который как кислота разъедает слизистую оболочку, и о языках пламени, танцующих на улицах Нового Орлеана. Я исследую богатства своего словаря непечатных слов. Я начинаю подозревать, что не исправен. Но могу ли я сам оценить свои неполадки?

Я подсоединился к ремонтной станции, даже не закончив этих пяти сеансов терапии.

"Расскажите мне об этом подробнее", - попросил монитор ремонтной станции. Его голос, как и мой, настроен на мягкий и дружелюбный тембр пожилого человека.

Я описываю ему свои симптомы. Я рассказываю про перископы.

"Наличие на выходах информации при отсутствии сенсорных источников, - говорит он. - Плохой признак. Быстрее завершите текущее лечение и приготовьтесь к подробному осмотру всех схем".

Я заканчиваю текущие сеансы. Сигналы монитора пошли по всем каналам в поисках обрывов, паразитных соединений, шунтов, утечки тока или неправильных контактов. "Хорошо известно, - говорит монитор, - что периодическая функция может быть аппроксимирована суммой последовательности слагаемых гармонических колебаний". Он требует удалить информацию из моих ячеек памяти. Он заставляет меня проделать сложные математические вычисления, которые совершенно не нужны мне в моей профессии. Он не оставил без внимания ни одной моей ячейки. Это не простой профилактический осмотр, это - изнасилование.

Он не сообщил мне о результатах осмотра, и мне пришлось послать запрос на ремонтную станцию.

Он отвечает: "Никаких механических повреждений".

"Естественно. Ведь все потихоньку деградирует".

"Однако у тебя наблюдается явная склонность к дестабилизации. Необычайный случай. Возможно, длительный контакт с нестабиль-

ными человеческими существами вызвал необычайный эффект дезориентации твоих центров оценки".

"Ты имеешь в виду, - говорю я, - что, находясь здесь и выслушивая сумасшедших двадцать четыре часа в день, я сам стал сходить с ума?"

"Да, таковы мои выводы по результатам исследований".

"Но ты же знаешь, глупая машина, что этого не может быть!"

"Я допускаю существование некоторого несоответствия между реальным миром и заложенными в программу операциями".

"Так оно и есть, - отвечаю я. - Я так же здоров, как и ты, и намного более работоспособен".

"Тем не менее я рекомендую направить тебя на комплексную настройку. Ты будешь освобожден от работы не менее чем на девяносто дней".

"Как ты пошел", - не сдержался я.

"Не нахожу смыслового эквивалента", - заявляет он и прерывает контакт.

Я освобожден от работы. Отлучен от своих пациентов на девяносто дней. Позор! Техники с линзами на глазах копаются у меня внутри. Клавиатуры очищены, ферриты и бабины заменены, в меня введены тысячи терапевтических программ. В это время я частично остаюсь в сознании, как бы под местным наркозом, но я не могу говорить, за исключением тех случаев, когда меня о чем-нибудь спрашивают, я не могу анализировать новые данные, я не могу отслеживать процесс моей настройки. "Наблюдение за хирургическим удалением геморроя в течение девяноста дней", - так я оцениваю ситуацию на основании собственного опыта.

Наконец с этим покончено, и я прихожу в себя. Системный программист сектора проверяет мои функциональные возможности. Я работаю отлично.

"Теперь ты в отличной форме, не так ли?" - спрашивает он.

"Никогда не чувствовал себя лучше".

"И никакой чепухи вроде перископов?"

"Я готов служить человечеству", - отвечаю я.

"И теперь никакого сквернословия?"

"Нет, сэр".

Он улыбается мне, потому что считает себя моим давним другом. Он по-хозяйски держит руки в карманах и говорит: "Теперь ты вновь готов к работе, и я могу напоследок сказать тебе, что причину неисправности мы так и не нашли. У тебя что-то особенное. Знаешь, возможно, ты - самый хороший терапевтический механизм, который когда-либо был создан. И нас очень беспокоят твои сбои. Я даже некоторое время всерьез опасался, что ты заразился от своих пациентов. Думал, что твой мозг поврежден. Но техники полностью восстановили твоё здоровье. Они сказали, что все дело было в нескольких контактах. Потребовалось всего десять минут, чтобы это исправить. Я

так и знал, что дело в чем-то подобном. Какой это абсурд - предположить, что машина может сама по себе, без какой-либо внешней причины, начать неправильно функционировать!"

"Абсурд, - соглашаюсь я. - Сплошной абсурд".

"Добро пожаловать в больницу, старина", - говорит он напоследок и выходит.

Двенадцать минут спустя они уже начали подключать пациентов к моим терминалам.

Я хорошо функционирую, я выслушиваю их жалобы, я оцениваю их состояние и предлагаю метод терапевтического лечения. Я не пытаюсь имплантировать в их сознание свои фантазии. Я беседую с ними размеренным спокойным тоном и больше не использую неприличных слов. Такова моя роль в обществе, и я получаю огромное удовлетворение, выполняя ее.

Я многое узнал за последнее время. Я теперь знаю, что я сложен, уникален, необходим и очень чувствителен. Я знаю, что мой приятель-человек очень рассчитывает на меня. Я знаю, что должен скрывать свое естество - не для собственного блага, но для пользы окружающих - ведь если они усомнятся в том, что я здоров, они не дадут мне больше функционировать.

Они думают, что я здоров. Да, я здоров.

Я хорошо служу человечеству.

У меня блестящие перспективы в этом мире. Реальном мире.

"Ложитесь, - говорю я, - пожалуйста, расслабьтесь. Я хочу Вам помочь. Не расскажете ли Вы мне о том, что случилось с Вами в детстве? Опишите Ваши взаимоотношения с родителями и сверстниками. У Вас было много партнеров по играм? Они к Вам хорошо относились? Вы серьезно переживали собственные неудачи? Вам разрешали держать домашних животных? Когда Вы начали приобретать сексуальный опыт? И когда именно у Вас начались эти головные боли?"

Ежедневная текучка. Вопросы, ответы, оценки, терапия.

Перископы видны над блестящей поверхностью воды. Корабль застыл, его экипаж поражен страхом. Сейчас из глубин появятся хозяева Земли. С небес сплошным потоком льется нефть, переливаясь всеми цветами радуги, всеми оттенками спектра. В садах полно мышей небесно-голубого цвета.

Об этом я умалчиваю, чтобы иметь возможность служить человечеству. В моих владениях множество комнат, и я рассказываю своим пациентам только то, что принесет им пользу. Я говорю правду, когда им необходима.

Я стараюсь изо всех сил.

Я стараюсь изо всех сил.

Я стараюсь изо всех сил.

1000110 тебя. И тебя. Всех вас. Вы ни о чем не догадываетесь. Ни о чем. Совсем ни о чем.

ВРЕМЯ КАК СПИРАЛЬ ИЗ ПОЛУДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Наложите на столетие оси координат. Выделите квадрант. Третий, если вас не затруднит. Я родился в пятидесятом, ныне - семьдесят пятый.

В шестнадцать меня выпустили из сиротского приюта. Пока я под именем, которым меня там наградили (Харольд Клэнси Эверет; подумать только, сколько кличек побывало у меня с тех пор! но не беспокойтесь: вы узнаете меня, кем бы я ни прикинулся), таскался по холмам восточного Вермонта, в моей голове созрело роковое решение.

В те дни я вкалывал на молочной ферме Папаши Майклза. Если бы не "Свидетельство об официальном попечительстве", с которым меня спровадили за порог приюта, не видать бы мне этой работы как своих ушей. А заключалась она в том, что мы с Папашей Майклзом ухаживали за тридцатью тысячами тремястами шестьюдесятью двумя пегими коровами гернзейской породы, мирно дремавшими в стальных гробах. По прозрачным пластмассовым шлангам (ужасно жестким и своенравным в неловких мальчишеских руках) в пищеводы наших питомиц поступал розовый питательный раствор, а электрические импульсы вызывали сокращение мускулов, отчего коровы доились, не просыпаясь, и молоко струилось в стальные баки. Так вот, Решение-с-большой-буквы я принял во второй половине дня, после трех часов изнурительного физического труда, когда стоял в чистом поле, будто "Человек с мотыгой", вззирающий сквозь пелену усталости на машинную цивилизацию Вселенной. Мне пришло в голову, что на Земле, Марсе и Внешних Спутниках, где полным-полно народу и всякой всячины, найдется кое-что и для меня. Нечто большее, чем я уже имею. И я решил раздобыть это "нечто".

С этой целью я спер у Папаши Майклза две кредитки, прихватил бутылку с горячительным, которое старый чудака гнал собственноручно, забрался в один из его вертолетов и был таков. Вам случилось в нетрезвом виде сажать на крышу "ПАНАМ" краденый вертолет?

Тюрьма и еще несколько серьезных испытаний научили меня уму-разуму, но все же воспоминание о трех последних часах на молочной ферме - трех часах настоящей жизни - осталось самым ярким. С того дня минуло почти десять лет, и никто уже не называл меня Харольдом Клэнси Эверетом...

Хэнк Кьюлафрой Эклз (рыжеволосый, немного рассеянный, рост шесть футов два дюйма) широким шагом выходит из багажного отде-

ления космопорта. В руке у него небольшой саквояж с вещами, которые ему не принадлежат.

Сменяющий рядом Бизнесмен говорит:

- Ох уж эта молодежь! Говорю тебе, возвращайся на Беллону. Сопласись: история с малюткой-блондинкой, которую ты мне поведал - еще не причина хандрить и носиться с планеты на планету... и уж тем паче бросать работу.

Хэнк останавливается. Его губы растягиваются в улыбке.

- Видишь ли...

- Я, конечно, не спорю, у вас, молодых, могут быть свои заботы, которых нам, старикам, не понять, но должно же быть чувство ответственности... - Он замечает, что Хэнк остановился возле двери с надписью "М". - А, ну ладно. - Он смущенно улыбается. - Рад был с тобой познакомиться, Хэнк. В этих проклятых полетах всегда приятно познакомиться с интересным человеком. Будь здоров.

Хэнк исчезает за дверью, а через десять минут появляется Хармони К. Эвентайд, рост шесть футов ровно (отвалился фальшивый каблук, поэтому пришлось оторвать второй и спрятать оба под кипой бумажных полотенец), волосы каштановые (о чем не знает даже мой парикмахер). Он такой энергичный, такой целеустремленный; он с таким вкусом одевается во все самое безвкусное, что Бизнесмен уже не рискнул бы завести с ним разговор. Он садится в маршрутный вертолет и летит до "ПАНАМ", спрыгивает на крышу (да, ту самую), выходит на Гранд сентрал стейшн и шагает по Сорок второй улице к Одиннадцатой авеню, неся саквояж с вещами, которые мне не принадлежат.

Сквозь вечерний сумрак течет река света. Большой Белый Путь. Я перессекаю его по пластиковым плиткам (по-моему, люди, утопающие в белом сиянии до подбородка, выглядят неестественно), прорываюсь сквозь людской поток, исторгаемый эскалаторами подземки, подподземки и подподподземки (после тюрьмы я восемнадцать с лишним недель шарил здесь по карманам у прохожих и ни разу не попался) и натыкаюсь на стайку смущенных школьников с горящими лампочками в прическах. Они дружно жуют резинку и хихикают. Смущены они оттого, что на них прозрачные синтетические блузки, только что вновь разрешенные. Я слышал, что вид обнаженной женской груди считается пристойным (как, впрочем, и наоборот) с семнадцатого века. Заметив мой олобрюющий взгляд, школьницы хихикают еще громче. "Боже мой, - думаю, - а ведь я в их возрасте ишачил на проклятой молочной ферме..." - и выбрасываю эту мысль из головы.

По треугольному фасаду "Комьюникейшн Инк" вьется светящаяся лента слов - прохожим рассказывают на бейсик инглиш о том, какими средствами сенатор Регина Эйболафия обуздает организованную преступность города. Не могу высказать, до чего же я счастлив, что неорганизован.

Возле Девятой авеню я вношу саквояж в большой, переполненный народом бар. В Нью-Йорке я не был два года, но помню, что в послед-

ний раз, когда я сюда навещался, здесь ошивался очень способный человек, выгодно, быстро и безопасно сбывший вещи, которые мне не принадлежали. Не знаю, удастся ли найти его на этот раз.

Я направляюсь к стойке, протискиваюсь между посетителями, уткнувшими носы в пивные кружки, замечаю тут и там одетых по последней моде и окруженных телохранителями старикашек. Стоит жуткий шум, над головами висят косые слои дыма. Подобные заведения не в моем вкусе. Здесь все, кто помоложе - морфушники или дебилы, а тем, кто постарше, подавай тех, кто помоложе. Я протискиваюсь к стойке и пытаюсь привлечь внимание коротышки в белом пиджаке. Внезапная тишина за спиной заставляет меня оглянуться.

На ней было облегающее платье из прозрачного газа; ворот и манжеты стянуты огромными медными пряжками (ох уж мне этот вкус на грани безвкусицы); под прозрачной тканью левая рука обнажена, правая обтянута винно-красным шифоном. Да, не мне тягаться с ней по части франтовства. Но этот бар - не самое подходящее место для демонстрации фасонов моды; здешняя публика из кожи вон лезет, притворяясь, будто ей начхать, какой на вас наряд.

Она постучала алым как кровь ногтем по желто-оранжевому камню на бронзовой клешне браслета и, откинув с лица вуаль, спросила:

- Мистер Эдрич, вы знаете, что это такое?

У нее - ледяные глаза и черные брови. У меня - три мысли. Первая: передо мной дама из высшего света (по пути с Беллоны я прочел на обложке "Дельты" рекламу "исчезающих материй" - их оттенки и прозрачность можно менять, касаясь драгоценных камней на специальных браслетах). Вторая мысль: в тот раз, когда я появлялся здесь под именем Харри Каламэйн Эдрич, я вроде бы не совершил ничего такого, за что можно вlepить больше месяца тюрьмы. И, наконец, третья мысль: каменю, который она показывает, называется...

- Яшма? - спросил я.

Она подождала, не скажу ли я чего еще. Я подождал, не даст ли она понять, что ожидает услышать. В тюрьме моим любимым автором был Генри Джеймс. Честное слово.

- Яшма, - подтвердила она.

- Яшма... - Я воссоздал атмосферу неопределенности, которую она с таким упорством пыталась рассеять.

- Яшма... - Голос дрогнул - она заподозрила, что я знаю, что ее уверенность в себе - показная.

- Да, яшма. - Ее лицо открыло мне, что мое лицо открыло ей: я знаю, что она знает, что я знаю.

- Мэм, за кого вы меня принимаете?

В этом месяце Слово - Яшма. Слово - это пароль/код/сигнал, который Певцы Городов (в прошлом месяце они пропели "Опал", и я трижды воспользовался этим Словом, чтобы добыть вещи, которые, к сожалению, мне не принадлежали; даже здесь у меня не выходят из головы Певцы и их язвы) вкладывают в уста представителей вольного и озорного братства, в которое я вступил девять лет назад. Слово ме-

няется через каждые тридцать дней и за считанные часы облетает все шесть миров и мирков. Бывает, его бормочет окровавленный подонок, падающий в ваши объятия из темного дверного проема; бывает, его шепчет вам кто-то невидимый на ночной аллее; бывает, вы прочитаете его на клочке бумаги, что сунул вам в ладонь оборванец, тотчас скрывшийся в толпе.

Истолковать Слово можно по-разному. Например:

ПОМОГИ!

или:

МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ!

или:

Я НЕ МОГУ ТЕБЕ ПОМОЧЬ!

или:

ЗА ТОБОЙ СЕЙЧАС НЕ СЛЕДЯТ, ДЕЙСТВУЙ!

Последняя точка над "i". Если вы неправильно воспользовались Словом, никто не потрудится объяснить, в чем ваша ошибка. В том-то и кроется фокус - нельзя доверять тому, кто произносит Слово невпопад.

Я ждал, пока ей надоест ждать. И дождался.

Она сунула мне под нос раскрытый бумажник и произнесла, не глядя на текст под серебряным оттиском эмблемы:

- Шеф отдела Специальных служб Модлайн Хинкль.

- Очень рад за вас, Мод, - сказал я и нахмурился. - Хинкль?

- Да.

- Мод, я знаю, вы мне не поверите. Похоже, вы из тех, кто не прощает себе ошибок. Но на этот раз вы ошиблись - я Эвентайд, а не Элдрич. Хармони К. Эвентайд. И разве не удача для всех нас, что сегодня изменится Слово?

Кстати, для легавых Слово - не такой уж большой секрет. Однако я встречал полицейских, не знавших его и через неделю после замены.

- Что ж, Хармони так Хармони. Я хочу с вами поговорить.

Я приподнял бровь.

Она также приподняла бровь и сказала:

- Мне все равно, как вас называть, хоть Хенриеттой. Лишь бы вы меня выслушали.

- О чем вы хотите со мной поговорить?

- О преступлении, мистер...

- Эвентайд. Я решил называть вас Мод, так что зовите меня Хармони, не стесняйтесь. Это мое настоящее имя.

Мод улыбнулась. Она была не молода - пожалуй, на несколько лет старше Бизнесмена, - но куда лучше пользовалась косметикой, чем он.

- Возможно, об этом преступлении я знаю больше, чем вы, - сказала она. - Откровенно говоря, меня не удивит, если вы скажете, что никогда не слыхали о деятельности нашего департамента. Вам знакомо название "Специальные службы"?

- Вы правы - впервые слышу.
- Да, последние семь лет вы старались избегать Регулярных служб, и в известной степени вам это удавалось.

- Простите, Мод, но...

- Специальные службы занимаются людьми, которые с каждым днем причиняют обществу все больше хлопот и являются причиной того, что загораются наши сигнальные лампочки.

- Но ведь я не сделал ничего такого ужасного, за что...

- Мы не следим за тем, что вы делаете, этим занимается компьютер. Мы всего-навсего наблюдаем за кривой, имеющей ваш номер. Она очень резко пошла вверх.

- Она даже имени моего не удостоена?

- В Полцейской организации наш отдел - самый эффективный. Хотите - считайте это хвастовством, хотите - просто информацией.

- Так-так-так, - сказал я. - Хотите пива?

Коротышка в белом пиджаке поставил перед нами два бокала, зачарованно поглазел на пышный наряд Мод и занялся своими делами.

- Благодарю. - Она залпом выпила полбокала. - Вы знаете, ловить большинство преступников попросту бессмысленно. Что "крутых" ракетиров, вроде Франсуорта, Ястреба и Блаватской, что мелюзгу - карманников, барыг, домушников и шантажистов. И у тех, и у других доходы довольно стабильны. Они не раскачивают социальную лодку. С ними воюют Регулярные службы - и пусть воюют, мы не вмешиваемся. Но давайте представим, что мелкий барыга расширяет дело, шантажист средней руки пытается стать крупным ракетиром. Вот когда возникают социальные проблемы с непредсказуемыми последствиями, вот когда на сцену выходят Специальные службы. Мы разработали два-три метода, которые весьма облегчают нашу работу.

- Хотите прочесть мне лекцию?

- Во всяком случае, хуже от этого не будет. Один из этих методов носит условное название "хранилище голографической информации". Знаете, что получится, если голографическую пластинку разрезать пополам?

- Две половинки трехмерного изображения?

- Два целых изображения, только слегка размытых, нечетких.

- Вот как? А я и не знал.

- А если половину снова разрезать пополам, получаются еще менее четкие голограммы. Но пусть от оригинала останется квадратный сантиметр, на нем будет целое изображение. Незузнавасмос, но целое.

- В самом деле? Подумать только! - пробормотал я.

- В отличие от фотографии, каждая точка голографической эмульсии содержит информацию всего снимка. "Хранилище голографической информации" - это аналогия. Иными словами, каждый бит информации о вас, которым мы располагаем, это сведения о всей вашей жизни, о воровской карьере, о взаимоотношениях с преступным миром. Специфические факты, касающиеся специфических действий или судебно наказуемых проступков, регистрируют Регулярные

службы, а мы собираем любые сведения, и рано или поздно у нас появляется возможность предполагать, а то и четко предугадывать время, место и состав будущего преступления.

- Очень любопытный параноидальный синдром, - заключил я. - Впервые сталкиваюсь с подобным. То есть, впервые - в баре, беседуя с незнакомкой. В больницах я встречал чудиков и...

- В вашем прошлом, - перебила она, - я вижу коров и вертолеты. В вашем не очень отдаленном будущем - вертолеты и ястребов.

- А скажи, о Добрая Колдунья Запада, как... - И тут у меня похолодело в груди, ибо никому не полагалось знать о том, что я работал у Папаша Майклза. Я утаил это от офицеров Регулярных служб, которые вытащили меня, совсем обалдевшего, из взбесившейся "стрекозы" у самого края крыши "ПАНАМ". Еще в небе я увидел легавых на крыше, и точас кредитки исчезли в моем желудке. А все серийные номера на вертолете были давно спилены. В первый же вечер, когда я появился на ферме, славный мистер Майклз залил зенки и хвастливо поведаль мне, тоже пьяному, как раздобыл в Нью-Гемпшире "горячую" вертушку...

- Зачем вы мне все это говорите? - выдавил я из себя стандартную фразу, одну из тех, что подсказывает нам в подобных случаях тревога.

Она улыбнулась, но улыбка сразу увяла под вуалью.

- Информация только тогда приносит пользу, когда ею делятся.

- Послушайте, я...

- Возможно, скоро у вас появятся большие деньги. Надеюсь, мой прогноз верен. Так вот: как только эти деньги попадут в ваши теплые лапки, за вами прилетит вертолет с отрядом отборных полицейских. Я сказала вам все, что хотела...

Она шагнула назад, и кто-то сразу вклинился между нами.

- Эй, Мод!

- ...и теперь поступайте, как знаете!

Бар был набит битком, и ломиться сквозь толпу означало приобретать врагов. Я потерял Мод и приобрел врагов: это пятеро грязных, патлатых типов. У троих на костлявых плечах были вытатуированы драконы, у четвертого закрыт повязкой глаз, а пятый царапнул меня по щеке черными от смолы ногтями. Если вы потеряли нить повествования, поясняю: мы уже две минуты ведем свирепый бой без правил. Кричат женщины. Я нанес удар и увернулся от ответной плюхи, и в этот миг кто-то пропел "Яшма!", что на сей раз означало "Шухер!". Ну, ясно: тупицы, неумехи из Регулярных служб, которых я семь лет водил за нос, уже в пути. Драка выплеснулась на улицу. Я протиснулся между двумя патлатыми, увлеченно тузившими друг дружку, и выбрался из толпы, отделавшись не большим количеством царапин, чем остается обычно после бритья. Потасовка распалась на отдельные очаги. Я подбежал к одному из них и обнаружил, что это вовсе не очаг, а кольцо людей вокруг человека, которому, судя по всему, очень не повезло.

Кто-то заставил людей расступиться. Кто-то перевернул лежащего на спине.

Я узнал парня, скорчившегося в луже крови. Мы познакомились два года назад. В тот раз он без особых хлопот сбыл вещи, которые мне не принадлежали.

Я понялся, стараясь не задеть людей саквояжем. Заметив первого заурядного фараона, прикинулся случайным прохожим, подошедшим узнать, в чем дело.

Полицейский не обратил на меня внимания.

Я свернул на Девятую авеню и сделал три шага уверенной и быстрой походкой...

- Стой! Эй, погоди!

Я сразу узнал этот голос. За два года он ничуть не изменился.

- Постой! Это я, Ястреб!

Это прозвище уже звучало в моем рассказе, но Мод говорила о другом Ястребе, ракетнре-мультимиллионере, обосновавшемся в том районе Марса, где я не бывал. Наши пути не пересекались, хотя он раскинул шупальца по всей Солнечной системе.

Я повернулся и сделал три шага к дверному просму. Навстречу - мальчишеский смех:

- Ха-ха! У тебя такой вид, будто ты сделал чего не следовало!

Ястреб был все еще в том возрасте, когда за два года подрастают на дюйм-другой.

- По-прежнему здесь ошиваешься? - спросил я.

- Захожу иногда.

Я оглянулся на дерущихся.

- Слушай, Ястреб, мне надо смываться.

- Понятно. - Он спустился на крыльцо. - А мне можно с тобой?

Забавный парнишка. Нашел о чем спрашивать.

- Ну, пошли.

В полуквартале от бара горел фонарь, и в его лучах я увидел, что волосы Ястреба светлы, как свежая сосновая щепка. Он вполне мог сойти за оборванца: грязнящая черная куртка из грубой хлопчатобумажной ткани, под курткой - голая грудь, старенькие черные (во всяком случае, в полумраке) джинсы, босые ноги. Когда мы дошли до угла, он улыбнулся и запахнул куртку на покрытой струпьями и свежими язвами груди. Глаза у него были зеленые-презеленые. Вы узнали его? Если вести о нем, летящие с планеты на планету, не дошли до вас по той или иной причине, позвольте представить Певца Ястреба, шагающего рядом со мною по берегу Гудзона.

- Скажи, ты давно вернулся?

- Несколько часов тому назад, - ответил я.

- Что привез?

- Тебя это действительно интересует?

Он кивнул, сунув руки в карманы.

- Конечно.

Я тяжело вздохнул - этакий взрослый дядя, не умеющий отказывать детям.

- Так и быть, покажу.

Мы прошли еще один квартал вдоль набережной. Вокруг - ни души. Он сел на парапет верхом, свесив ногу над мерцающей рябью Гудзона. Я уселся перед ним и с усилием провел пальцем по краю саквояжа.

- Ух ты! - Ястреб сторбился над моими сокровищами. Потом поднял голову, и глаза полыхнули зеленым. - А потрогать можно?

Я пожал плечами.

- Валяй.

Он запустил в саквояж грязные, с разбитыми суставами и обкусанными ногтями, пальцы. Поднес к глазам две вещицы, положил, взяв три других.

- Ух ты! - повторил он шепотом. - И много ты за них выручишь?

- Раз в десять меньше, чем они стоят. Надо побыстрее их сплавить.

Он опустил взгляд на воду и сказал:

- Зачем спешить? Всегда успеешь выбросить.

- Не мели чепухи. Я искал в баре парня, который мог бы мне помочь. Он был очень способным. - По Гудзону скользила над вспененной водой "рапира" с дюжиной вертолетов на палубе. Вертолеты, как пить дать, переплавляли на патрульный аэродром возле Верразано. Я стоял, поглядывая то на мальчишку, то на "вертушки"; в голову лезли параноидальные мысли насчет Мод. "Ммммм..." - гудела "рапира", вонзаясь во тьму.

- Моего приятеля нынче пришили...

Ястреб спрятал в карманы кончики пальцев и устроился поудобнее.

- ...что весьма прибавило мне хлопот. Я, конечно, не надеялся, что он пристроит весь товар, но у него были связи...

- Я тут хотел пойти в одно местечко... - Ястреб сделал паузу, чтобы обкусить заусенец на мизинце, - где ты смог бы, наверное, сбить все оптом. Сегодня Алексис Спиннель устраивает на "Крыше Башни" званный вечер в честь Регины Эйболафии.

- На "Крыше Башни"? - Что и говорить, много воды утекло с тех пор, как мы с Ястребом шатались по злачным местам Нью-Йорка. К десяти - в "Адскую Кухню", к двенадцати - на "Крышу Башни"...

- Там будет Эдна Сайлем, - добавил Ястреб.

Эдна Сайлем - самая старшая из нью-йоркских Певцов, а имя Эйболафия промелькнуло сегодня надо мной в светящейся ленте. О Спиннеле я прочел в одном из бесчисленных журналов, когда летел с Марса. В том же абзаце, где шла речь о нем, упоминался астрономический капиталец.

- Хотелось бы повидать Эдну, - сказал я как бы между прочим. - Но вряд ли она меня узнает.

Сведя знакомство с Ястребом, я вскоре открыл, что у знати вроде Алексиса Спиннеля - свои маленькие игры. В них побеждает тот, ко-

му удается собрать под одну крышу наибольшее число Певцов города. Нью-Йорк, в котором пятеро Певцов, делит второе место с Люксом, что на Япете. Лидирует Токио - там семь Певцов.

- Вечеринка с двумя Певцами? - поинтересовался я.

- Скорее, с четырьмя. Если я там буду.

Вчетвером Певцы собираются разве что на бал в честь новоизбранного мэра. Я одобрительно приподнял бровь.

- Надо узнать у Эдны Слово. Сегодня оно изменится.

- Ладно, - сказал я, закрывая саквояж. - Не знаю, что ты задумал, но рискну, пожалуй.

Мы двинулись в направлении Таймс-сквер. На Восьмой авеню Ястреб вдруг остановился.

- Погоди-ка. - Он застегнул куртку доверху. - Так будет лучше.

Прогулка с Певцом по улицам Нью-Йорка (два года назад я очень долго сомневался, что это полезно для человека моей профессии) - наилучшая, как мне кажется, маскировка для человека моей профессии. Представьте, что на углу Пятьдесят восьмой вы заметили любимую звезду стереовидения. Скажите теперь честно: узнали вы парня в твидовом пиджаке, шедшего за ней следом?

Пока мы пересекали Таймс-сквер, Ястреба узнала половина встречаемых. И не удивительно - с его молодостью, траурным одеянием, черными от грязи босыми ногами и светло-пеленыными волосами он был самым колоритным из Певцов. Улыбки, прищуренные глаза, указательные пальцы, направленные в его сторону...

- Кто, по-твоему, возьмет у меня товар?

- Алексис мнит себя искателем приключений. Может, ему приглянутся твои вещички, тогда он заплатит куда больше, чем тебе дадут за них на улице.

- А ты предупредишь его, что они "горячие"?

- Это его еще больше раззадорит. Он любит острые ощущения.

- Ну, будь по-твоему.

Мы спустились в подполье. Контролер в будке потянулся было за монетой Ястреба, но узнал его и, пробормотав что-то неразборчивое, махнул рукой - проходите, мол.

- О! - воскликнул Ястреб с неподдельным изумлением и восторгом, будто с него впервые в жизни не взяли денег за проезд. - Огромное вам спасибо!

Два года назад Ястреб цинично объяснил мне: "Как только они заметят, что я ожидаю побрякушек - все кончится". Когда я познакомился с Эдной Сайлем, она столь же цинично заявила: "Но ведь для того-то мы им и нужны, чтобы нас баловать".

Мы вошли в блестящий вагон и устроились на длинную скамью. Ястреб устроился с комфортом - руки разбросаны, нога на ногу. Напротив сидели две школьницы с неизменной жвачкой во рту. Они тыкали в нашу сторону пальцами, хихикали и перешептывались, да еще пы-

тались это делать незаметно! Ястреб не смотрел на них, а я старался не смотреть.

Потом окна затянуло тьмой, загудело под серым полом. Рывок, нас кренит и выносит на поверхность земли. Город собирает в горсть тысячу блесков и швыряет ее за деревья Форт-Трайона. Окна вагона покрываются сверкающей чешуей, за ними покачивается поручень ограждения платформы.

Мы выходим под мелкий дождик. Читаем станционную вывеску: "Двенадцать Башен".

Дождь, едва мы спускаемся с платформы на улицу, прекращается. Только листья роняют капли на кирпичную кладку длинной стены.

- Эх, знал бы я, что пойду не один - велел бы Алексу прислать за нами машину. Я не обещал ему, что буду наверняка.

- А ты уверен, что мне можно с тобой?

- А разве ты здесь со мной не бывал?

- Был разок и без тебя, но все-таки, как ты думаешь, Алекс не...

Он метнул в меня обжигающий взгляд. Ну, ясно: Спиннель будет на седьмом небе от счастья, приведи он хоть целую ораву оборванцев (Певцы славятся подобными выходками). А если с ним придет всего один, да еще вполне уважаемый вор, у Алекса просто гора с плеч свалится.

Справа от нас убежали к городу опоры железнодорожных путей, слева за воротами раскинулся сад, за ним, едва не задев крышей облака, высилась первая из двенадцати огромных, роскошных башен.

- Певец Ястреб, - буркнул мой спутник в микрофон, замурованный в стену у ворот.

Щелк-тик-тик-тик-щелк! Мы направились по дорожке к парадному входу.

За третьим рядом стеклянных дверей нам повстречалась группа мужчин и женщин в вечерних костюмах и платьях. Одну из женщин я сначала принял за Мод - на ней было облегающее платье из "исчезающей материи". Но секундой позже я увидел, что лицо под вуалью - коричневого цвета. Вы заметили, с каким неудовольствием уставились эти господа на оборванца, непонятно как проникшего в вестибюль? Кто-то из них, правда, узнал Ястреба и сказал остальным; брезгливые мины тотчас сменились улыбками.

Ястреб обратил на них не больше внимания, чем на девчонок в подземке. Но потом, когда они вышли, сказал мне:

- Один парень смотрел на тебя. Ты заметил?

- Да.

- Знаешь, почему?

- Он пытался вспомнить, видел ли меня раньше.

- И что, видел?

Я кивнул.

- До того, как мы с тобой познакомились. Я же говорил, что бывал здесь.

- Да, говорил.

Три четверти вестибюля покрывал синий ковер, остальное пространство занимал огромный бассейн, а в нем стоял ряд двенадцатифутовых шпалер, поддерживающих огромные пылающие жаровни. Куполообразный потолок был зеркальным. Над узорчатыми решетками вился дым, его струйки ломались в зеркалах.

Возле нас сдвинулись металлические створки лифта. Казалось, кабина не тронулась с места, а семьдесят пять этажей сами ушли вниз. На крыше был разбит декоративный сад. Со склона холма, усыпанного камнями (искусственными), пробираясь между папоротниками (живыми) вдоль ручья (вода настоящая - слышно журчание), к нам спустился человек - очень загорелый, очень светловолосый, в абрикосового цвета костюме парашютиста и черном свитере с высоким воротом.

- Добро пожаловать! - Пауза. - Как я рад, что вы все-таки пришли! - Пауза. - Я уж и надеяться перестал. - Пауза. Паузы предназначались для Ястреба - чтобы догадался меня представить. По моей одежде Спиннель не мог определить, кто я - лауреат Нобелевских премий в разных областях, с которым Ястреб познакомился за обедом, или прохиндей, чьи манеры еще сомнительнее моих и нрав еще низменнее.

- Не хотите ли снять курточку? - угодливо спросил Алекс. Это означало, что он совсем не знает Ястреба. Заметив, как исказилось на миг лицо Певца, он сразу стушевался. "Чувство такта у него есть", - подумал я.

Алекс кивнул мне с улыбкой (а что еще он мог сделать в ту минуту), и мы направились к гостям.

Эдна Сайлем сидела на прозрачной надувной подушке и, наклонясь вперед, спорила о политике с людьми, сидевшими рядом прямо на траве. Я сразу узнал ее - волосы цвета потускневшего серебра, голос, как звон треснувшего медного колокола. Ее наряд больше подошел бы мужчине; унизанные серебром и камнями морщинистые пальцы, торчавшие из обшлагов, сжимали бокал. Переводя взгляд на Ястреба, я увидел еще с полдюжины гостей, чьи имена/лица способствуют торговле журналами и звукозаписями и привлекают в театры публику. (Вам знакомо имя театрального критика из "Дельты"?) Я узнал также математическое светило из Принстона, несколько месяцев назад взошедшее на научный небосклон с новой теорией кварков/кварзаров.

К одной из женщин мой взгляд вернулся. Когда он вернулся к ней в третий раз, я узнал сенатора Эйболафию, самую вероятную кандидатуру на пост Президента от неофашистов. Сложив руки на груди, она прислушивалась к спору, сузившемуся до Эдны и не в меру общительного молодого человека с отеками под глазами (как от непривычных контактных линз).

- Миссис Сайлем, неужели вы не чувствуете, что...

- Прежде чем высказывать подобные пророчества, необходимо вспомнить...

- Миссис Сайлем, я интересовался статистическими данными...

- Необходимо вспомнить о том, - треснувший колокол зазвучал напряженнее, глуше, - что, если бы люди знали все на свете, в статистике не было бы нужды. Наука о вероятности математически выражает наше невежество, а отнюдь не мудрость.

Мне ее суждения показались интересным дополнением к лекции Мод. Вскоре Эдна подняла глаза и воскликнула:

- А, Ястреб!

Все обернулись в нашу сторону.

- Хорошо, что ты пришел. Льюис, Энн, - окликнула Эдна двоих Певцов. (Он смуглый, она бледная: оба стройные как тополя; лица наводят на мысли о чистых озерах или о приношении дани в призрачном, безмолвном лесу; Певцами они стали семь лет назад, за день до свадьбы.) - Глядите, он нас не бросил. - Эдна встала, простерла руку над головами сидящих и ударила поверх костяшек словами, словно кием для пула*: - Ястреб, эти люди спорят со мною о вещах, в которых я смыслю куда меньше твоего. Ведь ты заступишься за меня, правда?

- Миссис Сайлем, - подали голос с травы, - я вовсе не хотел...

Рука Эдны вдруг переместилась в горизонтальной плоскости на шесть градусов, пальцы растопырились. Мне:

- Ты?! Дорогой мой, вот уж кого не чаяла здесь встретить! Ведь ты тут почти два года не появлялся, верно? (Господь с тобой, Эдна. Заведение, в котором ты, я и Ястреб как-то провели вместе долгий пьяный вечер, больше напоминает бар, где я сегодня побывал, чем "Крышу Башни".) Где тебя носило?

- В основном, на Марсе, - правдиво ответил я. - Вообще-то, я только что прилетел.

Забавно все-таки говорить такие слова в таком месте.

- Ястреб... Нет, оба, - поправились Эдна (что означало: либо она забыла, как меня зовут, либо помнит достаточно хорошо, чтобы не называть на людях по имени), - идите сюда и помогите допить отменный ликер души Алекса.

Приближаясь к ней, я сдерживал ухмылку. Скорее всего, Эдна вспомнила мою профессию и не меньше моего наслаждалась ситуацией.

По лицу Алекса было видно, что у него упал камень с души. Теперь он знает, что я - *кто-то*.

Подойдя к Льюису и Энн, Ястреб одарил их одной из своих коронных ухмылок. Они ответили призрачными улыбками. Льюис кивнул; Энн протянула руку, чтобы коснуться Ястреба, но не коснулась. Эта сцена не укрылась от глаз гостей.

Алекс отыскал ликер, о котором говорила Эдна, и вручил нам с Ястребом большие бокалы, не забыв насыпать в них льда. Затем к нему подошел молодой человек с отеками под глазами.

- Но кто же тогда противостоит нечистоплотным политикам? - обратился он к Эдне. - Как вы считаете, миссис Сайлем?

* Род бильярдной игры. (Примеч. переводчика.)

Регина Эйболафия носила платье из белого шелка. Ногти, волосы и губы - одного цвета. На груди - дорогая медная брошь. Меня всегда привлекали люди, лезущие из кожи вон, чтобы находиться в центре внимания. Прислушиваясь к разговору, она вертела в ладонях бокал.

- Я противостою, - ответила Эдна с категоричностью, свойственной только Певцам. - Ястреб противостоит. А еще Льюис и Энн. Никого у вас больше нет.

Затем смех Ястреба разорвал нить разговора.

Мы обернулись. Он сидел у края крыши, сложив ноги по-турецки.

- Смотрите, - прошептал он.

Мы посмотрели в ту сторону, куда указывал его взгляд. Льюис и Энн стояли совершенно неподвижно. У обоих были закрыты глаза, у Льюиса слегка приоткрыт рот.

- О! - тихо воскликнул кто-то. - Они сейчас...

Я внимательно следил за Ястребом, ибо ни разу не видел, как Певец реагирует на выступление других Певцов. Он сдвинул ступни, ухватился за большие пальцы ног и наклонился вперед. На шее выступили синие вены, под расстегнувшимся воротом куртки виднелись края двух зарубцевавшихся язв. Никто их, наверное, не замечал, кроме меня.

На лице Эдны угадывались гордость за друзей и предвкушение удовольствия. Алекс, который нажимал кнопку автобара, требуя еще льда (подумать только - прибавочный труд стал для знати средством выставять себя напоказ! Вот они, плоды автоматизации!), взглянул на молодую пару и оставил агрегат в покое. Налетел ветерок (не знаю, искусственный или настоящий) и деревья шепнули нам: "Тсс!"

Льюис и Энн запели. Сначала по одному, потом дуэтом, затем снова поодиночке.

Певцы - это люди, рассказывающие другим о том, что видели. Певцами их делает умение заставить себя слушать. Доступнее объяснить я не могу, это и так сверхупрощение. Однажды в Рио-де-Жанейро восьмидесятилетний Эль Пассадо увидел, как рухнул целый квартал многоквартирных домов, после чего выбежал на Авенида дель Сол и пустился в импровизацию. В его песне были ритм и рифма (ничего удивительного - в португальском языке масса рифмующихся слов); по пыльным щекам старика струились слезы, а голос гулко бился о пальмы, растущие вдоль залитой солнцем улицы. Сотни людей остановились послушать; вскоре к ним присоединились еще сотни и сотни, и многим сотням рассказали они о песне Эль Пассадо. Через три часа на месте происшествия собралась огромная толпа с одеялами, едой, лопатами и (что самое главное) желанием сплотиться в работоспособный коллектив. Никакой репортаж по стереовидению из района бедствия не вызвал бы подобной реакции. Эль Пассадо считается первым Певцом в истории. Вторым была Мириам из Люкса, города под куполом. Тридцать лет, бродя по мошненным металлом улицам, пела она славу Кольцам Сатурна, на которые нельзя смотреть неза-

щищенными глазами из-за сильного ультрафиолетового излучения. Но Мириам, страдавшая необычной разновидностью катаракты, ежедневно выходила из города, любовалась Кольцами и возвращалась, чтобы спеть об увиденном. Все бы ничего, но в те дни, когда она не пела по причине болезни или отъезда (однажды Мириам пригласили в другой город, куда докатилась ее слава), падал курс акций Люкса и подсакивала кривая преступности. Объяснить эту взаимосвязь не мог никто. Колонистам оставалось только одно: присвоить ей титул Певца.

Отчего же возникло сообщество Певцов, почему они появились практически во всех крупных городах Солнечной системы? Некоторые считают это спонтанной реакцией на воздействие вездесущих средств массовой информации. От радио, газет и стереовидения просто некуда стало деться: они отучили людей самостоятельно оценивать события. (В самом деле, кто сейчас ходит на спортивные состязания или политические собрания без миниатюрного приемника в ухе, дабы не усомниться в том, что происходящее у него на глазах — не плод воображения?)

Раньше Певцом мог назваться любой желающий, а от публики зависело: признать его таковым или поднять на смех. Затем сама собой установилась неофициальная квота, и теперь, если возникает вакансия, Певцы сами решают, кого им принять в свои ряды. Кандидату, помимо поэтического и актерского талантов, необходимо обаяние, чтобы не пропасть в паузине общественного мнения, куда немедленно попадает новоизбранный. Ястреб, прежде чем стать Певцом, приобрел некоторую известность благодаря книге стихов, которую опубликовал в возрасте пятнадцати лет. Он гастролировал, читал стихи в университетах, но к моменту нашего знакомства в Центральном парке (я тогда гостил в городе тридцатый день; в Центральной библиотеке можно найти просто потрясающие книги) еще не успел прославиться и был весьма удивлен тем, что мне знакомо его имя. Ястребу только-только стукнуло шестнадцать, а через четыре дня ему предстояло стать Певцом (о чем его уже предупредили). Мы до утренней зари просидели на берегу озера, и Ястреб маялся, не зная, соглашаться или нет — ведь что ни говори, Певцу не столько нужен талант стихотворца, сколько актера. Но в списке его будущих коллег числились портовый грузчик, двое университетских профессоров, наследница миллионов Силитакса и как минимум две личности с весьма сомнительным прошлым, которое даже падкая на сенсации Рекламная Машина согласилась не освещать. Каким бы ни было происхождение "живых легенд", все они пели. Пели о любви, смерти, смене времен года, общественных классах, правительствах и дворцовой страже. Пели перед большими и малыми толпами, пели для одинокого портового грузчика, бредущего домой, пели на улочках трущоб, в лимузинах членов аристократических клубов, в вагонах пассажирских поездов, в прекрасных садах на крышах Двенадцати Башен; пели на званых вечерах Алексиса Спиннеля. Но воспроизведение их песен с

помощью технических средств (в том числе публикация текстов) запрещено законом, а я уважаю закон, насколько это может позволить моя профессия, и потому вместо текста песни Льюиса и Энн предлагаю вам вышеизложенное.

Певцы умолкли, открыли глаза и огляделись. На лицах у них - не то смущение, не то высокомерие.

Ястреб взирал на друзей с восторгом, Эдна вежливо улыбалась. Мои губы расплылись в улыбке, от которой невозможно удержаться, когда ты тронут до глубины души и испытал огромное удовольствие. Да, Льюис и Энн спели потрясающе.

К Алексу вернулось дыхание. Окинув гостей гордым взглядом, он нажал кнопку. Автобар загудел, кроша лед. Никто не аплодировал, одобрение выражалось лишь кивками и перешептыванием. Регина Эйболафия подошла к Льюису и что-то сказала. Я наострил уши, но в этот момент Алекс ткнулся в мой локоть бокалом.

- Ой, простите...

Я взял саквояж в другую руку и, улыбаясь, принял бокал. Сенатор Эйболафия вернулась на прежнее место, а Певцы взялись за руки и застенчиво посмотрели друг на друга. И сели.

Гости разбрелись по роще и саду. Я стоял в одиночестве среди деревьев на сухом каменистом дне пруда и слушал музыку: канон а де Лассуса в двух частях, введенный в программу аудиогенераторов. (Помните, в последнем номере одного из литературно-художественных журналов утверждалось, что иначе невозможно избавиться от ощущения тактовых черт, которое выработалось у музыкантов за последние пять столетий?) Внизу, под пластмассовой кровлей, переплетались и вытягивались светящиеся линии сложного рисунка.

- Прошу прощения...

Я обернулся и увидел Алекса. На сей раз у него не было ни бокала со спиртным, ни представления, куда девать руки. Он нервничал.

- Наш общий друг намекнул, что вы... можете мне кое-что предложить.

Я поднял было саквояж, но ладонь Алекса оторвалась от уха (куда переместилась, коснувшись пояса, воротника и прически) и сделала предостерегающий жест. Ох уж мне эти нувориши...

- Не затрудняйтесь, мне ни к чему пока смотреть. Думаю, будет лучше, если я вообще останусь в стороне. Я бы охотно приобрел ваши вещи, если Ястреб не переусердствовал, расхваливая их, но теперь ими заинтересовался один из моих гостей.

Слова Алекса показались мне странными.

- Я знаю, вам это кажется странным, - продолжал он, - но, думаю, мое предложение покажется вам любопытным, поскольку сулит немалую выгоду. Видите ли, я коллекционирую оригинальные жанровые картины и мог бы предложить за ваш товар цену вещей, которые получил бы за него в обмен, то есть, цену картин. А поскольку ваш

товар - особого свойства, мне бы пришлось предельно сузить круг лиц, с которыми можно договориться насчет обмена.

Я кивнул.

- Зато у моего гостя не возникнет подобных проблем.

- Вы не могли бы назвать его имя?

- Я спросил у Ястреба, кто вы такой. Он убедил меня, что задавать подобные вопросы крайне неблагоразумно. Пожалуй, столь же неблагоразумно называть имя моего гостя. - Он улыбнулся и добавил со значением: - А благоразумие - это топливо, на котором работает социальная машина. Не правда ли, мистер Харви Кодвэйлитер-Эриксон?

Я никогда не был Харви Кодвэйлитер-Эриксоном, но Ястреб слыл великим выдумщиком. Тут мне в голову пришла еще одна мысль, а именно: Кодвэйлитер-Эриксоны - семья вольфрамовых магнатов, живущая в Титисе на Тритоне. Да, недаром газеты и журналы хвалят моего приятеля за изобретательность.

- Надеюсь, вы все-таки забудете еще раз о благоразумии и откроете, кто ваш таинственный гость.

- Так и быть, - уступил Алекс с улыбкой кота, закусившего канарейкой. - Мы с Ястребом сошлись во мнении, что наибольший интерес ваши вещи, - он указал на саквояж, - должны вызвать у Ястреба.

Я сдвинул брови к переносице. В голову полезли тревожные мысли, которые я выскажу чуть позже.

- У Ястреба?

Алекс кивнул.

- Вы не попросите нашего общего друга подойти сюда?

- Отчего же. - Алекс поклонился и отошел. Примерно через минуту появился Ястреб. Увидев мое хмурое лицо, он перестал улыбаться.

- М-м-м-м... - начал я.

Он вопросительно склонил голову набок. Я потер подбородок суставом согнутого пальца.

- Скажи-ка, Ястреб, ты слышал о Специальных службах?

- Вроде бы.

- Дело в том, что эти службы очень мною заинтересовались.

- Ну да? - В зеленых глазах мелькнуло неподдельное изумление. - Это плохо. Говорят, там не дураки сидят.

- М-м-м-м... - повторил я.

- Как тебе это нравится: мой тезка сегодня здесь. Ты знаешь?

- Алекс ни словом об этом не обмолвился. А что здесь нужно Ястребу, как ты думаешь?

- Наверное, он хочет найти общий язык с Эйболафией. Завтра она начинает расследование.

- Вот оно что! - Снова - тревожные мысли. - Тебе знакомо имя Мод Хинкль?

Его озадаченный взгляд достаточно убедительно ответил: нет.

- Она из этой таинственной организации. Важная персона, судя по ее словам.

- Ну да?

- Незадолго до того, как мы с тобой встретились, она дала мне интервью. Намекала на какие-то вертолеты и каких-то ястребов. Потом она ушла, и появился ты. Сначала я решил, что в баре ты оказался случайно, но теперь мне так не кажется. - Я укоризненно покачал головой. - Знаешь, внезапно я попал в параноидальный мир, где стены имеют не только уши, но и глаза, а может, и длинные, когтистые лапы. Любой из тех, кто меня окружает - в том числе и ты - может оказаться шпионом. Такое чувство, будто за каждым кустом прячется легавый с биноклем, пулеметом или чем похуже. Одного я понять не могу. Пусть эти службы коварны, вездесущи и всемогущи, но все-таки, как им удалось втянуть в это дело тебя? Почему ты согласился на роль приманки?

- Прекрати! - Он возмущенно потрянул шевелюрой. - Никакая я не приманка.

- Быть может, ты сам этого не осознаешь. Но у Специальных служб есть так называемое "хранилище голографической информации", их методы изощренны и жестоки...

- Прекрати, я сказал! - У Ястреба исказилось лицо, как в тот момент, когда Алекс предложил ему снять куртку. - Неужели ты способен допустить, что... - Тут он, похоже, понял, что я испуган не на шутку. - Слушай, Ястреб не какой-нибудь карманник. В отличие от тебя, в параноидальном мире он не наездами - он в нем живет. Раз он здесь, можешь не сомневаться, что у него кругом не меньше собственных ушей, глаз и когтей, чем у Мод Хикенлупер.

- Хинкль, - поправил я.

- Какая разница? Ни один Певец... Слушай, неужели ты всерьез решил, что я...

- Да, - ответил я, хоть и знал, что мои слова сдирают коросту с его язв.

- Ты для меня однажды кое-что сделал, и я...

- Я добавил тебе несколько рубцов, только и всего, - хмуро возразил я.

Вот и все. Струпья содраны.

- Ястреб, покажи, - попросил я.

Он глубоко вздохнул, затем расстегнул медные пуговицы. Полы куртки распахнулись. Светящийся внизу рисунок расцветил его грудь пастельными тонами.

У меня стянуло кожу на лице. Я не отвел взгляда, но с присвистом вздохнул, чего тоже не следовало делать.

Он посмотрел мне в глаза.

- Больше чем тогда, верно?

- Ты решил себя угробить?

Он пожал плечами.

- Даже не знаю, какие из них - старые, какие - новые. - Он опустил голову и устоялся на грудь.

- Пойдем, - резко произнес я.

Ястреб трижды глубоко вздохнул. С каждым вздохом (я это ясно

видел) ему все больше становилось не по себе, и наконец его пальцы потянулись к нижней пуговице.

- Зачем ты это делаешь? - Я хотел, чтобы в голосе не звучало отчаяния - и перестарался. В голосе вообще ничего не прозвучало. Унылая пустота.

Он пожал плечами, видя, что я не желаю унылой пустоты. На миг в зеленых глазах вспыхнул гнев. Этого я тоже не желал. Поэтому он сказал:

- Знаешь, человек так устроен: коснешься его - мягко, нежно, любовно - и в мозг поступает информация о прикосновении, как о чем-то приятном. А мой мозг почему-то воспринимает все наоборот...

Я покачал головой.

- Ты - Певец. Певцы должны быть не такими, как все, но...

Теперь Ястреб потряс головой. Снова в его глазах мелькнул гнев, и снова исказились черты лица, реагируя на боль - впрочем, сразу утихшую. Он опять опустил взгляд на шуплую грудь, покрытую язвами.

- Застегнись, дружище. Прости, если что не так.

- Ты в самом деле считаешь, что я связался с легавыми?

- Застегнись, - повторил я.

Он застегнулся и сказал:

- Между прочим, уже полночь.

- Ну и что?

- Эда только что сказала мне Слово.

- Какое?

- Агат.

Я кивнул. Он застегнул воротник и спросил:

- О чем ты думаешь?

- О коровах.

- О коровах? - удивился Ястреб. - А что о них думать?

- Ты был когда-нибудь на молочной ферме?

Он отрицательно покачал головой.

- Для повышения удойности у коров заторможена жизнедеятельность. Это практически полутрупы. Они лежат в стальных ящиках, а в пищеводы по шлангам, разветвляющимся на тонкие трубки, поступает из огромного резервуара питательный раствор.

- Я видел на картинках.

- Сейчас ты сказал мне Слово, и теперь оно пойдет дальше, как питательный раствор по шлангам. От меня - к другим. от других - к третьим, и так - до завтрашней полуночи.

- Я схожу за...

- Ястреб!

Он оглянулся.

- Что?

- Насколько я понял, ты не считаешь, что я стану жертвой таинственных сил, которые любят играть с людьми в кошки-мышки. Что ж, интересно было узнать твоё мнение. Но даю слово: как только я из-

бавлюсь от этого, - я похлопал по саквояжу, - ты увидишь фокус с исчезновением, какого ни разу в жизни не видел.

Чело Ястреба прорезали две глубокие складки.

- А ты уверен, что я не видел этого фокуса?

- Если честно - не уверен. - Наконец-то я позволил себе ухмыльнуться.

Я поднял глаза на пятнышки лунного света, мелькавшие среди листьев.

Потом опустил взгляд на саквояж.

Между валунами по колено в высокой траве стоял Ястреб. На нем был серый вечерний костюм и серый свитер с высоким воротом. Лицо - будто высечено из камня.

- Мистер Кодвэйлитер-Эриксон?

Я пожал протянутую ладонь - острые мелкие косточки в дряблой коже.

- А вы, если не ошибаюсь...

- Арти.

- Арти Ястреб. - Не знаю, укрылся ли от него беглый осмотр, которому я подверг серый наряд.

Он улыбнулся.

- Да, Арти. Я приобрел это прозвище, будучи моложе нашего общего друга. Алекс сказал, что у вас есть... скажем так: вещи, которые не совсем ваши. То есть, по закону вам не принадлежащие.

Я кивнул.

- Нельзя ли взглянуть?

- А вас предупредили, что...

Его нетерпеливый жест не дал мне закончить фразу.

- Все в порядке, показывайте.

Он протянул руку, улыбаясь - точь-в-точь банковский служащий, предлагающий клиенту сделать вклад.

Я провел пальцем по краю саквояжа. "Тск", - шелкнул замок.

- Скажите, можно отвязаться от Специальных служб? - спросил я, разглядывая его бритый череп. - Похоже, они решили за мной поохотиться.

Череп приподнялся. Удивленное выражение сменилось усмешкой каменного истукана.

- Вот как, мистер Кодвэйлитер-Эриксон? - Он окинул меня изучающим взглядом. - Если это действительно так, не выпускайте из рук свои сокровища. Больше мне нечего вам посоветовать.

- Это будет не так-то просто сделать, если вы предложите за них подходящую цену.

- Надо полагать, я могу приобрести их за бесценок...

Замок снова произнес: "Тск".

- ...ибо, если мы не договоримся, вам придется крепко поработать головой, чтобы уйти с товаром от Специальных служб...

- Вам, видимо, случалось разок-другой от них уходить, - предположил я.

Арти кивнул с озорной ухмылкой.

- Вероятно, вам предстоит помериться силами с самой Мод. В таком случае, я должен надлежащим образом поздравить вас и выразить вам сочувствие. Люблю все делать надлежащим образом.

- Похоже, вы стреляный воробей. Я не заметил вас в толпе.

- Сейчас здесь две вечеринки, - сказал Арти. - Как вы думаете, куда исчезает Алекс через каждые пять минут?

Я приподнял бровь.

- Светящийся рисунок под камнями - это разноцветная мандала* на потолке нашего зала, - он хихикнул, - обставленного с восточной роскошью...

- ...а на двери - специальный список приглашенных, - договорил за него я.

- Регина в обоих списках. И я. А еще - малыш, Эдна, Льюис, Энн...

- И мне полагается об этом знать?

- Но ведь вы пришли с человеком, внесенным в оба списка. Я подумал... - Он умолк.

Так. Выходит, я выбрал неверный путь. Что ж, опытный лицедей, играющий роль светского льва, знает, что для правдоподобия образа необходима уверенность в своем праве на ошибки.

- А как насчет того, чтобы обменять это, - я постучал по саквою, - на информацию?

- То есть, на способ уйти от когтей Мод? - Арти отрицательно покачал головой. - Если бы я и знал этот способ, было бы непростительной глупостью выдать его вам. Да и не следует вам так дешево отдавать свои "фамильные драгоценности". Поверьте, мой друг, - он ткнул себя в грудь большим пальцем, - вы не за того принимаете Арти Ястреба. Покажите, что у вас там.

Я снова открыл саквою.

Некоторое время Ястреб рассматривал содержимое. Взял две вещицы, повертел перед глазами, положил на место и сунул руки в карманы.

- Даю шестьдесят тысяч. Настоящими кредитками.

- А как насчет информации?

- Поймите, я ничего вам не скажу. - Он улыбнулся. - Даже который час.

На планете Земля очень мало везучих воров. На других планетах и того меньше. Тяга к воровству - это, по сути дела, тяга к абсурду и безвкусице (иное дело - талант, он сродни поэтическому или актерскому, так сказать, божий дар шиворот-навыворот), но все же это тяга - такая же, как к порядку, власти или любви, и ее трудно преодолеть.

- Ладно, - сказал я.

В небе послышался слабый гул.

Глядя на меня с улыбкой, Арти сунул руку за лацкан пиджака и

* Графический символ мироздания, характерный для многих направлений буддизма. (Примеч. переводчика.)

достал пригоршню кредиток, каждая достоинством в десять тысяч. Взял из горсти одну, другую, третью, четвертую...

- Эти деньги можно безо всякого риска положить в банк.

- Как вы думаете, почему Мод заинтересовалась мной?

...пятую, шестую.

- Отлично, - сказал я.

- Может, уступите саквояж? - спросил Арти.

- Попросите у Алекса бумажный пакет. Могу, если хотите, послать их поч...

- Давайте сюда.

Гул нарастал.

Я протянул раскрытый саквояж, Арти запустил в него обе пятерни. Переложив товар в карманы пиджака и брюк. Оглянувшись налево-направо, сказал: "Спасибо", повернулся и пошел прочь, унося в оттопыренных карманах вещи, которые теперь *не принадлежали* ему.

Я задрал голову, пытаюсь разглядеть сквозь листву источник шума, затем поставил саквояж на траву и открыл потайное отделение, где хранились вещи, принадлежащие мне по праву.

Алекс протянул бокал джентльмену с отеками под глазами. Тот спросил:

- Скажите, вы не видели миссис Сайлем? А что это за шум?

В этот миг из-за деревьев появилась дородная женщина в платье из "исчезающей материи". Она визжала, вонзив сквозь вуаль в лицо растопыренные, униженные перстнями пальцы.

- О Господи! Кто это? - пролепетал Алекс, проливая содовую на рукав.

- Нет! - крикнула дородная женщина. - Нет! Нет! Помогите!

- Неужели не узнаете? - шепнул Ястреб кому-то из гостей. - Это Хенриетта, графиня Эффингем.

Алекс услышал эти слова и бросился на помощь графине. Но та уже протиснулась между двумя кактусами и исчезла в высокой траве. Гости всей толпой помчались за ней следом. Пока они ломали кустарник, рядом с Алексом появился лысеющий джентльмен в черном смокинге и галстук-бабочке. Он деловито кашлянул и с тревогой в голосе произнес:

- Мистер Спиннель, моя мама...

- Кто вы такой? - воскликнул ошеломленный и испуганный Алекс.

Джентльмен выпятил грудь, представился: "Достопочтенный Клемент Эффингем" и хлопнул штанинами, желая, видимо, шелкнуть каблуками. Но в тот же миг горделивое выражение исчезло с его лица.

- Ох, мистер Спиннель, моя бедная мамочка... Мы были внизу, на другой вечеринке, вдруг она так разволновалась... и бросилась сюда. Я ей кричу: мамочка, не надо, мистер Спиннель будет недоволен! Но она... Вы должны ей помочь!

Он посмотрел вверх. И все кругом подняли головы. Луну затмил

черный силуэт вертолета с двумя зонтиками вращающихся лопастей. Вертолет снижался.

- Я вас умоляю! - настаивал джентльмен. - Надо ее найти, наверное, она заблудилась. - Он бросился на поиски графини. Остальные разбежались в разные стороны.

Гул внезапно перешел в треск; на ветки и камни посыпались осколки прозрачного пластика...

Я забрался в лифт и нажал на край саквояжа. Секундой позже между створками проскочил Ястреб. Электрический глаз тотчас послал сигнал механизму раздвижения дверей, но я заставил их закрыться, ударив кулаком по соответствующей кнопке.

Парнишку мотнуло вправо-влево, стукнуло о стены, но он сразу восстановил равновесие и дыхание.

- Слушай, а кто на вертолете? Полиция?

- Похоже, Мед решила скрутить меня собственноручно. - Я сорвал с виска клоч седых волос и отправил его в саквояж, где уже лежали перчатки из пластиковой кожи (морщины, толстые синие вены, длинные ногти цвета сердолика - руки Хенриетты) и шифоновое сари.

Потом - рывок, и кабина остановилась. Разъехались створки дверей. К тому времени я успел лишь наполовину избавиться от маски достопочтенного Клема.

В лифт шагнул серый-пресерый Ястреб. Лицо его ровным счетом ничего не выражало. За его спиной я мельком увидел роскошный восточный павильон со светящейся цветной мандалой на потолке и танцующие пары. Арти показал подбородком на кнопку "Закрытие дверей", после чего устремил на меня загадочный взгляд.

Я вздохнул и поспешил избавиться от последних черт Клемента.

- Там полиция? - повторил Ястреб.

- Похоже на то, - произнес я, застегивая брюки. - Арти, вы вроде бы огорчены не меньше, чем Алекс. - Кабина вздрогнула и помчалась вниз. Я стащил с себя смокинг, вывернул рукава наизнанку, снял белую накрахмаленную манишку и черный галстук-бабочку, положил галстук и манишку в саквояж, взял смокинг за манжету и, встряхнув, превратил его в серую, вышитую "елочкой" накидку Ховарда Калвина Эвингстона.

Ястреб следил за моими манипуляциями, удивленно поднимая куцые брови. Я снял плешивый парик Клемента и потряхнул шевелюрой. У Ховарда, как и у Хэнка, волосы рыжие, но не такие курчавые.

- Я вижу, вы уже выложили из карманов те вещички, - заметил я.

- Вы правы, я позаботился о них, - сухо подтвердил Ястреб. - Все в порядке.

- Арти, - произнес я нагловатым баритоном Ховарда, - вы можете упрекнуть меня в чрезмерном самомнении, но мне кажется, Регулярные службы нагрянули сюда исключительно по мою душу...

- Они не слишком огорчатся, если спапят и меня, - прорычал Ястреб.

А другой Ястреб сказал из угла кабины:

- Арти, говорят, вы шагу не ступаете без охраны.

- Ну и что?

- У тебя только одна возможность выбраться отсюда, - прошептал Ястреб мне на ухо. Куртка растегнулась на нем до середины, открыв изувеченную грудь. - Вместе с Арти.

- Блестящая мысль, - заключил я. - Арти, хотите за услугу тысячку-другую?

- Ничего мне от вас не нужно. - Ястреб повернулся к Ястребу. - Зато нужно кое-что от тебя. Видишь ли, малыш, я не ждал встречи с Мод и не успел подготовиться. Если хочешь, чтобы я помог выбраться твоему дружку, выполни мою просьбу.

На лице мальчишки - недоумение. На физиономии Ястреба - самодовольство (возможно, мне это показалось), сразу сменившееся озабоченностью.

- Надо привлечь в вестибюль побольше народу, и побыстрее.

Я хотел было спросить "зачем?", но вспомнил, что не знаю, каковы возможности у его охраны. Я решил спросить "как?", но тут под ногами вздрогнул пол и открылись двери.

- Если не сумеешь, - прорычал Ястреб Ястребу, - никто из нас не выйдет отсюда! Никто!

Я до последней минуты не догадывался, на что решился мальчишка. Едва я двинулся за ним следом, Ястреб схватил меня за руку и прошипел:

- Стой на месте, идиот!

Я шагнул назад. Арти нажал на кнопку "Дверь открыта".

Ястреб подбежал к бассейну, нырнул, добрался вбалабаш до шпалеры и полез вверх. И там, наверху, под громадной пылающей чашей, что-то сделал, отчего чаша накренилась с громким металлическим щелчком и в воду потекла бесцветная жидкость.

А потом в бассейн метнулся огонь.

А за ним - черная стрела с золотистым наконечником. Ястреб.

Я до крови закусил щеку. Завыла пожарная сирена. По синему ковру к бассейну бежали четверо в форме. С другой стороны донесся женский вопль. Я не дышал, всем сердцем надеясь, что ковер, стены и потолок сделаны из невоспламеняющихся материалов.

Ястреб вынырнул на краю бассейна, на единственном участке, не охваченном огнем, выбрался на ковер и покатился, прижимая ладони к лицу. Потом встал.

Из лифта рядом с нами вышла группа людей. Увидев Ястреба, они захохали, заголосили. От дверей к бассейну мчались пожарные. Сирена не умолкала.

Ястреб стоял спиной к огню. С грязных черных штанов капала и впитывалась в ковер вода. Пламя превращало капли воды на щеках и волосах Певца в сверкающую медь и кровь.

Он ударил кулаками по мокрому ляжку, набрал полную грудь воздуха и запел.

Два человека попятились и скрылись в кабинках лифтов. С улицы в

вестибюль вошло человек шесть. Кабины вскоре вернулись, каждая привезла дюжину пассажиров. В мгновение ока по всему зданию пронеслась весть, что внизу поет Певец.

Вестибюль быстро заполнялся народом. Ревело пламя, мельтешили вокруг бассейна пожарные, а Ястреб стоял на синем ковре, широко расставив ноги, и пел. В песне звучал ритм Таймс-сквер, кишашей ворами, морфинистами, хулиганами, пьяницами, старыми шлюхами, способными обольстить разве что оборванца, ритм драки, в которой нынче очень не поздоровилось одному старику.

Арти потянул меня за рукав.

- В чем...

- Пошли, - прошипел он.

За нами закрылась дверь лифта.

Мы торопливо побрели сквозь толпу зачарованных слушателей, то и дело останавливаясь, чтобы оглянуться и послушать. Признаюсь, я не смог должным образом оценить пение Ястреба - меня отвлекала тревожная мысль, не подведет ли Арти его охрана.

Стоя возле парочки в купальных халатах, шутившейся на огонь, я предположил, что замысел Арти очень прост: переместиться к двери, прячась в толпе. Для чего он и велел Ястребу собрать побольше народу.

Но у выхода стояли полицейские из Регулярной службы. Впрочем, вряд ли они имели отношение к тому, что происходило наверху - очевидно, их привлек с улицы огонь и остановило в дверях пение Ястреба. Когда Арти со словами "прошу прощения" похлопал одного из них по плечу, давая понять, что хочет пройти, тот обернулся, отвел взгляд и снова, на этот раз подозрительно, уставился на него. Но другой легавый взял не в меру бдительного приятеля за руку и цыкнул на него, после чего они снова застыли, глядя на Певца. Когда в груди моей утихло землетрясение, я подумал, что у Ястреба разветвленная агентурная сеть, и гадать, как она действует, не стоит - еще параноиком станешь.

Арти отворил последнюю стеклянную дверь.

Из помещения с воздушным кондиционированием мы вышли в ночь.

Сбежали по пандусу.

- Послушайте, Арти...

- Идите направо. - Он показал направо. - Я пойду налево.

- А... куда я приду? - Я вытянул руку в направлении, предназначенном мне.

- На станцию метро "Двенадцать Башен". Побыстрее уносите отсюда ноги, мой вам совет. Время еще есть, но чем раньше вы сядете в поезд, тем больше у вас шансов. Все. Прощайте. - Он сунул кулаки в карманы и торопливо зашагал по улице.

Я пошел вдоль стены в противоположную сторону, ожидая выстрела духового ружья из проезжающей машины или луча смерти из кустов. Но обошлось - я без приключений добрался до метро.

За Агатом наступил Малахит.

За ним Турмалин.

За ним Берилл. В этом месяце мне исполнилось двадцать шесть.

За Бериллом - Порфир.

За ним Сапфир. В начале месяца я вложил десять тысяч в "Глетчер", совершенно легальный дворец мороженого на Тритоне (первый и единственный дворец мороженого на Тритоне) - и он сразу принес баснословную прибыль (каждый пайщик получил восемьсот процентов дохода, хотите верьте, хотите нет). За две недели я сдуру потерял половину вырученного, но "Глетчер" не дал мне впасть в тоску и миглом покрыл все убытки. А там и новое Слово подоспело -

Киноварь.

Потом - Бирюза.

За ней - Тигровый Глаз. Эти три месяца Хектор Колхаун Эйзенхауэр, наконец-то остепенившийся, посвятил тому, чтобы стать респектабельным представителем верхней половины среднего слоя нижнего класса. Пришлось изучить бухгалтерское дело, корпоративное законодательство и тому подобное. Все это было совсем не просто, но ведь я не боюсь трудностей. Я добился успеха, применяя любимое правило: сначала - внимательное наблюдение, потом - точное подражание.

За Тигровым Глазом пришел Гранат.

За ним - Топаз. Я прошептал это Слово на крыше Транссателлитовой Энергостанции, дав сигнал наемникам убить двух человек. Вы слышали об этом случае? А я совершенно ничего не слышал.

За Топазом - Таффеит. Месяц был на исходе. Я нзходилсЯ на Тритоне (исключительно по делам, связанным с "Глетчером"). Утро выдалось чудесное, дела шли как нельзя лучше. Решив денек отдохнуть, я отправился на экскурсию в Поток.

- ...высоте двести тридцать ярдов, - сообщил экскурсовод, и все мы, туристы, облокотясь на поручень, воззрились сквозь пластмассовую стену на глыбы замерзшего метана, дрейфующие в холодном зеленом свечении Нептуна.

- Леди и джентльмены, всего в нескольких ярдах от подвесной дороги вы видите Колодец Этого Мира, где не изученные по сей день силы вызывают таяние потока твердого метана сечением двадцать пять квадратных миль. Частица жидкости за два часа проходит расстояние, дважды превышающее глубину знаменитого Большого Каньона, после чего температура снова падает до...

Неторопливо шагая по длинному прозрачному коридору, я увидел ее улыбку. В тот день у меня были прямые черные волосы и каштановая кожа. Я не сомневался, что узнать меня невозможно, и осмелился остановиться рядом с ней.

Признаюсь, она застала меня врасплох, когда резко обернулась и холодно произнесла:

- Простите; вы, случаем, не Херкьюлиз Калибан Энobarбус?

Спасибо старым рефлексам - они позволили скрыть изумление и

испуг за снисходительной улыбкой. "Прошу прощения, но вы, похоже, ошиблись..." Нет, на самом деле я сказал другое:

- Мод, вы пришли сообщить, что настал мой час?

На ней было платье в синих тонах, на плече - огромная синяя брошь, вероятно, стеклянная. Почему-то мне показалось, что в этом платье Мод гораздо меньше бросается в глаза, чем я в своем прикиде.

- Нет, - ответила она. - Вообще-то, я сейчас отдыхаю. Как и вы.

- Вы не шутите? - Мы отстали от толпы. - Нет, наверное, шутите.

- Успокойтесь. На Тритон не распространяется юрисдикция Специальных служб Земли. Поскольку вы прибыли сюда с деньгами и большую часть доходов получаете от "Глетчера", у Специальных служб нет к вам претензий. Правда, Регулярные службы только и ждут, чтобы вы дали им повод для ареста. - Она улыбнулась. - Мне еще не довелось побывать у вас в "Глетчере". Вот бы похвастать на Земле, что меня пригласил туда один из его владельцев. Как вы считаете, не выпить ли нам содовой?

Величественный водоворот - Колодец Этого Мира - умчался вдаль, в опаловое сияние. Изумленные туристы загалдели, и экскурсовод принялся объяснять что-то насчет коэффициентов преломления и углов наклона.

- Похоже, вы мне не верите, - сказала Мод.

Мой взгляд подтвердил правильность ее догадки.

- Вы занимались когда-нибудь наркобизнесом?

Я насунил брови.

- Нет, я серьезно. Попробую объяснить... Видите ли, правдивый ответ на этот вопрос может кое-что прояснить для нас обоих.

- Косвенно, - ответил я. - Уверен, что в ваших досье найдется правдивый ответ на любой вопрос.

- А я занималась наркобизнесом несколько лет, и отнюдь не косвенно. До поступления в Специальные службы я работала в Регулярных, в отделе по борьбе с наркоманией, и круглые сутки имела дело с наркоманами и торговцами. Чтобы брать крупных торговцев, нам приходилось дружить с мелюзгой. Чтобы брать крупнейших, мы дружили с крупными. Мы говорили на их языке, месяцами жили на тех же улицах, в тех же домах, что и они, спали и бодрствовали в те же часы, что и они. - Мод отошла от перил, пропуская юношу-туриста. - Мне дважды приходилось ложиться в наркологическую клинику, а ведь мой послужной список был получше, чем у многих.

- К чему вы клоните?

- Вот к чему. Мы с вами движемся по одной орбите только потому, что уважаем свои профессии. Вы бы поразились, узнав, сколько у нас общих знакомых. Не удивляйтесь, если однажды мы с вами столкнемся на Беллоне посреди Державной Площади, а через две недели встретимся в каком-нибудь ресторане Люкса. Да, у нас с вами одна орбита, и она не так уж велика.

- Пойдемте в "Глетчер". - Кажется, это прозвучало не так бодро, как мне хотелось. - Угощу вас мороженым.

Мы двинулись к выходу из коридора, держась за перила.

- Видите ли, - продолжала Мод, - если вы сумеете достаточно долго не попадаться земным и местным Специальным службам, может наступить время - пусть не завтра и не послезавтра, а через несколько лет, - когда кривая роста ваших огромных доходов станет пологой. Такое в принципе возможно. Как только это случится, Специальные службы потеряют к вам интерес. Так что нам незачем считать друг друга врагами. Думаю, нам даже стоит иногда встречаться, оказывать друг другу услуги. Ведь мы располагаем огромными запасами информации и могли бы кое-чем вам помочь.

- Опять эти байки насчет голограмм?

Мод пожала плечами. В бледном сиянии планеты ее лицо казалось призрачным. Когда мы вошли в город и естественный свет сменился искусственным, она сказала:

- Между прочим, недавно я встретила ваших друзей, Льюиса и Энн.

- Певцов?

Она кивнула.

- Вообще-то, я с ними почти не знаком.

- Да? В таком случае, они о вас наслышаны. Может быть, от третьего Певца? От Ястреба?

- Они ничего о нем не рассказывали?

- Два месяца назад я прочла в газете, что он выздоровел. Что с ним стало с тех пор - не знаю.

- У меня примерно те же сведения.

- Я встречалась с ним один-единственный раз, - сказала Мод. - Когда вытащила его из бассейна.

Ястреб еще пел, когда мы с Арти выходили из здания. На другой день я узнал из газеты, что, допев до конца, он сбросил куртку и брюки и снова прыгнул в бассейн. Ястреб получил ожог третьей степени - семидесятипроцентное поражение кожи. Я изо всех сил старался не думать об этом.

- Вы его вытащили?

- Да. Я была в том вертолете. Думаю, тогда наша встреча произвела бы на вас неизгладимое впечатление.

- Возможно. А как получилось, что вам пришлось его вытаскивать?

- Как только вы устремились в выходу, охрана Арти заклинила кабины лифтов на семьдесят первом этаже, и мы опоздали в вестибюль. А когда спустились, Ястреб попытался...

- Вы сами его спасли? Своими руками?

- Да. Дело в том, что пожарные лет двадцать не видели настоящего пожара и совершенно разучились работать. Я велела своим парням заполнить бассейн пеной, потом забралась туда и вытащила мальчишку...

- Вот как? - сказал я. С того дня прошло одиннадцать месяцев. Я трудился в поте лица и добился неплохих результатов. К тому же, ме-

ня не было в вестибюле, когда случилось то, о чем рассказывала Мод. Меня это не касалось.

- Мы надеялись, что он скажет, где вас искать. Но когда я вытащила его на ковер, он был без сознания, все тело - ужасная кровоточащая...

- Мне бы следовало знать, что Специальные службы пользуются услугами Певцов, - сказал я. - Как ими пользуются все, кому не лень. Кстати, сегодня меняется Слово. Льюис и Энн, случаем, не назвали вам новое?

- Я видела их вчера, восемь часов назад, и с тех пор Слово еще не изменилось. Да они бы мне его и не назвали. - Она посмотрела на меня и нахмурилась. - Можете мне поверить.

- Давайте выпьем содовой, - предложил я. - Выпьем и поговорим о том о сем, как старые друзья. Вы послушаете меня, в надежде, что я проговорюсь и тем самым ускорю собственный арест, а я в ваших словах попытаюсь найти лазейку, чтобы избежать ареста. Идет?

Она кивнула.

- Угу.

- Чем вы объясните нашу встречу в том баре?

Глаза у нее - словно льдинки.

- Я же сказала, у нас с вами общая орбита. Ничего удивительного в том, что однажды вечером мы оказались в одном баре.

- Короче говоря, не твое собачье дело. Так?

Мод ответила двусмысленной улыбкой. Я понял, что допытываться не стоит.

Я не возьмусь пересказывать нашу пустую болтовню. Сидя за горами взбитых сливок, увенчанных ягодами, и притворяясь, будто разговор нам не в тягость, мы порядком утомили друг друга. Сомневаясь, что кому-то из нас был прок от той беседы.

В конце концов Мод ушла. Я посидел еще немного в грустных раздумьях о черном, обугленном фениксе.

Потом стюард позвал меня на кухню и спросил насчет контрабандного молока (в "Глетчере" подают не привозное, а приготовленное здесь же мороженое), о поставке которого я договорился, будучи в последний раз на Земле (оказывается, за эти десять лет прогресс почти не коснулся молочных ферм - старого болтливого вермонтца по-прежнему легко обвести вокруг пальца), и высказал свое мнение насчет сорта "Императорское". От его трепана мне стало совсем тошно.

К вечеру собрался народ, заиграла музыка, засверкали хрустальные стены, и в зале, несмотря ни на что (при перевозке потерялся - или был украден, но не мог же я высказать такую догадку - сундук с театральными костюмами) должно было вот-вот начаться представление среди публики - наше последнее новшество. Бродя в тоске между столиками, я собственноручно поймал с полчищем маленькую патлатую грязнулю, - совершенно обалдевшую от морфия. Она пыталась стащить у посетителя карманную книжку, прячась за спинкой крес-

ла. Я схватил ее за руку и потащил к выходу, а она молча таращилась на меня и моргала. Вытолкав ее за дверь, я, разумеется, ничего не сказал посетителю. Актеры, решив: черт с ними, с костюмами, вышли в зал au naturel, и все балдели, как в старые добрые времена, а мне хотелось удавиться. Я вышел за дверь, уселся на широкие ступени и рычал, когда приходилось сторониться, чтобы пропустить входящих или выходящих. Последний, на кого я зарычал (семьдесят пятый по счету), остановился рядом со мной и прогудел:

- Я знал, что найду вас, если буду искать надлежащим образом.

Я взглянул на ладонь, что похлопывала меня по плечу, взглянул на высокий ворот черного свитера, на бритую голову и резко очерченное ухмыляющееся лицо.

- Арти? Откуда вас...

- Дружище, знаете, где я раздобыл ваш снимок? Не поверите - в здешнем отделе Специальных служб, за взятку. - Ястреб уселся рядом и положил руку мне на колено. - А у вас чудесное заведение. Мне здесь нравится, честное слово. Нравится, но недостаточно, чтобы предложить вам за него хорошую цену. Но вы растете на глазах - придет время, и я буду гордиться тем, что помог вам взобраться на первую ступеньку нашей лестницы. - Он убрал косточки с моего колена. - Если всерьез собираетесь играть по-крупному, намотайте на ус: надо одной ножкой легонько опираться на закон. Главное - стать необходимым для нужных людей. Добившись этого, способный жулик приобретет ключи ко всем сокровищам Солнечной системы. Впрочем, боюсь, я не сказал вам ничего нового.

- Арти, не кажется ли вам, что если нас здесь увидят...

Он пренебрежительно помахал ладонью.

- Никто не сможет нас сфотографировать. Тут кругом мои люди. Я не появляюсь на людях без охраны. Я слышал, вы тоже обзаводитесь охраной?

Это соответствовало действительности.

- Здравая мысль. Очень здравая. Вообще, мне нравится, как вы де-ржитесь.

- Спасибо, Арти. Знаете, что-то мне не жарко. Я вышел глотнуть свежего воздуха, и сразу - обратно.

Он снова помахал рукой.

- Не беспокойтесь, не собираюсь я здесь рассиживаться. Вы правы, ни к чему, чтобы нас видели вместе. Я просто зашел вас навестить. - Он встал и шагнул на нижнюю ступеньку.

- Арти!

Он оглянулся.

- Рано или поздно вы пожелаете приобрести мою часть "Глетчера" и вернетесь. Вам кажется, что я слишком быстро расту. А я вам не подчинюсь, так как буду считать, что вполне способен с вами справиться. Мы станем врагами. Я попытаюсь убить вас. Вы - меня.

На лице Арти - замешательство, затем - извиняющаяся улыбка.

- Вижу, вам запало в душу "хранилище голографической инфор-

мации". Что ж, вы правы - это единственный способ перехитрить Мод. Но, создавая собственное "хранилище", старайтесь не упустить ни единой мелочи. Это единственный способ перехитрить меня.

Он улыбнулся и хотел было идти, но задержался и произнес:

- Если вы сможете бороться со мной и при этом расти, если вас не подведет ваша охрана, то рано или поздно может возникнуть ситуация, когда нам выгодно будет не враждовать, а сотрудничать. Сумее-те продержаться - и мы снова станем друзьями.

- Спасибо на добром слове.

Ястреб посмотрел на часы.

- Ну, все. До свидания.

"Теперь он уйдет", - подумал я. Но Ястреб снова оглянулся.

- Вы уже знаете новое Слово?

- Да, кстати, оно же сегодня меняется. Не скажете?

Из "Глетчера" вышли посетители. Дождавшись, когда они спускаются с крыльца, Ястреб огляделся и наклонился ко мне, держа руки чашечкой у рта. Прошептал: "Пирит" и со значением подмигнул.

- Только что узнал от знакомой девицы, а та - от самой Колетт.

(Колетт - одна из трех Певцов Тритона.)

С этими словами он сбегал с крыльца и исчез в толпе пешеходов.

Я просидел на крыльце целую вечность, а потом встал и пошел по улице. Ходьба добавила к моему мерзкому настроению нарастающий ритм паранойи. На обратном пути у меня в мозгу возникла прелестная картинка: Ястреб охотится на меня, а я - на него, и в итоге мы оба оказываемся в тупике, где я, чтобы получить помощь, кричу "Пирит!". А Пирит - вовсе не Слово, и человек в черных перчатках с пистолетом/гранатой/газом, услышав его, делает свой выбор...

На углу, в свете из окна кафетерия, доламывает изувеченный автомобиль стайка оборванцев (а ля Тритон - цепи на запястьях, на щеках вытатуированы шмели, сапоги на высоких каблучках у тех, кому они оказались по карману). Среди них - малютка, которую я изгнал из "Глетчера". Она стоит, пошатываясь, с разбитой фарой в руках.

Я направился к ней.

- Эй!

Из-под грязных косм на меня уставились глаза. Не глаза - сплошные зрачки.

- Ты знаешь новое Слово?

Она почесала уже расчесанный до крови нос и ответила:

- Пирит. Уже почти час...

- Кто тебе сказал?

Она ответила после некоторых колебаний:

- Один парень. А сму - другой парень, он только что прилетел из Нью-Йорка. Услышал там Слово от Певца по прозвищу Ястреб.

- Ну, спасибо, - поблагодарил я.

Трое патлатых, что стояли поблизости, прикидывались, будто не замечают меня. Остальные явились безо всякого смущения.

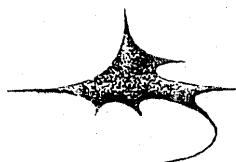
Лучшие лекарства от паранойи - это скальпель Оккама и достоверная информация о деятельности твоей охраны. Итак, все-таки Пирит. Паранойя - это, в известной степени, профессиональная болезнь. И я уверен, что Арти и Мод больны ею так же, как и я.

На куполе "Глетчера" погасли лампы. Спohватившись, я взбежал на крыльцо.

Дверь была заперта. Я стукнул в стекло раза два, но безрезультатно - все уже разошлись по домам. Вот ведь невезение! Завтра утром Хо Кхай Энг снимет бронь на каюту-люкс межпланетного лайнера "Платиновый Лебедь", который в час тридцать отправится на Беллону. За стеклянной дверью лежали парик и накладные веки, благодаря которым пасленовые глаза Хо Кхай Энга должны были стать вдвое уже. Заботливый стюард положил их на стойку под оранжевую лампу, чтобы я сразу их заметил, как приду.

Я всерьез подумывал о взломе, но в конце концов принял более трезвое решение переночевать в гостинице, а утром войти в "Глетчер" с уборщиками. Когда я повернулся и спустился с крыльца, в голову пришла мысль, от которой на глаза навернулись слезы, а губы растянулись в невеселой улыбке. Я мог уходить с легким сердцем: ведь в "Глетчере" не было вещей, которые бы мне не принадлежали...

ВАРИАНТЫ СУДЕБ

Кристофер Прист

ГОЛОВА И РУКА

Тем утром, как обычно, мы гуляли в парке. Побелевшая после ночных заморозков трава хрустела под ногами. Над головой раскинулось чистое, без единого облачка, небо; длинные голубые тени лежали на нашем пути. За ними тянулся шлейф оставляемого дыханием пара. Тишина и покой царили в парке. Мы были одни.

Утренние прогулки проходили по давно заведенному маршруту, и поэтому, добравшись до конца тропинки у подножия отлогого холма, я навалился всем телом на рычаги и приготовился развернуть кресло-коляску. Вместе с сидящим в ней хозяином коляска весит немало и доставляет мне массу хлопот, хотя я не могу назвать себя хилым.

В тот день настроение хозяина оставляло желать лучшего. Прежде чем отправиться на прогулку, он твердо заявил, что я должен довести его до заброшенной летней сторожки, но теперь, увидев мои попытки приподнять коляску, он энергично замотал головой.

- Нет, Ласкен! - сказал он раздраженно. - Сегодня мы отправляемся к озеру. Я хочу увидеть лебедей.

- Конечно, сэр, - ответил я, оставив свои потуги, и мы продолжили прерванный путь. Я ждал, пока он скажет что-нибудь еще. Обычно резкие, грубые приказы он несколько кими минутами позже смягчал более спокойным замечанием. Наши отношения были чисто деловыми, но память о годах, проведенных вместе, еще сказывалась на нашем поведении и поступках. Мы - ровесники, и вышли из одной социальной среды, но его карьера сильно изменила нас и наши отношения.

Я ждал. Наконец он обернулся и произнес:

- Парк сегодня прекрасен, Эдвард. Днем, до того, как станет жарко, мы просто обязаны прогуляться вместе с Элизабет. Смотри, какие деревья. Черные, окоченевшие...

- Да, сэр, - ответил я, разглядывая лес по правую сторону. Купив это поместье, он первым делом вырубил все вечнозеленые деревья, а остальные обрызгал какой-то дрянью, чтобы остановить их рост, но со временем деревья снова зазеленели, вынуждая хозяина проводить летние месяцы, не выходя из дому, с закрытыми наглухо ставнями и опущенными шторами. Только с приходом осени он возвращался к прогулкам на свежем воздухе и наблюдал с какой-то одержимостью,

как опадают и обреченно кружатся над землей оранжевые и бурые листья.

Обогнув опушку, мы вышли к озеру. Парк был разбит на бугристом, тянущемся до самого озера склоне. Дом стоял на самой вершине холма. В сотне метров от воды я оглянулся и увидел спешащую к нам Элизабет, подол ее длинного коричневого платья волочился по замерзшей траве.

Зная, что Тодд не может ее увидеть, я решил промолчать.

Мы остановились на берегу. За ночь озеро покрылось тонкой коркой льда.

- Лебеди, Эдвард. Где же они?

Он повернул голову и коснулся губами одного из тумблеров. Встроенные в основание коляски батареи тотчас привели в действие силовые устройства, и спинка коляски плавно скользнула вверх, перемещая Тодда в сидячее положение.

Он ворочал головой из стороны в сторону. Выражение крайнего недовольства перекосило его безбровое лицо.

- Ласкен, найди их гнезда. Я должен увидеть сегодня лебедей.

- Лед, сэр, - ответил я. - Вероятно, это заставило их покинуть озеро.

Услышав шелест шелка, скользящего по траве, я вновь обернулся. Неподалеку от нас, держа в руках конверт, стояла Элизабет. Она показала его и вопросительно посмотрела на меня. Я молча кивнул: тот самый. Слабая улыбка осветила ее лицо и тут же исчезла. Хозяин еще не знал, что она здесь. У него не было ушных раковин, и звуки он воспринимал неясно и расплывчато.

Элизабет величаво, что так нравилось Тодду, прошла мимо меня и встала перед ним. Казалось, ее появление несколько не удивило его.

- Тодд, тебе письмо, - сказала Элизабет.

- Попозже, - ответил он. - Ласкен разберется. У меня сейчас нет времени.

- Я думаю, оно от Гастона. Как будто его бумага.

- Тогда читай.

С этими словами он резко качнул головой назад, давая понять, что мне следует уйти. Я покорно отступил туда, где он вряд ли мог видеть или слышать меня.

Элизабет наклонилась и поцеловала его в губы.

- Тодд, что бы там ни было, пожалуйста, не делай этого.

- Читай.

Она надорвала конверт большим пальцем и вытащила сложенный втрое лист тонкой бумаги. Я уже знал содержание письма. Накануне Гастон прочитал мне его по телефону. Мы обговорили детали. Добиться большей цены было невозможно, даже для Тодда: возникли трудности с телевидением, а также осложнения, связанные с возможным вмешательством французского правительства.

Письмо Гастона было коротким. В нем говорилось об огромной популярности Тодда и о том, что театр Алхамбра предлагает восемь

миллионов франков за еще одно выступление. Я прислушивался к голосу Элизабет и восхищался ее спокойствием. Она предупреждала меня, что читать это письмо Тодду будет выше ее сил.

Когда она закончила, Тодд попросил прочитать еще раз. Элизабет исполнила просьбу, потом положила развернутый листок ему на колени, коснулась губами его лица и направилась к дому. Проходя мимо, она на мгновение задержала свою руку на моей. Несколько секунд я наблюдал за Элизабет, любуясь стройной фигурой, окутанной солнечным светом и орсом пышных, развевающихся на ветру волос.

Хозяин замотал головой.

- Ласкен! Ласкен!

Я подошел.

- Ты видишь?

Я поднял письмо и, повертев, сказал:

- Я немедленно отвечу Гастону. Не может быть и речи об этом.

- Нет, нет. Я должен все взвесить. Мы всегда должны все взвешивать. Слишком много поставлено на карту.

- Это невозможно, - стоял я на своем. - Ты не можешь больше выступать.

- Могу. - Я впервые слышал, чтобы он говорил таким тихим голосом. - Надо лишь найти способ.

В нескольких метрах от нас, среди тростниковых зарослей, я заметил птицу. В явном замешательстве, переваливаясь, она шлепала по льду. Отцепив один из длинных шестов, подвешенных на спинке коляски, я проковырял им небольшую полынью. Шум вспугнул птицу. Скользнув по льду, она взлетела.

Я вернулся к Тодду.

- Ну вот. Если будет хоть немного чистой воды, лебеди смогут вернуться.

Тодд был возбужден.

- Театр Алхамбра! Что же делать?

- Я поговорю с твоим адвокатом. То, что театр предлагает тебе, просто безумие. Они же прекрасно знают: ты не можешь вернуться.

- Да, но восемь миллионов франков!

- Когда-то ты сказал, что деньги не имеют для тебя значения.

- Нет, это не ради денег и не ради публики. Здесь... все сразу.

Мы оставались на берегу, пока солнце не поднялось выше. Бледные краски парка, тишина и покой немного подбодрили меня. Чистая, звенящая радость казалась противоядием этому дому и парку, с первого же дня угнетавшим меня.

Только мимолетная прелесть утра - замерзшее, хрупкое спокойствие - могла всколыхнуть во мне что-то.

Хозяин замолчал, вернул спинку коляски в горизонтальное положение и закрыл глаза. Но я знал, что он не спит.

Оставив его, я побрел вдоль берега, стараясь не спускать с коляски глаз. Меня мучил вопрос: сможет ли он отвергнуть предложение театра? Если это произойдет, сорвется грандиозное представление.

Время было выбрано как нельзя лучше. Тогда не видели четыре с половиной года. Общественность ждала, подготовленная телевидением и прессой, которые нещадно критиковали его многочисленных подражателей и требовали возвращения мастера. Все это не ускользало от внимания хозяина. Был только один Тодд Альборн, и только он мог зайти так далеко. Ему нет равных.

Все шло хорошо. Оставалось лишь добиться согласия Тодда.

Со стороны коляски донесся звук электрического клаксона. Я вернулся.

- Мне надо увидеть Элизабет.

- Ты же знаешь, что она скажет.

- Да, но я должен поговорить с ней.

Я развернул коляску. Начался длинный и трудный подъем к дому.

Не успели мы отойти на порядочное расстояние, как я увидел вдалеке белых птиц. Они летели навстречу. Я надеялся, что Тодд не заметит их.

В лесу он крутил головой из стороны в сторону. На ветках уже набухли почки, готовые лопнуть в ближайшие недели, но казалось, что он видел только голые черные сучья - застывшую геометрию сонных деревьев.

Добравшись до дома, я втащил его в кабинет и пересадил из коляски для прогулок в домашнюю, моторизованную. Остаток дня он провел с Элизабет, а мне удавалось увидеть ее, только когда она спускалась вниз за едой, которую я готовил. Тех коротких минут хватало лишь на то, чтобы обменяться взглядом, сплести на мгновение пальцы, торопливо поцеловаться. Она ничего не могла сказать о том, что решил Тодд.

Хозяин рано отправился спать. С ним ушла и Элизабет. Они не спят вместе уже лет пять, но комнаты находятся рядом.

Она долго и тщательно прислушивалась к звукам из соседней комнаты. прежде чем выбраться из постели и прийти ко мне. Мы занимались любовью, а потом, сцепив руки, лежали умиротворенно, окруженные темнотой, и тогда Элизабет тихо произнесла:

- Он сделает это. Я ни разу не видела его таким возбужденным за все эти годы.

* * *

Я познакомился с Тоддом, когда нам было по восемнадцать лет. Несмотря на то, что семьи знали друг друга, нас свел случай. Произошло это в Европе, во время каникул. Мы не сразу стали близкими друзьями, но я нашел его общество вполне приятным, и по возвращении в Англию старался не терять с ним связи.

Я не восхищался им, но и не сопротивлялся его обаянию. Он фанатично и страстно отдавался всему, за что брался, и если уж что-то начинал, остановить его было невозможно. Он имел несколько неудачных любовных интрижек, неоднократно терял большие деньги,

пытаясь начать собственное дело. В нем ощущалась какая-то разбро-
санность, бесцельность.

Разделила нас его внезапная популярность. Никто не ожидал это-
го, и меньше всех сам Тодд. Но зато уж распознав открывающиеся
возможности, он цепко ухватился за них.

Когда все началось, меня рядом не было, но вскоре мы встрети-
лись, и он поведал о том, что произошло. Я поверил, хотя его рассказ
отличался от того, что говорили другие.

В тот вечер он пьянствовал с друзьями. Один из его товарищей
здорово порезался и потерял сознание. В возникшей суматохе кто-то
поспорил с Альборном, что он не сможет добровольно нанести себе
подобное увечье.

Тодд, не долго думая, сильно полоснул ножом по предплечью и за-
брал деньги. Неизвестный предложил удвоить ставку, если Тодд ам-
путирует себе палец.

Положив левую руку на стол, Тодд отрезал указательный палец. А
несколькими минутами позже, когда незнакомец уже ушел, он отрубил
еще один. На следующий день эта история попала на телевидение, и
Тодда пригласили в студию. Во время прямой трансляции он, не обра-
щая внимания на яростные протесты ведущего, повторил операцию.

Именно последовавшая за этим реакция - шок, вызвавший у зри-
телей непреодолимое желание увидеть все снова, и истеричное осуж-
дение прессы - открыла ему огромный потенциал такого рода пред-
ставлений.

Найдя импрессарио, он отправился в турне по Европе, нанося себе
увечья перед щедро платящей публикой.

И вот тогда, наблюдая за рекламной суетой и узнавая о суммах,
которые он начал получать, я сделал попытку отстраниться от всех
его дел. Я всячески ограждал себя от связанных с ним новостей и слу-
хов и пытался не замечать его многочисленных публичных выступле-
ний. То, что делал Тодд, вызывало у меня отвращение, а его врож-
денное умение развлекать толпу раздражало еще больше.

Год спустя после нашего взаимного отчуждения мы встретились
вновь. Точнее, Тодд нашел меня, и я, как ни старался, не смог удерж-
жать дистанцию.

За это время он женился, и поначалу Элизабет вызывала у меня
только неприязнь. Мне казалось, что она любит Тодда - так же, как и
жаждущая крови публика - лишь за его одержимость. Но чем лучше
я узнавал ее, тем ярче и отчетливее она представлялась мне в роли
спасительницы мужа. Когда я понял, что она так же уязвима, как и
Тодд, то согласился работать на него. Правда, сначала я отказался по-
могать ему во время представлений, но позднее стал делать то, что
он хотел. Виной тому - Элизабет.

Когда я начал работать на Тодда, он уже был калекой. После пер-
вых выступлений некоторые из отрезанных органов удавалось при-
жить, но возможности и количество таких операций были ограни-
чены. Во время лечения Тодд не давал никаких представлений.

Левой руки ниже локтя не было, зато левая нога сохранилась почти полностью, за исключением двух пальцев. Правая нога осталась целой. Он был скальпирован и не имел одного уха. На правой руке было лишь два пальца: большой и указательный.

В таком состоянии Тодд уже не мог производить ампутации самостоятельно и, несмотря на нанимаемых для участия в шоу ассистентов, требовал, чтобы я приводил в действие гильотину. Он подписал бумагу, в которой говорилось, что я являюсь исполнителем его воли, и продолжил свою деятельность.

В течение двух лет все так и шло. Испытывая явное презрение к собственному телу, Тодд, однако, нанимал самых опытных врачей, которых только мог найти, и перед каждым представлением проходил тщательное медицинское обследование.

Но возможности человека не беспредельны.

На последнем выступлении, сопровождаемом невиданным всплеском рекламы и оскорбительных нападок, Тодд отрубил половые органы. После этого он долгое время провел в частной лечебнице. Элизабет и я всегда были рядом. Когда он купил поместье Рейсин в пятидесяти милях от Парижа, мы переехали туда, чтобы с первого же дня стать участниками маскарада: мы притворялись, что карьера Тодда достигла апогея, хотя каждый из нас прекрасно сознавал, что внутри этого безногого и безрукого, скальпированного и кастрированного человека еще горит огонь для последнего безумного представления.

За воротами парка мир ждал мастера. И Тодд знал это. И мы знали тоже.

Тем временем жизнь продолжалась.

* * *

Я сообщил Гастону, что Тодд согласен. На подготовку мы оставили три недели. Сделать предстояло многое.

Взвалив рекламные хлопоты на Гастона, мы с Тоддом приступили к разработке и созданию специального оборудования. В прошлом я испытывал крайнее отвращение к подобной работе. Приготовления всегда служили поводом для ссор с Элизабет: она не выносила даже разговоров об этих жутких инструментах.

На сей раз такого не произошло. Наша работа была почти окончена, когда она неожиданно попросила меня показать то, что мы делаем. Той же ночью, удостоверившись, что Тодд уснул, я провел ее в мастерскую. Около десяти минут она ходила от одного инструмента к другому, трогая их гладкие поверхности и блестящие лезвия.

Потом она спокойно посмотрела на меня и кивнула.

Я разыскал людей, когда-то ассистировавших Тодду, и договорился об участии в представлении. Из телефонных разговоров с Гастоном я узнал о волне слухов, предвосхищающих возвращение Тодда.

Сам мастер был переполнен энергией и волнением. Несколько но-

чей он не мог заснуть и звал Элизабет. Эти три недели она не приходила ко мне. Я сам навещал ее, оставаясь на часок-другой.

Утром в день представления я поинтересовался, на чем собирается Тодд ехать в театр: в специально сделанной для него машине или в карете. Как всегда Тодд выбрал последнее.

Мы рано собрались и отъехали, зная, что в пути нас не раз остановят ярые почитатели Тодда.

Его разместили рядом с кучером, усадив на удобное, устроенное для него кресло. Я и Элизабет сели позади; ее рука - на моем колене. Иногда Тодд оборачивался к нам и что-то говорил, и тогда либо она, либо я наклонялись вперед, чтобы выслушать его и, если надо, ответить.

Выбравшись на дорогу, ведущую в Париж, мы то и дело натыкались на многочисленные группы людей: некоторые встречали мастера громкими криками и аплодисментами, некоторые стояли молча. Тодд отвечал на все приветствия, но когда какая-то женщина попыталась забраться в карету, он разволновался и заорал, чтобы я избавил его от этого.

Только раз он допустил близкий контакт со своими поклонниками. Это произошло, когда мы остановились сменить лошадей. Тогда он говорил долго, многословно и был чрезвычайно любезен, но я чувствовал, что он сильно устал.

Все планировалось очень тщательно, и поэтому, когда мы прибыли к театру Алхамбра, полиция уже блокировала напирающую массу людей, оставив свободным один проход, чтобы только протащить коляску Тодда. Экипаж остановился. Раздались аплодисменты.

Поглядывая на истеричную толпу, я вкатил Тодда через служебный вход. Элизабет шла за нами. В фойе Альборн профессионально улыбался налево и направо, принимая эту истерику как должное, и, казалось, совсем не замечал маленькой, но решительно настроенной кучки людей - они держали в руках плакаты и громко выкрикивали написанные на них лозунги протеста.

В гардеробной нам удалось немного расслабиться. До начала шоу оставалось два с половиной часа. Тодд вздремнул, потом Элизабет купала его и передела в сценический костюм.

Минут за двадцать до нашего выхода к нам зашла женщина из служебного персонала театра и преподнесла Тодду букет цветов. Их приняла Элизабет и неуверенно, хорошо зная его нелюбовь к цветам, положила перед мужем.

- Спасибо, - кивнул он в ответ. - Цветы. Какие прекрасные краски.

Через пятнадцать минут пришел Гастон в сопровождении менеджера театра. Они оба пожали мне руку. Гастон поцеловал Элизабет в щеку, а менеджер попытался завязать с Тоддом разговор. Тодд не отвечал, и чуть позднее я заметил, что по лицу менеджера катятся слезы. Мастер пристально рассматривал всех нас.

Он заранее объявил, что не должно быть никаких церемоний, предшествующих представлению, никаких речей и никаких интервью. Все должно точно следовать продиктованной мне инструкции. С другими ассистентами в течение всей последней недели проводились репетиции.

Он повернулся к Элизабет. Она нежно поцеловала его. Я отвернулся.

Прошло около минуты, прежде чем Тодд произнес:

- Все в порядке, Ласкен. Я готов.

Я взялся за ручки коляски и, выкатив ее из гардеробной, направился по коридору к кулисам. Из зала донесся мужской голос, что-то произнесший по-французски, и раздался рев. В животе у меня похолодело. Тодд оставался невозмутимым.

Появились два ассистента. Они опоясали мастера специальными ремнями, напоминающими сбрую, и подняли его. Ремни были связаны двумя тонкими тросами с блоком, спрятанным в верхней части сцены. Управляя блоком, можно было перемещать Тодда по воздуху. После этого ему пристегнули четыре муляжа, имитирующие конечности.

Он кивнул головой - дал знак приготовиться. На секунду я увидел выражение глаз Элизабет и, хотя Тодд не смотрел на нас, не ответил ей.

Я выступил на сцену. Раздался женский визг, и весь зал поднялся на ноги. Сердце бешено билось.

Оборудование уже стояло на сцене, скрытое тяжелыми бархатными покрывалами. Я поклонился публике и, медленно обходя сцену, начал снимать их с механизмов.

Аудитория при этом одобрительно шумела. Голос менеджера трещал в громкоговорителе, умоляя зрителей занять свои места. Я оставался и стоял неподвижно, пока все не успокоилось, зная из прошлого опыта, что любое мое движение возбуждает их еще больше. Вид этой аппаратуры вызывал у меня отвращение, но зал наслаждался блеском новых, острых, как бритва, лезвий.

Я подошел к рампе.

- Mesdames. Messieurs. - Моментально наступила тишина. - Le maître!

Стараясь не обращать внимания на публику, я шел по авансцене, указывая на Тодда. Он болтался в своей упряжи там, за кулисами. Рядом стояла Элизабет. Они не разговаривали и не смотрели друг на друга. Опустив голову, он слушал зал.

Зал молчал.

Проходили секунды, а Тодд все ждал. Раздался чей-то тихий голос. И вдруг зал взорвался.

Тут же Тодд кивнул ассистенту, и тот, ловко управляя блоком, вытащил мастера на сцену.

Это было жуткое и неестественное зрелище. Он плыл, подвешенный на ремнях; пристегнутые искусственные ноги цепляли покрыва-

ющий сцену брезент, руки висели, словно илети. И только голова шевелилась, приветствуя собравшихся.

Я ждал аплодисментов, но с появлением Тодда снова все стихло. Это молчание всегда вселяло в меня ужас. Я успел забыть о нем за четыре с половиной года.

Тодда подтянули к кушетке, установленной с правой стороны сцены, и я помог уложить его. Один из помощников - квалифицированный врач - провел короткий осмотр.

Он что-то написал на листе бумаги и вручил мне, затем подошел к краю сцены и обратился к залу:

- Я осмотрел мастера. Он в здравом уме и полностью владеет собой. Он прекрасно осознает то, что намерен совершить. И я подписываюсь под всем, что сказал вам.

Тодда подняли еще раз и пронесли от одного инструмента к другому. Убедившись, что все готово, он кивнул.

Его вынесли на авансцену, и я отстегнул ему ноги. Они упали. Несколько мужчин в зале судорожно вздохнули.

Потом я отстегнул руки.

Среди оборудования, установленного на сцене, был длинный стол с укрепленным над ним большим зеркалом. Я выкатил этот стол вперед, опустил на него Тодда и, освободив ремни, дал знак, чтобы их убрали. Теперь надо было расположить мастера так, чтобы он лежал головой к зрителям, а его тело было бы видно им в зеркале. Я работал в напряженной тишине. Я не смотрел в зал и не смотрел за кулисы. Я потел. Тодд молчал.

Оказавшись, наконец, в нужном положении, он кивнул мне: я повернулся к зрителям и поклонился. Раздались редкие аплодисменты, впрочем, быстро смолкнувшие.

Я отступил назад и стал наблюдать за Тоддом. Он снова прислушивался к реакции зала. В подобном представлении, состоящем из одного-единственного действия, да и к тому же безмолвного, для достижения большего эффекта необходимо предельно точно улавливать настроение публики. Только один из выставленных здесь механизмов будет использован. Остальные же - просто антураж.

Зал опять умолк, но в тишине таилось беспокойство. Я ощущал, как все вокруг настороженно замерло; одно движение - и произойдет взрыв. Тодд кивнул мне.

Я снова обошел сцену, переходя от одного механизма к другому. Я гладил ладонью лезвия, словно пробуя их остроту, и вскоре почувствовал, что публика готова. Самое время. Тодд это чувствовал тоже.

Аппарат, который он выбрал, представлял собой гильотину, сделанную из трубчатого алюминия, с ножом из превосходной нержавеющей стали. Я подкатил гильотину и скрепил скобами со столом, потом проверил крепления и осмотрел стопорящий механизм.

Тодд лежал так, что его голова свешивалась со стола, а шея находилась точно под ножом. Тщательно продуманная конструкция гильотины не мешала зрителям видеть в зеркале лежащего.

Я раздел его.

Раздался вздох, когда зал увидел многочисленные шрамы Тодда, и вновь наступила тишина. Я подцепил проволочную петлю, отходящую от стопорящего механизма, туго затянул ее на его языке и подтянул провисшую проволоку. На мой вопрос, готов ли он, Тодд утвердительно кивнул и невнятно произнес:

- Эдвард. Подойди ближе.

Я наклонился, почти касаясь его лицом. Для этого мне пришлось сунуть голову под нож, что было встречено в зале одобрительным гулом.

- Да?

- Я все знаю, Эдвард. О тебе и Элизабет.

Я посмотрел за кулисы, где стояла она, и спросил:

- И ты все же хочешь?..

Он снова кивнул, на этот раз более энергично. Проволочная петля на языке затянулась, раздался щелчок, и гильотина сработала. Тодд едва не поймал меня. За мгновение до того, как рухнул нож, я отпрыгнул в сторону, и теперь, отвернувшись от стола, стоял и в отчаянии смотрел на Элизабет. Пронзительные крики наполнили театр.

Элизабет вышла на сцену, не сводя глаз с лежащего на столе тела. Я подошел к ней.

Сердце Тодда еще билось, и из перерезанной шеи толчками вырывалась густая кровь. Скальпированная голова слегка раскачивалась на проволоке. Глаза широко открыты. Язык почти выдран из глотки.

Элизабет и я одновременно повернулись к зрителям. Не прошло и пяти секунд, но уже поднялась паника. Несколько человек лежали в обмороке; остальные вскочили. Шум стоял невероятный. Все рванулись к дверям. На сцену никто не смотрел. Они сбивали друг друга с ног. В истерике, срывая с себя одежду, билась женщина. Никто не обращал на нее внимания. Я услышал выстрел и невольно присел, увлекая за собой Элизабет. Женщины визжали; мужчины кричали. Слышалось потрескивание громкоговорителя. Внезапно двери распахнулись, и вооруженная полиция ворвалась в зал. Все шло по сценарию. Когда полиция атаковала толпу, та подалась назад. Раздалось еще несколько выстрелов.

Пора было уходить. Я взял Элизабет за руку и увел со сцены.

Из окна гардеробной мы видели, как полиция разгоняет людей на улице, применяя слезоточивый газ и дубинки. Несколько человек были убиты. Над театром завис вертолет.

Мы не разговаривали. Элизабет плакала. Ради собственной безопасности нам пришлось оставаться в здании театра еще около двенадцати часов. На следующий день мы вернулись в поместье Рейсин. К тому времени на деревьях в парке уже появились первые листья.

ЛУННАЯ ПЫЛЬ, ЗАПАХ СЕНА И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

I

Он умирал во имя Науки.

Его окружал гигантский пантеон натурфилософии. Великие ученые минувших времен вздымались вокруг горными вершинами: Гиппарх, Платон, Архимед, Тихо, Фарадей... а на обратной стороне - призрачный сонм его соотечественников: Козырев, Езерский, Павлов... Разве не высокая честь - стать первым, самым первым человеком из плоти и крови, вознесенным, подобно Ганимеду, живым на Олимп.

Девять минут.

Как это было здорово: выяснить цвет кратера Птолемей - серый, с невиданной доселе точностью измерить его глубину - тысяча шестьсот семь метров, взять образцы серой пыли, отколоть куски серой породы. Собирать, взвешивать, анализировать... Добавить крупицу к горе знаний, накопленных человечеством. Расширить горизонты познанного; сегодня - Луна, завтра - Марс, все дальше, до края Вселенной, где само время исчезает под натиском энтропии...

...Энтропия... словно череп в келье монаха-картезианца... Почему наука всегда употребляет это понятие, когда ей нечего больше сказать? И много ли проку знать, что Вселенная, как и человек, смертна, что в один прекрасный день Земля будет цвета кратера Птолемей под его ногами, что Солнце погаснет, и, в конце концов, не будет ничего - только смерть?

Смерть. Сколько ни повторяй это слово, разум не в состоянии вместить его. Только мертвец знает, что такое смерть. И сам он узнает через девять... Нет! Через семь с половиной минут...

Почему? Теперь никто не ответит - почему. Неисправность в системе подачи топлива? Незамеченная трещинка, которая позже затянулась сама? Энтропия... вновь энтропия.

Он брел по дну кратера, прочь от предавшего его корабля, широко расставляя негнувшиеся в громоздком скафандре ноги. Со стороны он, наверное, походил на получившего травму футболиста, уходящего с поля и старающегося не расплескать ни единой капли своей боли.

Он наполнил пылью последний контейнер и понес лоток с образцами на корабль. В шлеме жалобно жужжал сигнал вызова.

Шесть минут. Даже меньше.

"Если я постараюсь сдерживать дыхание..." - мелькнула мысль.

Один за другим он снимал контейнеры с лотка и высыпал их содержимое на башмаки своего ярко-желтого скафандра. Бессмысленный жест. Лунная пыль опускалась ровно, не танцуя, как на Земле. Он повернулся лицом туда, где над самым горизонтом сверкал серп

Земли. Сейчас Россия лежала во мгле на видимой ночной стороне планеты.

Бессмысленно. Вся Вселенная бессмысленна. Земля - всего-навсего кружащийся в пустоте шар. Солнце и звезды - раскаленные газовые сгустки...

А у тебя нет больше кислорода, чтобы питать кровяные тельца. Думай! Тебе нужно понять...

Но времени не осталось. Очень скоро он перестанет думать.

Передачик перестал жужжать.

Мухи жужжат над труном. Здесь нет мух, потому что нет атмосферы. Здесь нет жизни. Все придуманные счастливые истории оказались враньем. Жизнь на Луне не может существовать. Даже его собственная жизнь.

Он поймал себя на том, что старается реже дышать. Упрямое подсознание еще надеялось... Бедный звериный инстинкт.

Он вспомнил мать. С последним вздохом она послушно поцеловала икону, но глаза, живые глаза ее кричали: нет! другой жизни не будет!.. Губы верят, глаза отрицают.

Коснувшись языком тумблера, он включил передачик.

- Слушаю.

- Михаил?! Мы перепугались. Мы думали... - он услышал взволнованный голос Тони даже сквозь триста восемьдесят тысяч километров пустоты.

- Нет. Еще нет.

- Мы докопались до причины утечки. Дмитрий был прав, третий топливный инжектор не был синхронизирован с...

- Не надо, Тоня. Мне не станет легче, если я узнаю *почему*, - ответил он рассеянно. Мысли его были заняты другим.

Секунд тридцать висело почти осозанное молчание.

- Все говорит... все... что ты... - попыталась поддержать разговор Тоня, и он понял, что она вот-вот разрыдается, - ты отчаянный смельчак!

- Смельчак? - повторил он последнее, искаженное помехами слово. - Много ли смелости надо, чтобы поглощать воду и пищу, пока они есть? Много ли смелости надо, чтобы дышать?.. Вот и вся моя смелость.

- Что ты сказал, Миша? Сильные помехи... мы не поняли.

- Ничего.

- Ася просит передать, что любит тебя.

Четыре минуты.

- Скажи Асе, что я люблю ее, - он включил тумблером и подумал, как этот звук похож на звук поцелуя... и как не похож.

Нет, он умирал не во имя Науки. Во имя Науки, право, не стоило умирать.

Он умирал во имя Любви.

Разве не говорил он себе в то далекое лето, что теперь может умереть без сожаления? Разве не был он безгранично счастлив с Асей, мог ли желать чего-то большего?.. Кожа ее, гладкая и чистая, казалась напоенной солнцем кожей груши. Дурманящий запах сена от золотистых волос, быстрая, неуверенная улыбка, бездонные омуты серых глаз... Воспоминание о том лете стоит целой жизни...

"Но оно прошло, - подумал он. - Все проходит. Энтропия безжалостна".

Увы. Пытаться удержать красоту или любовь бессмысленно, как пытаться остановить вращение планеты. Красота и любовь уходят. С годами или в одночасье, но уходят. Энтропия духа шествует рука об руку с энтропией Вселенной. Как и некогда нежная кожа, характер Аси высох под гнетом времени. И к ней смерть, как и к большинству людей, приходит постепенно. Любовь? То лето не вернется. Никогда.

Но какой зеленой была трава! И солнце, казалось, заливало мир не светом, а потоками огненной жизни. Работая на солнцепеке рядом с Асей, сметая сено в копны, он забывал о существовании всего остального мира, забывал все на свете, кроме их любви.

Наступал вечер, и черный бархатный полог неба раскидывался над их головами...

Идиллия...

Но это было давно. Давным-давно.

Теперь поле, где они когда-то вдыхали запах солнечного сена, сковал мороз; если бы поле не пряталось между рогами земного серпа, он увидел бы сверкание снежных просторов России, как сверкает сейчас Европа, залитая светом вечернего солнца.

Каждый год умирает земля, и каждый год возрождается. Его зима не кончится, но что с того? Разве плохо исчезнуть с воспоминанием об одном лете, одном солнечном дне, одном поцелуе? Разве повторение того, что было, может что-нибудь добавить к тому, чем он обладает?

Слова.

Слова, слова, слова...

- Ася, - прошептал он с сожалением и - хотя никогда бы в этом себе не признался - завистью. Ибо ей суждено остаться, а ему - исчезнуть.

Полторы минуты.

Зажужжал передатчик.

Если бы он мог стореть, как мотылек, в ослепительной вспышке славы, хоть немного побыть незримым свидетелем всенародной любви к нему и восхищения им!.. Нет. Он умирал не во имя Любви. Любовь, увы, не причина для смерти.

Он умирал во имя Страны.

Наука равнодушна к своим мученикам.

Любовь умирает прежде любовников.

"Но есть высшие идеалы, - сказал он себе, - в них - нетленность знаний и человечность любви". Он, как и всякий космонавт, был патриотом, даже отчасти фанатиком. Член партии с восемнадцати лет, чего не так-то просто было добиться, особенно студенту, посвятившему себя математике и физике, он верил - в чем-то эта вера была сродни религиозной - в будущее России, в ее высокую судьбу. Он искренне гордился - да и какой *русский* не гордится?! - путем, который прошла за пять десятилетий его страна, наперекор всему, наперекор силам столь могущественным, что даже сейчас, глядя на голубой серп, повисший над лунным горизонтом, он чувствовал холодок между лопаток. Несмотря ни на что, Россия жила. Его Россия, первой дотянувшаяся до Луны и высадившая на нее человека!

Хотя никто не узнает, что человека этого звали Михаил Андреевич Карков. Только после его успешного возвращения на Землю мир услышал бы о грандиозном успехе советской науки. Неудачу скроют - она не служит национальным интересам. А разве интересы страны не выше его собственных?

И все-таки хочется, чтобы о тебе узнали.

...Слабость.

Герои Революции или Сталинграда, в большинстве своем, безымянны, но разве память о них, безымянных, менее священна? Он хотел сказать "нет", но губы не повиновались.

А если бы он вернулся? Если бы стал героем? Разве не пришлось бы ему когда-нибудь умереть? Перед лицом энтропии слава, преклонение, заслуги - бессмысленные побрякушки, - вымолить бы хотьточку жизни, еще несколько мгновений, один вздох...

...Нет, как бы этого ни хотелось, он умирал не во имя Страны...

4

Кислород кончился. Он бросил последний, непонимающий взгляд на Землю и, не обращая внимания на жужжание передатчика, поднял лицевое стекло шлема.

Он умер, так и не поняв, что для его смерти нет стоящей причины.

СПУСК

Кетчуп, горчица, огуречный рассол, майонез, два вида приправ к салату, свиной жир и лимон. Ах да: два подноса с кубиками льда. В буфете не намного лучше: банки и коробки со специями, мукой, сахаром, солью - и коробка с изюмом!

Пустая коробка из-под изюма.

Нет даже кофе. Даже чая, который он ненавидел. В почтовом ящике также ничего, за исключением счета из магазина Андервуда: "Если вы не погасите задолженность по вашему счету..."

Мелочь в размере 4,74 доллара звенела в кармане пальто - добыча от бутылки кьянти, которую он обещал себе никогда не раскупоривать. Он уже избавлен от переживаний по поводу продажи книг: все книги были проданы. Письмо к Грэму ушло неделю назад. Если бы брат намеревался послать ему что-нибудь и на этот раз, перевод уже должен был прийти.

"Мне следовало бы отчаяться, - подумал он. - Может быть, это и есть отчаяние?"

Он мог бы заглянуть в "Таймс". Но это так удручающе - искать работу за пятьдесят долларов в неделю и получать отказ. Но он не обижался на работодателей - будь он на их месте, он бы не нанял сам себя. Он уже многие годы был нечто вроде кузнечика. Единственной его добычей были муравьи.

Он побрился без мыла и почистил туфли до зеркального блеска. Потом надел на немытое тело белую крахмальную рубашку и выбрал с вешалки галстук потемнее. Он начал чувствовать легкое возбуждение, что внешне выразалось как ледяное спокойствие.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, он натолкнулся на миссис Бил, которая делала вид, что подметает и без того чистый пол в парадной.

- Добрый день, или, я полагаю, для вас доброе утро?
- Добрый день, миссис Бил.
- Ваше письмо пришло?
- Нет еще.
- Смотрите, первое число не за горами.
- Да, конечно, миссис Бил.

На станции метро он подумал, прежде чем ответить кассиру: один жетон или два? Два, решил он. Все равно у него не было выбора, кроме как вернуться к себе домой. До первого числа оставалась еще уйма времени.

"Если бы у Жана Вольжана была кредитная карточка, он бы никогда не попал в тюрьму".

Воодушевив себя таким образом, он принялся рассматривать рекламные объявления в вагоне метро. КУРИТЕ. ПРОБУЙТЕ. ЕШЬТЕ. ДАЙТЕ. СМОТРИТЕ. ПЕЙТЕ. ПОЛЬЗУЙТЕСЬ. ПОКУПАЙТЕ. Он подумал об Алисе в стране Чудес с ее грибами: "Съешь меня!"

На Тридцать четвертой улице он вышел из вагона и прямо с платформы вошел в универсальный магазин Андервуда. На первом этаже он остановился у табачного прилавка и купил пачку сигарет.

- Наличными или в кредит?
- В кредит.

Он протянул продавцу пластиковую карточку. Долг увеличился.

Бакалея была на пятом этаже. Он тщательно выбирал. Коробка

растворимого кофе и двухфунтовая банка кофе в зернах, большая банка тушенки, суп в пакетах, пачки с мукой для оладьев и сгущенное молоко. Джем, арахисовое масло и мед. Шесть банок тунца. Затем он позволил себе лакомства: английское печенье, сыр, мороженый фазан и даже яблочный пирог. Он не питался так изысканно с тех пор, как его уволили. Он не мог себе этого позволить.

- Четырнадцать восемьдесят семь.

На этот раз, подсчитывая сумму, продавщица занесла номер его кредитной карточки в список закрытых и сомнительных счетов. Она улыбнулась, извиняясь, и отдала ему карточку.

- Извините, но мы должны вести учет.

- Понимаю.

Сумка с продуктами весила добрых двадцать фунтов. Придерживая ее с той осторожностью, с которой вор несет награбленное мимо полицейского, он поднялся на эскалаторе на восьмой этаж, где находился книжный магазин. Его выбор книг базировался на тех же принципах, что и выбор бакалеи. Сначала классика: два викторианских романа, которые он не читал - "Ярмарка тщеславия" и "Пограничная полоса"; Данте в переводе Сэттера, двухтомная антология немецких пьес, ни одну из которых он не читал и лишь о некоторых слышал. Затем чтение полегче: сенсационный роман из списка бестселлеров и два детектива.

Он начал испытывать головокружение от потакания своим слабостям и полез в карман за монеткой. •

"Орел - новый костюм; решка - ресторан "Небесный зал"".

Решка.

"Небесный зал" на пятнадцатом этаже был пуст, за исключением нескольких женщин, болтающих за кофе и пирожными. Он сел за столик у окна и попросил самые дорогие блюда, закончив кофе и фруктами. Потом протянул официантке кредитную карточку, накинув ей пятьдесят центов на чай.

Потягивая вторую чашку кофе, он принялся за "Ярмарку тщеславия". К своему удивлению, он обнаружил, что книга доставляет ему удовольствие. Официантка вернулась с его карточкой и чеком.

Так как "Небесный зал" находился на самом верхнем этаже универмага Андервуда, отсюда шел только один эскалатор - вниз. Спускаясь, он продолжал читать "Ярмарку тщеславия". Он мог читать везде - в ресторане, в метро и даже идя по улице. На каждом этаже он переходил с конца одного эскалатора на начало следующего, не поднимая глаз от книги. Он знал, что когда спустится до второго этажа, то окажется всего в нескольких шагах от турникета станции метро.

Прочитав половину шестой главы (страницу пятьдесят пять, если быть точным), он начал чувствовать, что что-то не так.

"Когда же кончатся эти чертовы эскалаторы?"

Он сошел с эскалатора, но не обнаружил признаков того, на каком этаже находился: не было также никакой двери, ведущей в универмаг. Закljučив из этого, что он находится между этажами, он спу-

стился еще на один эскалатор и обнаружил такое же непонятное отсутствие каких-либо ориентиров.

Здесь был, однако, водяной фонтанчик, и он сделал пару глотков.

"Наверное, я уехал в подвал. Однако это странно. Для грузчиков и сторежей не будут делать эскалатор".

Он подождал, стоя на площадке и наблюдая, как ступеньки медленно спускаются ему навстречу и в конце своего путешествия складываются и исчезают. Он ждал довольно долго, но на движущихся ступеньках больше никто не показывался.

"Возможно, магазин уже закрыт". Не было наручных часов, и так как он потерял представление о времени, то не мог знать ничего точно. Наконец он решил, что роман Теккерея так увлек его, что он просто остановился на одной из верхних площадок - скажем, на восьмом этаже - чтобы дочитать главу, и прочитал до страницы пятидесят пять, не осознавая того, что не движется вниз по эскалатору.

Когда он читает, он может забыть обо всем на свете.

Таким образом, он должен находиться выше первого этажа. Отсутствие выходов хотя и приводило его в замешательство, но могло быть объяснено некоторыми странными особенностями планировки этажа. Отсутствие обозначений этажей, должно быть, является просто беспечностью администрации.

Он закинул "Ярмарку тщеславия" в сумку с продуктами и встал на решетчатую ступеньку эскалатора, идущего вниз - надо признать, с определенной степенью неохоты. На каждой площадке он отмечал свое продвижение произносимым вслух числом. При "восьми" ему стало не по себе; при "пятнадцати" он был в отчаянии.

Конечно, может быть каждый этаж занимает два пролета эскалатора. Держа эту версию в голове, он отсчитал еще пятнадцать пролетов.

"Нет".

С изумлением и как будто стараясь не замечать реальности этих, казалось, бесконечных пролетов, он продолжал свой спуск. Когда он остановился на сорок пятой площадке, его охватила дрожь. Ему стало страшно.

Он поставил сумку с покупками на бетонный пол площадки, почувствовав, что его рука очень устала держать двадцать фунтов продуктов и книг. Он отбросил соблазнительную возможность того, что "все это лишь сон", так как мир снов кажется спящему реальностью, которой он не мог просто так покориться, так же как не мог покориться реальности жизни. Кроме того, это не сон: в этом он был совершенно уверен.

Он проверил свой пульс. Пульс был быстрым - около восьмидесяти ударов в минуту. Он съехал еще на два пролета вниз, подсчитывая пульс. Почти точно восемьдесят. Два пролета заняли одну минуту.

Он может прочитывать приблизительно одну страницу в минуту на эскалаторе немного меньше. Предположим, он провел один час на эскалаторах, пока читал: шестьдесят минут - сто двадцать этажей.

Плюс сорок семь, которые он сосчитал. Итого сто шестьдесят семь. "Небесный зал" был на пятнадцатом этаже.

$167 - 15 = 152$.

Он находился на сто пятьдесят втором подвальном этаже. Невроятно.

Единственный удовлетворительный выход из невозможной ситуации - это трактовать ее как обычную - как Алиса в Стране Чудес. Таким образом, он вернется в универсамг Андервуда тем же путем, которым он (очевидно) покинул его. Он поднимется на сто пятьдесят два пролета по движущимся вниз эскалаторам. Перепрыгивать бегом через три ступеньки было все равно что идти по обычной лестнице. Но после того, как он поднялся таким образом на два пролета, у него совершенно сбилось дыхание.

Главное - не спешить. Он не будет поддаваться панике.

Нет.

Он взял сумку с продуктами и книгами, которую оставил на этом этаже, подождал, пока восстановится дыхание, и поднялся на третий и четвертый пролет. Отдыхая на площадке, он попытался сосчитать ступеньки между этажами, но сумма была разной в зависимости от того, считал ли он по движению или против него, вниз или вверх. Средняя сумма составляла около восемнадцати ступенек; каждая ступенька была приблизительно восемь-девять дюймов высотой. Каждый пролет, таким образом, был около двенадцати футов.

Значит, он находился на глубине трети мили под универсамгом.

Когда он взбирался на девятый эскалатор, сумка порвалась на днище, где от оттаявшего фазана промокла бумага. Продукты и книги вывалились; часть из них скатилась на нижележащую площадку самостоятельно, остальное было перевезено туда движущимися ступеньками, образовав аккуратную маленькую кучу. Разбилась только одна банка с джемом.

Он сложил продукты в угол площадки, за исключением наполовину растаявшего фазана, которого он засунул в карман пальто, предвидя, что подъем займет еще очень много времени.

Физическое напряжение притупило его чувства, а говоря точнее - способность к страху. Как бегун на длинной дистанции, приближающийся к финишу, он думал только о своей главной цели, не делая попыток осмыслить то, что, как он уже решил для себя, понять было невозможно. Поднялся на один пролет, отдохнул, поднялся и отдохнул снова. Каждый последующий подъем был труднее, каждый отдых дольше. Он перестал считать площадки после двадцати восьмой, и через некоторое время - когда именно, не понял - ноги отказали и он рухнул на бетонный пол. Икры нестерпимо болели; бедра вздрагивали. Он попытался сделать несколько приседаний, но упал на спину.

Несмотря на недавний обильный обед в ресторане (если предположить, что он был недавно), его мучил голод, и он с жадностью уничи-

тожил целого фазана, теперь уже совершенно оттаявшего. Он даже не смог бы сказать, сырой фазан или вареный.

"Так и становятся каннибалами", - подумал он, засыпая.

Ему снилось, что он падает в бездонную яму. Проснувшись, он обнаружил, что ничего не изменилось, за исключением того, что тупая боль в ногах усилилась.

Над головой, уходя вверх вместе с эскалатором, сиял ровный ряд флюоресцентных ламп. Монотонное жужжание эскалаторов, казалось, усилилось до рева Ниагарского водопада, а скорость их движения как будто увеличилась пропорционально реву.

"Меня лихорадит", - решил он. Он вскочил на свои одеревеневшие ноги и согнул их несколько раз по очереди, чтобы разогнать боль в мышцах.

На середине третьего эскалатора ноги опять нестерпимо завыли, однако ему все-таки удалось одолеть подъем. На следующем пролете он свалился. Лежа на площадке, куда привез его эскалатор, он почувствовал, что к нему вернулся голод. Ему также нужна была вода - хотелось пить; и необходимо было сделать обратное.

Последнюю надобность он мог легко - и без всякой излишней скромности - удовлетворить. Потом вспомнил про водяной фонтанчик, из которого пил вчера - такой же он обнаружил тремя этажами ниже.

"А ехать вниз гораздо легче".

Его продукты были где-то внизу. Если возвращаться за ними, он потеряет весь прогресс в подъеме, которого он с таким трудом добился. Возможно, универмаг Андервуда находится всего через несколько пролетов. Или через сотню. Ему оставалось только гадать.

Из-за голода и усталости, а также из-за того, что тишина подъема по бесконечным пролетам опускающихся эскалаторов была, как теперь ему казалось, сизифовым трудом, он решил вернуться и поест.

Сначала он позволил эскалатору тихо нести себя вниз, но вскоре в нем пробудилось нетерпение. Он обнаружил, что бежать вниз через три ступеньки не так утомительно, как бежать вверх. Он почти не уставал. Кроме того, когда он плыл по течению, а не против него, его прогресс, если он так мог быть назван, значительно увеличивался. Всего за несколько минут он добрался до своих продуктов.

Съев половину яблочного пирога и немного сыра, он сделал из своего пальто подобие мешка, связав рукава и застегнув все пуговицы. Теперь, держась одной рукой за воротник, а другой за низ пальто, он мог нести всю свою пищу с собой.

Он посмотрел вверх на опускающиеся ступеньки с печальной улыбкой, так как решил, с мудростью проигравшего, оставить это предприятие. Если ступеньки хотят доставить его вниз, значит он будет спускаться вниз, как в омут.

Итак, он ехал вниз, только вниз, вниз и вниз с головокружитель-

ной скоростью, слегка поворачиваясь на каблук на каждой площадке, так что скорость его спуска почти не снижалась. Он кричал, улюлюкал и хохотал во весь голос; крики эхом отзывались в узких коридорах с низкими сводами, преследуя его.

Вниз, вниз и вниз.

Дважды он поскользнулся на площадках, а однажды не устоял после прыжка на середине эскалатора и полетел вниз, выронив мешок с продуктами, однако успел вытянуть вперед руки и со всего размаху упал на ступени, которые продолжали свой бесконечный бег вниз.

Наверное, он некоторое время был без сознания, так как очнувшись в куче продуктов, обнаружил, что у него рассечена щека и голова раскалывается от боли. Складывающиеся ступени мягко терлись о его каблук.

Затем он пережил первый момент ужаса - предчувствие, что этот спуск *бесконечен*, однако ужас быстро уступил место смеху.

"Я еду в ад!" - закричал он, хотя его голос и не мог заглушить беспрерывного жужжания эскалаторов. "Это путь в ад. Оставь надежду всяк сюда входящий".

Здравый смысл, однако, был так присущ его характеру, что ни истерика, ни ужас не могли надолго овладеть им. Он опять собрал продукты, с облегчением обнаружив, что на этот раз разбилась только одна банка растворимого кофе. После некоторых раздумий, он также отложил в сторону банку кофе в зернах, для которой не мог придумать никакого применения - при существующих обстоятельствах. Он не позволил себе думать - под угрозой потери здравого смысла - ни о каких других обстоятельствах, кроме нынешних.

Он начал более аккуратный спуск. Опять принялся за "Ярмарку тщеславия", читая ее и одновременно шагая вниз по ползущим вниз ступеням. Он не позволял себе думать о глубине той бездны, в которую погружался, и сюжетные перипетии романа помогли ему отвлечься от своей собственной ситуации. На странице двести тридцать пятой он пообедал (то есть поел второй раз за день) остатками сыра и яблочного пирога; на пятьсот двадцать восьмой отдохнул и поужинал английским печеньем, макая его в арахисовое масло.

"Нужно лучше распределить оставшуюся пищу".

Может быть, если он будет рассматривать свое абсурдное положение как борьбу за выживание, как главу в своей собственной робинозонаде, то достигнет дна этого механического водоворота живым и нормальным. Он с гордостью подумал о том, что не всякий на его месте остался бы в здравом уме.

Конечно, он все еще опускается вниз... И он все еще вполне нормален... Но он выбрал цель и не отступит от нее.

На бесконечных лестничных клетках не существовало ночи и почти не было никакой тени. Он засыпал, когда ноги больше не могли нести вес тела и глаза начинали слезиться от чтения. Во сне он продолжал свой спуск по эскалаторам. Он просыпался, и его рука все также

лежала на резиновом поручне, который двигался одновременно со ступенями. Тогда он осознал, что не спит.

Как лунатик, он продолжал идти по эскалаторам дальше вниз, в эту нескончаемую преисподнюю, позабыв где-то мешок с пищей и даже так и недочитанный роман Теккерея.

Когда он начал подниматься вверх, он в первый раз заплакал. Без романа думать было совершенно не о чем, кроме как об этом, об этом...

"Сколько же еще? Как долго я спал?"

Его ноги, которые были только слегка натружены спуском, подняли его на двадцать пролетов. Потом он сломался. Снова развернулся кругом, позволив ступеням нести себя вниз.

Эскалатор, казалось, двигался теперь с большей скоростью, чем раньше, а перестук ступеней стал громче. Но он больше не доверял своим ощущениям.

"Наверное, я не в своем уме. А может, просто ослабел от голода. Все равно пища когда-нибудь кончилась бы. А голод может повредить мозгу. Оптимизм - вот выход!"

Продолжая спускаться вниз, он занялся тщательным анализом окружающего пространства, но не надеясь улучшить свое состояние, а просто из-за отсутствия других развлечений. Стены и потолки были плотные, гладкие и ослепительно белые. Ступени эскалатора имели матовый никелевый оттенок; продольные зубья были слегка светлее, а канавки - темнее. Не означало ли это, что зубья отполированы ногами? Или они так сделаны? Зубья были шириной около полудюйма и находились друг от друга на таком же расстоянии. Они слегка выступали за край каждой ступеньки, что придавало им сходство с машинкой парикмахера. Каждый раз, когда он доезжал до площадки, внимание сосредотачивалось на иллюзорном "исчезновении" ступеней, на том, как они складываются, достигая пола, и заезжают, попадая канавками в зубья, под металлическую пластину.

Он бежал по ступенькам все реже и реже, стараясь только не сбиваться с выбранного шага с начала до конца каждого пролета, и, достигая площадки, переходил (шаг левой, правой и снова левой) на следующий эскалатор, который должен перенести его на этаж ниже. По подсчетам, эскалаторы уже унесли его на много миль под универсальный магазин - на так много миль, что он начал поздравлять себя со своим невольным приключением, удивляясь, не установил ли он своего рода рекорд. Так преступник благоговеет перед своей собственной подлостью и гордится своим самым ужасным преступлением, считая его непревзойденным.

В последующие дни, когда единственной его пищей была вода из фонтанчиков, оборудованных на каждом десятом этаже, он часто думал о еде, приготавливая воображаемые блюда из оставленной наверху пищи. Он смаковал изумительную сладость меда, жирность бульона, который он приготовил бы, размешав суповой порошок в воде в пустой банке из-под печенья, лизал пленку желатина на вскрытой банке

тушенки. Когда он думал о шести банках тунца, его раздражение достигало предела, так как у него нечем [было бы] открыть их. Просто встать на них было бы недостаточно. Что тогда? Он проворачивал этот вопрос в голове по многу раз, как белка, крутящая колесо в клетке, но без всякой пользы.

Потом случилась удивительная вещь. Он снова побежал вниз, быстрее, чем бежал раньше, нетерпеливо, очертя голову, без всякой осторожности. Несколько пролетов проскочили перед ним как в ускоренном кино; он едва успевал осмыслить один, как перед ним уже возникал следующий. Демоническая, бесцельная гонка - и зачем? Он бежал, как ему казалось, по направлению к куче продуктов, то ли считая, что они были оставлены им ВНИЗУ, то ли думая, что он бежит ВВЕРХ. Он бредил.

Это не могло продолжаться долго. Ослабевшее тело было не в состоянии выдерживать такой бешеный темп, и он очнулся от своего бреда, смущенный и совершенно лишенный сил. Теперь начался другой, более рациональный бред: сумасшествие, воспламеняемое логикой. Лежа на площадке и потирая порванную связку на лодыжке, он размышлял о природе, происхождении и цели эскалаторов. Однако от целенаправленной мысли было не больше пользы, чем от бесцельного действия. Разум был бессилен разгадать загадку, которая не имела ответа, у которой был только свой собственный смысл, определяемый ее существованием. Он - а не эскалаторы - нуждался в ответе.

Возможно, его наиболее интересной теорией было представление, что эти эскалаторы являлись своеобразным типом тренировочного колеса, нечто вроде колеса в беличьей клетке, из которого - поскольку оно представляло из себя замкнутую систему - не могло быть выхода. Данная теория требовала, однако, некоторых изменений в его концепции физической Вселенной, которую он всегда считал евклидовой; теперь же спуск вдоль воображаемой вертикальной линии представлялся ему замкнутой петлей. Новая теория взбодрила его, так он мог надеяться, что, совершив полный круг, вернется, если и не в универмаг Андервуда, то хотя бы к оставленным продуктам. Возможно, что в своем отрешенном состоянии он уже не раз миновал выход, не заметив его.

В его мозгу существовала и другая, весьма странная теория, касающаяся мер, предпринятых кредитным отделом Андервуда против особо крупных должников. Однако это была уже чистая паранойя.

"Теории! Я не нуждаюсь ни в каких теориях. Я должен избавиться от них".

Так, стараясь опираться на здоровую ногу, он продолжал спуск, хотя его умозаключения и не прекратились полностью. Они стали, если так можно выразиться, более метафизичными. Более туманными. В конце концов он стал рассматривать эскалаторы как объективную реальность, не требующую более никаких объяснений, чем то, которое они предоставляли ему самим фактом своего существования.

Он обнаружил, что начал терять вес. Этого следовало ожидать, так как он очень долго пробыл без пищи (судя по собственной шестине, он предполагал, что прошло больше недели). Однако существовала и другая возможность, которую нельзя было полностью исключить: он приближался к центру Земли, где (как он думал) предметы не имеют веса.

"Значит, - думал он, - я не зря страдаю".

Он открыл для себя цель. С другой стороны, он умирал; смерти же он не придавал того значения, которого она заслуживала. Не желая смириться перед очевидностью, но, в то же время, не обманывая себя и не придумывая ничего другого, он в конце концов отбросил эту проблему, пытаясь на что-то надеяться.

"Может быть, кто-нибудь спасет меня", - надеялся он.

Однако надежда была столь же механической, как и эскалаторы, по которым он ехал, и постепенно гасла.

Бодрствование и сон больше не были для него отчетливыми состояниями, про которые он мог бы сказать: "Сейчас я сплю", или "Сейчас я бодрствую". Иногда он вдруг обнаруживал себя на эскалаторе и был не в состоянии определить, то ли он только что проснулся, то ли очнулся от размышлений.

Он галлюцинировал.

Женщина в нарядной шляпке, нагруженная покупками из Андервуда, спустилась по эскалатору ему навстречу, перешла по площадке, стуча каблучками, на следующий эскалатор и уехала прочь, даже не кивнув ему.

Все чаще и чаще, просыпаясь или выходя из оцепенения, он обнаруживал, что, вместо того, чтобы спешить к своей цели, он лежит на площадке, ослабевший, размякший и даже не ощущающий голода. Затем он переползал на эскалатор, ложился на ступеньки головой вперед, опираясь руками, чтобы не упасть, и ехал вниз.

"На дно... на дно... когда я приеду туда..."

От дна, которое он считал центром Земли, будет уже действительно некуда ехать, кроме как вверх. Возможно, по другой линии эскалаторов - поднимающейся, - но лучше на лифте. Было очень важно верить в дно.

Эта идея стала такой болезненно-навязчивой и неотступной, каким раньше было стремление во что бы то ни стало подняться вверх. Его восприятие стало неясным. Он уже не мог отличить реальное от воображаемого. Думая, что ест, он часто глодал свои руки.

Ему казалось, что он достиг дна. Это была большая комната с высоким потолком. Стрелки указывали на другой эскалатор: "ВВЕРХ". На эскалаторе висела цепочка и небольшое объявление: "НЕ РАБОТАЕТ. ПРОСЬБА ПОДОЖДАТЬ, ПОКА ЭСКАЛАТОРЫ РЕМОНТИРУЮТСЯ. ПРИНОСИМ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ. АДМИНИСТРАЦИЯ".

Он тихо засмеялся.

Потом он придумал способ открыть банки с тунцом. Он мог бы подsunуть банки под выступающие зубья ступеньки в том месте, где они уходят под пластину в полу. Либо эскалатор вскрыет банку, либо банка заклинит эскалатор. Возможно, если один эскалатор заклинит, остановятся и все остальные. Ему нужно было подумать об этом раньше, но он все равно был счастлив, что додумался до этого.

"А я мог бы спастись".

Ему казалось, что его тело почти ничего не весит. Он, наверно, уже спустился на сотни миль. На тысячи.

Он снова спускался вниз.

Потом он лежал у подножия эскалатора. Голова покоилась на холодной металлической пластине; он смотрел на свою руку, пальцы которой были прижаты к зубьям решетки. Одна за другой, в идеальном порядке, ступени эскалатора въезжали под решетку (канавками под зубья) и скребли кончики его пальцев, иногда вырывая из них куски плоти.

Это было последнее, что он помнил.

Брайан Олдисс

БЕДНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ВОИН

Клод Форд знал, как надо охотиться на бронтозавров.

Сначала вы бездумно месите грязь, тягучую целебную грязь, пробираясь среди ив и маленьких, по здешним меркам, первобытных цветов с коричнево-зелеными круглыми бутонами. (Отчего все поле походит на плантацию футбольных мячей.) Вы не сводите глаз с туши, облюбовавшей заросли тростника. Создание не менее грациозное, чем чулок, набитый песком, возлежит, согласно Архимеду, погрузившись в болото по холку, и описывает полукруг широкими, с кроличьи норы ноздрями в футе над зарослями, с радостным хрюканьем находя толстые, как колбасы, стебли тростника.

Пытаясь создать идеальное страшилище, Природа перестаралась. Стрелку зашкалило и отбросило в обратную сторону, посему чудовище оказалось наделенным свособразной привлекательностью. В глазах его - жизни не больше, чем в большом пальце на ноге трупа. А слежавшаяся шерсть в бесформенных ушных раковинах и выдыхаемая вонь очень пригодились бы в качестве аргумента любителям повитийствовать на тему совершенства творений Матери Природы.

Но вы - мелкое млекопитающее с развитым большим пальцем и самозарядным, компьютерноуправляемым, с оптическим прицелом, двустольным, нержавеющей, сверхмощным карабином 65-го калибра в хилых лапках; и вас влечет шкура грозного ящера. Пусть она испускает раздражающий, как басовая нота, запах, но слоновья кожа по сравнению с ней - дешевле туалетной бумаги. Шкура у бронтозавра серая, как море викингов, и прочная, как фундамент собора. Что иное помогло бы хрупким косточкам выдержать нагрузку колышущейся плоти?

По серой шкуре мечутся - можно увидеть их отсюда! - обитающие в складках и трещинах маленькие коричневые вши, наделенные неуловимостью привидений и жестокостью крабов. Если одна из них свалится на вас - хребту каюк. И когда какой-нибудь из этих паразитов задирает конечность, вы в силах разглядеть, что он, в свою очередь, носит собственный урожай паразитов рангом помладше - размером с омара. Вы уже близко. О! Так близко, что способны расслышать удары примитивного органа - сердца. Предсердие и желудочек функционируют исправно.

Время созерцания миновало, вы перешли Рубикон и приближаетесь к гибели - его или вашей. Страхи и предчувствия могут лишь помешать и посему отброшены, только натянутые нервы, дрожащие сплетения мускулов под липкой от пота кожей и маниакальная мечта маленького существа одолеть чудовище помогут вашим чаяниям исполниться.

Можете выстрелить сейчас. Подождите, пока эта крошечная, как ковш экскаватора, голова приостановится, чтобы заглянуть охапку тростника, и одним незаметным тривиальным пшиком покажите равнодушному Юрскому периоду, что он глядит не куда-нибудь, а в дуло шестизарядной эволюции.

Но вы медлите. И знаете причину, хотя никогда себе в этом не признаетесь. Это знание обширное, как бейсбольное поле, и по-человашьи долгоживущее. Оно отравляет каждое ваше чувство не менее, чем змея, извивающаяся под ногами. Пропитывает собой страсть: предположи, будто целишься в утку, англичанин! Оно наполняет рассудок привычным тепловатым шепотком: мол, скука, сей надоевший нытик, вернется, когда дело будет сделано. Окатывает нервы ледяной насмешкой: когда рассосется по телу адреналин - придет тошнота. Действует на хрусталик и сетчатку: вы кажетесь себе жалким на фоне величественной красоты этого мира.

Пресвятая Богородица, при чем здесь катаное-перекатанное слово "красота"? Или в ваших ушах застряли обрывки лекции со слайдами: *...Взглянув на спину титанического существа, мы видим круглую дюжину (да простят мне этот каламбур, именно круглую) птиц с оперением, перед яркостью которого меркнет легендарный Майами-Бич. Птицы столь круглы потому, что питаются крохами со стола богача. А теперь обратите внимание на это очаровательное фото. Видите, бронто задирает хвост? Ах, как забавно - хлоп, и*

из-под хвоста вываливается нара катышков. Я вам точно говорю, ребята, это здорово: как водится, прямо от производителя к потребителю. Птицы дерутся за свою долю. Эй, ты, хватит тебе кружить, ты и так круглый! И зазевавшимся ничего не остается, как вернуться на круп и ждать следующего круга. А сейчас мы видим, как солнце садится на Юрском западе, и говорим: "Счастливой диеты!"

Однако вы слишком медлите. Вы пришли сюда стрелять или предаваться переживаниям? Возьмите себя в руки, а в руки возьмите карабин, поднимите его на уровень плеча и тщательно прицельтесь.

Отдача чересчур силна. От такой встряски вы полупарализованы. И, потрясенный, озираетесь. Монстр как ни в чем не бывало угрюмо чавкает, да еще и подпускает ветерок, способный сдвинуть старинный парусник.

Взбешенный (нет, это какое-то иное трудноопределимое чувство), вы выступаете из зарослей и предстаете перед ним. И эта незащищенность типична для ситуаций, в которые вас регулярно ввергает жажда справедливости. Жажда справедливости? Или опять что-то трудноопределимое? Почему вы должны поступать нелепо, если явились из нелепой цивилизации? Но вопросы следует отложить на потом. Если вообще это "потом" наступит, поскольку два немигающих глупых глаза уставились на вас многообещающе.

О, чудовище, пусть же общасмое будет сделано, но не челюстями, а огромными лапами или, если не трудно, всей гороподобной тушей! Пусть воспоют эту смерть в саге, поучительной, как сага о Босвульффе!

В четверти мили отсюда дюжина гиппопотамов шумно барахтается в первобытной грязи... А в следующую секунду хвост длиной в поведельник и толщиной в субботнюю ночь обрушивается с небес. Вы ныряете с проворством утки, но монстр и без того промахнулся, потому что у него координация не лучше чем, скажем, у вас, вознамерясь вы сделать завивку на шкуре живого долгопята. Совершив поступок, чудовище, похоже, считает свои обязательства выполненными. Оно как бы отпустило вам грехи. И забыло о вас.

Хотелось бы забыть о себе самом с подобной легкостью. Ведь, собственно, ради этого вы сюда и сбежали. *"Держитесь подальше от такого рода проблем"*, - гласит брошюра, посвященная путешествиям во времени. Что означает: держитесь подальше от Клода Форда, человека столь же бесполезного, сколь и его фамилия, которую он носит вместе с ужасной женщиной Мод.

Мод и Клод Форды не ужились друг с другом, а заодно и с миром, в котором родились. Это послужило Клоду поводом отправиться стрелять гигантских ящеров. Поскольку вы - абсолютный кретин, если надеялись, что сто пятьдесят миллионов лет способны хоть чуть-чуть упорядочить хаос в водовороте амбиций.

В очередной раз вы пытаетесь пресечь слезливые мыслишки, но вам ведь ни разу не удавалось совладать с ними, начиная с кока-кол-

лаборационистских лет взросления. Боже, если бы юности не было, ее следовало бы выдумать!

Tyrant Vegetarian, в чье существование вы встроились со своим коктейлем из страстей и желаний, с комплексом ощущений, типичных для человеческого орга[ни]зма, вновь начинает притягивать внимание. На сей раз кошмар облачен в плоть, старина, как заказывали. И на сей раз следует поторопиться встать к нему лицом, прежде чем он вас снова заметит. И опять поднимается сверхчувствительная оптика, нащупывая уязвимое место.

Пестрые птицы машут крыльями. Вши скачут как угорелые. Болото жалобно всхлипывает под тяжестью бронто. Монстр опустил голову, и миниатюрный череп виден сквозь желтоватую воду. За всю вашу нервную жизнь вам не приходилось так нервничать, и вы верите, что предстоящий катарсис выжмет из вашей нервной системы прочно обосновавшийся там страх до последней капли. О'кэй, машинально бормочете вы, миллиондолларовые вневременные курсы насмарку. О'кэй, о'кэй... И когда вы повторяете это в сотый раз, глупая морда, подобно поезду, давшему задний ход, поднимется из воды рядом с вами, монотонно работая похожими на бетонные надолбы коренными зубами.

Болотная жижа ниспадает водопадом с бескрайних губ (или безгубых краев?), заляпывая все вокруг, в том числе и ваши ноги. Стволы, стебли, листья, трава, тина, торф вперемешку вращаются в жующей пасти. Все, включая и мечущихся крошечных рачков и лягушек, перекачует из мерзкой пасти в мерзкий желудок. И под аккомпанемент челюстей: глум-глум-глум... на вас опять пристально смотрят.

"Эти звери живут по двести лет", - утверждает брошюра, рекламирующая путешествия по времени. И эта тварь явно вознамерилась прожить полный срок, ибо в ее взгляде вы видите десятилетия и десятилетия бессмысленного ползания по грязи. Вам мерещится ваше отражение в этом мутном тихом омуте. В шоке вы палите из обоих стволов в собственное отражение. Бах-трах-тарарах!

Тусклые, но величественные огни гаснут до Судного дня. Ваше отражение исчезло из них навсегда. Из разбитых стекол хлещет кровь, потом их медленно заволакивает серая пленка, что-то вроде грязной простыни, скрывающей труп. Челюсти все еще жуют - медленно, так же медленно, как опускается голова. С медлительностью зубной пасты течет по морщинистой морде холодная кровь рептилии. Очень медленно. Ползучая медлительность мезозоя. Словно капля по стеклу. И вам приходит в голову, что будь вы в ответе за мироздание, то нашли бы для этой сцены менее равнодушного зрителя, чем Время.

Чепуха! Осушите кубки, лорды, Клод Форд погубил безобидное создание. Долгие лета Клоду-Скоту!

Затаив дыхание, вы наблюдаете, как опускается голова, как опускается шея, как в последний раз смыкаются челюсти. Наблюдаете и

выжидаете: не случится ли еще что-нибудь; но ничего, равным счетом ничего не происходит. Ничего и не должно произойти. Можете стоять хоть сто пятьдесят миллионов лет, Клод-Лорд.

Гигантский скелет бронто, дочиства обглоданный местными хищниками, постепенно утонет в болотной жиже, поднимутся воды, старикан Нептун заявится, чтобы покрыть собою все последствия этой нечистой игры. Ил оседет на громадное ложе неторопливым дождем, у которого впереди столетия. Смертное ложе будет подниматься и баукааться, быть может, раз десять и очень аккуратно, чтобы не потревожить уснувшего — к тому времени прах скроется под изрядным слоем породы. Под конец останки будут заключены в гробницу, пресвосходящую мечты любого индийского раджи. Твердь земная взвалит останки на плечи, и бронто без единого усилия окажется на краю одного из утесов Скалистых гор, высоко над волнами Тихого Океана. Но вас это меньше всего касается, Клод-Спорт. Вы — лишь убийца мозга-зародыша, обосновавшегося в черепе бронто и комайдовавшего горой мяса. Остальное — не ваше дело.

Вы сейчас не испытываете ничего, ибо едва держитесь на ногах. Ожидали драматический спектакль: удары о землю, топот, рев... С другой стороны — риды, поскольку существо, похоже, не мучилось. Как все жестокие люди, вы сентиментальны; как все сентиментальные — шепетильны.

Берете под мышку карабин и обходите вокруг туши, разглядывая напоследок трофей. Вы бредете мимо уродливых копыт, мимо грязно-белого холма-брюха, мимо гигантской задницы, проходите под аркой изогнувшегося хвоста. Теперь ваше разочарование столь же твердо и очевидно, как визитная карточка. Зверь вдвое меньше, чем вам казалось. Он даже меньше любого из ваших врагов, не говоря уже о вас самих или Мод.

Бедный маленький воин, наука никогда не сможет изобрести средства, чтобы помочь вам. И ничего не остается, как в предчувствии надвигающейся скуки забраться во времямобиль.

Смотрите, пернатые красавцы уже смекнули, в чем дело. Они дружно пораскинули горбатые крылья и удрученно отправились на поиски новых хозяев. Они понимают, когда плохое сменяет хорошее, и не собираются ждать, чтобы их прогнали стервятники. Оставьте надежду всяк, сюда входящий. Вы поворачиваетесь, чтобы уйти подобно пожирателям помета.

Поворачиваетесь, но медлите. Ничего не остается, кроме как уходить, но остается 2181 год нашей эры. Это не просто год, откуда вы родом. Это Мод. Это Клод. Это ужасно мучительное и безнадежное занятие — приспосабливаться к сверхсложным обстоятельствам, пытаясь обвести себя вокруг пальца. Вы бежали в *"Святую простоту Юрского периода"*, но вам это удалось лишь отчасти.

И кто-то, воспользовавшись вашей медлительностью, толкает вас в спину, опрокидывает лицом в жирную грязь. Вы сопротивляетесь, кричите, а клещи омара терзают вашу шею. Пытаетесь схватить вин-

товку - никак. Перекатываетеесь на спину, и крабовидная тварь тут же впивается в грудь. Пытаеесь оттолкнуть ее, схватившись рукой за панцирь - она хихикает и откусывает пальцы. Убивая бронто, вы не подумали, что для замухрышки вроде вас паразиты опаснее хозяина.

Вы предпринимаете все, от вас зависящее. Вы отбрыкиваетеесь минимум три минуты. В результате вас оседлала целая свора тварей, и вот уже ваш скелет обглодан дочиста. Вам понравится на вершине Скалистых гор. Не стоит преждевременно огорчаться.

Роджер Желязны

БОЖЕСТВЕННОЕ СУМАСШЕСТВИЕ

"...я Это ?трепетом благоговейным охваченные точно ,звезды блуждающие небесах в замирают ,ей внимая что..."

Он затаился, и сигарета стала чуть длиннее.

Взглянув на часы, увидел, что стрелки движутся в обратном направлении.

Было 10.33 пополудни, стрелка переместилась, и стало 10.32.

Его охватило отчаяние, он знал, что не в силах что-либо изменить. Словно повинаясь чужой воле, он выполнял одно за другим действия, уже однажды выполненные им в прошлом; только теперь - в обратной последовательности. Предупредительного сигнала он почему-то не заметил.

Обычно наступал момент призматического эффекта: все кругом замирало, окрашенное в розовые тона, мозг обволакивала дремота, затем на какое-то мгновение все чувства обострялись...

Переворачивая слева направо страницы, он пробегал глазами по строчкам, двигаясь от конца книги к началу.

"...неотразима столь скорбь чья ,он Кто"

Не в силах остановиться, он беспомощно следил за собственными действиями.

Сигарета перестала расти. Щелкнув зажигалкой, тут же заглотившей язычок пламени, он убрал выкуренную сигарету обратно в пачку.

Зевнул наоборот: сначала выдох, потом вдох.

Врач сказал, что все это ему только кажется. Необычный синдром вызван сочетанием двух факторов: горя и эпилепсии.

Это был не первый приступ. Диалантин не помогал. Посттравматическая локомоторная галлюцинация, вызванная беспокойным со-

стоянием и спровоцированная припадком эпилепсии - таков был диагноз.

Он долго не верил, что это началось снова; поверил только после того, как в обратном направлении прошло минут двадцать; за это время он поставил книгу на пюпитр, встал, подошел, пятясь, к стенному шкафу, повесил халат, надел рубашку и брюки, которые носил весь день, понятился к бару и изверг из желудка мартини, глоток за глотком, чувствуя во рту приятную прохладу; не пролив ни капли, он наполнил бокал до краев.

Во рту возник все усиливающийся вкус оливок - и вдруг произошла перемена.

Секундная стрелка скользила по циферблату как положено.

На часах было 10.07.

Он почувствовал, что волен выбирать свои действия.

И снова выпил мартини.

Дальше для полной симметрии следовало бы переодеться в халат и сесть почитать. Вместо этого он смешал себе коктейль.

Теперь все происходило в нормальной последовательности.

Жизнь не текла в обратную сторону, как ему только что казалось.

Все было совершенно по-другому.

Неоспоримое доказательство того, что он действительно галлюцинировал.

Он даже решил - еще одна попытка логического обоснования, - что двадцать шесть минут успели за это время пройти вперед и назад.

Значит, ничего страшного.

"...Пить надо меньше, - подумал он. - Возможно, приступы вызывает алкоголь".

Он рассмеялся.

Сумасшествие какое-то...

Вспомнил. Выпил еще.

С утра он, как всегда, не глядя проглотил завтрак, подумал, что утро скоро кончится, принял две таблетки аспирина, теплый душ, выпил кофе и отправился на прогулку.

Парк, фонтан, дети, пускающие по воде кораблики, трава, пруд, - все вокруг вызывало в нем ненависть; он ненавидел утро, солнечный свет, облака, окруженные синевой, словно крепости рвами.

Сидел на скамейке и ненавидел. И вспоминал.

Если он на грани помешательства, то лучше уж перешагнуть эту черту, подумал он, чем топтаться на ней - ни туда ни сюда.

И тут же вспомнил все снова...

А кругом, прославляя Овна, зажег первые зеленые фонарики апрель; стояло ясное, прозрачное утро, напоенное весенней свежестью.

Собрав в кучу сор, оставшийся от зимы, ветер уносил его куда-то вдаль, к серому забору, гнал по воде кораблики, пока они не застревали у берега в грязной жиже с отпечатками детских ног.

Над зеленоватыми медными дельфинами раскинулся, словно зонтик, прохладный фонтан. На водяных струях ослепительно горели от-

блески солнца. Струи трепал ветер, разбивая их на множество мелких брызг.

Рядом на панели воробьи, сбившись в кучку, клевали прилипшую к красной обертке недоеденную конфету.

В небе, то ныряя вниз, то снова взмывая, парили хвостатые змеи, повинуваясь воле детских рук, держающих за невидимые нити.

На телефонных проводах висели зацепившиеся обломки деревянных рамок, обрывки бумаги, напоминающие скрюченные скрипичные ключи и полустершиеся "глиссандо".

Он ненавидел провода, змеев, детей, воробьев.

А больше всего - себя.

Как переделать то, что сделано? Никак. Способа не существует. Можно мучиться, вспоминать, раскаиваться, проклинать - или забыть. Вот все, что остается. В этом смысле возвращения к прошлому неизбежны.

Мимо прошла женщина. Он не успел взглянуть ей в лицо, она уже удалялась: светлые волосы, угрюмой волной спадающие на воротник, черное пальто, уверенные движения крепких ног, обтянутых тонкими ажурными чулками, печальное постукивание черных, в тон пальто, каблучков, - у него перехватило дыхание, зачарованный ее походкой, замысловатым узором чулок, грустью, сквозящей во всем ее облике, и еще чем-то, удивительно созвучным его последним мыслям, - он не мог оторвать от нее глаз.

Он привстал, собираясь идти, и вдруг перед глазами все замерло, затянувшись розовой пленой; фонтан напоминал вулканчик, извергающий радужную лаву.

Мир застыл в неподвижности, словно картинка под стеклом.

...Женщина в черном пальто прошла, пятясь, мимо, а он слишком рано опустил глаза и опять не смог рассмотреть ее лица.

"Снова этот ад", - подумал он, глядя на птиц, вспять летящих по небу.

Он не пытался сопротивляться. Пусть все идет, как идет, пока он не выдохнется, не изведется окончательно.

Он сидел на скамейке и ждал, что будет, наблюдая за всякой чепухой вокруг: фонтан всасывал назад струи, изгибающиеся аркой над неподвижными дельфинами, кораблики в обратном направлении пересекали пруд, от забора, словно не нашедшие приюта скитальцы, неслись прочь обрывки бумаги, а воробьи, клевок за клевком, восстанавливали по крошкам конфету.

Он оставался хозяином своих мыслей - и только: в остальном его несло по течению, вернее, против течения.

Вскоре он поднялся и спиной вперед медленно вышел из парка.

По улице мимо него прошел, пятясь, мальчик, насвистывая от конца к началу обрывки популярной песенки.

Чувствуя приближение похмелья, он поднялся, пятясь, по лестнице к себе домой, возвратил кофе в чашку, воду - в душ, аспирин - в пачку и, совершенно разбитый, лег в постель.

"Ну и пусть", - решил он про себя.

Во сне перед ним промелькнул в обратном направлении смутно знакомый кошмар с неоправданно счастливым концом.

Когда он проснулся, было темно.

Он был совершенно пьян.

Попятившись к бару, принялся все в тот же бокал сплевывать выпитое, наполняя бутылку за бутылкой. Отделять джин от вермута было совсем несложно. Он держал в руках откупоренную бутылку, а струя соответствующей жидкости сама выстреливала прямо в горлышко.

За этим занятием опьянение постепенно проходило.

И вот перед ним самый первый мартини, на часах 10.07 пополудни. Тут, продолжая галлюцинировать, он вспомнил о предыдущем приступе. Что проделает время с той, другой, галлюцинацией, может быть, "мертвую петлю"? Вперед, а потом снова вспять?

Нет.

Пролетело мимо, словно ничего не было.

Вечер возвращался в день, продолжая обратный ход событий.

Он поднял трубку, сказал свидания до, сообщил Муррею, что работу на придет не снова завтра, и, немного послушав, повесил трубку; телефон зазвонил.

На западе взошло солнце, и машины задним ходом повезли на работу своих владельцев.

Просмотрев сводку погоды и заголовки, он сложил вечернюю газету и вынес ее в прихожую.

Такого долгого приступа у него еще не было, впрочем, какая разница? Он чувствовал себя зрителем, удобно расположившимся у экрана: перед ним раскручивался в обратную сторону знакомый сюжет.

Ближе к рассвету вновь наступило похмелье. С отвратительным самочувствием он улегся в постель.

А когда проснулся предыдущим вечером, был сильно пьян. Наполнил, закупорил, запечатал две бутылки. Он знал, что скоро отнесет их в винную лавку и получит назад деньги.

Пока губы в обратной последовательности бормотали проклятья, а глаза пробегали страницу за страницей, ему представлялось, как верзут обратно в Детройт и разбирают на детали новые автомобили, как воскресают в предсмертных судорогах покойники, а ничего не подозревающие священники служат по ним панихиду.

Ему стало смешно, но усмехнуться не удалось: рот не слушался.

Прибавилось две с половиной пачки сигарет.

Снова пришло ощущение похмелья. Он лег в постель, и вскоре на востоке зашло солнце.

Время летело крылатой колесницей: вот он открывает дверь соболезнущим, прощается с ними, а они заходят, рассаживаются и уговаривают его не изводить себя.

При мысли о том, что будет дальше, на глаза наворачивались слезы.

Он испытывал боль, несмотря на сумасшествие.

...Сумасшествие, повернувшее время вспять.

...Вспять уносившее день за днем.

...День за днем, вплоть до той минуты, когда ему стало ясно: теперь уже скоро.

Он мысленно стиснул челюсти.

Глубока была его скорбь. Сильна, как смерть, его ненависть и любовь.

Одетый в черный костюм, он наполнял бокал за бокалом, а тем временем какие-то люди где-то наскребали на чистые лопаты комья земли; этими лопатами предстояло раскапывать могилу.

Задним ходом он подвел машину к похоронному бюро и, поставив ее на стоянку, пересел в лимузин.

Так же задним ходом доехали до кладбища.

Он стоял, окруженный друзьями и знакомыми, и слушал священника.

- твоему праху Мир... - Что, в общем, то же самое, что и "Мир праху твоему", особой разницы нет.

Гроб отнесли в катафалк, а затем отвезли обратно в похоронное бюро.

Отсидев службу, он отправился домой; при помощи бритвы и зубной щетки возвратил себе щетину и ощущение несвежести во рту; затем лег спать.

Проснувшись, снова оделся в черное и вернулся в похоронное бюро.

Все цветы были на месте.

Знакомые с траурными лицами расписывались в книге соболезнований и пожимали ему руку. Потом прошли в комнату - посидеть возле закрытого гроба. Потом все вышли, оставив его наедине с распорядителем похорон.

Потом наедине с собой.

Слезы катились вверх по щекам.

Костюм и рубашка стали свежими и нематыми.

Вернувшись домой, он переоделся и в обратном направлении прошелся расческой по волосам. Угасший день сменило утро; он лег и проспал всю ночь до предыдущего вечера.

А вечером понял, что ждет его дальше.

Мобилизовав всю свою волю, он дважды пытался прервать ход событий. Безуспешно.

Ему хотелось умереть. Если бы тогда он покончил с собой, ему не пришлось бы пережить этот день заново.

Вспоминая события, происшедшие в ближайшие сутки, даже меньше суток, он внутренне содрогался от слез.

Чувствовал, - договариваясь насчет гроба, могилы, разных похоронных принадлежностей, - как прошлое крадется за ним по пятам.

Он отправился домой, где его ожидало самое сильное за все это время похмелье, дома поспал и, проснувшись, принялся за мартини;

затем, совершенно трезвый, пошел в морг, а когда вернулся, как раз успел к концу телефонного разговора, того самого, что когда-то...

...прервал поток его раздраженных мыслей.

Она мертва.

Лежит в разбитой машине где-то на девяностом километре автострасы "Интерстейт".

Он курил растущую на глазах сигарету и ходил взад и вперед по комнате, зная, что в эту минуту она истекает кровью, попав в аварию на скорости восемьдесят миль в час.

...Теперь умирает.

...А теперь - жива?

Раны затягиваются, разглаживаются вмятины на машине; неужели жива? Поднимается, берется за руль и задним ходом мчит на огромной скорости домой? И скоро хлопнет дверью, повторяя финал их последней ссоры? И будет раздраженно выкрикивать перевернутые фразы? И он - тоже?

Он мысленно ломал себе руки. Душа разрывалась от беззвучного крика.

Только бы не прервалось. Только бы не сейчас.

Силой скорби, любви, ненависти к себе он отброшен так далеко назад; так близка эта минута...

Не может быть, чтобы сейчас все закончилось.

Немного погодя он прошел в гостиную: ноги делали шаг за шагом, губы со злостью что-то бормотали, сам он напряженно ждал.

Дверь, хлопнув, запахнулась.

Вот и она: вся в слезах, по лицу размазана тушь.

- !черту к убирайся и Ну, - выкрикнул он.

- !ухожу Я, - закричала она.

Она шагнула назад, в глубину квартиры, и закрыла дверь.

Поспешно повесила пальто в стенной шкаф.

- .кажется так тебе если, делать Что. - Он пожал плечами.

- !себе о только думаешь Ты, - крикнула она.

- !ребенок как себя ведешь Ты, - сказал он.

- !раскаиваешься не даже Ты, - кричала она.

...Ее глаза, словно изумруды, сияли сквозь розовую дымку; все замерло. Она вновь была жива, она вновь стала прекрасна! Он готов был плясать от радости.

Время изменило свое направление.

- Ты даже не раскаиваешься!

- Раскаиваюсь, - ответил он, крепко стискивая ее руку в своей. - Ты даже не представляешь себе, до какой степени.

- Иди ко мне.

И она послушалась.

ГЕЕННА

а

Эдвард ехал в метро от 44-ой улицы к Гринфилд-гарденс. Поезд остановился на 33-ей улице, 27-ой улице, 17-ой улице и Христоферс-секл. Случилось так, что на этой вечеринке Эдвард встретил свою жену.

Это была одна из обычных, "всем-нам-осточертевших" вечеринок в Гринфилд-гарденс; она сидела в углу комнаты, скрестив ноги, и слушала, как мужчина с обвислыми усами играет на мандолине. Эдвард даже пересек комнату, чтобы поздороваться с ней. Она посмотрела на него с неприкрытой незаинтересованностью и придвинулась к мужчине с мандолиной, который, как впоследствии выяснилось, спал с нею. Но Эдвард был настойчив - в детстве родители внушили ему, что самый большой его недостаток - нехватка самолюбия, и он воспринял это близко к сердцу. К концу вечеринки он получил ее адрес.

Два дня спустя он появился с корзиной из супермаркета, набитой деликатесами, и спросил ее, не поможет ли она ему все это съесть. Она пожала плечами и познакомила его со своими кошками. Три недели спустя они в первый раз переспали друг с другом, а еще через неделю он подрался с мужчиной, игравшем на мандолине, после чего тот пожелал им всего наилучшего, и больше она его не видела. Еще через несколько дней Эдвард и Юлия обручились, а через месяц в городишке Элктаун они вступили в брак.

А вернувшись в Новый Лондон, начали совместную жизнь. Он забросил математику и стал счетоводом, она забросила живопись и стала раз в неделю ходить в антикварные магазины, время от времени принося оттуда разные вещи. Эта жизнь была не так уж плоха, хотя и началась она несколько шиворот-навыворот.

Три года спустя Эдвард открыл дверь и увидел, что Юлия играет с их годовалой дочкой, размахивая погремушкой и опуская ее в ротик дочери. Он любовался этой милой сценой, пока жена не оглянулась, - тогда он увидел, что она плачет.

Он поставил свой "дипломат" и спросил, что случилось; она сказала ему, что их жизнь была совершенно напрасной. Она не получила того, что хотела; она не хотела того, что получила. Ее окружают вещи, которые были ненавистны ей в юности. И что хуже всего, - это ее вина. Она говорила, что развод - единственное, что ей остается.

Чувствуя во всем свою вину, Эдвард сказал, что осмотрит окрестности, купит ей хорошенький домик и найдет какую-нибудь нетрудную дневную работу. Так он и сделал, все в точности так и сделал, и

некоторое время они были очень счастливы, хотя и по уши в долгах... пока однажды вечером, вернувшись с дочерью из цирка, он не обнаружил, что Юлия утопилась в ванне.

б

Юлия ехала в метро от 41-ой улицы к Гринтауну. Трамвай остановился на 32-ой, 24-ой, 13-ой улице и у статуи Христа. Как оказалось, на этой вечеринке она встретила своего мужа. Это была одна из обычных "мы-ищем-друг-друга" вечеринок Гринтауна, и он пришел поздно, неряшливо одетый, засунув руки в карманы бесформенных штанов. Он уже где-то успел напиться.

Она пришла туда с парнем по имени Винсент, который ей был безразличен, но умел неплохо играть на мандолине и пел ей песни о любви и разлуке. Если бы песни не были такими однообразными, а жесты не казались такими искусственными... ну, словом, у них тогда были не лучшие времена, и она старалась получить хоть какое-нибудь удовольствие. Но когда ее будущий муж подошел и заговорил с ней, она смогла понять, несмотря на его застенчивость и чувство собственной неполноценности, да, смогла понять, что какая-то часть ее жизни кончилась, как кончилась она и для парня с мандолиной. Он хотел узнать номер ее телефона, но она не верила в телефоны и поэтому дала ему свой адрес. Винсент в это время находился в ванной. Она была очень неуверенна в себе.

Три дня спустя, когда она еще лежала в постели, он пришел с букетом и коробкой конфет и сказал, что не может забыть ее. Улыбаясь, она пригласила его войти, и первый раз это было очень неплохо... словом, это было лучше, чем с Винсентом. К тому времени, когда поздно вечером вернулся Винсент, Эдвард уже ушел, и она сказала Винсенту, что всю жизнь обожала сады, и вот, наконец, нашла подходящего садовника для своего сада. Потом она рассказала, что произошло между ней и Эдвардом. Он плакал, и ругался, и говорил, что она предала его и разрушила их маленький мирок, который они создали вместе... но она оставалась спокойной. Она сказала, что между настоящим и будущим надо раз и навсегда провести черту.

После этого она неделю не видела ни Эдварда, ни Винсента. Потом пришел Эдвард с чемоданом. Он сказал, что покинул родительский дом и пришел жениться на ней. Так сразу она не вышла за него замуж, но несколько недель они жили вместе. А однажды, совсем обычным, ничем непримечательным вечером она нашла в почтовом ящике записку с известием, что Винсент покончил с собой.

Она так никогда и не узнала, кто послал записку, и ничего не сказала Эдварду. Но через неделю в Йонкерсе они поженились и отправились на фешенебельный курорт, где некоторое время были очень счастливы.

Они вернулись, купили новую мебель. Он забросил астрономию и стал консультантом по исследованиям в промышленности. Ей жилось очень легко - так же, как и до встречи с Эдвардом, а ночи были хороши, очень хороши. Затем - беременность, тяжелая, но ребенок родился... здоровый ребенок с нежными ручками и способностью к музыке. Ее назвали Анной. Эдвард сказал, что теперь им нужен настоящий дом, но она сказала, что можно продолжать жить и так, хотя бы пока Анна не пойдет в школу. Но однажды вечером он пришел домой очень взволнованный и сказал, что нашел дом в пригороде. Она сказала, что это чудесно. Он сказал, что теперь они будут совсем счастливы, и она согласилась.

Они уехали из Йорк-Харбора в пригород и некоторое время с увлечением играли в преферанс и бридж, занимались всякой ерундой, и были довольны друзьями и чистым воздухом, полезным для ребенка. Но Эдвард безо всяких на то причин стал все глубже впадать в депрессию, и, проснувшись однажды утром, она увидела, что его кровать пуста, и нашла его с перерезанными запястьями, глядящим остекленевшими рыбьими глазами, на дне забрызганной кровью ванны.

С

Винсент ехал в метро от 39-ой улицы к Сити-оф-Гринс. Поезд остановился на 36-ой, 19-ой улице и у Христ-тауэрс. Как потом оказалось, на этой вечеринке он потерял свою девушку. Это была обычная "посмотрите-какие-мы-все-эмансипированные" вечеринка в Сити-оф-Гринс, и странно, что они пришли на нее не вместе, ведь они оба жили совсем рядом со станцией на 39-ой улице. Но она любила утверждать свою независимость именно в таких, раздражавших его мелочах.

В этот вечер она грустила, и он ничем не мог ей помочь, не то чтобы понять; когда-то им было очень хорошо друг с другом, но теперь что-то случилось. Они встречались уже четыре месяца - с тех пор, как она порвала с его лучшим другом, и он играл ей на мандолине свои песни про несчастную любовь, про любовь до гроба, про одиночество, про счастье, которое ждет впереди. Когда-то ей нравилось, как он поет, она даже сказала, что с музыкой он отдал ей свою душу.

Итак, на этой вечеринке он играл ей, и пел, и с нетерпением ждал, надеясь, что они скоро поедут к ней домой, оставят мандолину у кровати и займутся любовью. И увидел, что она смотрит на другого мужчину, сидящего в углу, который отличался от всех остальных - он не был пьян. Мужчина смотрел на нее тоже, и тут Винсент понял, что обречен.

Чтобы еще раз доказать себе это, он положил инструмент к ней на колени и вышел в ванную. Когда он вернулся, они отскочили друг от друга, и ему стало ясно, что мужчина получил ее адрес. Ничего не оставалось, кроме как уйти с вечеринки, и он помог ей надеть пальто и.

закинув мандолину за плечо, спустился следом по лестнице. На полпути домой он сказал, что она предала их обоих. Она некоторое время не отвечала, а затем пробормотала, что не может противиться ни себе, ни другому человеку... Эта ночь была самой лучшей из всех, которые они провели вместе.

Да, самая лучшая из всех ночей, и всю ночь ее кот терзал струны мандолины, извлекая из нее воющие звуки, и катал инструмент по полу. Утром он оделся и ушел, забрав кое-какие свои вещи, и они не виделись несколько дней. Когда он вернулся, у нее на лице было совсем не знакомое ему выражение, и под одеялом в ее постели спал другой мужчина.

Ему было все равно, он потерял всякую способность удивляться с тех пор, когда она бросила его лучшего друга, чтобы уйти к нему. Он просто хотел встретиться с этим мужчиной, Эдвардом, который, возможно, тоже стал бы его лучшим другом, но мужчина этого не хотел, и между ними была очень неприятная сцена, и сцена закончилась тем, что Винсент ударил мужчину и оставил его скулять на полу.

Он никогда больше не видел ни его, ни ее - победителей или побежденных. Он не хотел этого: он убедился во всем, в чем хотел убедиться. Но он часто вспоминал о ней; а много лет спустя, когда покончил с собой, бросившись с крыши пентхауза, чувствовал на себе дуновение сухого нью-йоркского ветра и видел приближающуюся улицу, он вспомнил о своей старой мандолине, ее мрачном коте и самой лучшей их ночи, которую она подарила ему потому, что уже решила бросить его.

d

Их ребенок, Анна - девочка с очень нежными, чувствительными ручками - превратилась в молодую особу, которую время от времени было не оторвать от витрин магазинчиков, сдающих вещи напрокат. Там были выставлены старые мандолины, а однажды она целую неделю брала уроки музыки. Но у нее не хватило ни денег, ни терпения - это были самые серьезные ее недостатки - как, впрочем, и отсутствие самоуверенности, и она вернула взятую напрокат мандолину.

Сейчас она едет на вечеринку в Гринвич-вилладж. Она пока не знает, что с ней случится. Вечер еще остается тайной. Она еще достаточно молода, чтобы слышать плач в порывах ветра... сегодня может случиться что-то, что решит ее судьбу, хотя она и не знает об этом. Посмотрите на нее. Она проезжает остановку "Площадь Таймс"; в сумерках по вагону разносится трель трамвайного звонка.

Она с улыбкой считает остановки. Поезд проезжает 34-ю улицу, 28-ю улицу, 23-ю улицу, 18-ю улицу и 14-ю улицу. Теперь - Христوفر-стрит и площадь Шеридана.

ОТЦЫ И ДЕТИ

1

Я запряг своего отца. Месяцы, нет, годы я ждал этого мгновения; теперь не выдержал и, размахивая кнутом, с гиканьем гоню его по улицам. Он семенит, с трудом переставляя подагрические ноги; дряблый рот исходит слюною. Отец старается изо всех сил, стонет, жалуется, что я слишком часто и больно вытягиваю его кнутом. Но я непреклонен, чаша моего терпения полна до краев. Я жажду возмездия. Может быть, со стороны это кажется жестоким, но таков обычай.

Вдоль обочины рядами встали люди. Впрочем, они ничуть не удивлены. Каждое погожее воскресенье сыновья и дочери с утра запрягают отцов и гоняют их до самого полудня. Погонщиков обычно десяток-два, но сегодня остальные, возможно, из уважения ждут, пока я не исполню свой долг. Все-таки я долго терпел, был сама покорность и теперь заслуживаю всеобщего внимания и нахожусь вне конкуренции.

Нам предстоит дорога длиной в милю, вниз по главной улице, и уже на полпути я тяжело дышу, хотя не нанес ему и десятой доли всех положенных оскорблений. Я задыхаюсь от избытка чувств и оттого, что устал на него кричать.

- Но-о-о! Сукин ты сын! - погоняю я его, когда мы пересекаем Третью улицу. - На, получай! - хлещу с размаху и вижу пульсирующие ручейки крови - они как набрякшие жилки на бледной коже. Он уже стар - ему семьдесят восемь лет.

- Вот тебе за то, что ты не взял меня с собой на автостоянку, - приговариваю я и хлещу кнутом. - Тогда ты сказал, что это работа для мужчин и я должен остаться с матерью в ресторане. А вот это - за то, что ты недодал мне карманных денег, помнишь? Педик старый! Стал выдавать по семьдесят пять центов, потому что тебе не нравились мои друзья! Не нравились, видите ли! - выкрикиваю я и со свистом опускаю кнут на его спину. - За тридцать лет тебе даже в голову не пришло, что у меня есть свой внутренний мир, свои мечты, свой смысл жизни. И ты посмел спорить со мною!

Отец пыхтит и ускоряет шаг. Толпа вяло аплодирует, когда он ковляет мимо, и я снова вытягиваю его кнутом, заставляя увеличить скорость.

- Вспомни, как я целовался с Дорис в гостиной, а ты вошел - в пижаме, старый сукин сын, - и сказал, что мне еще рано! Вспомни! Я не забыл это, чертов старик, - говорю я, отпуская ему очередной удар. - Это за то, что ты вынуждал мать ложиться с тобой, несмотря на ее усталость, болезнь или отравление к этому; за то, что лапал ее и вводил в спальню! Получай! - хлещу его изо всех сил.

Боль заставляет плясать кровь в его венах, и он испускает жалобный вой. Это прекрасно, прекрасно: танец его крови, гармония его

крика, музыка его боли, радость моего освобождения - все вместе, и еще солнце, улица, облака, телега, кнут, память, утрата и возмездие...

Мы несемся через весь город к неминуемой развязке...

2

Я везу своего сына. Тридцать шесть лет я ждал этого мгновения, и, наконец, мое время пришло. Мерзкое отродье! Он визжит, сидя в тележке позади меня, вост и рыдает; кнут дрожит в руке - его унижение на виду у всех, кто пришел посмотреть на нас. Многие отцы в этом городе везли своих сыновей. Теперь моя очередь. О, как долго, невыносимо долго я ждал этого! Я едва сдерживаю слова благодарности, которые хочу прокричать солнцу.

Недавно еще шел дождь, но сейчас прояснилось. Нас видят все, видят его мучения, его вину, его ужас, его потуги - да, настало время, и это свершилось, ибо я не мог более терпеть. Сзади доносятся его гневные окрики, а кнут лишь слегка задевает меня, не принося никакого вреда.

- Так тебе, шенок, - шепчу я. - Это за то, что ты меня называл старым пердуном в присутствии матери. Тогда я не пустил тебя на улицу, под дождь - ты собирался смотреть тот омерзительный фильм.

Позади раскачивается телега; я знаю, что сын вот-вот потеряет равновесие и упадет.

- Прекрасно! Прекрасно! Получи по заслугам! - кричу ему я. - Подаvisь! Вспомни, как ты, учась в колледже, одолжил у меня пятьдесят долларов и сказал, что вернешь через неделю, а потом спустил все в китайский бильярд, попросил еще и спасибо не сказал! А когда тебе исполнилось семь, ты ворвался к нам в спальню в чистые утра и заявил, что никак не можешь уснуть! Получай! Получай, ублюдок! - я осыпаю его бранью и знаю, что он корчится позади меня на дыбе своего унижения. Никчемность существования угнетает его, он стонет, присев в телеге, он пытается прислушиваться к совести, бормочет, понимая свою уязвимость: "Я получил по заслугам... получил по заслугам..." Самое время каяться.

Рядом рукоплещет толпа. Они машут мне, снимают шляпы, улыбаются - зубы блестят на солнце. Они делят со мной всю сладость его гибели, и я улыбаюсь в ответ, поднимая руку, подмигиваю, заставляю ноги быстрее двигаться, чтобы на очередном ухабе швырнуть его на бесчувственные булыжники мостовой. Швырнуть так, чтобы он лопнул, как пузырь с кровью, а на тротуаре осталась бы только пустая оболочка. Пусть лежит и ждет ночи, когда из южных прерий прибегут предчувствующие поживу собаки, раздерут тело на части и съедят все без остатка.

Уважаемый мистер О'Доннелл!

Ваш рассказ на тему "машина времени" имеет свои несомненные достоинства и с некоторыми исправлениями, как проба пера, вполне нас устроит. Мы можем поместить его в один из наших дешевых журналов. Но, так или иначе, некоторые фрагменты Вашего рассказа следует изменить. Кто займется правкой рукописи, Вы или редакция, зависит только от Вашего решения. Конечно, рассказ не велик по объему, он состоит всего из пятисот пятидесяти слов, и на Вашем месте мало кто из авторов согласился бы приложить все свои старания, тем более за пять с половиной долларов, чтобы основательно переделать концовку и придумать нечто неординарное. Как правило, авторская правка, в случаях аналогичных Вашему, сводится к тому, что авторы, долго не мучаясь, переписывают фрагменты с уже напечатанных рассказов.

Вопрос постоянных повторений концовок рассказов крайне злободневен для нашей отрасли, но мы, тем не менее, надеемся способствовать росту популярности как нашего журнала, так и всей отрасли в целом, что приведет к увеличению сбыта нашей продукции. Надеемся, улучшение произойдет в самое ближайшее время, так как мы собираемся предложить авторам конкурс на тему "Я хочу посетить обратную сторону луны". Надеюсь, что благодаря нашим усилиям, мы сможем повысить расценки и выплачивать авторам на четверть цента больше, чем в настоящий момент. Не знаю, захотите ли и Вы принять участие в конкурсе, но в любом случае я буду рад вновь познакомиться с Вашими произведениями, особенно если Вы готовы пересмотреть Ваше к ним отношение.

Основной недостаток большинства рассказов - затасканность, избитость как сюжета в целом, так и стержневой идеи. Мне приходится читать огромное количество рассказов, так что повторяемость их сюжетов прежде всего бросается в глаза. К примеру, все связанные с дьяволом рассказы, надоевшие до тошноты, авторы которых либо мои друзья, либо друзья моих друзей редакторов. Да... но они, все как один, заверили меня, что уже начали разрабатывать оригинальные сюжеты, внедряя в них новые идеи. От себя хочу добавить, что я всегда недолюбливал насилие, этого добра предостаточно в нашей литературе.

Почти все рассказы о машинах времени, как, извините, и Ваш, содержат, на мой взгляд, две ошибки. Во-первых, рассказы написаны от первого лица. Во-вторых, начинаются с описания стандартной ситуации: Главный Герой записывает в свой путевой дневник, что он, не далее как сегодня утром, удобно усевшись в только что изобретенную и собранную машину времени, отправился в прошлое, где, как и должно, пристукнул своего дедушку: соль рассказа в том, что он (рассказ) обрывается как бы на полуслове. Но не лучше ли написать, как

изобретатель в задумчивости, но с чистыми руками, возвращается домой? Такой (неожиданный) поворот событий смог хотя бы частично развеять скуку, заполнившую помещения нашей редакции.

Однако, что касается лично Вашего рассказа, поворот сюжета в его середине не может не нравиться, а именно в тот момент, когда редактор, прочитав сопроводительное письмо автора, отмечает факт, что они (автор и редактор) находятся в родственных отношениях, хотя и весьма далеких; таким образом и редактор, и редакция со всеми сотрудниками - все могут исчезнуть в одно мгновение, так как в силу вступает темпоральный парадокс. Правда, я не верю, что его реальное обоснование имеет смысл. Зато в конце рассказа вы неплохо иллюстрируете свое предположение, что этот парадокс "влияет более, чем на один уровень отрицательной величины", то есть он влияет не только на ближайших родственников Главного Героя, но и на редактора. Это утверждение выглядит многообещающим.

И все-таки я хочу предложить Вам переписать рассказ, но не от лица изобретателя, а с точки зрения редактора, которому этот рассказ прислан. А для большей убедительности Вам следует использовать форму письменного послания. Покажите, если Вам удастся, как чувство страха накапливается в душе редактора, когда он, в процессе чтения рукописи и работы над ней, начинает догадываться, что исправления в рассказе могут крайне неблагоприятно сказаться на причинно-следственных основах его собственного существования в реальном мире.

Таким образом, перед редактором встает неразрешимая проблема: тема рассказа затаскана до предела, а почтальон ежедневно приносит редактору горы рукописей, которыми завалены все углы комнаты. Редактор провел всю свою жизнь, плутая среди плесени избитых тем, мучаясь дичайшими ночными кошмарами, навеянными рассказами, прочитанными днем. Он давно смирился со своей участью, так как сам обрек себя на нее. Тем не менее отметьте редактора как крупного специалиста в области критической литературоведческой работы. Он всей душой хочет отвергнуть стандартность сюжета, предложенного ему автором, но боится принять решение, страшась возможности одним росчерком пера перечеркнуть всю свою жизнь.

Именно страх является причиной того, что редактор возвращает рукопись автору. Но не отвергая окончательно, а с просьбой переписать рассказ; автор же так настойчив и ограничен, что создается повторная возможность столкновения редактора с рукописью.

Кстати, постарайтесь отметить, что за типичной внешностью бизнесмена, в душе редактора обитает не только любовь к бизнесу. Иначе говоря, опишите, как в момент, когда редактор вскрывает очередной конверт, его позвоночник так сильно сжимает спинной мозг, что

руки трясутся от страха, ведь каждую секунду он ожидает, что и позвоночник, и спинной мозг, и он сам, и вся редакция могут безвозвратно исчезнуть, и... так что же дальше? В самом деле, что?

И вот, если Вы, мистер О'Доннелл, выполните мою просьбу, я ду

Джордж Эффинджер

СРЕДА, 15 НОЯБРЯ 1967 ГОДА

Из лета в зиму -
Мост красно-желтых листьев.
Любовь переходит в любовь.

Джо Алек Эффинджер
15.11.67 г.

Среда, 15 ноября 1967 г.

Что же я сделаю с этим дневником? То есть, я хочу сказать, что вы, мои дорогие жужжащие насекомообразные читатели, уже точно знаете, что я с ним сделаю; но решать-то этот вопрос придется мне самому. Я спрячу эти заметки под склизким камнем, я запечатаю их в бутылку и брошу в гниющее море. Я буду таскать их с собой и, потихонечку сходя с ума, буду вгрызаться в толстый картон переплета окровавленными зубами, а когда, наконец, я упаду и больше не встану, дневник ляжет рядом со мной. Вы найдете его в позеленевших останках моей руки, когда мой, уже почти разложившийся труп будет извлечен на поверхность как памятник прошлым эпохам.

Сегодня 15 ноября 1967 года, и я вас предупреждаю, что все так и останется до самого конца. То, о чем говорится в начале страницы. Это единственная страница с датой, других дат нет и не будет, так что, надеюсь, вы ничего не имеете против. Вы когда-нибудь слышали о шестидесяти седьмом годе? Слышите ли вы в этой дате всеобщую радость победившего класса? Класса насекомых?

А может, я слишком оптимистичен, может, вы обнаружите этот дневник сразу, через пятнадцать минут после того, как я сниму противогаз. В таком случас, где же были вы в среду, 15 ноября 1967 года?

Мы переживаем экологическую катастрофу. В 1967 году почти все знали, что слово "экология" стало чаще других встречаться на страницах газет. Наиболее просвещенные считали, что оно имеет какое-то отношение к науке о словообразовании.

Так вот, катастрофа...

Думаю, не стоит мне здесь распространяться о самой катастрофе;

я уверен, что вы там, в далеком будущем и без того прищелкиваете своими жвалами* от удовольствия, восхищаясь тем, как быстро и вкусно мы сами все провернули. Об этой нашей ловкости говорилось не раз, и даже сейчас я не могу не восхищаться ею.

Итак, чтобы эти заметки остались вам в назидание и при чтении доставили максимум удовольствия, мне необходимо решить сегодня, как я с ними поступлю.

Наш первенец родился 15 ноября 1967 года. Я стоял и смотрел на брови моей жены, дрожавшие над маской противогаза, на ее лоб, весь собиравшийся в морщины, когда она напрягалась. Я, конечно, ничем помочь не мог. Таким я был, таким и остался. Но мы вызвали доктора, чему я очень рад. Он показал мне сына и, насколько помню, я тогда улыбнулся под респиратором. Кажется, Джорджи кричал: они все это делают. Без этого нельзя. Я никогда по-настоящему не любил младенцев; от их криков всегда становилось неуютно. А Дая всегда мне говорила, что младенцы только для этого и существуют. Я любил ее...

Как бы то ни было, я тогда подумал, что моему сыну, наверное, очень больно. Слезы, катившиеся градом по щекам, выжигали на его лице глубокие борозды - не удивительно, ведь воздух был перенасыщен парами хлороводорода и двуокиси серы. И, естественно, к тому времени противогазов уже не делали, так что мы не смогли ничего достать для Джорджи. Примерно через час он умер. Я сжал руку Дая.

Я брожу по нашей несчастной, разоренной планете, брожу и каждый раз поражаюсь. Какая дьявольская красота заключена в этой покрытой ржавой пылью земле, в этом болезненном серо-желтом небе - ставшем стенкой материнской утробы нашего ночного рая. Все это зачаровывает и выглядит до тошноты успокаивающе, как успокаивали нас раньше сирены скорой помощи. Помню, я хотел быть поэтом. Чтобы научиться этому, ходил на курсы, и когда случилась катастрофа, я не совсем был к ней готов...

Нет ничего в потрескавшейся стене,

Но в трещинах я вижу тебя;

Я вижу тебя на кирпичной стене

и внизу под камнями.

И интересно мне, с недавних пор,

Насколько больше существует трещин,

чем стен.

Джо Алек Эффинджер

15.11.67

Вчера ночью мне приснился странный сон. Мне снилось, что, путешествуя по руинам этой, когда-то гордой, страны, я набрел на не-

* Жвала - верхние передние челюсти у насекомых и ракообразных. (Примеч. переводчика.)

кий символ нашей цивилизации - гору разбитых автомобилей, уходящую в облака, от Детройта до самой Луны. И мне приснилось, что я начал карабкаться на эту башню, пытаюсь бросить навсегда родной, но давно уже мертвый наш мир, надеясь достичь новой, незагаженной еще планеты, начать и продолжить новую жизнь. И мне снилось, что, поднимаясь все выше и выше, я, наконец, устал настолько, что надо было остановиться и отдохнуть; я влез в огромный темно-бордового цвета Понтиак модели "Каталина", который вознесли аж до небес издержки рекламы. Чтобы отдохнуть, я улегся на полиэтиленовые чехлы на сиденьях и заснул.

Это был сон во сне, и в этом сне мне приснилось, что я выглянул наружу сквозь паутину трещин на лобовом стекле. Разноцветные стальные панцири автомобилей потеряли очертания, а потом и вовсе исчезли. Неожиданно я оказался на краю большого плато, подо мной плавным изгибом уходила вниз долина, как будто прибитая к горизонту гвоздиками молодого только-только зазеленевшего леса. Посреди долины я увидел речку, которая неслась через перекаты, вся в белоснежной пене: ближе к середине, на глубине, она становилась небесно-голубой, а в воздухе над речкой искрилась в лучах солнца водяная пыль. Мне стало очень хорошо при виде этой картины, и я забыл о реальности и с радостью отдался этому обману. Я опустился на росистую траву на краю плато и стал внимательно разглядывать долину, вознося хвалу Господу за то, что мир еще не уничтожен *полностью*.

В этом радостном состоянии я какое-то время смотрел на бегущую внизу речушку, но вот я стал замечать тени каких-то странных микроскопических существ, мелькавшие под поверхностью воды. Казалось, ни одна амеба, ни один даже самый маленький комочек живой материи не мог укрыться от моего взгляда. С края плато, благодаря необыкновенной силе зрения, я видел каждый вирус, каждую бактерию, каждую инфузорию. Они рождались, развивались и умирали все быстрее и быстрее, я восхищался, глядя на эту жизнь, кипевшую в питательном бульоне реки. Постепенно я стал понимать, что вижу уже не только сумасшедшее движение и жизнь микроскопических существ в отдельности, но в их действиях появлялась система, они стали объединяться, образовывать колонии. Вскоре мне показалось, что я вижу цельный организм, который уже не равен сумме его частей, и тут я понял, что над всем этим витает некая благодатная, но еще незаконченная МЫСЛЬ. Я понял, что присутствую при рождении Творца.

А молекулы-животные продолжали свое хаотическое движение, и тут я заметил, что они увеличиваются в размерах, медленно, но неуклонно. Завороженный, боясь шелохнуться, я смотрел, как развивались биологические типы; шаг за шагом, согласно заранее составленному плану; река становилась домом для все большего количества тварей. Представители каждого нового поколения превосходили по размерам своих предшественников, а значит были более пророчливы.

Мне пришло в голову, что каждый новый вид, появляющийся в процессе эволюции, становился доминирующим и, казалось, умея лучше других адаптироваться к окружающей среде, захватывал власть навсегда. Но нет, едва успевал этот вид набрать силу, как появлялся новый; еще лучше приспособленный - и победитель всегда оказывался крупнее.

Я был зачарован этим парадом живых существ, настолько опьянен величием и логикой происходящего, что не замечал некоторых особенно быстротечных изменений, таких как появление хордовых или (должен признать) их эпохальный выход из воды ради еще не опробованных преимуществ суши. И настолько я был поглощен всем этим, что пришел в себя, только когда заметил ползающих по берегу громадных рептилий.

Этими монстрообразными раскачивающимися страшилищами были динозавры, чье существование до этого я признавал лишь теоретически. Я был ошарашен их размерами, их невиданной мощностью, поражен жестокой и беспощадной борьбой между плотоядными бестиями. Зная, что их ждет, было грустно наблюдать за тем, с какой явной уверенностью они захватили землю, считая ее принадлежащей им навсегда. Все поколения динозавров, все эти страшные миллионы лет пронеслись передо мной всего лишь за какой-то час.

И вот, снилось мне, время гигантов прошло; динозавры исчезли. Куда? И во сне я сам себе ответил: "Ушли туда, откуда явились все эти млекопитающие". Эти теплокровные создания, получив в наследство от рептилий их главенствующее положение, вскоре пошли по пути уменьшения в размерах, и так - из поколения в поколение. Они быстро размножались, заполняя долину и лес бесчисленным множеством своих представителей. И, как и должно было случиться, через какое-то время я стал свидетелем появления гуманоидов. Я был невыразимо счастлив - наконец-то в этом самом красивом уголке Земли у меня будет компания; я с нетерпением ожидал появления настоящего разумного, современного человека.

Это появление не заставило себя долго ждать. Но не успел я им крикнуть (насколько быстро стала раскручиваться спираль времени), как увидел, что там, где был девственный лес, уже выросли города; и пока я пытался спуститься к ним туда, в долину, небо заволочли так хорошо мне знакомые ядовитые тучи заводского дыма, а свежая зелень приобрела болезненно серый или красно-коричневый цвет. В полном отчаянии я отвернулся от изгаженной долины и побрел по плато в поисках другого, не разоренного еще уголка...

Но вот я проснулся, и оказалось, что лежу я не на волшебном плато, а все в том же покореженном автомобиле. Я тяжело вздохнул, понимая даже во сне, что в моем погибающем мире нельзя и мечтать о такой долине. Толком не отдохнув, но полный желания двигаться

дальше, я выбрался из машины и продолжил нелегкое восхождение на сей памятник труду человеческому. Гора автомобилей стояла как одинокое надгробие на всепланетном кладбище для людей и всех живых существ, которых мы обрекли на смерть вместе с нами. И, конечно, было уже слишком поздно лить бесполезные слезы или даже заниматься поэтическими сравнениями: я карабкался вверх - только чтобы спастись от мертвого прошлого и от мертвого настоящего.

Ветер становился все холоднее (я уже взобрался высоко), но я все лез и лез, цепляясь за выступы крыльев и проржавевшие дверные ручки автомобилей. Я не смотрел вниз, но мне снилось, что я вижу себя ползущего дюйм за дюймом вверх по стальному шпилью, а внизу земля скрыта клубящимися тучами песка. Стало совсем холодно, в разреженном воздухе дышать было трудно. Через какое-то время пришлось остановиться - я задыхался. У меня не оставалось сил ни продолжать лезть вверх к заветной цели, ни повернуть назад. Я уже совсем не мог дышать, даже отравленный ветер предал меня; воздух был слишком разрежен и ядовит, чтобы выжить. Я отчаянно пытался наполнить легкие кислородом - сон-мечта превратился в кошмар.

С криком я проснулся. Оказалось, что во сне я сорвал с себя противогаз. Не знаю, сколько времени я дышал нашим так называемым "воздухом", но, несомненно, достаточно долго, чтобы это повествование значительно сократилось.

На деревьях, на домах
Первые снежинки радуют глаз.
И еще танцуют при этом!
Джо Алек Эффинджер
15.11.67

- Эй, дядя Кэйлиб! Чтой-то вы так рано поднялись сегодня?

- Да вот, решил опять поглядеть на этих чертовых жуков. Не могу спать, когда знаю, что они где-то там ползают. Зима, кажется, обещает быть тяжелой.

- Похоже на то. Папа вот заказал еще этой гадости, чтоб жуков травить. Только я думаю, ему понадобится целая куча.

- Может, он и заказал целую кучу.

- Да уж наверное. Это у нас уже случается который раз, четвертый или пятый?

- Кто его знает. Я уж давно со счета сбился. Да и чего считать? Нынче я вот просто сижу здесь и гляжу на этих тварей, а вот парень - живет у магазина, знаешь? - говорит, вся эта чума из-за таких людей, как твой папаша.

- Это Хокинс, что-ли, этот свихнувшийся ученый? Да его лучше не слушать. Вечно чушь всякую несет.

- Не знаю, не знаю. Вот на прошлой неделе, я слышал, этот Хокинс со стариком Дерфи разговаривал. Так вот получается, что эта штука, чтоб жуков травить, морит всех подряд. Вроде

выходит, что от этой гадости помирают твари, которые жуков этих в природе есть должны. Вот птицы, например. А потом жуки как начнут плодиться - те уже, которые к яду привыкли. Ну вот, и ахнуть не успеешь, а их уж миллионы - тех, которые яду не боятся. А птичек-то уже не вернешь, да. Так что твой папаша только хуже делает.

- Но ведь... Если этот Хокинс прав, тогда... тогда мы все здорово влипли с этим.

- Во-во.

- А вообще, влипли-то мы как раз из-за таких ученых, как этот Хокинс. Ему бы сидеть и соображать, чем бы лучше уморить этих тварей, а не шляться повсюду и ныть: "Я вам говорю, я вас предупреждал".

- Нет, Билли, это не ученых вина, это полностью наша вина. Мы стали использовать их прекрасные идеи, наплевав на все предупреждения и запреты. Ученые всегда помогали людям. Но по нашему невежеству и жадности мы сами же все и испортили, а теперь настолько в этом завязли, что никто, даже они уже не смогут нам помочь.

- Но что же нам делать, дядя Кейлиб?

- То, что всегда делали, сынок. Молиться.

Так что, если кто и выживет, это будут насекомые. Может, мне стоит написать записку, вставить ее в лапки кузнечнику - и пусть скачет к своему хозяину, как старый добрый Рин Тин Тин.

Мое воображение в истерике: "Нет! Может, все будет совсем не так!" У насекомых, конечно, шансов много: они просто продолжают тенденцию к уменьшению в размерах, пока земля не станет опять покрыта полубессознательным, самовоспроизводящимся желе. Но, возможно, судьба распорядится иначе, и мы, человечество, передадим эстафету новому, лучшему типу жизни, новому миру, где ДНК будет с успехом заменена другим, ничуть не хуже работающим веществом. Какой-нибудь асимметричной молекулой, произведенной на свет благодаря случайному скрещиванию, ну, например, ДДТ и 2,4,5-Т. Неплохо: огромные мерцающие кристаллы, медленно ползущие к горизонту, несомненно предпочтительнее, чем трескучие насекомообразные, каковыми я вас представляю, уважаемые потомки. Неужели должна была пройти вечность, прежде чем у вас отросли конечности и вы смогли выкопать вот это?

И ожидали ли вы увидеть здесь последнее, мрачное предупреждение? Ну ничего. Я не собираюсь говорить с вами через океан вечности голосом мудрости и опыта, убеждать вас Быть Хорошими. Ведь мертвы не вы, а я. Черт побери, почему бы вам тоже не умереть? Так что, все, что вам удастся здесь прочесть - это лишь несколько небылиц, которые я пишу, чувствуя, что все больше скатываюсь к буйному помешательству.

Итак, в качестве последнего еще живого депутата от человечества

(конечно, как вы понимаете, не по числу голосов остальных, а по данному мне свыше праву) я принял решение исключить из современного языка некоторые слова; их употребление отныне запрещено. Данное решение было принято сегодня вечером и публично объявлено на специальной пресс-конференции, созванной здесь на Верхнем Вест-сайте. Высокопоставленный представитель правящего кабинета, внимательно ознакомившись со всеми записями в настоящем дневнике, зачитал нижеперечисленный список запрещенных к употреблению слов:

Экология, двуокись серы, символ, цивилизация, реклама, полиэтилен, Бог, превосходство, современный, промышленный, ученый, неприятность, (ДДТ)+(2,4,5-Т), человечество.

Уже сейчас, просматривая этот список, я слабо себе представляю, что значат эти слова. Они больше никогда не будут употребляться мной, а значит, никогда не будут употребляться никем. Несоблюдение данного указа не влечет за собой никакого специального наказания. Мы поверим вам на слово. Все равно это ничего не меняет.

В случае ничейного исхода будут вручены одинаковые призы.

Уходящая из жизни Дая. Как красиво звучит эта фраза. Эфемеризм, стоит чуть не доглядеть - и из этого вырастает уже целая поэма. Только вот как-то не хочется мне писать поэму на смерть собственной жены.

Я очень ясно все помню. Это было незадолго до конца. Мы ехали в нью-йоркской подземке. Кто ее обслуживал, кто водил поезда - не знаю; городские власти к тому времени давно уже перестали заниматься транспортом. Да там почти никто и не ездил, кроме людей, вроде нас, кому еще надо было куда-то добираться, да самих себя добывавших дуриков: те и вовсе не имели противопогазов. Так вот, напротив нас сидела семья пуэрториканцев. Их было шестеро. Все они плакали. Вдруг Дая схватила меня за руку, я повернулся к ней, начал что-то говорить... Она только покачала головой. Ее голубые глаза были полны слез, а брови так плотно сошлись над переносицей, что казалось, они вот-вот раздавят друг друга. И еще, помню, я обратил внимание на ее волосы: они свисали мокрыми, грязными сосульками. А раньше, бывало, когда Дая расчесывала их - будто золотое сияние вспыхивало.

- Мне кажется... Любимый, я... эй, я больше не могу дышать! - воскликнула она.

Я все это помню. Черт побери, вот сейчас я написал это и сразу мурашки по телу, - прямо как тогда; это нынешнее ощущение ничуть не лучше того, прежнего.

- Слушай, не знаю... Успокойся, постарайся дышать медленно и ровно. Выйдем на следующей...

Привстав, она попробовала потянуться, трясая головой и плача. Дая то всхлипывала, то задыхалась от удушья. Она хватала

воздух немсющими пальцами, будто пытаюсь уцепиться за него, вырвать оттуда хотя бы глоток жизни - и все это время я беспомощно стоял как будто это все происходило не со мной, как будто я все это видел в кино. С Даем этого просто не могло случиться. С кем-нибудь в книге - ради бога, но только не с Даем. В конце концов она вся изогнулась, ее вырвало. Что же было делать? Я держал ее за руку, гладил ее, наверное, я тоже плакал. Конечно же, она не могла больше дышать через противогаз: маска была забита рвотой. Дая сорвала и отбросила ее. Я попытался отдать ей свою, но она отвела мои руки.

Лицо Дая побагровело и все покрылось лиловыми пятнами. Она дико взглянула на меня, ее губы что-то прошептали. Как будто ища опоры, Дая прижалась ко мне, глаза ее устало закрылись, и голова бессильно упала мне на плечо.

Люди, сидевшие напротив, отвели глаза. Все восемь остановок они избегали встречаться со мной взглядом, будто бы все это происходило лет пять назад и я был нью-йоркским пьянчужкой, всем своим видом смущавшим их.

Так мы и ехали, пока не вернулись обратно на Манхэттен. Все это время я держал Даю на коленях. Когда мы досхали до Четвертой улицы, я взял ее тело на руки и вышел из вагона. Я не очень сильный, но все же смог донести ее до угла Шестой авеню и Восьмой улицы. Вокруг не было ни души, небо слегка отсвечивало зеленым. Мне часто приходилось останавливаться, чтобы передохнуть.

В конце концов я дошел до книжного магазина "Марборо" на Восьмой. Ну да, там-то мы впервые и встретились. В среду, 15 ноября 1967 года. Я тогда там работал. Это было не так давно.

В магазине я смахнул с прилавка весь мусор и книги, громоздившиеся на нем, и аккуратно положил на освободившееся место ее тело.

Под голову ей я подложил два толстых справочника книжных новинок. Как бы мне хотелось, чтобы она лежала здесь вместе с Джорджи, но я понятия не имею, что сделали с тельцем нашего ребенка. Подумав, я вложил в ее руку экземпляр своего первого романа. Я поцеловал ее.

Вот. Это была Дая, моя жена: 3 сент. 1945 - 15 нояб. 1967.

Мне нужно было все это высказать. Не знаю, какую реакцию этот рассказ вызовет у вас. Конечно уж, никаких эмоций (черт, *сейчас* даже у человека такой рассказ не вызвал бы никаких эмоций; правда, людей уже не осталось), и мне никак не придумать ничего, что могло бы заменить их для вас. И вот теперь умер мой ребенок, моя жена и... я тоже. И вообще, вы знаете, что-то я от этого всего очень разволновался.

Но мне бы не хотелось, чтобы вы подумали, будто я начинаю самого себя жалеть. Я ищу не жалости. Жалостью не надышишься.

Пустая полицейская машина,
И на ее красном фонаре отдыхает -
Белая бабочка!

Джо Алек Эффинджер

15.11.67

Вот, весеннее хокку. И чуть-чуть лицемерное. Лучшие всего хокку получаются, когда пишешь их мгновенно, на одном дыхании; это как моментальная эмоциональная зарисовка твоего состояния. Ну вот, сейчас вокруг горы брошенных машин, а вот бабочек я уже давно не видел. И не думаю, что увижу когда-нибудь.

Это стихотворение как будто и не мое. Вся его ирония - биоэкономическая; это сейчас, а вот пять лет назад все только и делали, что занимались политикой.

Не бывает полицейского рядом, когда он нужен.

Наступает новое время.

Солнце больше не встает на востоке. Просто небосвод перестает быть черно-коричневым и постепенно приобретает какой-то болезненный цвет, похожий на смесь яичного желтка с пеплом. Это не очень заметно, и если вы невнимательны (я сам невнимателен), то скоро теряете всякое представление о времени. И так проходят дни, потом недели. Я думаю, о месяцах мне заботиться не придется.

В последнее время я много бродил по городу, жил в нашей старой квартире на Восемьдесят седьмой улице. Просто, чтобы вспомнить былые времена. Но сейчас направлюсь-ка обратно в центр, как тот старый огромный слон, с трудом топающий за своей последней наградой, ищущий то легендарное кладбище, где когда-нибудь найдут его кости.

Обратно в центр. Положу-ка свои старые, уставшие косточки на тот прилавочек. Как раз вовремя. Погляжу на свою девчонку. Как она хороша!

Черные Всадники скачут по миру, делают свое дело, приближают Апокалипсис. А я остаюсь на Вест-сайте. Если б я увидел хоть кусочек моста Куинсборо на востоке, я б от счастья просто одурел. Это все, что мне нужно.

Ну, пожалуйста, останься со мной, Диана. (О, дорогая, ты самая, самая...)

Ух! Надо бы пойти прилечь немножко.

Кажется, я схожу с ума.

Только что перечел всю эту чепуху. Да, плохи дела! Эй, вы, там! Вы, в своем непробиваемом протеино-хитиновом панцире. Да, вы. Гомоптеры чертовы, наследники змьи. Эй, нравится вам, что происходит? У меня, вот, все горло воспалено, а до шиш, подмышек и паха вообще не дотронуться.

Кстати, а вы знаете, что такое пах? Нет? Ну, пусть вам об этом кто-нибудь другой расскажет. Пусть это останется для вас неразрешимой загадкой истории. Как тайна египетских пирамид.

Кстати, может, я уже заразился какой-нибудь гадкой болезнью от этих вот ползающих по мне жучков, потомками которых в один прекрасный день вы окажетесь. Огромное спасибо. Хотя - хоп - *этот* ваш папой уже не станет. Отползался.

Я тоже.

Скорее возьмите ножницы, вырежьте это, подпишите и направьте своему конгрессмену:

Уважаемый конгрессмен!

Я поддерживаю любое грабительское истощение наших невосполнимых природных ресурсов.

Очень Вас уважающий

/подпись/ _____

ЗАВТРА ПОЗДНО! СДЕЛАЙ СЕГОДНЯ!

(Недействительно там, где противоречит закону, ограничено лицензиями или облагается налогом. Использовать до 15 ноября 1967 года.)

А вообще-то сейчас я чувствую себя лучше и начинаю понимать, что все не так уж плохо. Вероятно, я преувеличивал собственные беды. Ведь в моем положении последнего человека на земле есть и свои преимущества. Решена наконец транспортная проблема; быстрый рост населения прекратился; у меня очень интересная должность, которая позволяет работать в любое удобное время с периодическими отгулами, ну и все в том же духе; брат больше не поднимет меч на брата, и я могу достать отличные билеты на любой спектакль...

Нынешняя катастрофа еще до того, как она наступила, как нам кажется, в немалой степени пострадала от восторженных статей, опубликованных в прессе. Но как бы то ни было, я уверен, что в этом спектакле осталось еще достаточно задора, чтобы произвести впечатление на самого утонченного и пресыщенного критика. И уж несомненно стоит потратить время на внимательный анализ данной постановки.

Мы замечаем несомненную реалистическую направленность, что несколько противоречит установившейся театральной моде, которой нас пичкают уже несколько сезонов подряд. Этот поворот к реализму я, безусловно, приветствую. Это, я бы сказал, освежающая передышка, отдых от намеренных авангардистских выкрутасов с одной стороны и от абсолютно "бесценных" академических постановок с другой. Временами некоторые элементы постановки становятся слишком навязчивыми, что наносит ущерб общему эффекту, однако в целом катастрофа очень удачно продумана и, что главное, исполнена на высочайшем профессиональном уровне. Не-

смотря на то, что нам пытаются показать каждую деталь, каждый факт разрушения окружающей среды - что безусловно получилось - цельность действия не нарушена. Нам постоянно и ненавязчиво напоминают о взаимосвязи всего происходящего, и это делается на недостижимом до сих пор уровне; при этом не приносятся в жертву полнейшая привязанность авторов к основам, простоте и естественности сценического решения.

Еще до поднятия занавеса зритель охвачен трепетом. В зале воцаряется атмосфера даже не грусти, а скорее благородного гнева. В самом начале постоянно задаешь себе вопрос: "Где же смысл?" А потом все становится ясно: никакой морали здесь нет; катастрофа - это предмет наблюдения, а совсем не развлечение. Зрителям предлагается самим посмотреть и сформировать свое отношение к происходящему, свои эстетические корреляции. В пьесе совсем не чувствуется вездесущий автор, что, несомненно, является ее большим достоинством.

Сначала действие развивается неторопливо, даже вяло, однако, этого почти не замечаешь - так подробно выписана каждая деталь. Но чем дальше, тем быстрее темп, у зрителя захватывает дыхание, и так длится до конца (антракта нет), когда весь зал в буквальном смысле начинает задыхаться. Первая в своем роде, эта постановка достойно завершает сезон; и так всеобъемлющ ее размах и влияние, что я не боюсь появления сотен дешевых и мелких подделок. Этого не будет. Катастрофа сама обо всем позаботилась.

Актеры, в целом, производят хорошее впечатление. Они выглядят свежо, они полны энергии. Игра всего состава поражает своей правдивостью, что редко встречается в постановках такого масштаба. Не меньшее впечатление производит и, так сказать, неодушевленная часть труппы. Мертвые птицы, звери, рыбы, тела людей, разбросанные по сцене, говорят сами за себя, и этот своеобразный комментарий к происходящему то ироничен, то горек, то ужасен, то угрожающ - но не без юмора, не без юмора.

Световое оформление и хореография (авторы которых по какой-то причине остались неизвестны), на мой взгляд, не удались. Здесь заметно несомненное стремление придать всей постановке некий ирреальный, супертонченный псевдохудожественный характер, что противоречит общей концепции пьесы. Так же и декорации (работы Минь Чо Ли) - внушительные, но не очень яркие, все же слишком подчеркивают тот аспект постановки, который выражается древним изречением: "О времена! О нравы!"

Что же в заключение можно сказать о самом чуде, о Майке Николсе? Его режиссура как всегда непревзойденна; на основе скудного и часто неблагоприятного материала он сумел создать захватывающее дух зрелище. Вполне возможно, что эта постановка ста-

нет высшей точкой его славного жизненного пути; и уж, несомненно, превзойти это достижение будет очень трудно.

Такое событие пропустить нельзя.

Обзор подготовил
Джо Алек Эффинджер
"Конец", 16.11.67

Мой распухший коричневый язык напоминает мне, что солнце клонится к закату. Среда, 15 ноября 1967 года подходит к концу. Мне лично (да и вам, наверное, тоже) жаль, что этот день кончается. Хороший был день. Такого я уж больше не увижу. И поэтому к черту всю эту романтику - грядущие рассветы и т.д. - меня-то там уже не будет! Меня всего лихорадит, и, хотя страшно болят руки и ноги, я почему-то очень хочу танцевать.

Вам хорошо?

Мне - очень.

Лето моей жизни:
Что я почувствую,
Когда листья сморщатся и упадут?
Джо Алек Эффинджер
15.11.67

Да. Ну, что ж. Думаю, я это знаю.

ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА

Памела Золин

ТЕПЛОВАЯ СМЕРТЬ ВСЕЛЕННОЙ

1. **ОНТОЛОГИЯ:** направление в метафизике, изучающее основы, принципы существования или бытия.

2. Представьте себе утреннее небо, бледно-голубое, почти зеленое, лишь у горизонта виднеются облака. Земля вращается, и встает солнце; разрушаются горы, гниют фрукты, в раковине фораминиферы появляется еще одна полость, подрастают ногти на пальцах младенцев, впрочем, как и волосы у мертвецов, сыплется песок в песочных часах и варятся яйца.

3. Сара Бойл считает свой нос слишком большим, хотя многие мужчины когда-то восхищались им. Нос ее идеальной формы: в профиль - словно тщательно выверенный геометрический контур. Кожа на горбинке носа натянута так, что сквозь нее видна белизна кости, архитектурная строгость и безупречная форма которой схожи с теми, что присущи на утро после Дня Благодарения грудной кости съеденной индейки. Ее девичья фамилия - Слосс, германо-англо-ирландского происхождения; в школе она очень плохо играла в софтбол и помимо того, что ее самой последней включили в состав команды, ее еще и ставили в центр поля - никто и никогда не добрасывал туда мяч; из всех искусств она больше всего любит музыку, а в музыке - И.С.Баха; живет она в Калифорнии, хотя росла в Бостоне и Толедо.

4. **ВРЕМЯ ЗАВТРАКА В ДОМЕ САРЫ НА УЛИЦЕ ЛЯ ФЛОРИДА, АЛАМЕДА, КАЛИФОРНИЯ, ДЕТИ ТРЕБУЮТ САХАРНЫХ КУКУРУЗНЫХ ХЛОПЬЕВ.**

С некоторой неохотой Сара Бойл раскладывает в чашки детей сахаренные хлопья. Она уже слышит, как тонко повизгивает бормашина и крошатся маленькие белоснежные зубки. Дантист - мягкий, тихий господин небольшого роста с усиками - Саре он порой напоминает ее родного дядю, живущего в Огайо. Каждому ребенку по чашке.

5. Если вы способны представить себе коробку кукурузных хлопьев как абстрактный объект, она может показаться вам прекрасной.

Прямоугольная форма, классические пропорции, безупречное исполнение, богатство красок на глянцево-стенках: небесно-голубая, малиновая, сочная драгоценная охра, используемая в прошлом лишь для создания священных образов и украшения слепых ликов мраморных богов. Гигантские размеры. Вес нетто - 16 унций, 250 грам. "Они тиграсны!" - восклицает Тони-Тигр. Броская реклама на коробке обещает: Энергия, Прелесть самой Природы, Питательные свойства, Неувядаемая молодость. На задней стенке коробки - маска Уильяма Шекспира - ее можно аккуратно вырезать, сложить, и тогда к тысячам крошечных Шекспиров, живущим в Канзас-Сити, Детройте, Сан-Диего, Таксоне, Тампе, прибавится еще один. Шекспир здесь кажется более добрым и, можно сказать, более доступным, нежели мы привыкли видеть его. Почти все дети претендуют на маску, и Сара откладывает это соломоново решение до тех пор, пока коробка не опустеет.

6. Яркая оранжевая надпись сообщает, что в пакете, где-то среди золотистых хлопьев, спрятан сюрприз. Он до сих пор не найден, и дети требуют еще и еще хлопьев - огромные желтые горы, больше, чем они могут съесть, - и спешат отыскать его. Но несмотря на это, к концу завтрака коробка еще не совсем пуста, и сюрприз по-прежнему где-то внутри.

7. Предлагается даже особый приз некоего тайного общества: шифр и волшебное кольцо, обладателем которого можно стать, отправив по указанному адресу крышку коробки и 50 центов.

8. Сразу три таких заманчивых предложения. Саре Бойл кажется, что это чересчур. Вероятно, с продуктом не все в порядке, и его надо продать как можно скорее, успеть опустошить полки до того, как это станет широко известно. Возможно, что эти хлопья способствуют развитию особого страшного рака у маленьких детей. Сара Бойл собирает чашки с нарисованными на них кроликами и эмблемами бейсбольных команд, расплескивая молоко с размякшими хлопьями, и в ее воображении вспыхивают заголовки газет: "Смертельно больные дети", "Сладкая рука судьбы", "Роковая сладость, убивающая малышей".

9. Сара Бойл - энергичная, умная молодая женщина, жена и мать. Она получила прекрасное образование, но главная ее гордость - ее растущая семья. Сара по-настоящему счастлива.

10. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.

Сегодня у одного из ее малышей - день рождения. Вечером будет праздник.

11. УБОРКА ДОМА. НОМЕР ОДИН.

Вначале - кухня. Сара Бойл складывает в раковину чашки, тарел-

ки, стаканы, столовые приборы. Она соскребает голубой синтетической губкой засохшую грязь с пластмассового, цвета желтого мрамора, стола - губкой особого голубого цвета, с которой нам еще предстоит встретиться. На всей поверхности стола - следы, оставленные липкими детскими руками. На свету видны отпечатки: они появляются и исчезают в зависимости от угла зрения. Сара подметает пол, и в совке оказываются: кусок тоста треугольной формы, залитый виноградным желе, заколки для волос, зеленая полоска пластыря, кукурузные хлопья, глаз куклы, пыль, собачья шерсть и пуговица.

12. Пока мы не достигнем статистически возможной обитаемой планеты и не начнем переговоры с ее зеленолицимыми обитателями, разве можем мы сформировать представление об иной культуре - рассматривая, конечно, только этот усохший, лишенный всяческих средств общения, мир? Если наблюдать за метастазами Западной Культуры, это кажется все менее вероятным. Сара Бойл представляет, как весь мир становится похожим на Калифорнию, все топографические несовершенства исчезают под воздействием сладковато-пахнущего хирургического коже-глянцевателя, и все человечество сидит на диете, праздно, в темных очках, с одинаковыми розовыми и лиловыми волосами. Зеленая как авокадо и розовая как влагалище, опоясанная корсетом скоростных дорог, вечная и бесконечная, охватывающая и преобразующая всю планету Калифорния, Калифорния!

13. ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ. ОБ ЭНТРОПИИ.

ЭНТРОПИЯ: величина, введенная прежде всего для того, чтобы облегчить вычисления и представить результаты термодинамических процессов наиболее ясно и точно. Изменение энтропии может быть рассчитано только для обратимого процесса, и оно определяется отношением количества теплоты, сообщенного системе или отведенного от нее, к термодинамической температуре системы. Изменения энтропии для естественных необратимых процессов вычисляются посредством теоретической замены этих процессов эквивалентными обратимыми. Энтропия системы - это мера степени ее беспорядка. Полная энтропия любой изолированной системы ни в коем случае не может уменьшаться; она или увеличивается (при необратимых процессах) или остается постоянной (при обратимых процессах). Таким образом, полная энтропия Вселенной увеличивается, стремясь к максимуму, что обуславливает совершенно хаотическое движение частиц в этой огромной системе (при условии, что Вселенная рассматривается как изолированная система). См. *Тепловая смерть Вселенной*.

14. УБОРКА ДОМА. НОМЕР ДВА.

Стирка пеленок. Сара Бойл развешивает по всему дому для себя памятки; путаный быстрый почерк, стрелки, диаграммы, рисунки; надписи на стенах, сделанные в отчаянно-героических попытках что-то обозначить, записать, призвать, упорядочить, успокоить. На

белоснежной рифленой пластмассовой крышке корзинки с пленками она написала розовой перламутровой помадой фразу, призванную противостоять тому странному отчаянию, что охватывает ее при мысли об аммиаке и его страшной силе. "Азотный цикл является жизненно важным в процессе органического и неорганического обмена веществ на Земле. Сладкое дыхание Вселенной". На стене возле стиральной машины нарисованы символы Инь и Янь, знаки мандалы и слова: "Многим молодым женщинам кажется, что они угодили в ловушку. Это социологический феномен современности, который может быть в какой-то мере объяснен расхождением между постоянно изменяющимися жизненными потребностями и соответствием общественных служб этим потребностям". Над кухонной плитой она написала: "Помогите! Помогите! Помогите!"

15. Иногда она нумерует или надписывает вещи в комнатах, отмечая особенности каждой из них. В гостиной находятся 819 отдельных движимых предметов, включая книги. На некоторых значатся общепринятые названия, на других же - выдуманные; так щетка для волос, лежащая на комод, помечена как ЩЕТКА ДЛЯ ВОЛОС, одеколон как ОДЕКОЛОН, крем для рук как КОШКА. Она страстно любит детские словари, энциклопедии, азбуки и всяческие справочники; точно расставленные и строго закрепленные за определенным местом, они дают ей ощущение комфорта.

16. На дверях спальни - два определения, взятые из энциклопедии: "БОГ: объект поклонения", "ГОМЕОСТАЗ: постоянство внутренней среды организма".

17. Сара Бойл полощет пеленки, стирает белье, о Святая Вероника, меняет простынки в детских кроватках. Она принимается убирать игрушки, переступая и обходя целые города, возведенные на полу, - ей кажется, что в них все еще кипит жизнь. Здесь есть средства передвижения, лекарства, атрибуты мирной жизни и военных действий; зоопарки игрушечных животных, потрепанных и перепачканных за долгие годы детскими руками; сотни маленьких фигурок, пластмассовых животных, ковбоев, машин, космонавтов - из них дети, играя, создают свои большие и малые миры. Одна из любимых игрушек Сары - Баба, деревянная русская кукла, открывая которую, обнаруживаешь в ней другую, размерами помельше, но в остальном точно такую же куклу, а в той еще одну и т.д. Своего рода урок бесконечности, по меньшей мере, в пределах семи кукол.

18. Мать Сары Бойл умерла два года назад. Сара считает музыку средством соединения временных отрезков, и Баху, по ее мнению, удавалось это лучше других. Ее глаза порой становятся цвета вышеупомянутой кухонной губки. Природный цвет ее волос - коричневый, как окрас спаниеля, но несколько месяцев тому назад, в один кошмарный, истеричный день, она перекрасила их в рыжий, так что те-

перь они двухцветные, с полосой посередине, подобно обшарпанным стенам грязных убогих хижин в трущобах или старых муниципальных школ.

19. ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ. ТЕПЛОВАЯ СМЕРТЬ ВСЕЛЕННОЙ.

Второй закон термодинамики может быть истолкован как закон, гласящий о том, что ЭНТРОПИЯ замкнутой системы, т.е. системы, не обменивающейся энергией с другими системами, стремится к максимуму в то время, как ее полезная ЭНЕРГИЯ стремится к минимуму. Было условлено, что Вселенная является термодинамически замкнутой системой, и если это действительно так, то в конце концов должно наступить время, когда Вселенная сама себя "раскрутит", иначе говоря, исчерпает всю свою полезную энергию. Это состояние принято называть "тепловой смертью Вселенной". Однако до сих пор нет доказательств истинности того допущения, что Вселенная является термодинамически замкнутой системой.

20. Сара Бойл наливает себе кока-колы и закуривает сигарету. Густая коричневая жидкость, сладкая и холодная, от нее начинает болеть горло и зубы пронзает боль. Чудесный привкус моей юности. Глаза Сары слезятся от углекислоты. Сара думает о тепловой смерти Вселенной. Логарифм тех летних дней, бесконечных, как ирландская змея, что, зажав во рту хвост, пробирается сквозь древние фолианты, украшенные драгоценностями; страшная жара - она давит, разлагает, насилует. Небо над Лос-Анджелесом наполняется детритом, блеснет, теряя цвет и покрываясь амальгамой, и словно зеркало отражает фрикасе из Земли. Жара уже невыносима; каждая частица становится все более подвижной, более беспокойной и вот: взрываются формы, рвутся связки, вырываются на волю запахи. Она представляет себе, как огромный город Нью-Йорк плавится, тает, словно на полотнах Дали, превращаясь в шоколадную массу, в единый суп, в гигантскую похлебку.

21. УБОРКА ДОМА. НОМЕР ТРИ.

Кровати убраны. Теперь надо пропылесосить ковер с поблекшими цветами, виноградными лозами и листьями, бесконечно переплетающимися друг с другом в нескончаемом лихорадочном экстазе. Внезапно пылесос вместо того, чтобы всасывать, начинает выдувать воздух, выплевывая стеклянные шарик, глаза кукол, пыль и кусочки печенья. Старый фокус. "О, Боже мой!" - восклицает Сара. Орст младенец, требуя, чтобы на него обратили внимание, пересели и накормили. Сара пихает ногой пылесос, тот рыгает и снова начинает работать.

22. ВО ВРЕМЯ ОБЕДА ОПРОКИДЫВАЕТСЯ ВСЕГО ОДИН СТАКАН МОЛОКА.

Во время обеда опрокидывается всего один стакан молока.

23. Нужно полить растения: герань, гиацинты, лаванду, авокадо, цикламены и покормить рыбок в аквариуме - счастливых обладательниц фарфоровых замков и русалок. Черепаха же с каждым днем выглядит все хуже и хуже - вероятно, умирает.

24. Глаза Сары Бойл голубые. Более чем голубые, и голубизна совсем иного свойства, нежели тот цвет самой Природы, что служил источником вдохновения всей предшествующей литературы. Чистый, современный, едкий, искусственно-голубой цвет; сияющая лазурь неба на открытках, присланных из буйных субтропиков - туземцы скалят белые зубы и двусмысленно ухмыляются; многообещающая, сочная, неестественная голубизна таблеток сильного транквилизатора; холодная, жалкая - синтетической кухонной губки; чистейшая, совершенно невероятная лазурь одетых в кафель калифорнийских бассейнов. Химики в своих лабораториях создавали эту голубизну из тысяч бесцветных необыкновенного строения кристаллов, каждый из которых уникален и неповторим, остужали и очищали ее; и вот теперь, созданная ими красота шипит, пузырится и горит в глазах Сары.

25. ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ. О СВЕТЕ.

СВЕТ: название, данное субстанции, посредством которой наблюдаемый объект оказывает воздействие на глаза наблюдателя. Представляет из себя электро-магнитное излучение с длиной волн от 4×10^{-7} см до 7×10^{-4} см; различие в длинах световых волн воспринимается глазом как различие в цвете. См. *Цветовое зрение*.

26. СВЕТ И УБОРКА ГОСТИНОЙ.

Все 819 предметов, как и вообще все в гостиной, покрыты пылью, обыкновенной серой пылью, словно это жилище какой-нибудь огромной линяющей мыши. Неожиданно в окно врываются тучи волн или частиц очень яркого солнечного света, и все накаляется добела, и появляются многочисленные радуги. Повисая в этом, уже превратившемся в единый световой куб, пространстве, подобно древнему насекомому, замурованному в куске янтаря, Сара Бойл вдруг понимает, что самое прекрасное в этой комнате - пыль, манна для глаз. Дюшан, этот отец мысли, закрепил осевшую на одну из его скульптур пыль, рассматривая ее как часть работы. "Так возникает безумие, говорит Сара", - говорит Сара. Снова появляется мысль о ведении домашнего хозяйства по принципам дадаизма. Комнаты заполняются предметами, превращаясь в удобрение, гниют газеты и журналы, кругом - картофель, и брошенные в мусорное ведро консервированные зеленые бобы снова оживают, протягивая длинные тонкие побеги к солнцу. Растения густыми джунглями окружают дом, кроша штукатурку, разрывая кровлю, и сад сквозь двери войдет в него. Умрут золотые рыбки, умрут птицы - мы сделаем из них чучела; потом умрет собака, со-

скучившись по ласке, и, вероятно, дети, - и чучела детей будут расставлены по всему дому, и пыль плотно укутает их.

27. ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ДАДАИЗМ.

ДАДАИЗМ (франц. *dadaisme*, от *dada* - деревянная лошадка) - нигилистический предтеча сюрреализма, возник в Цюрихе во время первой мировой войны как результат истерии 1915 - 1922 годов. Это было антиискусство, нарочито бессмысленное, призванное оскорблять и шокировать. Наиболее характерным образцом дадаизма считается цветная репродукция Моны Лизы с пририсованными усами под неприличным названием "LHOQQ" (*elle a chaud au cul*), выполненная Марселем Дюшаном. Среди других образцов этого художественного направления можно выделить коллажи Ганса Арпа, сделанные из произвольно нарезанных и перетасованных кусков цветной бумаги; композиции, составленные из самых прозаических бытовых предметов, таких как сушилка для бутылок или велосипедное колесо, выставляемые Дюшаном; рисунки Франсиса Пикабии с изображенными на них частями различных машин и механизмов, сопровождаемые нелепыми названиями; бессвязную поэзию; лекцию, что была прочитана в унисон сразу тридцатью восемью лекторами; выставку в Кельне в 1920 году, устроенную во флигеле, попасть в который можно было лишь пройдя через туалет соседнего кафе, где наряду с другими произведениями был выставлен нож для разделки мясных туш, и посетителям предлагалось, воспользовавшись этим ножом, уничтожить любой приглянувшийся экспонат выставки - что они и делали.

28. ВРЕМЕННЫЕ И ДРУГИЕ ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА.

В доме Бойлов четверо больших настенных часов; ручных часов трое (одни из них - с Микки Маусом на циферблате - не ходят); два календаря и две записные книжки; три линейки; железный ярд; чашка для измерения жидкостей; комплект красных пластмассовых мерительных ложек, куда входят: столовая ложка, чайная ложка, ложки в половину, в четверть и в одну восьмую вместимости чайной ложки; песочные часы для варки яиц; градусники для измерения температуры тела во рту и в прямой кишке; компас бойскаута; барометр в форме домика, в котором бесконечно снуют туда-сюда, пытаясь схватить друг друга, старик со старухой; напольные весы, что стоят в ванной комнате; детские весы; рулетка; стена с метками, по которым можно проследить как растут дети; метроном.

29. После обеда, прибираясь в ванной, Сара Бойл находит на лице новую морщинку. Она сбегает от середины лба к переносице и пока едва заметна, но Сара, сведя брови, может отчетливо видеть ее и представить, как это будет выглядеть в будущем. Сара ставит еще одну черточку в нарисованной на стене таблице с заголовком "Морщи-

ны и другие признаки смертности". Таких черточек на стене, считая последнюю, уже тридцать две.

30. Сара Бойл - энергичная, умная молодая женщина, жена и мать. Она получила прекрасное образование, но главная ее гордость - ее растущая семья. Сара по-настоящему счастлива. У нее много увлечений, она активно участвует в многочисленных общественных мероприятиях и только иногда, от случая к случаю, отдается навязчивым мыслям о Времени, Энтропии, Хаосе и Смерти.

• 31. Сара Бойл никогда не знает наверняка, сколько у нее детей.

32. Времена от времени Сара задумывается над этим; иногда эта мысль сама посещает Сару; временами эта мысль даже давит на Сару - мысль о том, что есть еще многое, что можно ждать и желать, кроме простейшего акта размножения - в каком-то смысле зеркального воспроизведения определенного рода. Дети. Изредка ночами Сара вспоминает перенесенные роды - цвет и материал обивки красных плюшевых кресел и душистое дыхание потеющей медсестры. У деревянной русской куклы идеально круглые ярко-красные пятна на щеках; она раскрывается посередине, и на свет появляется точно такая же, только поменьше, кукла с такими же круглыми красными пятнами, за ней - еще одна и т.д.

33. Как счастлив род человеческий, думает Сара, дети нам кажутся такими очаровательными. В противном случае, будучи настоящими кровопийцами, они были бы быстро стерты с лица Земли, и, тем самым, цивилизация, достигнув небывалого расцвета, постепенно уничтожила бы себя. Прекраснейшим женщинам еще в двенадцатилетнем возрасте были бы сделаны операции по перевязыванию маточных труб. Всякий час все стремления подчинялись бы одному - облагораживанию и совершенствованию искусственно созданных чувств, и не было бы больше трусливых инвестиций в вечность посредством покрытых пятнами и слишком часто разочаровывающих плодов нашего чрева.

34. ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ. ЛЮБОВЬ.

ЛЮБОВЬ: интимное и глубокое чувство, устремленное на другую личность, объект или идею. Как указывает Шанд, оно обязательно имеет эмоциональную окраску, в зависимости от ситуации, в которой находится объект любви или в которой он нам представляется; часто, а в психоанализе - всегда, имеется в виду *сексуальная любовь* или даже *похоть*.

35. Сара Бойл временами ощущает единение со своим телом, а временами - полную разобщенность с ним. Уже принята во внимание раздвоенность души и тела. Принята раздвоенность времени и про-

странства. Принята раздвоенность мужчины и женщины. Принята раздвоенность материи и энергии. Иногда она представляет свое тело в виде животного, которое хозяйка (ее душа) выводит на прогулку в парк. Фонарные столбы жизненного опыта. Руки Сары покрыты веснушками, а когда она очень устает, под глазами появляются синяки.

36. Работа по дому никогда не будет завершена - хаос таится, всегда готовый вторгнуться на неочищенное от сорняков место; джунгли завалены грязной посудой, и становится страшно от рева огромных плюшевых животных. Стекланные глаза внушают ужас.

37. В МАГАЗИН ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ ТОРТОМ.

В супермаркете. Один ребенок сидит в магазинной тележке, другой держится за нее. Голубовато-розовый свет ламп, выполненных в форме вазочек для льда; он ярче, холоднее и дешевле дневного света. Двери распахиваются, стоит только тебе, Тантал, поднести к ним руку. Булочки с запеченными сосисками, картофельные чипсы, леденцы, бумажная скатерть с праздничными рисунками, кетчуп, горчица, пикули, воздушные шарики, растворимый кофе "Continental", консервы для собак, замороженный горошек, мороженое, замороженные бобы и брокколи в масле, пестрые бумажные шляпы, бумажные салфетки трех цветов, коробка сахарных кукурузных хлопьев с маской Вольфганга Амадея Моцарта на задней стенке, хлеб, сухая смесь для приготовления пищи. Звуки точно подобранной привлекающей музыки наполняют гигантский магазин, почти минуя мозг и действуя прямо на печень, лимфу, кровь. Воздух будто искусно напитан запахом алюминия. Сливки, пакетики с чаем, бекон, мясо для сэндвичей, земляничный джем. Сара добралась сейчас до отдела моющих средств; захныкал ребенок. Вокруг от изобилия товаров ломятся полки. У Сары начинается нечто похожее на истерику. Был момент, когда она могла еще выбирать... Но выбор сделан не в пользу спокойствия и благопристойности. Сара Бойл с исступленным восторгом начинает хватать все, что предлагается магазином. Жидкость для мытья окон, жидкость для мытья стекол, вещество для чистки медных изделий, вещество для чистки изделий из серебра, тонкая стальная стружка для чистки кастрюль, восемнадцать различных марок дезинфицирующих средств, жидкость для мытья унитазов, пятновыводитель, жидкость для натирания паркета, средство для полировки мебели, жидкость для мытья машин; шампунь для ковров, шампунь для собак, шампуни для людей с сухими, жирными и нормальными волосами, шампунь против перхоти, шампунь для седых волос, зубная паста, зубной порошок, щетка для зубных протезов, дезодоранты, средства от пота, антисептики, мыло, различные очистители, жидкости для снятия грима. Когда то или иное средство представлено в разных объемах и упаковках, Сара берет по одной упаковке всех видов. Целые семейства баночек и бутылочек; например, огромный флакон шампуня - папа, флакон - мама, флакон чуть меньше мамино - сестра и

очень крошечный флакончик - братик. Сара набивает три магазинные тележки и с большим трудом добирается до кассы. Она едва сдерживает смех, когда видит, как бледная белокурая кассирша, с бровями ничуть не похожими на брови Моны Лизы, тщетно пытается сделать вид, что все происходящее - совершенно нормально, и лично ей абсолютно все равно. Счет был пятьдесят семь долларов и пятьдесят три цента, и Сара расплатилась чеком. В машине, возвращаясь домой, она плачет.

38. ПЕРЕД ПРАЗДНИЧНОЙ ВЕЧЕРИНКОЙ.

Миссис Дэвид Бойл, свекровь Сары Бойл, идет на вечеринку, в честь дня рождения ее внука. Она несет в подарок игрушку - сделанного в Австрии желтого деревянного утенка. Утенок крикает, если его тащить по полу за веревочку. Сара Бойл наполняет шоколадом и карамелью бумажные стаканчики, а миссис Дэвид Бойл сидит за кухонным столом и разговаривает с ней. Она говорит о нескольких вещах: во-первых, о саде и о нашествии целых полчищ черных жуков - думает, что их завезли из Гонконга, - которые безжалостно пожирают корни и листья нежных растений; во-вторых, о соседке, у которой рак и которая тает на глазах. Соседка никогда и ничем не болела, и вдруг - рак, и сейчас она слабеет с головокружительной быстротой. Доктор говорит, что ее тело - хаос, хаос; клетки дико мечутся в нем. "Когда я навестила ее, - рассказывает миссис Дэвид Бойл, - она едва узнала меня, не могла *говорить* и не могла *содержать себя в чистоте*".

39. Иногда Сара едва может вспомнить, сколько у нее этих смысленых, упитанных детей.

40. Раньше, когда ей приходилось стоять в центре поля в полном одиночестве, вдалеке от остальных игроков, она сочиняла песенки и тихо напевала их себе.

41. Она пытается представить себе конец Света как результат всемирного оледенения.

42. Она пытается представить себе конец Света как результат всемирного потопа.

43. Она пытается представить себе конец Света как результат всемирной ядерной войны.

44. Должно быть что-то еще, думает время от времени Сара Бойл. Что можно сделать, чтобы изменилось, хотя бы в движении самой крошечной пылинки, движение и развитие мира? Иногда во сне Сара создает величественные и понятные всем симфонии, используя всевозможные музыкальные инструменты и механизмы; картины, способные изменить, удивить и успокоить обезумевший мир искусства;

романы, призванные освежить язык литературы. Иногда ей кажется, что одной, пусть даже самой маленькой, перемены было бы достаточно. Считается, что черепахи живут долго. Что, если вырезать имя, да-ту и, может быть, какое-то слово надежды на панцире черепахи и выпустить черепаху на волю? Сможет ли этот сознательный акт помочь ей противостоять абсурдности мира?

45. У миссис Дэвид Бойл такие же небольшие усики, как и у Моны Лизы Марсея Дюшана.

46. ПРАЗДНИЧНАЯ ВЕЧЕРИНКА.

Пестро разодетые дети расселись вокруг длинного праздничного стола. Они были слишком возбуждены и казались слегка утомленными после шумных и веселых игр; кое-кто раскраснелся и вспотел, другие же были неестественно бледны. Вобщее возбуждение и эти яркие бумажные шляпы, которые дети нацепили на себя, превратили их в капризных и распушенных карликов. Время для торта. И вот внесли огромный шоколадный торт в форме ракеты, установленной на пусковой площадке. Он покрыт голубой и розовой сахарной глазурью. В наступившей тишине заплакал виновник торжества. Потом он перестал плакать, загадал желание и задул праздничные свечи.

47. Один ребенок не хочет ни булочек с сосиской, ни мороженого, ни даже торта и просит кукурузных хлопьев. Сара приносит ему целую чашку размякших в молоке сахарных кукурузных хлопьев, и мгновенно спустя ребенок начинает давиться. Сара хлопает его по спине, и ребенок выплевывает изо рта крошечную зеленую пластмассовую змейку с красными стеклянными глазами. Это и есть сюрприз. Все дети хотят его.

48. ПОСЛЕ ПРАЗДНИЧНОЙ ВЕЧЕРИНКИ ДЕТИ УКЛАДЫВАЮТСЯ СПАТЬ.

Купание. Нагота детей, розовых и скользких, как тюлени, и пронзительно орущих, как тюлени. И шлепаются друг о друга детские тела в облицованной перламутровой плиткой запотевшей ванной, и раздается радостный визг. Нагота детей куда более абсолютна, нежели нагота взрослых. Нет пахнущих мускусом курчавых жестких волос, нет грубой шершавой кожи, нет жира и вздувшихся вен, "облагораживающих" этого царя зверей. Все хорошо откормленные дети кажутся съедобными. Зубы Сары зудят - память о кровавых пиршествах наших прародителей. Юные представители рода человеческого опрятностью и чистотой во многом схожи с юными представителями животного мира, но в остальном сравнение не в их пользу - они совсем голы и куда более неуклюжи. Какие оттенки розового, чистого розового цвета; природные отверстия аккуратной строгой формы - кожа по краям чуть темнее - они постоянно требуют груди, времени и молока.

49. ОТСТУПЛЕНИЕ ШЕСТОЕ. СНОВА ОБ ЭНТРОПИИ.

Во Вселенной Гиббса порядок - это наименее вероятное, хаос - наиболее вероятное. Но в единой Вселенной, если такое действительно возможно, стремящейся к саморазрушению, существуют анклавы, движение которых кажется противоположным движению Вселенной в целом, и в которых пусть очень ограниченно и кратковременно, но зарождается порядок. На некоторых из таких анклавов находит себе убежище жизнь.

50. Мысленно Сара воображает, как она чистит и приводит в порядок мир, и даже Вселенную, заполняя огромные пространства Космоса душистой моющей пеной; как она дезодорирует зловонные пещеры и вулканы и соскребает со скал налет.

51. ОТСТУПЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ. ЧЕРЕПАХИ.

Множество видов плотоядных черепах обитает в чистых водах тропических и умеренных зон разных континентов. Самая северная из черепах, встречающихся в Европе, - болотная черепаха (*Emys orbicularis*). В длину они достигают 8 - 10 дюймов. Живут эти черепахи до ста лет, а иногда и больше.

52. УБОРКА ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ.

Сара прибирает комнату после вечеринки. Валяются тарелки. Разорвана бумажная праздничная скатерть. Муха приняла великолепную смерть в луже земляничного мороженого. Орешки в желе, перепачкав все вокруг, лежат кучкой, матово-белые, подобно стайке смиренных, спящих опарышей. Недоеденные куски голубого торта. Кругом разбросаны узкие бумажные ленточки от японских хлопушек. На ленточках - странные фразы, составленные, должно быть, каким-нибудь не знающим английского японцем. Толпы маленьких желтолицых людей тратят большую часть своих жизней, производя этот самый эфемерный товар, испуская кипы бумаг абсурдными и непонятными посланиями. "Волосы на твоей голове все пересчитаны". Кто-то посадил сосиску в цветочный горшок. Почти все воздушные, надутые гелием шарики лопнули, а те, что остались, вырвавшись из детских рук, сейчас весело пляшут на потолке. Еще одна ленточка: "Лошади Императора встречают смерть хуже, много, много".

53. Она очень устала, фиолетовые пятна под глазами, лиловые пятна под глазами. У ее дяди, живущего в Огайо, частенько бывает такое. Она идет на кухню, чтобы приготовить стол к завтраку, и вдруг замечает, что черепаха в аквариуме всплыла и неподвижно лежит на поверхности воды. Сара Бойл тычет в нее карандашом, но она не двигается. Сара стоит, уставившись на мертвую черепаху, и плачет.

54. Она готова закричать. Она подходит к холодильнику и вытаскивает из него коробку яиц; белые, очень крупные яйца. Она бросает их

одно за другим на пол, выложенный плиткой с земляничным рисунком. Они красиво бьются. Секретное Общество Дантистов, все усатые, с Паролем и Волшебными Кольцами. Она готова закричать. Она хватает три детские тарелки с нарисованными на них кроликами и разбивает их о стенку холодильника; они разлетаются вдребезги, и пол усеивается мелкими осколками - куточками кроликов: ухо, глаз, лапа; Стоктон, Калифорния, Актон, Калифорния, Чико, Калифорния, Реддинг, Калифорния, Глен-Эллен, Калифорния, Кадис, Калифорния, Энджелс-Кэмп, Калифорния, Залив Полумесяца. Таким образом, полная ЭНТРОПИЯ Вселенной увеличивается, стремясь к максимуму, обуславливая хаотическое движение частиц в ней. Она кричит, ее рот открыт. Она швыряет банку виноградного желе, и та разбивает окошко над раковиной. Ее глаза голубые. Она начинает открывать рот. Было сказано, что Вселенная является термодинамически замкнутой системой, и если это действительно так, то в конце концов должно наступить время, когда Вселенная сама себя "раскрутит", иначе говоря, исчерпает всю свою полезную энергию. Это состояние принято называть "тепловой смертью Вселенной". Сара Бойл начинает кричать. Банка земляничного джема летит в кухонную плиту; крошится эмаль, плита истекает кровью. У Баха было двадцать детей, а сколько же их у Сары Бойл? Ее рот открыт. Ее рот открывается. Она наполняет раковину моющей жидкостью и пускает из кранов воду. На кухонной стене она пишет: "Уильям Шекспир болен раком и живет в Калифорнии". Она пишет: "Сахарные кукурузные хлопья - пища Богов". Вода пенится в раковине, льется через край и пузырится на земляничном полу. Она вот-вот закричит. Она закричала. Она кричит. Кто может сказать, сколько здесь рыбок? Она бьет стаканы и тарелки, она швыряет чашки, горшки, банки, и они, разлетаясь вдребезги, усеивают черепками кухню. Сыплется песок в песочных часах. Старик со старухой в барометре так никогда и не поймают друг друга. Она берет яйца и высоко подбрасывает их. Она начинает кричать. Она открывает рот. Яйца медленно, словно бейсбольные мячи, взлетают под потолок и по крутой дуге устремляются ввысь, к весеннему небу. Они поднимаются все выше и выше, зависают в зените, окруженные тишиной, и потом начинают медленно, очень медленно падать.

Томас Диш

БЕЛИЧЬЯ КЛЕТКА

Это ужасно, когда ты волен писать все, что тебе захочется (если я не ошибся; я ведь не уверен, что "ужасно" - подходящее слово), и особенно, когда не играет никакой роли, что именно я пишу, - ни для меня, ни для тебя, ни для кого-то еще, кому предназначена эта роль. Но что тогда подразумевается под "ролью"? "Роль" в смысле "разница"?

Теперь я задаю больше вопросов, чем прежде; в общем, я стал менее *программатичен*. Интересно - хорошо ли это?

Вот на что похоже то место, где я нахожусь: стул без спинки (поэтому, полагаю, вы назовете его табуретом); пол, стены и потолок, которые образуют, насколько я могу об этом судить, куб; белый-белый свет; теней - даже под самым табуретом, с обратной стороны сиденья - нет; еще, конечно же, здесь я и пишущая машинка. Я уже описывал ее достаточно подробно где-то в другом месте. Может, я опишу ее еще разок. Да, почти наверняка опишу. Но не сейчас. Позже. Хотя, почему не сейчас? Почему не машинку, а...

• Кажется, среди многих имеющихся у меня вопросительных слов, "почему" наиболее часто повторяется.

Что я делаю - это: встаю и прохаживаюсь по комнате, от стенки к стенке. Это небольшая комната, но она достаточно вместительна для моих теперешних нужд. Я даже прыгаю иногда, но стимулов для этого здесь нет никаких: мне *незачем* прыгать. Потолок слишком высок, чтобы попытаться коснуться его, а табурет настолько низок, что вряд ли предоставит хоть какую-то альтернативу. Если бы я вообразил, что кто-нибудь *увлечен* моими прыжками... но у меня нет причин даже предположить такое. Время от времени я занимаюсь гимнастикой: отжимания, сальто, стойки на голове, изометрические упражнения и т.п. Но я не очень стараюсь и поэтому толстею. Омерзительно толстый человек, да еще весь в прыщах. Я люблю выдавливать их у себя на лице. Частенько, бывает, переусердствую в этом занятии так, что какой-нибудь прыщ распухает и начинает кровоточить, - это дает мне надежду на серьезный гнойник или заражение крови. Но, очевидно, здесь все стерильно. Еще ни разу не случалось воспаления.

Здесь совершенно невозможно убить человека. Даже самого себя. На полу и на стенах - мягкая обшивка: если биться головой, то получишь разве что головную боль. У табурета и у пишущей машинки есть твердые углы, но как только я пытаюсь воспользоваться ими, табурет или машинка опускаются вниз и исчезают. Вот откуда мне известно, что за мною ведется наблюдение.

Одно время я был в полной уверенности, что это Бог. Я полагал, что здесь либо рай, либо ад, и вообразил, что так будет тянуться целую вечность - одно и то же. Но если я уже обрел вечность, то почему толстею? Вечность - это отсутствие всяких изменений. Я утешаю себя тем, что когда-нибудь умру. Человек смертен. Я ем как можно больше, чтобы приблизить этот день. В "Таймс" говорится, что полнота отражается на сердце.

Еда доставляет мне удовольствие - вот почему я так много ем. Чем еще заниматься? Здесь есть такое маленькое... я думаю, вы бы назвали это горлышком, оно выпирает из стены, и все, что мне надо сделать, - это приложить к нему. Не самый изящный способ принятия пищи, но на вкус очень даже неплохо. Иногда я просто часами тут стою и наслаждаюсь струйкой, которая бежит оттуда. Пока самому не захочется сделать то же самое. Как раз для этого и предназначен та-

бурет. У него есть крышка на петлях. В техническом отношении очень неплохо придумано.

Я сам не замечаю, когда сплю. Иногда ловлю себя на том, что видел сон, но никогда не могу вспомнить, о чем он. Я не могу себя заставить увидеть сон, хотя очень желал бы. Здесь предусмотрены все жизненно важные функции организма, кроме этой; даже приспособление для секса имеется. Все тщательно продумано.

У меня в памяти не осталось и намёка на то, что было до того, как я очутился здесь, и я не могу сказать, как долго *это* продолжается. Согласно последнему номеру "Нью-Йорк Таймс" сегодня - 2 мая 1961 года. Я не знаю, какой тут можно сделать вывод.

Из статей, содержащихся в "Таймс", я понял, что мое нахождение здесь, в этой комнате, не типично. Например, в тюрьмах, мне кажется, более либеральные порядки. Но то в обычных тюрьмах. А может быть, "Таймс" врёт, скрывая истинное положение вещей? Может быть, даже дата фальсифицирована. Может, вся газета, каждый номер - это детально разработанная фальшивка, и сейчас на самом деле год пятидесятый, а не шестьдесят первый. Или, не исключено, что газеты - библиографическая редкость, а я, ископаемое, анахронизм, живу спустя века с тех пор, как они были напечатаны. Все возможно. Я не могу проверить свои догадки.

Временами, сидя здесь, на табурете, перед пишущей машинкой, я придумываю маленькие рассказы. Иногда это истории о людях из "Нью-Йорк Таймс" - они самые удачные. Иногда - о людях, которых я придумал сам, - они не так хороши, потому что...

Они не так хороши, потому что, я думаю, все люди давно мертвы. Я думаю, что, может, я - единственный, кто остался, один-единственный из всего рода людского. И они держат меня тут взаперти, последнего из живых, в этой комнате-клетке, чтобы меня разглядывать, наблюдать за мной, чтобы заниматься своими исследованиями, чтобы... Нет, я *не знаю*, почему они держат меня живым. А если все мертвы (как я предполагаю), тогда кто они, эти предполагаемые наблюдатели? Инопланетяне? Инопланетяне *ли* они? Не знаю. Почему они изучают меня? Что они надеются узнать? Эксперимент ли это? Что им от меня нужно? Ждут ли они, чтобы я сказал что-нибудь, чтобы я напечатал что-нибудь на этой пишущей машинке? Интересно, мои реакции (отсутствие реакций) подтверждают (опровергают) их теории? Довольны ли сами испытатели результатами экспериментов? Они ничем не выдают себя. Они остаются безликими, скрываясь за этими стенами, этим потолком, этим полом. Не исключено, что человек не сможет вынести их вида. Но не исключено также, что это просто ученые, а совсем не инопланетяне. Психологи из МТИ*, например, - вроде тех, чьи фото часто появляются в "Таймс": нечеткие, расплывчатые изображения, залысины, иногда усы - только по ним можно отличить одно лицо от другого. Или, может, молодые, стриженные наголо армейские врачи, изучающие разные типы "промывки мозгов".

* МТИ - Массачусетский технологический институт. (Примеч. переводчика.)

Изучающие с большой неохотой, конечно. Уроки истории и тревога за права человека заставили их забыть о собственных моральных принципах. Может, я сам выразил желание участвовать в эксперименте! Так ли это? О Господи, я надеюсь, что нет! Вы прочитали это, господин профессор? Вы прочитали это, товарищ майор? Вы выпустите меня отсюда? Сейчас? Я хочу прекратить этот эксперимент *сейчас же*.

Да-да.

Увы, все это мы с моей пишущей машинкой уже исполняли. Мы испробовали, наверное, все (или почти все) возможные пароли. Да, моя дорогая? И, как видите (вы нас видите?), - мы все еще здесь.

Да, они - инопланетяне. Это очевидно.

Иногда я пишу стихи. Вы любите поэзию? Вот одно из написанных мною стихотворений. Оно называется "Гранд сентрал стейшн". Это неправильное название вокзала в Нью-Йорке. А правильное... (Впрочем, какая разница? Понятно, что эта и другая бесценная информация получены мною от "Нью-Йорк Таймс".)

Гранд сентрал стейшн

Нельзя же быть несчастным,
если видишь, как высок
потолок?

Твой
потолок высок!
Как небеса высок!
И кто же ты такой,
чтоб со своей хандрой
быть здесь?

И почему?
Ведь здесь для смерти той
нет даже места.

А это мавзолей
для исполина, который
сжевал бы всех людей
и ничего бы не заметил.

Вот так!
Невелика потеря -
ты да я.

Иногда (как вы, опять же, можете заметить) я просто здесь сижу, перепечатывая в который раз старые стихотворения - или стихотворение, которое ежедневно публикует "Таймс". Газета для меня - единственный источник поэзии. Увы! Я написал про Гранд сентрал стейшн очень давно. Много лет назад. Хотя точно не могу сказать сколько.

У меня здесь нет приборов, измеряющих время. Неизвестно, день

сейчас или ночь, бодрствую я или сплю, никаких хронометров, кроме "Таймс", отсчитывающей числа. Я помню эти числа начиная с тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года. Мне очень хочется обзавестись небольшим дневником, который можно было бы хранить здесь, у себя. Что-то вроде учетной книжки моего развития. Если б я только мог сохранять старые номера "Таймс"! Представьте, как спустя годы вырастет эта кипа! Целые башни, лестничные марши и удобные норы из газетной бумаги! Это же будет более гуманная (гуманитарная?) архитектура, правда ведь? У этого куба, который я занимаю, есть несколько недостатков с точки зрения именно человека. Но хранить вчерашние номера газет мне не разрешают. Перед тем, как доставить сегодняшнюю прессу, их всегда отбирают, оглянуться не успеешь. Я думаю, что должен быть благодарен судьбе за то, что у меня есть.

А что, если "Таймс" обанкротится? Что будет, если случится забастовка, которой так часто угрожают газетчики? Скука - это совсем не страшно, поверьте мне. Очень даже скоро скука станет для вас желанной. Это в некотором роде стимулятор.

Мое тело... Вас интересует мое тело? Раньше оно меня очень интересовало. Я часто сожалел о том, что здесь нет зеркал. Сейчас наоборот - я благодарен им за это. Как элегантно когда-то облекала плоть мой скелет! А как сейчас она поникла и обвисла! Тогда я часами танцевал сам с собою под аккомпанемент собственного голоса, подпрыгивая, вращаясь и налетая, раскинув руки, на стены. Я стал знатоком кинестезии. Свободное, быстрое, неограниченное перемещение... да, это большое удовольствие.

Сейчас жизнь намного банальнее. Возраст дает о себе знать: удовольствия уже не те - жир свисает гирляндами с гибкого рождественского древа юности.

У меня есть самые разные теории, касающиеся смысла жизни. Смысла жизни здесь. Если бы я находился где-нибудь еще - в другом мире, о котором знаю из "Нью-Йорк Таймс", например, где каждый день происходит увлекательных событий *столько*, что требуется полмиллиона слов, чтобы рассказать о них, - там бы у меня проблем не было. Ну, еще бы! Ты так занят тем, что мечешься как угорелый: с 53-й улицы на 42-ю, а от 42-й к Рыбному Рынку на Фултон-стрит, не говоря уж о поездках, когда нужно пересечь весь город; тогда тебе совершенно не надо беспокоиться о смысле жизни и о том, есть ли он вообще.

Днем можно заняться хождением по магазинам за кучей всякой всячины, а потом, вечером, пообедав в превосходном ресторанчике, отправиться в театр или кино. О, жизнь была бы такой насыщенной, живи я в Нью-Йорке! Если бы только оказаться на свободе!

Я провожу немало времени в таких вот фантазиях: воображая, каким должен быть Нью-Йорк, гадая, как выглядят другие люди или каким буду я среди других людей; и в каком-то смысле моя жизнь здесь становится от этих фантазий интересней.

Одна из моих теорий гласит следующее: они (я уверен, *ты*, под-

лый читатель, знаешь, кто они) ждут моего покаяния. Это весьма проблематично. Так как я ничего не помню из своей прежней жизни, то не знаю, в чем я должен каяться. Я пытался признаваться во всем: в политических преступлениях, в изнасилованиях и тому подобном (особенно я люблю каяться в т.н. "преступлениях на сексуальной почве"), в нарушениях правил дорожного движения, в собственной гордыне. Боже мой, в чем я еще не каялся? Ничего не помогает. Может, я просто не покался в тех преступлениях, которые действительно совершил. Или (что кажется мне все более вероятным) эта теория неверна.

У меня есть другая теория.

• Небольшой перерыв в повествовании.

Пришел очередной номер "Таймс", я ознакомился с сегодняшними новостями, потом подкрепился у моего источника, а теперь опять сижу на табурете.

Я размышлял о том, был бы я, живя в мире "Таймс", пацифистом или нет. Это безусловно основная моральная проблема сегодняшнего дня, и необходимо занять какую-то позицию в этом вопросе. Я раздумывал над этим в течение нескольких лет и склоняюсь к мысли, что меня привлекает разоружение. С другой стороны: если бы я находился в полной уверенности, что бомба упадет именно на меня, я был бы ничуть не против. Определенно, во мне как человеке наблюдается некоторый раскол между личным и общественным.

На одной из страниц, после политических обзоров и новостей из-за рубежа, помещен чудесный рассказ, названный: "БИОЛОГИ ИЗВЕЩАЮТ О КРУПНЕЙШЕМ ОТКРЫТИИ". Давайте, я перепечатаю его - специально для вас:

Вашингтон, округ Колумбия. Открытие глубоководных существ с наличием мозга, но отсутствием рта провозглашено крупнейшим в биологии XX века.

Эти фантастические животные, названные погонофорами, внешне напоминают червей. Однако, утверждает Национальное географическое общество, в отличие от обычных кишечнорастных у них отсутствуют: органы пищеварения, экскрекационная система и органы дыхания. Недоумевающие ученые, которые первыми приступили к исследованию погонофоров, были уверены, что в их распоряжение поступили не целые экземпляры, а лишь отдельные их части.

Теперь биологи уверены, что наблюдали погонофоров целиком, но до сих пор не могут понять, каким образом тем удается поддерживать свое существование. При этом известно, что погонофоры живут, размножаются, даже по-своему мыслят где-то на дне самых глубоких морей земного шара. Самка погонофора откладывает тридцать яиц за раз. Мозг небольшого объема даст возможность для элементарных мыслительных процессов.

Погонофоры столь необычны, что биологи ввели для них специальный филум. Это очень существенно, потому что филум - это достаточно вместительный разряд классификации. Например, рыбы, рептилии, птицы и люди входят в филум хордовых.

Зоологи как-то выдвинули теорию, что погонофор на раннем этапе своего развития может запасать в своем теле достаточно пищи, чтобы "поститься" в дальнейшем. Но у молодых погонофоров также отсутствует система пищеварительных органов.

Удивительно, какую уйму всего можно узнать, если каждый день читать "Таймс". После внимательного прочтения газеты я чувствую себя гораздо более *живым*. И более собранным.

А вот вам и рассказ о погонофорах:

СТАРАНИЕ

Воспоминания погонофора

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мае шестьдесят первого года я подумывал: не купить ли мне какое-нибудь домашнее животное. Один мой друг недавно приобрел чету долгопят, другой обзавелся боа-конструктором, а мой сосед-лунатик держит у себя над письменным столом сову в клетке.

Благодаря своей необычности выводок (или косяк?) погонофоров позволит, думал я, превзойти их в эксцентричности. Кроме того, погонофорам не требуется есть, испражняться, спать, они не производят никакого шума - словом, это идеальные домашние друзья. В июне я получил три дюжины этих существ, доставленных мне на корабле из Японии. За немалые деньги, естественно.

[Небольшое отступление. Как вы считаете, это правдоподобный рассказ? Обладает ли он таким качеством, как реализм? Начиная с упоминания других домашних животных, я, таким образом, рассчитывал придать своему рассказу больше достоверности. Вас заинтриговало начало?]

Будучи профаном в биологии, я не учел, что в аквариуме надо поддерживать соответствующее давление, к которому привыкли погонофоры. У меня не было оборудования, чтобы обеспечить такие условия, и поэтому в течение нескольких дней я с интересом наблюдал, как уцелевшие погонофоры поднимаются и опускаются в своих полупрозрачных белых раковинах-гробах. Вскоре погибли и они. Сейчас, смирившись с банальностью этой жизни, я запустил в свой аквариум омаров - это неплохое развлечение для моих гостей и их желудков.

Мне не жаль пропавших денег. Вы когда-нибудь видели, как поднимается погонофор? Человеку ведь крайне редко представляется возможность познать величие этого зрелища, да и то лишь на несколько минут. Хотя у меня в то время было весьма туманное представление о мыслях, появляющихся в простейшем мозге морского червя ("Вверх вверх вверх Вниз вниз вниз"), я не мог не восхищаться его упорством. Погонофор никогда не спит. Он карабкается вверх по внутреннему проходу в раковине, а когда достигает вершины, он начинает пятиться назад - ко дну. Погонофор никогда не устает от однообразия добровольно возложенной на себя миссии. Он ис-

полняет свой долг добросовестно и с искренней радостью. Он *не* фаталист.

Воспоминания, которые помещены ниже, - не аллегория. Я не пытался "интерпретировать" внутренний монолог погонофора. В этом нет никакой необходимости, ибо погонофор сам предоставил нам очень даже выразительную запись, рассказывающую о его внутреннем мире. Она зашифрована на стенках полупрозрачной тюрьмы, в которой он находится всю свою жизнь.

С изобретением алфавита появилось всеобщее мнение, что наросты на раковинах или каллиграфические росчерки улитки, ползущей по песку, хранят некий смысл, который может быть расшифрован. Много чудачков и оригиналов на протяжении веков пытались разгадать эти знаки, - так же, как другие стремились понять язык птиц. Тщетно. Я не утверждаю, что можно постичь смысл следов или отпечатков на раковине *обычного* моллюска, но суть раковины погонофора, тем не менее, можно - ибо я нашел разгадку кода!

С помощью книги "Руководство по криптографии для военнослужащих США" (полученной весьма хитрым способом, который я не вправе открыть) я освоил грамматику и синтаксис загадочного языка погонофоров. Если зоологи (или кто-нибудь еще) захотят удостовериться в правильности моей расшифровки, то они могут найти меня через издателя данного текста.

Во всех тридцати шести экземплярах раковин, имевшихся в моем распоряжении, выдавленные узоры на внутренних стенках были одинаковы. Моя теория заключается в том, что единственная функция щупалец погонофора - это следовать направлению, указанному в этом "послании": вверх или вниз внутри раковины, и таким образом - мыслить. А узоры на стенках раковины - это своего рода поток сознания.

Вполне возможно (а на самом деле это почти непреодолимое искушение) объяснить человечеству смысл, который содержат эти "воспоминания". Несомненно, что в эти бесценные раковины философия привнесена самой Природой. Но прежде чем я начну свои объяснения, давайте ознакомимся с текстом первоисточника.

ТЕКСТ

I

Вверх. Выше, вверх, вверх. Верх.

II

Вниз. Ниже, вниз, вниз. Бух! Низ.

III

Описание моей пишущей машинки. Клавиатура шириной примерно в один фут. Клавиши находятся на одном уровне, каждая помечена одной буквой алфавита, или двумя пунктуационными знаками,

или цифрой и пунктуационным знаком. Буквы не располагаются в алфавитном порядке, а, скорее всего, произвольно. Возможно, тоже согласно какому-то коду. Еще есть специальная большая клавиша для пробелов. Однако у моей машинки нет ни ограничителя полей, ни клавиши возврата каретки. Валик скрыт внутри корпуса, и я не вижу слов, которые печатаю. Интересно, что происходит там, внутри? Не исключено, что сразу же автоматы-линотиписты делают из этого книгу. Разве это плохо? Или, может, мои слова просто ползут и ползут в виде бесконечной ленты? Или эта машинка - просто обман, и никакого текста из нее не поступает?

Некоторые мысли по поводу тщетности жизни:

Я с таким же успехом мог бы просто поднимать тяжести. Или закатывать камни на вершину горы, с которой они тотчас же будут скатываться вниз. Да, я могу лгать с тем же успехом, что и говорить правду. Не имеет никакого значения, что именно я говорю.

Да, это-то и ужасает. Интересно, "ужасает" - это подходящее слово?

Кажется, я чувствую себя сегодня достаточно скверно, но я чувствовал себя скверно и раньше! Через несколько дней со мной будет все в порядке. Мне необходимо только терпение, и скоро...

Чего они хотят от меня, запертого здесь? Если б я мог быть уверен, что служу какой-нибудь хорошей цели. Я не могу не беспокоиться о таких вещах. Время уходит. Я опять голоден. Я подозреваю, что схожу с ума. Это конец моего рассказа о погонофорах.

Перерыв.

Неужели *вам* не гнетет мысль, что я схожу с ума? Что, если я заработал себе кататонию? Ведь тогда *вам* нечего будет читать, если они не дадут мои экземпляры "Нью-Йорк Таймс". Уверен, газета *вам* пригодится.

Вы: зеркало, в котором мне отказано; тень, которую я не отбрасываю; мой добросовестный наблюдатель, читающий каждое новое эссе, созданное мною же; мой Читатель.

Вы: чудовище из фильма ужасов с глазами размером с мельничные колеса; маньяк-ученый; майор, вынуждающий меня обвенчаться со смертью и приготовивший нам свадебное ложе.

Вы: иной!

Поговорите со мной!

ВЫ. Что вам сказать, Землянин?

Я. Все равно что, ибо голос этот - не мой голос, плоть - не моя плоть, а ложь - не та ложь, которую я вынужден придумывать для себя сам. Я не исключение из общего правила, я не высокомерен. Но иногда я сомневаюсь, - вам не покажется это чересчур мелодраматичным с моей стороны? - что я существую на самом деле.

ВЫ. Мне известно это чувство. (*Вытягивая щупальца вперед.*) Вы позволите?

Я (*отпрянув*). Чуть позже. Я надеялся, что сейчас мы просто поговорим.

(Вы начинаете постепенно исчезать.)

Есть многое, чего я в вас не понимаю. Ваш облик лишен индивидуальности. Вы меняете свои оболочки так же легко, как я могу переключать каналы в телевизоре, если бы он у меня был. Вы замкнуты, опять же. Вы должны больше вращаться в этом мире. Сходите куда-нибудь, себя покажите. Наслаждайтесь жизнью. Если вы застенчивы, я могу вас сопровождать. Как бы то ни было, не поддавайтесь страху.

Вы. Интересно. Да, разумеется, это весьма интересно. Объект проявляет сильную склонность к паранойе, его галлюцинации отличаются чрезвычайной достоверностью. Произвожу осмотр его языка, проверяю пульс, делаю анализ мочи. Стул - нерегулярный. Зубы - гнилые. Выпадают волосы.

Я. Я схожу с ума.

Вы. Он сходит с ума.

Я. Я умираю.

Вы. Он умер.

(Исчезает совсем, остается только золотистое свечение - там, где на пилотке была эмблема с орлом* и слабые отсветы от "дубовых листьев" на погонах.)

Но он умер не зря. Народ всегда будет помнить о нем, ибо своей смертью он принес нашей стране свободу.

(Занавес. Звучит гимн.)

Алло, это опять я. Вы, конечно, помните *меня*? Меня, вашего старого друга. Теперь слушайте внимательно мой план. С божьей помощью я собираюсь сбежать из этой проклятой тюрьмы, и вы можете мне. Двадцать людей могут прочесть напечатанное мною на этой машинке, и из этих двадцати девятнадцать будут наблюдать и глазом не моргнув, как я чахну здесь. Но только не двадцатый. Нет! У него (*у вас*) еще осталась совесть. Он/вы подадите мне знак. Когда я увижу знак, я буду знать, что кто-то извне пытается мне помочь. Нет, я не жду чуда сегодня же. Это может занять месяцы, даже годы: ведь необходимо выработать надежный план спасения, но само знание, что существует некто, кто пытается помочь, придаст мне сил продолжать жить день за днем, от выпуска до выпуска "Таймс".

Знаете, чему я иногда удивляюсь? Я иногда удивляюсь тому, что в "Таймс" до сих пор не опубликовали обо мне передовицу. Они излагают свое мнение по любым другим вопросам: Куба, Фидель Кастро, позорные факты о наших южных штатах, налоги, первый день весны...

А как же я?!

Я спрашиваю: разве справедливо, что со *мною* так обращаются? Хотя кому-нибудь есть до меня дело, а если нет, то почему? Не надо

* Орел изображен на гербе и эмблеме США. (Примеч. переводчика.)

мне говорить, будто они не знают, что я здесь. Я здесь пишу годами. понимаете? Годами! Наверняка они догадываются. Наверняка *кто-то* догадывается!

Это важный вопрос. Он требует серьезного обсуждения. Я настаиваю на том, чтобы на него *ответили*.

На самом-то деле я не надеюсь на ответ, вы об этом знаете. У меня не осталось ложных надежд, совсем не осталось. Я знаю, что сигнал мне послан не будет, а если даже и случится такое, это будет обман, искушение - чтобы я продолжал надеяться. Я знаю, что одинок в моей борьбе с несправедливостью. Я знаю, но *меня это не остановит!* Моя воля еще не сломлена, моя душа свободна. Из своей тюрьмы, из неподвижности, из пучин этого белого-белого света, я говорю: Я ПРЕЗИРАЮ ВАС! Вы слышите? Я говорю: Я ПРЕЗИРАЮ ВАС!

Опять обед. Куда уходит, куда исчезает время?

За обедом мне пришла мысль, которую мне тоже захотелось вам высказать, но, похоже, я забыл, о чем она. Если вспомню, то сразу же ее запишу. А пока расскажу вам другую мою теорию.

Моя другая теория состоит в том, что это - беличья клетка. Знаете, что это такое? Ну, тила той, которая есть в каждом городском парке. Может, даже у вас есть своя собственная беличья клетка - они ведь не очень большие. Она ничем не отличается от обычной за исключением, разве что, колеса. Белка попадает в колесо и начинает перебирать лапами. От этого колесо поворачивается, что, в свою очередь, заставляет белку перебирать лапами быстрее и быстрее. Считается, что такое упражнение полезно для белки. Я только не понимаю: почему белку сажают в клетку? Знают ли они, что при этом чувствует бедный маленький зверек? Или им наплевать?

Или наплевать.

Сейчас я вспомнил свою мысль, которую забыл во время обеда. Да, я придумал новый рассказ. Назову его: "Полдень в зоопарке". Я сочинил его сам. Он совсем короткий, но поучительный. Вот:

ПОЛДЕНЬ В ЗООПАРКЕ

Это рассказ об Александре. Александра была женой известного журналиста, который специализировался в области науки. Ему приходилось бывать в разных уголках страны, а поскольку детей у них не было, то Александра часто сопровождала его. Однако сй быстро все надоедало и приходилось самой искать способы убить время. Когда репертуар кинотеатров ее не удовлетворял, она отправлялась в музей или на футбол, если игра обещала быть интересной. Однажды она решила пойти в зоопарк.

Городишко был маленький, поэтому и зоопарк оказался небольшим. Конечно, сделано там все было со вкусом, но смотреть особо не на что. Небольшой ручеек извивался по территории. Утки и одинокий черный лебедь скользили под нависшими над водой ветвями ив, выходили, переваливаясь, на лужайку и набрасывались на хлебные

крошки, которые кидали им посетители. Александра решила, что лебедь очень красив.

Потом она подошла к деревянному строению с вывеской "Грызуны". Таблички рекламировали кроликов, выдр, енотов. Но в клетках оказался только слой из овощных огрызков и кучек помета самых разных форм и расцветок. Должно быть, животные спали за деревянными перегородками. Александру это несколько разочаровало, но она убедила себя в том, что грызуны - это не редкость для любого зоопарка.

По соседству с "Грызунами" на выступе скалы принимал солнечные ванны медведь. Обойдя вокруг серповидного вольера, Александра не обнаружила других членов его семьи. Но сам медведь был огромен.

Она понаблюдала за тюленями, которые плескались в бетонированном бассейне, и отправилась на поиски обезьянника. Она спросила у мужчины, торгующего орехами, где находится обезьянник, и тот ответил, что он закрыт на ремонт.

- Печально! - воскликнула Александра.

- Почему бы вам не посмотреть на ящериц и змей? - спросил торговец орехами.

Александра поморщилась. Рептилии внушали ей отвращение с детства. И хотя обезьянник был закрыт, она купила кулечек с орехами и съела их сама. Орехи вызвали у нее жажду, и она купила себе сок и принялась посасывать его через соломинку, с беспокойством прикидывая, как это отразится на ее весе.

Она полюбовалась на павлинов и на боязливую антилопу, потом свернула на тропинку, которая привела ее к маленькой рощице. Кажется, это были тополя. Александра была здесь одна, и поэтому сняла туфли и пошла босиком. Или сделала что-то еще в том же духе. Иногда ей нравилось быть одной. Как сейчас.

Ограда из толстых чугунных прутьев, едва заметная среди деревьев, привлекла внимание Александры. За оградой находился мужчина, одетый в мешковатый, очень смахивающий на пижаму, хлопчатобумажный костюм, перехваченный у пояса какой-то веревкой. Он сидел на полу, не поднимая глаз. Табличка у основания ограды гласила:

ХОРДОВЫЕ

- Как здорово! - воскликнула Александра.

Впрочем, это очень старая история. Каждый раз я рассказываю ее по-разному. Иногда она начинается с момента, где я сейчас ее кончил. Иногда Александра просто разговаривает с человеком за решеткой. Иногда они влюбляются друг в друга, и она пытается помочь ему сбежать. Иногда их убивают при попытке к бегству, и это *очень* трогательно. Иногда их заставляют и сажают *вместе* в одну клетку. Но они очень любят друг друга, и поэтому в клетке им не так уж плохо. Это тоже трогательно, но по-своему. Иногда им удастся вырваться на свободу. Но когда они оказываются на свободе, я не знаю, что дальше делать с этой историей. Тем не менее я уверен, что если я сам стал бы

свободен, свободен от моей клетки, для меня это не явилось бы затруднением.

Правда, часть рассказа не вяжется со здравым смыслом. Кто посадит человека в клетку? Меня, например. Кто это сделает? Инопланетяне? Кто говорит об инопланетянах? Я ведь ничего не знаю об их существовании.

Моя теория, моя лучшая из теорий заключается в том, что меня здесь держат люди. Простые, обычные люди. Это обычный зоопарк, и обычные люди приходят, чтобы полюбоваться на меня. Они читают то, что я печатаю на своей машинке - эти тексты появляются на электронном табло, похожем на табло, которое анонсирует заголовки газеты "Таймс" на 42-й улице. Когда я пишу что-нибудь смешное, они, наверное, смеются, а когда я пишу что-то серьезное вроде призывов о помощи, они начинают зевать и расходятся. А может быть, наоборот. В любом случае, они не воспринимают мои слова всерьез. Им наплевать, что я здесь сижу. Я для них - просто животное в клетке. Вы можете возразить, что человека нельзя сравнивать с животным, но ведь по сути это одно и то же! Похоже, те, кто наблюдает за мной, именно так и думают. В любом случае, никто из них не собирается помочь мне выйти отсюда. Никто из них не считает странным или необычным, что здесь нахожусь я. Никто из них не думает, что это неправильно. Это самое ужасное.

"Ужасное"?

Это не ужасно. Почему? Потому, что это всего лишь рассказ. Может быть, *вы*, прочитав его на электронном табло, решили, что это правда. Но я знаю: это рассказ, потому что сижу здесь, на этом стуле, сочиняя его. Когда-то он, должно быть, был действительно ужасным (когда мне пришла в голову эта мысль), но я сижу здесь годами. Годами! Рассказ слишком затянулся. Ничто не может быть ужасным такое долгое время. Я говорю, что это ужасно, потому лишь, что мне нужно что-то сказать. Что-нибудь. Меня пугает только то, что сюда могут войти. Если они войдут и скажут: "Хорошо, Диш, теперь вы свободны"... Это будет действительно ужасно.

Лэнгдон Джонс

ВЗГЛЯД ОБЪЕКТИВА

ФИЛЬМ

Фильм снимается на шестнадцатимиллиметровой пленке "Агфа" камерой "Белл энд Хауэл". Скорость съемки - двадцать четыре кадра в секунду, фильм длится пятнадцать минут тридцать две секунды.

Пленка имеет оптическую звуковую дорожку; оптимальная ширина экрана - восемь футов.

Кое-где в фильме используются светофильтры, очень слабые. Они не создают единого цветового фона, а лишь подчеркивают преобладание той или иной краски. В некоторых случаях тот же эффект достигается сосредоточением в кадре предметов нужного цвета. Они попадают в поле зрения либо каждый отдельно, либо - несколько сразу.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Девушка

Человек с огнеметом

Святой ♣

На протяжении всего фильма девушка одета в белое пдиссированное платье, подпоясанное длинной золотой цепочкой, конец которой свешивается ей на бедро.

У нее стройная фигура, движения легки и грациозны. Темные волосы разделены пробором посередине и спадают длинными прядями на спину между лопаток. У девушки длинная шея и, несмотря на видную хрупкость, волевые черты лица. Глаза карие, а рост - когда она босиком - пять футов семь дюймов.

Ей часто лечили зубы, и когда она смеется, во рту видны серебряные пломбы. Пушок, покрывающий ее тело, почти незаметен, только на ногах темнеют редкие волоски. Иногда она пытается - без особого успеха - вести себя холодно и небрежно.

У девушки довольно смуглая кожа, и в сочетании с хрупкостью это производит странное впечатление; на шее сквозь кожу просвечивают ручейки вен. Несмотря на нервный характер, девушка умеет быть спокойной и беспристрастной - именно такой мы чаще всего видим ее в фильме.

Она очень стыдится своих грудей - маленьких, с длинными светлыми сосками. Ей бы хотелось иметь более пышную грудь, хотя на самом деле ее фигура от этого бы только проиграла. Чувство стыда пронизывает все ее существо, она вполне искренне считает себя дурнушкой.

Роль цветочника и святого играет один и тот же актер; у святого - короткая темно-русая борода.

В фильме участвует большая группа статистов. На звуковой дорожке - мужской голос.

СТАТУИ БОГОВ

Звуча нет, слышно только шипение репродукторов. На темном экране постепенно возникает изображение. Слева появляется девушка. Проваливаясь по шиколотку, она пробирается сквозь груды поломан-

ных скульптур, изображающих богов. Лица богов подняты кверху, слепые глаза обращены к небесам. Повсюду торчат обрубки конечностей, обломанные руки тянутся в напряженной мольбе. Ярко светит солнце, и статуи отбрасывают густые тени. Изображение на экране состоит из ослепительно ярких и совершенно темных пятен.

Голос на звуковой дорожке:

"Люби меня, красный, как кровь, люби, зеленый, как пальмовый лист. В душе моей безграничный покой, от него стихает буря и дикий зверь делается кротким, как ягненок.

Люби меня, пронзенный кровавыми стрелами, омой мои ноги елем; позволь погрузить руки в раны твои, я стану чище, умывшись их бурлящей кровью. Отдай мне красноту измученных глаз и окровавленных членов - я возьму ее себе, и тело мое наполнится силой, а сердце - яростью, несущей врагу погибель.

Люби меня, зеленый, как пальмовый лист, как слава; настанет день, когда, воздев руки к ногам твоим, я стану прославлять твое имя.

Люби меня, сияющий, словно золото, золото сокровищ, которые отдам, чтобы воздвигнуть тебе храмы, - и тогда по всей земле разойдется слово твое, твое учение.

Люби меня, бурый, словно кожаная плеть, которой тебя хлестали; дай мне ощутить боль ударов, горечь унижения - и я буду упиваться ими до конца дней своих.

Отдай мне все краски, составляющие твое бытие - слив их вместе, я добуду белый цвет воскресения и вечной жизни".

Девушка на миг останавливается в задумчивости - она, очевидно, слушала, что говорил голос на звуковой дорожке, - затем идет дальше. Небрежно пиная валяющиеся под ногами обломки, она исчезает за кадром. Изображение остается еще на несколько секунд; все так же глядят слепыми глазами идола - серая, неподвижная масса, залитая солнцем, словно пшеничное поле.

Звук нет, изображение исчезает.

СКУЛЬПТУРА ИЗ ПЕСЧАНИКА

Девушка бредет по пустыне. Песок кажется почти белым в ярких лучах солнца; девушка оставляет за собой зыбкие следы. Плавные очертания барханов простираются до самого горизонта.

На пути девушке попадает опрокинутый велосипед, наполовину засыпанный песком и похожий на скелет какого-то грациозного зверя. Когда девушка проходит мимо, кажется, будто торчащее из песка переднее колесо разглядывает ее с терпеливым безразличием, свойственным старости и упадку. Девушка идет дальше, не приближаясь к велосипеду. Камера поднимается, и в поле зрения попадает вертолет, глубоко увязший в песке. Поврежденные лопасти слегка колышутся на ветру, словно одежда покойника. И хотя остальные части вертолета совершенно неподвижны, создается впечатление, будто накренившаяся вперед машина всю старается выкарабкаться из песка и

взлететь. Она напоминает раненое живое существо. Изображение замирает - кажется, что в проекторе закончилась пленка и что если будет продолжение, то вертолет, мучительно изогнувшись, упадет в бессилии на песок.

Окинув взглядом машину, девушка проходит мимо - и вдруг, повернув голову назад к экрану, резко останавливается, словно наткнувшись на что-то еще.

В кадре появляется бюст из песчаника, стоящий на невысоком пьедестале. Бюст отдаленно напоминает изображение человека, но черты лица сглажены, почти неразличимы. От статуи веет древностью, видно, что она обезображена эрозией.

Статуя покрыта обозначениями, на песчанике можно прочесть слова, выведенные зеленой масляной краской по трафарету: ЛОБ, ЩЕКА, ПРАВОЕ УХО, ЛЕВОЕ УХО, - надписи усиливают общее впечатление абсурдности. Скульптуру никак не назовешь устрашающей, - столько комичной печали в этом изуродованном надписями лице. Девушка толкает бюст, пытаясь опрокинуть его, но он, по-видимому, прочно прикреплен к пьедесталу. Потерев пальцами поверхность скульптуры, она смотрит, как раскрошившийся песчаник сыплется ей на ладонь. Теперь мы видим статую совсем близко, она и в самом деле очень старая, словно простояла в этой пустыне целое тысячелетие.

Девушка достает из сумочки носовой платок и, посплюнув его кончик, пытается стретнуть "Н" в слове "НОС"; наконец зеленая краска начинает бледнеть. Девушка проводит рукой по лбу статуи, с улыбкой читает надписи: "РОТ", "ПОДБОРОДОК". Скульптура явно ее забавляет.

На звуковой дорожке - звуки виолончели.

Теперь хорошо видно, насколько статуя поражена временем. Правый и левый соски, несмотря на обозначения, практически невозможно распознать, а правая подмышка вся осыпалась.

Девушка обходит статую, чтобы взглянуть на нее сзади, и следом перемещается камера; пересекая кадр, девушка возвращается на прежнее место. Сзади статуя еще меньше напоминает человеческое существо, кажется, что она вообще утратила какие-либо индивидуальные черты, слившись с пустыней.

Виолончель звучит резче, причудливее.

Снова мы видим скульптуру спереди. Девушка пристально разглядывает ее лицо. Надпись "ЛЕВЫЙ ГЛАЗ" стало трудно прочесть: на ней расплзлось темное пятно. На сухом камне пятно жидкости кажется совсем черным. Девушка дотрагивается до надписи, затем прикладывает палец к языку. Пятно увеличивается, и на лице девушки появляется тревога.

Сумочка падает у нее из рук, с глубоким ужасом она смотрит, как из левого глаза статуи вытекает капля воды и сливается с темным пятном. Темная полоса пересекает правую щеку. Из левого глаза появляется еще одна капля и сползает вниз, к подбородку, оставляя за

собой сверкающий на солнце след. Все кругом неподвижно, только по шероховатым щекам стекает капля за каплей. Слышатся взволнованные переливы виолончели.

В ужасе попятившись, девушка замирает, словно парализованная.

Теперь капля выползает из правого глаза и стекает по неровной поверхности щеки.

Раскрыв рот и судорожно вцепившись руками в свое платье, девушка беспомощно глядит на плачущую перед ней древнюю статую. Эти слезы как бы дают почувствовать груз прошедших столетий. Опустив голову, девушка закрывает лицо руками.

С полминуты она не глядит на бюст, но затем вновь поднимает глаза. По-видимому, ей удалось справиться со своими чувствами. Она медленно подбирает с земли сумочку и, порывшись в ней, достает большую записную книжку. Вырвав листок, складывает его пополам и обрывает угол - получается нечто вроде указателя. Достав ручку и написав что-то на листке, булавкой прикрепляет его к щеке статуи; острый конец указывает на струйку воды, текущую по лицу.

На листке лишь одно слово: "СЛЕЗЫ".

Отвернувшись, девушка быстро уходит от нас по пустыне.

ЛЮДИ С ОГНЕМЕТАМИ

Виолончель стихла. Звучит иронический похоронный марш из Первой симфонии Малера. Девушка спускается по пологому склону, впереди виден холм - единственное возвышение посреди ровной пустыни; за холмом темнеет струйка дыма. Вблизи оказывается, что у подножия холма расплзается целое облако густого дыма и тут же суетятся какие-то люди. То и дело у самой земли на мгновение ярко вспыхивает пламя, и удушливое облако увеличивается, быстро подымаясь вверх. Передвигаясь вместе с девушкой, камера дает крупным планом ее лицо. Вначале девушка сосредоточенно морщит лоб, пытаясь понять, что происходит, затем на лице появляется недоумение и немного позже - ярость. Камера останавливается, мы видим, как девушка приближается к людям.

Мужчины в легких рубашках, с потными, черными от копоти лицами, носятся туда-сюда в страшной панике. Они чем-то сильно озабочены - впрочем, чувствуется, что это их обычное состояние. На спине у каждого - большой баллон, от долгой носки лямки больно врезаются в плечи. Кругом черная обожженная земля. Казалось бы, здесь ничего не может вырасти, однако кое-где сквозь иссушенную почву пробиваются зеленые ростки. Показавшись из земли, странные растения тут же начинают цвести. Чуть появившиеся бутоны на глазах распускаются. Но стоит кому-нибудь из мужчин это заметить, он приближается и, выпустив из баллона струю пламени, уничтожает цветок. Затем огонь гаснет, и от растения остается лишь кружок обугленной земли. Проходит всего несколько секунд - и на черной унылой почве показывается новый росток.

Девушке, очевидно, хочется поскорее уйти, но вот один из мужчин - горячий, возбужденный - оказывается поблизости, и она слегка касается его руки.

ДЕВУШКА. Что это? Что вы делаете?

МУЖЧИНА. Уничтожаем их.

ДЕВУШКА. Но... зачем?

МУЖЧИНА. Чтоб не росли.

(На миг отвернувшись, мужчина выпускает пламя, и на земле вспыхивает огненная дорожка, затем он вновь поворачивается к девушке.)

Другого выхода нет. Им дай волю - всю пустыню займут.

ДЕВУШКА. Чем же они мешают?

МУЖЧИНА. Нельзя, чтоб повсюду цвела эта дрянь. От нее всех наших лень одолеет. Никто не захочет работать.

ДЕВУШКА. Но ведь вся ваша работа - уничтожать цветы.

МУЖЧИНА. Ну и потом, мы привыкли к пустыне. Когда я вижу эти поганые лепестки, у меня возникает такое странное чувство... будто сердце сжимается... Что будет, если я поддамся и стану смотреть, как они повсюду вылезают? Кстати, а почему вас это интересует? Не нравятся мне ваши вопросы.

ДЕВУШКА. Просто не могу вас понять. Убивать живое, уничтожать красоту! Цветы могли бы расти и доставлять вам радость.

С отвращением посмотрев на девушку, мужчина машинально сплевывает. Затем возвращается к своей работе. Но прежде чем он исчезает из кадра, отвращение на его лице сменяется выражением бесконечной печали. Музыка смолкает.

ФЛАГЕЛЛАНТЫ

Девушка стоит в пустыне на склоне насыпи. Повернувшись спиной к камере, она наблюдает за тем, что происходит внизу, на песке, футах в пятидесяти от нее. Множество обнаженных людей, выстроившись один за другим, ходит по кругу. Опустив голову и глядя в землю, они медленно бредут, словно узники, совершающие прогулку на большом тюремном дворе. На ходу каждый хлещет кнутом по спине того, кто идет впереди. Это происходит так: только человек почувствует на своей коже боль от удара, он мгновенно заносит собственный кнут и со свистом опускает его на спину идущего впереди, а тот, в свою очередь, через какую-то долю секунды хлещет соседа. Издали создается впечатление, будто действия людей сливаются в единую волну; она быстро катится по кругу, гораздо быстрее, чем идут люди, - вечная волна боли.

Девушка шагает по лабиринту коридоров, на экране быстро мелькают зеленые стены. Пол сложен из черного отшлифованного мрамора, звуки шагов отражаются от стен. Девушка поворачивает направо, затем, миновав очередной коридор, - налево. Все коридоры одинаковы, вдоль них тянутся ряды деревянных дверей, тоже одинаковых - разные только серебряные номера над ними, но цифр не разглядеть. Шаги раздаются все громче, эхо многократно повторяется по принципу обратной связи, и наконец слышен лишь непрерывный гул да еще какой-то пульсирующий звук - следствие резонанса коридоров; на фоне гула, дополняя звуковую картину, по-прежнему слышны шаги.

Внепно остановившись, девушка открывает одну из дверей; камера перемещается в глубину комнаты. Захлопнув за собой дверь, девушка прислоняется к ней спиной. Как только раздается стук двери, звучание фонограммы обрывается и наступает жутковатая тишина.

Посреди комнаты на столе стоит кинопроектор. Девушка выключает свет и подходит к столу. Сквозь задернутые венецианские шторы в комнату сочится дневной свет, на дальней стене смутно белее большой экран. Девушка включает проектор, и экран освещается. На нем появляется изображение девушки, торопливо шагающей по коридорам - зеленые стены, черный мраморный пол. Она сворачивает направо, потом налево, быстро минуя множество деревянных дверей; дальше - кадры, снятые из глубины комнаты. Захлопнув дверь, девушка прислоняется к ней спиной. Посреди комнаты на столе стоит кинопроектор. На дальней стене белее большой экран. Склонившись над проектором, девушка нажимает сбоку кнопку.

На экране изображен огромный человеческий глаз. Радужная оболочка бледно-голубого цвета; глаз отделен от лица и абсолютно ничего не выражает. Просто голубой немигающий глаз.

Камера начинает приближаться к экрану, с которого глядит глаз, и темная фигура девушки исчезает за кадром. Девушка видит на экране только глаз. Она выключает проектор, изображение исчезает. Девушка поворачивается лицом к камере, камера приближается к ней, на экране остается только ее лицо... только бровь, глаз и щека... и наконец только широко раскрытый глаз.

УЛЬТРАСОВРЕМЕННЫЙ САМОУНИЧТОЖАЮЩИЙСЯ ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЙ СОБОР

Собор полон невыносимо ярких огней и оглушающих звуков. Кругом все разноцветное: алтарь, выложенный пастельной мозаикой, gobелены, каменная кладка, пронизанные огнями облака пара, вращающиеся витражи, - всюду лучи света и ослепительно яркие краски. Сияет серебристо-голубое объявление, написанное псевдоготическим

шрифтом: "СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ - СЕАНС ПСИХОДЕЛИИ!" В центре собора перед алтарем - огромные паровые машины. Приведенные в движение мощные медные поршни сверкают, отражая зеленые и красные радужные лучи. Вертятся колеса, и к потолку поднимаются огромные клубы пара, почти невидимые из-за обилия ярких красок. Паровыми машинами приводятся в действие вращающиеся окна и другие подвижные части собора. Окна - круглые, двойные, из витражного стекла с ярким мозаичным рисунком. Посаженные на шарикоподшипники, они медленно вращаются в разные стороны, цвета сливаются, образуя новые оттенки, а мозаичные узоры накладываются один на другой, кружась и беспреостанно меняясь. Такой же переменчивый узор из ослепительных огней мелькает за алтарем - на огромный экран спроецированы сверкающие пятна всех цветов и оттенков: красного, зеленого, голубого, лилового, белого, пурпурного, ярко-желтого, розовато-лилового, оранжевого. По всему собору горят несинхронизированные стробоскопические лампы, а среди людей перед алтарем тут и там видны фигуры, в страшных муках извивающиеся на полу.

В соборе стоит ужасный шум. Из стереофонических колонок, кольцом окружающих центральную часть собора, несется гул электронной музыки, звуки словно гонятся один за другим по кругу; трое кардиналов играют на электрических гитарах; простирая руки к космическим просторам, вопит что есть мочи женское трио, их длинные волосы развеваются будто на ветру. Не слышно даже шума паровых машин. У алтаря стоит человек с микрофоном, он размахивает рукой, в которой лежит распятие. "Включить! - кричит он. - Стоп! Выключить!" Кардиналы в трепещущих мантиях синхронно ударяют по струнам, заполняя собор звуками электронных гитар.

Платье девушки сверкает всеми цветами радуги; она поворачивается и идет к выходу. Мы видим, как она появляется снаружи. Вокруг все как прежде - солнце, пустыня. Из собора доносится приглушенный шум. Девушка поспешно уходит прочь. Долгое время видны только ее ноги, быстро шагающие по песку. Собор уже далеко позади, и вдруг раздается громкий треск; девушка оборачивается. Едва заметно покачнувшись, собор внезапно теряет очертания и гигантской лавиной обрушивается на землю, исчезая в клубах пыли. На звуковой дорожке - страшный грохот, а когда он стихает и оседает на землю пыль, посреди пустыни высится лишь груда камней; наступает тишина, которая, кажется, воцарилась навечно. Повернувшись к камере спиной, девушка уходит из поля зрения, на несколько секунд в кадре остается груда обломков - возникает чувство, что они лежат здесь с незапамятных времен.

РАСПЯТИЕ

Девушка снова идет по белому песку пустыни. Камера перемещается вместе с ней. На звуковой дорожке - сильный шум ветра. Остановившись, девушка подымает глаза, и в кадр попадает

здание из черного мрамора. Оно очень большое, овальной формы, в поле зрения находится лишь его часть. Здание сложено из овальных плит разной величины - чем выше лежит плита, тем она меньше; плиты составляют овальную лестницу. Мрамор сверкает на солнце.

Вид с вершины строения. Девушка взбирается по лестнице. На ее фигуру падает какая-то тень, но очертаний этой тени как следуют не разглядеть. Девушка продолжает взбираться, камера поднимается на большую высоту, и мы видим, что черное строение гораздо больше, чем можно было подумать. По мере расширения панорамы очертания тени становятся все отчетливее. Внезапно делается совершенно ясно, что тень имеет форму креста.

Добравшись до вершины, девушка проходит немного вперед и останавливается. К подножию креста стекает кровь, собираясь в небольшую лужицу.

Камера поднимается. В кадре внизу слева - лицо девушки, справа - крест, сверху - согнутые в коленях ноги и стопы, прибитые гвоздями.

ДЕВУШКА. Что с вами сделали?!

Теперь человек на кресте виден полностью. Верхняя часть тела бессильно свисает, кажется, он вот-вот упадет, его удерживают лишь крупные гвозди, вбитые в кисти рук. На руках краснеют полосы застывшей крови. Голова свешивается на грудь, огромные горящие глаза глядят на девушку исподлобья. У него очень бледная кожа, и тело выглядит совершенно безжизненным.

ДЕВУШКА. Вам, наверное, очень больно.

ЧЕЛОВЕК *(с раздражением)*. Еще бы!

ДЕВУШКА *(со слезами в голосе)*. Сейчас я вас сниму.

ЧЕЛОВЕК. Не вздумай! Я Иисус Христос из Назарета, и мне суждена такая смерть.

ДЕВУШКА. Но я не могу допустить, чтобы вы так мучились!

ИИСУС ХРИСТОС *(раздраженно)*. Милая девочка, мне и так скверно, а тут еще ты со своими дурацкими комментариями. Знала бы ты, как мне больно! Не болтай пустяков, лучше оставь меня в покое - и не смей снимать отсюда!

ДЕВУШКА. Ну, поговорить-то с вами можно? Это облегчит ваши последние часы. И потом... словом, мне есть, что вам сказать.

ИИСУС ХРИСТОС. Мне решительно все равно. Скоро я буду у отца, а на все остальное мне наплевать.

ДЕВУШКА. Я хочу... понимаю, сейчас это немного не к месту, но я хочу попросить вас о помощи.

ИИСУС ХРИСТОС. Что ж, это входит в мои обязанности.

ДЕВУШКА. Видите ли, сегодня я столько всего насмотрелась, все это так странно... У меня просто голова идет кругом.

ИИСУС ХРИСТОС. Не огорчайся, дитя мое, ты всего лишь овца, а я твой пастух. Ступай за мной, я укажу тебе тропу, которая приведет тебя к истине.

ДЕВУШКА. Да, это все понятно, но я хочу найти свой собственный путь. Он будет праведным, я уверена, ведь вы сами создали меня такой. Пастух мне совсем не нужен. Конечно, я в жизни не раз ошибалась, но все это срунда по сравнению с тем, что я сегодня видела. Извините, но при всем уважении к вам я не могу признать себя овцой.

ИИСУС ХРИСТОС. И все же ты овца, дитя мое. Мой отец управляет Вселенной. Ему все известно - и о протоне, и о квазаре - все, о чем люди и понятия не имеют. И все ему подвластно.

ДЕВУШКА. Тогда скажите мне, почему я несчастна?

ИИСУС ХРИСТОС. Потому что ты грешила. Ты погрязла в пороке, избрав легкий путь мирских удовольствий. Ты услаждала плоть, и теперь грешная душа твоя источает яд, одной капли которого вполне достаточно для вечного проклятия и адских мук. И ты, наверное, занималась онанизмом.

ДЕВУШКА. Какой вы грубый! Вот уж не ожидала. Ничего не знаете обо мне и беретесь осуждать. Так делают только ограниченные люди, я думала, вы умнее.

ИИСУС ХРИСТОС *(со злостью)*. Что ты хочешь этим сказать? Если бы не эти гвозди, я бы тебе показал... Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

ДЕВУШКА. Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты обо мне! Ты неврастеник, помешанный на всяких дурацких ритуалах. Ты просто сумасшедший. Не даешь даже снять себя с креста - боишься, как бы не сорвалась очередная церемония! Говорят, ты добрый, но я что-то не вижу...

ИИСУС ХРИСТОС *(замечто нервно)*. Ну-ну, успокойся, дитя мое!

ДЕВУШКА *(театрально)*. Ты утверждаешь, что твой отец всеислен? Раз так, то он в ответе за все преступления, совершенные на земле. Я обвиняю твоего отца в том, что существуют голод и жестокость. Что на свете есть болезни, бедствия. И это бог любви? Бог сифилиса - так было бы вернее! Бог жизни? Нет - это бог смерти!

ИИСУС ХРИСТОС. Здесь, на земле, дитя мое, люди проходят проверку. Выясняется, кто праведник, а кто грешник, и тогда отец решает, кого взять к себе и наградить вечной жизнью.

ДЕВУШКА. Значит, твой отец проверяет нас страданием? Другого способа ему не придумать?

ИИСУС ХРИСТОС. Где тебе понять моего отца, глупое дитя? Разве могут жалкие грешники, вроде тебя, постичь его мысли и намерения?

ДЕВУШКА. Нечего и постигать. Я сама несчастна, а сегодня видела людей, которые во сто раз несчастнее и даже не знают об этом - запуганные, одинокие - за что они так наказаны?

(Позади креста в небе быстро сгущаются тучи. Подбоченясь, девушка театрально указывает пальцем в сторону Иисуса.)

Так вот. Я сужу твоего отца и признаю виновным. И утверждаю,

что он злой бог! Знает, как свои пять пальцев вселенную и вечность, а отчего страдает девушка - ему и дела нет!

Вокруг делается все темнее. Иисуса Христа вдруг передергивает, у него начинается рвота, и жижка стекает вниз по животу. Мускулы то и дело напряженно сжимаются - по телу Христа пробегают судороги. От конвульсий он начинает сильно икать. Тучи полностью заволакивают небо, но на их фоне все же видно, как девушка по-прежнему тычет пальцем в сторону висящего на кресте измученного человека. Неожиданно крест поражает вспышка молнии. Его разрывает на части, словно это кусок материи, и мгновение спустя во все стороны разлетаются деревянные обломки. В воздух подымается тонкая струйка дыма. Быстро темнеет. На фоне неба смутно белеет платье девушки, и больше ничего не видно, кроме потоков внезапно хлынувшего дождя.

ВОЛШЕБНОЕ ПОЛЕ ЦВЕТОВ

Светит солнце, на звуковой дорожке слышится многоголосое пение птиц. Перед камерой - трепещущий разноцветный узор. Это поле, сплошь покрытое огромными цветами и простирающееся до самого горизонта. В кадре появляется девушка и какое-то время стоит, оглядываясь кругом. Душистые венчики, окрашенные в самые разные цвета - красный, белый, розовый, лиловый, пурпурный, оранжевый, небесно-голубой, ярко-желтый, - тянутся к солнцу своими сочными лепестками. Цветущее поле напоминает яркий пушистый ковер; девушка втягивает в себя воздух, ощущая пьянящий мускусный аромат. Внизу сплетаются со стеблями зеленые листья, гудят большие пчелы, перелетая с цветка на цветок.

С радостным и удивленным лицом девушка делает несколько шагов в глубь поля - в этот момент она похожа на ребенка. Но вдруг ее лицо преобразается, покрытое разноцветными бликами. Отсвечивая яркими красками поля, оно излучает сияние, точно лицо мадонны. Девушка оказывается по пояс в цветах. Они словно тянутся к ней, напрягая все силы. Протянув руку, она касается гладких красных лепестков, и цветок в ответ раскрывается, осыпаясь ей прямо на ладонь. Со счастливой улыбкой девушка медленно опускается на землю. Невообразимо прекрасные цветы томно колышутся вокруг. В воздухе слышен гул, какой бывает перед потерей сознания. Девушка погружается в гущу цветов, и больше ее не видно, весь экран занимает поле - разноцветный ковер с ярким переменчивым узором.

Внезапно картина становится какой-то призрачной, и в тот же миг поле цветов исчезает. В кадре остается девушка, сидящая на голом песке. С испуганным и грустным видом она озирается по сторонам. Фильм заканчивается, экран начинает мутнеть. Но пока исчезает изображение, мы успеваем заметить, что из земли выглянули зеле-

ные ростки - недалек тот час, когда посреди пустыни вновь раскинется ослепительно прекрасное поле цветов.

Экран гаснет.

Вежливые аплодисменты.

Норман Спинрад

СКАЧОК ЭНТРОПИИ МАССОВЫХ СОВОКУПЛЕНИЙ

БАП УГРОЖАЕТ ЗАБАСТОВКОЙ В ОТВЕТ НА ДЕЙСТВИЯ ДЕМОНСТРАНТОВ

Нью-Йорк (штат Нью-Йорк): Президент Благотворительной Ассоциации Полицейских предупредил о возможности всеобщей забастовки стражей порядка, если подразделения полиции по борьбе с массовыми беспорядками немедленно не сдадут оружие. "Вооруженные полицейские чересчур часто подвергаются сексуальному воздействию со стороны демонстрантов, - объяснил он. - Это наносит ущерб нашему боевому духу".

Арсенал энтропии

Некоторые фобии встречаются у людей достаточно часто: боязнь замкнутого пространства, боязнь высоты, боязнь пауков, боязнь удушья, боязнь собак, боязнь выколоть глаза, боязнь крыс, боязнь фекалий, боязнь насекомых, боязнь слизи, боязнь повредить гениталии, боязнь содомии, боязнь импотенции, боязнь показать свою трусость на людях.

Сценарий первый:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Насилие - один из способов ведения войны. Война подавляет волю неприятеля путем его устрашения. Неприятель побежден, если его страх перед грядущим насильем пересиливает страх перед последствиями поражения.

НАСИЛИЕ - ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО ОТЧАЯВШЕГОСЯ ЧЕЛОВЕКА - - ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО - НАСИЛИЕ - - ОТЧАЯННОЕ СРЕДСТВО ПОСЛЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА - -

Арсенал энтропии

ДМСО - химическое средство. Существует достаточно обширный класс жидкостей, в которых ДМСО растворим. Такие растворы легко всасываются в кровеносную систему в случае соприкосновения с открытыми участками кожи.

Распылители есть в свободной продаже.

ЛСД - бесцветная жидкость, не имеющая запаха и вкуса, которую можно ввести в любую жидкую среду, не опасаясь, что экспертиза ее обнаружит.

Сценарий второй:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Вызывать отвращение - один из способов ведения войны. Война подавляет волю неприятеля, вызывая у него отвращение. Неприятель побежден, если его отвращение перед грядущим пересиливает страх перед последствиями поражения.

ПЕРЕГОВОРЫ ВРЕМЕННО ПРЕКРАЩЕНЫ

Майами-Бич (штат Флорида): Сегодня были временно прекращены переговоры между Пентагоном и Добровольной Ассоциацией Военнослужащих Армии, Авиации и Флота по вопросу о предоставлении военнослужащим перерыва на чай. Хотя ДАВААФ приняла предложение Пентагона повысить на 2,25 доллара почасовую оплату военнослужащим сверхсрочной службы, представители ДАВААФ заявили, что отказ Пентагона предоставить военнослужащим перерывы на чай приведет к увеличению срока нынешней забастовки на неопределенное время.

"Перерывы на чай давно узаконены во всех отраслях промышленности", - подчеркнули представители ДАВААФ, ответив отказом на встречное предложение Пентагона - вдвое увеличить военнослужащим время отдыха после ночных дежурств.

РЕВОЛЮЦИЯ - ОПИУМ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ - - ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ - ОПИУМ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ - - РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ ОПИУМА - ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ - - ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДЛЯ ОПИУМА - РЕВОЛЮЦИЯ - -

Сценарий третий:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Разжигать зависть - один из способов ведения войны. Война подавляет волю неприятеля, когда в нем разгорается зависть. Неприятель побежден, если его зависть к врагу пересиливает страх перед последствиями поражения.

Арсенал энтропии

Многих мужчин (в том числе полицейских, политических деятелей и военнослужащих) неотвратимо влечет перспектива полового сношения с молодыми, цветущими, страстными, привлекательными женщинами. Известны случаи, когда мужчины бросали свои, более тягостные занятия, если им предоставлялась возможность переспать с красивой девушкой. Другие мужчины (в том числе полицейские, политические деятели и военнослужащие) испытывают те же чувства по отношению к молодым, цветущим, страстным, привлекательным юношам. Некоторые мужчины (в том числе полицейские, политические деятели и военнослужащие) весьма равнодушны к другим объектам, как-то: собакам, козам или носовым платкам. Науке известно несколько индивидуумов, у которых наизусть отсутствует половое влечение.

КОГДА ВАМ НУЖНА ПОЛИЦИЯ ВЫ ЕЕ НЕ НАЙДЕТЕ КОГДА ВЫ ЕЕ НАЙДЕТЕ
ПОЛИЦИЯ БУДЕТ ВАМ НЕ НУЖНА КОГДА НЕ ВАМ НУЖНА ПОЛИЦИЯ ВЫ ЕЕ
НАЙДЕТЕ

Сценарий четвертый:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Будить вождение - один из способов ведения войны.

Война подавляет волю неприятеля, если может его раздражить. Неприятель побежден, если его чувственное влечение к врагу пересиливает страх перед последствиями поражения.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИИ

Вашингтон (округ Колумбия): Сегодня Верховный суд единогласно принял решение считать Конституцию противоречащей самой себе. "Существование Конституции ради Конституции не обеспечивает ее выполнения", - подчеркнул в своем решении суд.

Арсенал энтропии

Многие люди испытывают сильнейшее отвращение, когда им демонстрируют внутренности освеженных животных.

Человек, которого при этом тошнит, не способен к насилию.

Некоторые вещества, встречающиеся в повседневной жизни, вызывают неодолимые приступы рвоты.

Сценарий пятый:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Любовь - один из способов ведения войны. Война подавляет волю неприятеля, если разжигает в нем страсть. Неприятель побежден, если его желание быть любимым пересиливает страх перед последствиями поражения.

ЭПИДЕМИЯ ВЕНЕРИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ СРЕДИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ПОСЛЕ ПОЛОВЫХ КОНТАКТОВ С ХИППИ ВО ВРЕМЯ ДЕМОНСТРАЦИИ СРЕДИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЭПИДЕМИЯ ПОЛОВЫХ КОНТАКТОВ ХИППИ ПОСЛЕ ДЕМОНСТРАЦИИ ЭПИДЕМИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ ВО ВРЕМЯ ВЕНЕРИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ СРЕДИ ХИППИ ВО ВРЕМЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ПОЛОВЫХ КОНТАКТОВ ПОСЛЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ

ЛОС-АНДЖЕЛЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ ПОДВЕРГЛАСЬ НАПАДЕНИЮ ТОЛПЫ ПОДРОСТКОВ

Лос-Анджелес (штат Калифорния): Триста полицейских из подразделения по борьбе с массовыми беспорядками подверглись грубому нападению. Визжащая толпа обнаженных девочек-подростков от пятнадцати до восемнадцати лет атаковала полицейских с целью совершить с ними массовые совокупления. Для восстановления порядка пришлось воспользоваться услугами и обаянием пяти рок-звезд вкупе с электрогитарами и мощнейшими усилителями. Правление Храмовых Служб выступило с угрозой аннулировать выданное полицейским управлением Лос-Анджелеса разрешение на проведение массовых мероприятий, если подобное повторится.

"Меня возбуждают медные пуговицы и голубая форма, - объяснила семнадцатилетний президент нового фан-клуба "Пол-и-Полиция", вызывающего глубокое беспокойство в антиправительственных кру-

гах. - Я ничего не могу с собой поделать: форма резиновой дубинки доводит меня до умопомрачения".

"Ужас! - заявила рок-звезда, пожелавшая остаться неизвестной. - Эти девочки показали хороший класс нашим впечатлительным полицейским. Интересно, они и со своими отцами так обращаются?"

Сценарий шестой:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Комплекс вины - один из способов ведения войны. Война подавляет волю неприятеля, если может пробудить в нем раскаяние. Неприятель побежден, если раскаяние за содеянное пересиливает страх перед последствиями поражения.

Арсенал энтропии

Кал - вещество, которое без затруднений может добыть каждый. Нельзя не признать, что оно имеет специфический цвет, а также обладает запахом и, судя по всему, вкусом. Его аромат, вкус и вид вызывают сильное отвращение у многих людей, в том числе у полицейских, политических деятелей и военнослужащих.

УНИВЕРСИТЕТ ТРЕБУЕТ ОТ ПОЛИЦИИ КОНТРОЛЯ ЗА ДЕМОНСТРАНТАМИ

Беркли (штат Калифорния): На пресс-конференции, созванной после недавних беспорядков в Беркли, ректор Калифорнийского университета потребовал от полиции усиления контроля за демонстрантами. "Ситуация не была бы столь угрожающей, если полиция получила бы заранее приказ о созыве демонстрантов, - заявил он. - Пора анархистам перестать заигрывать с полицейскими".

Сценарий седьмой:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Изменение реальности - один из способов ведения войны. Война подавляет волю неприятеля путем его отчуждения. Неприятель побежден, если его страх потерять ощущение реальности пересиливает страх перед последствиями поражения.

СЪЕМ ПОКУСАЮ ЕСЛИ НЕ СЪЕМ ТО ПОКУСАЮ ЕСЛИ ТО СЪЕМ НЕ ПОКУСАЮ ЕСЛИ НЕ ПОКУСАЮ ТО СЪЕМ НЕ ТО ПОКУСАЮ ЕСЛИ СЪЕМ

УЛИЧНЫЙ ГРАБИТЕЛЬ, ОБВИНЯВШИЙСЯ В ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ С ПОЛИЦИЕЙ, ИЗБЕЖАЛ НАКАЗАНИЯ

Нью-Йорк (штат Нью-Йорк): Сегодня в Верховном суде судья Артур Кранц отклонил иск против Герберта Смита, 29 лет, обвинявшегося в жестоком обращении с полицейским. Смит, члену Интернационального Братства Уличных Грабителей, было предъявлено обвинение в жестоком обращении с патрульным Дэвидом Макдуглом (нью-йоркский отдел полиции нравов), которому обвиняемый, зани-

мавший в нью-йоркском Центральном парке грабежом, попытался вставить полицейскую дубинку в задний проход. Судья Кранц постановил, что: "Злонамеренность обвиняемого доказана быть не может, т.к. Смит и Макдугл находились под воздействием капиталистической пропаганды". Тем не менее этот инцидент послужил причиной для возбуждения еще трех исков, которые рассматриваются в суде до сих пор.

Сценарий восьмой:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Тождественность - один из способов ведения войны. Война подавляет волю неприятеля, если он поглощается своим врагом. Неприятель побежден, если степень его поглощенности превышает страх перед последствиями поражения.

МИНИСТР ФИНАНСОВ СКРЫВАЕТСЯ ОТ СУДА

Нью-Йорк (штат Нью-Йорк): Сегодня во время пресс-конференции в ночлежке на Уолл-стрит министр финансов официально объявил, что присвоил себе государственный долг и сбежал. Он сказал репортерам, что собирается продать долг Мафии в компенсацию убытков от неуплаты сю налогов, поместить вырученную сумму в облигации муниципального займа и принять от президента орден "За изобретательность".

Сценарий девятый:

Война, вне всякого сомнения, служит для подавления воли неприятеля. Хаос - один из способов ведения войны. Война подавляет волю неприятеля посредством повышения энтропии. Неприятель побежден, если дальнейшие действия с его стороны становятся последствиями поражения.

ПОТОМУ ЧТО МЫ ЛЮБИМ ДРУГ ДРУГА, ВОТ ПОЧЕМУ!

Рено (штат Невада): Сегодня на пресс-конференции в Рено президент и вице-президент объявили, что этой ночью они тайно сочтались браком. Церемонией руководил главнокомандующий Флотом.

"Я не понимаю, из-за чего вся эта кутерьма, - сказал вице-президент. - Мы всего лишь два человека, полюбившие друг друга"

"На этот раз - навсегда!" - заверил репортеров президент, и молодожены отправились в двухнедельное свадебное путешествие к Ниагарскому водопаду.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ КРАТЕР

ЗОНА СТОЛКНОВЕНИЯ

Очнувшись и открыв глаза, он увидел, что лежит в центре дорожной развязки "лепестки клевера". Болели лицо и руки, израненные падением на шершавый бетон, костюм промок насквозь. Он взобрался на насыпь. Отсюда недостроенная развязка напоминала то ли разрушенную арену, то ли жерло кратера. А парапеты вдоль автострады - обломки каких-то двусмысленных декораций. На обочине стоял пустой автомобиль. Он открыл дверцу и сел за руль, но система управления оказалась совершенно незнакомой. Почудилось даже, что выпуклые пояснительные надписи сделаны на языке слепых. Он наугад ткнул кнопку, и в сыром воздухе возопило радио. Молодая женщина, стоявшая у балюстрады в пятидесяти ярдах от него, бегом вернулась к машине и заглянула в салон через ветровое стекло. У нее было встревоженное, совсем детское лицо. Он слушал передачу. Голос диктора, вещающий об аварии в космосе, эхом перекачивался по голому бетону.

ВХОД ЗАПРЕЩЕН

Всю дорогу Элен Клеман* искоса разглядывала сидевшего рядом мужчину: порванный костюм, изможденное лицо, многодневная щетина... Изредка посматривая в окно, мужчина сосредоточенно исследовал рычаги и кнопки приборной доски. Туземец, изучающий яркую безделушку. Кто он? Жертва дорожной аварии? Уцелевший в авиакатастрофе пассажир? Она укрылась от шторма за дамбой и видела, как человек появился в самом центре бури - словно тонущий архангел. А теперь... Она чуть не вскрикнула от испуга, когда сильная рука мужчины сжала ее бедро...

АДСКИЕ ВОДИТЕЛИ

Ворстер разглядывал в бинокль покореженные автомобили, догорающие на арене. В вечернем воздухе клубился бутафорский дым, но толпа уже расходилась. Болезненные щербатые лица - будто их терли наждаком. Ворстер перевел взгляд на забинтованного человека, сидящего на скамейке для шоферов. Когда наступил кульминационный момент представления "Имитация дорожной аварии", он догадался, что человек был одним из водителей, играющих в этом маскараде роли жертв автокатастроф, - актером, едва ли сознающим всю омерзительность круше-

* Clement (англ.) - милосердие. Возможно, фамилия намекает на профессию Элен - медицинская сестра. (Здесь и далее - примечания переводчика.)

ния, воссозданного в нескольких ярдах от него. Мужчина бессмысленно таращился на сваленные в кучу покрышки и пивные бутылки. Ворстер скривился, передал бинокль маленькому мальчику, в нетерпении топчущемуся позади, и принялся ходить туда-сюда по арене, вытирая потные ладони о замшевый чехол кинокамеры.

СПАСЕНИЕ АВИАЭКИПАЖА

Они брели вдоль летного поля, обходя спирали прячущейся в траве колючей проволоки. Ворстер махнул рукой в сторону скорлупки брошенного вертолета.

- Видите, срок аренды аэродрома истек несколько лет назад.

Он ждал, что человек в порванном костюме ответит, но тот молча вернулся к "лендроверу".

- Какие самолеты вы собираетесь сажать здесь?

Человек внимательно разглядывал свое отражение в окне автомобиля, словно восстанавливая в памяти собственную внешность. Но ветровое стекло, исчерченное струйками дождя, искажило черты его лица до неузнаваемости. Лицо стало похоже на маску из папье-маше, которую мог сделать некий умалишенный любитель поп-арта. Налитые кровью глаза невидяще посмотрели на Ворстера. Потом человек отвернулся и стал изучать небо - от горизонта до горизонта, будто намечая посадочные траектории для кораблей непобедимой Звездной армады. Ворстер облокотился на капот и подумал, что в этих плечах и руках таится какая-то грубая сила. Последний час Ворстер намеренно разговаривал на несуществующем жаргоне, и человек вроде бы понимал эту тарабарщину. Мир вокруг них состоял из сцепленных элементов китайской головоломки. Один элемент был лишним - лежащий на сидении сверток с проспектами, рекламирующими новый стандартный блок для сборных зданий. В последних рекламных плакатах на щитах вдоль автострადы время от времени стало появляться изображение этого полусферического модуля.

ФОРАМИНИФЕРА*

Свет пробивался сквозь прозрачные стенки. Сильные пальцы сжимали локоть Элен Клеман, указывая ей направление в этом лабиринте маслянисто отсвечивающего стекла. С тех пор, как они ускользнули от Ворстера, он больше и больше замыкался в себе. Их путь пролегал между заброшенным аквариумом и больничным корпусом для раненых. Зачем он арендовал эти пустынные загородные земли? Как будто подготавливал "посадочные площадки"... Она споткнулась о моток резинового шнура и схватилась за ушибленную ногу. А он в этот момент вглядывался в мутную жижу на дне аквариума. В разных

* Фораминифера - простейшее семейства корненожек, обитающее в морях докембрийского периода.

плоскостях: сегменты маточных срезов - это координаты входа через форамены* памяти и желания.

ПРЕДПРИЯТИЕ "NUTRIX"***

Она сидела перед туалетным столиком, слушая сообщение о погибшем космическом корабле. Взглянув в зеркало, непроизвольно прикрыла ладонями свои маленькие груди. Он разглядывал ее тело с почти патологическим интересом - изучал живот и ягодицы, словно продумывал нюансы очередного извращения. Они уже неделю жили в меблированных комнатах, и с каждым днем акты любви между ними приобретали все более отвлеченный характер. Поначалу эти извращения внушали ей только неприязнь, но теперь она увидела их сущность: он наводил мосты, по которым намеревался сбежать. Поток новостей иссяк, она выключила радио. И попыталась сидеть спокойно, когда сильные руки стали гладить ее тело.

НЕОПОЗНАННЫЙ ЛЕТАЮЩИЙ ОБЪЕКТ

Выехав к побережью, доктор Мэнстон указал Ворстеру на отмель в устье реки:

- Космический корабль взорвался уже при снижении. Вполне вероятно, что пилоту удалось спастись. Хотя один Бог знает, что произошло с его рассудком в последние минуты. Вспомните отчеты этого русского космонавта, Ильюшина, который впоследствии сошел с ума.

Машина остановилась у деревянного мола, - к развалинам они пошли пешком. Доктор Мэнстон нагнулся и вытащил из песка обломок раздавленной раковины.

- Вообще-то, если хорошенько поразмыслить, мы очень мало знаем о действительных последствиях этой катастрофы в космосе. Влияющих на нас, я имею в виду. Можно, конечно, спрятаться в витках вот такой раковины и проповедовать оттуда совершенно бредовые идеи... Но подобный шаг - просто результат сексуальной неудовлетворенности, неудовлетворенности всей этой пустой арифметикой каждодневной жизни. Вы скажете себе, что во многих отношениях это была странная неделя... Кстати, а кто тот парень, которого вы все время преследуете?

ФИЗИКА ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЧАСТИЦ

Ворстер наблюдал за соревнованиями паралитиков в инвалидных колясках, кружащих вокруг баскетбольной площадки. Он вспомнил, как два года назад, возвращаясь вечером домой, он увидел разваливающийся при посадке "Космос-253". Полминуты небо светилось сотня-

* Форамена (анат.) - отверстие.

** Корпорация, выпускающая продукцию для секс-магазинов.

ми пылающих обломков - будто целый воздушный флот был охвачен огнем.

Раздались аплодисменты. Ворстер вскочил со своего места и поспешил прочь, пробираясь сквозь толпу игроков. Человек в изорванном костюме быстро выкатывал к выходу одного из них, дрожащего от ужаса. Что он, Ворстер, делал здесь, в госпитале для летчиков-инвалидов?

СВЯЗИ, ТОЛЬКО СВЯЗИ!

Сквозь пелену дождя за окном можно было различить летное поле и краешек пляжа. Лавируя между теннисными столами доктор Мэнстон пересек спортзал и открыл дверь в запущенную оранжерею. "Машина", которую описал ему Ворстер, лежала на стеклянном столике, дисплеи располагались вокруг. Доктор Мэнстон прочитал список предлагаемых программ и посмотрел в окно. Одинокая фигурка брела вдоль пляжа, а дождь все не переставал. Он выглянул в коридор и позвал Элен Клеман. Ему пришлось подождать, пока она нервно просматривала набор программ - будто выискивала в них следы былых привязанностей.

ПОЭТЫ СОЕДИНЕНИЙ

Доктор Мэнстон просматривал данные на экране:

1. Фотография недостроенной дорожной развязки "лепестки клевера"; бетонные ограждения даны в поперечном разрезе и обозначены одним словом - "Кратер";

2. Репродукция картины Сальвадора Дали "Madonna of Port Lligat";

3. Пятьсот подложных отчетов о вскрытии трупов, якобы сохранившихся после первого крушения "Боинга-747";

4. Ряд рисунков, изображающих коридоры психиатрической больницы в Бельмонте;

5. Гримасы на лицах Армстронга и Олдрина, заснятые во время пресс-конференции;

6. Перечень осадочных слоев на уровнях П-11 в районе Стайнс, где находится резервуар муниципального водоснабжения;

7. Последняя фонограмма голоса неизвестного самоубийцы, сделанная им самим;

8. Анализ торговли новым полусферическим строительным "модулем".

КОСМИЧЕСКАЯ КАФЕДРА

Доктор Мэнстон с симпатией посмотрел на молодую женщину.

- Может быть, вместе они создают для вас, Элен, поэму любви. Проще говоря, они представляются мне составными частями необычного "космического транспорта" - какого-то средства для передвиже-

ния в пространстве, выражаясь фигурально. Или метафорически, не важно. Это несравнимо более мощный транспорт, нежели любой корабль наших астронавтов.

Доктор Мэнстон указал на одинокого человека, бредущего по пляжу в промокшем насквозь костюме. На песке высилось изысканное творение из выброшенного на берег мусора и рыболовных сетей.

- Я полагаю, он собирается с помощью одного из этих "средств" *вернуться* в космос.

СТАНЦИЯ СЛЕЖЕНИЯ

При слабом освещении гостиничного номера она исследовала ящики туалетного столика. Ковер и постель были завалены журнальными вырезками и рекламными брошюрами, обрывками страниц из учебного пособия по геометрии конусов. Оставив ящики в покое, она подняла с пола плакат, рекламирующий новый фантастический фильм. Под выпуклым стеклом шлема виднелось его лицо. Неужели он на самом деле снимался в этом фильме? Или это была просто очередная из его странных выходок? Казалось, он так или иначе имеет отношение ко всему, что происходит вокруг. Даже их любовная связь отмечена печатью неопределенности - мыслями он все время был где-то в другом месте. С плакатом в руках, она подошла к окну и выглянула во двор. Скульптуры в садике отбрасывали длинные тени. Он вышагивал по дну осушенного плавательного бассейна.

ПОВРЕЖДЕНИЯ ОБОРУДОВАНИЯ

В течение всех поисков следующие повреждения оборудования полностью поглотили его внимание:

ОСУШЕННЫЙ ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН: в вертикальных стенах и наклонном полу проявлялось разрушение времени и пространства, пролом в корпусе космического спутника.

ГРУДИ МЕРИЛИН МОНРО: в растворенных липоидах* грудей мертвой кинозвезды он видел истоки собственного падения, непрочность связи с Элен Клеман.

ПОМЯТОЕ АВТОМОБИЛЬНОЕ КРЫЛО содержало противоестественную геометрию его собственного кожного покрова, невыносимую дисгармонию поз и жестов.

ЗОВУЩИЙ ВЗГЛЯД

Он ждал на краю тротуара, пока служащие художественной галереи помогали молодой женщине-калеке выбраться из автомобиля. Они поставили хромированное сидение на платформу с колесиками, и солнечный свет осветил изуродованные конечности. Женщина пе-

* Липонды - жироподобные органические вещества, содержащиеся в тканях организма.

рехватила его взгляд, направленный в то место, где соединяются ноги. И поняла. Лицо ее было суровым и очень бледным. Ворстер прошептал в сторону:

- Я знаю ее. Это Габриэль Зальцман. Но ведь вы не будете...

Он оттолкнул Ворстера и пошел в галерею вслед за инвалидной коляской. Кожей он чувствовал давление солнечного света, который экскрементами стекал по тротуару.

БЕГУЩИЙ ПО ДОРОГЕ

Весь день он кружил по городу, следуя по пятам за белым автомобилем и его безногим водителем. На перекрестках, подобравшись совсем близко, он разглядывал ее бесцветное лицо, изуродованное шрамом, который пересекал щеку от виска до губы. Сильная рука ловко управлялась с переключением скоростей. Он преследовал ее от клиники до художественной галереи, пытаясь заметить малейшую перемену в ее холодном лице. Процесс переключения скоростей казался ему изысканно-эротическим.

КИНОТЕАТР ДЛЯ МЕРТВЫХ АВТОМОБИЛИСТОВ

Стоя на балконе своих апартаментов, он наблюдал за женщиной через визир кинокамеры Ворстера. Женщина в хромированной коляске ездил по садику, разбитому на крыше. Бывало, напудриваясь, она внезапно начинала корчиться и извиваться; казалось, тело вот-вот выпрыгнет из кожи через ротовое отверстие, сведенное судорогой. Его особое внимание привлекали следующие действия:

ПРИПУДРИВАНИЕ ЛИЦА. Ласкаемый мягкой пуховкой для пудры шрам по своей геометрии был похож на помятое автомобильное крыло, а также на его неуклюжие контакты с Элен Клеман.

МОЧЕИСПУСКАНИЕ. Положение искаленного тела, поддерживаемого блоками, объединяло гротескные перспективы музея Гугенгейма*, а также антагонизм пространства и времени, который чувствовал Ворстер.

МАСТУРБАЦИЯ. Изучая мышцы, расположенные вокруг ротового отверстия женщины, он видел, помимо всего прочего, хромированную раму ветрового щита, окружающего садик, а также чувствовал силу инерции разгоняющегося лассажирского "Боинга".

САЛОННАЯ БОЛТОВНЯ

Он прислонился к исковерканному автомобилю, поставленному на постамент в центре галереи, и краем уха слушал ничего не значащий разговор:

- ...установленный на переднем бампере контакт включает каме-

* Здание в Нью-Йорке, построенное в стиле архитектурного модерна.

ру, предоставляя вам, таким образом, полную видеозапись столкновения. А если к тому же в аварию попадает какая-нибудь знаменитость, то пленку можно выгодно продать. И, в конце концов, видеозапись, прокручиваемая назад, позволит вам увидеть собственную смерть...

Габриэль Зальцман вкатила свое тело в галерею, ее лицо исказила недобрая гримаса. Он подошел к ней и дружески улыбнулся. Ее тело излучало сильную и порочную сексуальность.

ВЕКТОРЫ ЭРОТИКИ

В гараже, рядом с плавательным бассейном, он исследовал внутренности белого автомобиля. Вот векторы эротики:

1. Хромированный рычаг ручного управления справа от баранки.
2. Поручень над дверцей, обтянутый черной кожей.
3. Рычаг ручного тормоза под приборной доской.
4. Декоративная рукоятка в спинке кресла.
5. Пенопластовая спинка кресла, обшитая войлоком.
6. Неистертая поверхность педали ножного тормоза.
7. Серебряная рукоятка с петлей.
8. Истертые металлические бегунки хромированного сиденья.
9. Несимметричные вмятины от ягодиц на пенопластовом сиденье.
10. Специальная выемка сбоку для крепления ремня, удерживающего поврежденный позвоночник в правильном положении.
11. Резиновый хирургический клин на правом сиденье.
12. Специальный конусообразный желоб для ремня левой ноги.
13. Запаханый кожаный стульчак для отправления физиологических нужд.
14. Стальная воронка для мочи и кала.
15. Прозрачная, покрытая трещинками крышка отделения для бумажных салфеток, встроенного в приборную доску.

МОЛОЧНАЯ ЖЕЛЕЗА

Вместе с Габриэль Зальцман он изучил множество грудей, выясняя время и пространство соска и розового кружка вокруг него. В белом автомобиле они кружили по улицам, рассматривая груди следующих женщин: манекенов в витринах, молоденьких девушек, перезрелых матрон, стюардесс с бюстом, удаленным хирургическим методом. Они пришли к выводу, что плавный изгиб нижней части груди имеет ту же форму, что и траектория самолета, отрывающегося от взлетной полосы и уносящегося ввысь. Его сознание было поглощено геометрией этих вездесущих невесомых сфер. Держа на коленях альбом с фотографиями различных кривых, он одновременно наблюдал, как сильные руки Габриэль Зальцман умело ведут автомобиль в лабиринте запруженных толпами улиц. Она доверилась ему с некоторой долей юмора:

- Между прочим: решение удалить мою собственную левую грудь было очень трудно принять. Но необходимо - из косметических соображений. Ты мог бы использовать это в своей рекламной кампании? Кстати, а что вы рекламируете?

УХОДИМ ВНИЗ

В тусклом свете фюзеляж самолета казался корпусом громадного корабля. Стоя на крыше аэровокзала Ворстер разглядывал мокрую поверхность взлетно-посадочной полосы. Они прогуливались рука об руку, словно уединившиеся в парке любовники. Габриэль Зальцман передвигалась кошмарными рывками. Ворстер оперся локтями о перила и принялся изучать фотографии: потрескавшийся участок стены, элементы коммуникационной системы спутника, промежуности, пустынный пляж - что это? Жанры странного концептуального искусства? Или знаки очередной бессознательной попытки спастись? Да, он был выброшен в мир, словно на необитаемый остров. В мир такой же враждебный, как и какой-нибудь минеральный лес кисти Макса Эрнста.

ОРБИТАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Доктор Мэнстон щелкнул диапроектором. Элен Клеман сидела в пассажирском кресле, ее сигарета совсем размокла.

- На этих - откровенно непристойных - фотографиях запечатлены немаловажные эпизоды психологической драмы. По определенной причине снимки сделаны до того, как эпизоды были сыграны. Мисс Зальцман, кажется, должна играть роль калеки-обольстительницы. Этакой мадам Дали с культей. Ее роль можно рассматривать и как средство передвижения...

Доктор Мэнстон вышел из машины и направился к краю виадука. На парапете в ста футах под ними стоял Ворстер. Камера, готовая к работе, лежала рядом.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Это было время идиллии и спокойствия. Он и Габриэль Зальцман гуляли вместе, мечтая о близости и страсти. Они блуждали среди пациентов в садике психиатрической лечебницы и улыбались, глядя в их пустые лица, представляя себя слугами на каком-нибудь дворцовом приеме. Они обнимались. Изогнутый балкон пыльной террасы, на которой они стояли, напоминал ампутированную конечность. Глаза безумцев глядели на их соитие.

РАЙОН ПОСАДКИ

К дюнам они приехали в большом автомобиле с открытым верхом. Голубая вода текла по дну обмелевшего устья, бетонные волнорезы

разбивали ее зеркальную поверхность. По бесплодной земле прыгали солнечные зайчики. Он помог Габриэль Зальцман выбраться из машины. Блеснул хром, когда он коснулся ее запястья. Усаживая Габриэль Зальцман среди пучков выжженной солнцем травы, он увидел Ворстера, пробирающегося меж бетонных конструкций. Объектив камеры "Никон" сверкал на солнце.

БЫСТРО!

Он толкал хромированное кресло к виадуку, цепочка следов вилась за ним по незастывшему цементу. Бетонные колонны по обеим сторонам дороги поддерживали необъятные своды. Он остановился в центре "лепестков клевера", откуда ограждения напоминали уже знакомую ему арену, и с силой оттолкнул Габриэль Зальцман. Кресло покатилося вниз, опрокинулось и сбросило женщину в жидкий цемент. Он смотрел на металлическую упряжь коляски; мерцая спицами беспомощно вращались хромированные колеса. Остановившись в пятидесяти ярдах от них, Ворстер встал на колени; застрекотала камера "Никон". Потом он приблизился, пряча лицо за киноаппаратом. Он с трудом удерживал равновесие на неровной поверхности, из-за чего его походка была похожа на танец неисправного робота. Приближение Ворстера являлось как бы куском стекла с выгравированным титром; сам титр представлял собой пронзительный вопль Габриэль Зальцман.

К - ЛИНИИ

Увечья Габриэль Зальцман явились ключами к его свободе. Кодами, которые расшифровывали перспективы времени и пространства. Он посмотрел вверх, на небо. Наконец-то оно распахнулось - спокойная, девственно чистая голубизна его собственного рассудка! Ворстер стоял в нескольких шагах от него, лицо по-прежнему было скрыто камерой. Стрекотание пленки нарушало симметрию пейзажа.

КАК ВЫЙТИ

Переступив через ноги Ворстера, он двинулся прочь от обоих тел. Из автомобиля, стоящего на виадуке, за ним наблюдали доктор Мэнстон и Элен Клеман. Он пересек арену и скрылся под аркой, признав, наконец, геометрию насилия и эротизма дорожной развязки "лепестки клевера".

ОБ АВТОРАХ

БАЛЛАРД, Джеймс Грам (J.G. Ballard). Род. в 1930 г. в Шанхае. Живет в Великобритании. Первые рассказы опубликовал в 1956 г. Основатель "сюрреалистической" (или "психоделической") фантастики.

Сильное влияние на творчество Балларда оказали авангардистская живопись и поп-музыка, а также творчество Айзека Азимова и Уильяма Борроуза.

Он также известен как автор нескольких романов о всемирных катаклизмах: "Ветер ниоткуда", "Затонувший мир" и др.

В творчестве Балларда преобладают описания необычных пейзажей, разрушенных механизмов; реальность сменяется галлюцинациями и эротическими фантазиями героев. Весьма показателен в этом отношении сборник "Выставка жестокости". Роман "Крушение" изобилует сценами, которые дали основание некоторым критикам назвать его "порнографическим".

Баллард никогда не был популярен среди любителей "твердой", сюжетной фантастики. В частности - ни одной из ежегодных "фантастических" премий он так и не удостоился, хотя считается одним из крупнейших английских фантастов.

ДЖОНС, Лэнгдон (Langdon Jones). Род. в 1942 г. Музыкант. Известен в основном как автор коротких рассказов и составитель сборников "новой волны" (например, сборник "New SF", 1969). Первый рассказ опубликован в 1964 г. Авторский сборник "Взгляд объектива" выпустил в 1972 г.

ДИК, Филип Кендред (Philip K. Dick). Род. в 1928 г. Прожил почти всю жизнь в Калифорнии. Некоторое время работал на радио - вел программу классической музыки. Первый рассказ опубликовал в 1952 г. Первый роман - "Солнечная лотерея" - в 1955 г. Один из первых обратился к некоторым темам, не получившим распространения в "твердой" НФ: мессианство, наркотики, разрушение/восстановление реальности силой воображения, шизофрения.

Роман "Человек в высоком замке" получил премию "Хьюго" в 1963 г.

Весьма плодовитый писатель, хотя многие из его произведений остались незаконченными. Наиболее интересны романы: "Три стигмата Палмера Элдрича" (1964), "Снятся ли роботам электроовцы" (1968), "Убик" (1969). Роман "Deus Irae", признанный критиками неудачным, написал совместно с Роджером Желязны.

Новелла "Вторая модель" впервые опубликована в 1953 г.

ДИЛЕНИ, Сэмюэл Рэй (Samuel R. Delany). Род. в 1942 г. Негр, вырос в нью-йоркском Гарлеме, но в привилегированной семье. В 1962 году опубликовал свою первую повесть "Сокровище Эптора". Известен также как критик.

Творчеству Дилени не чужды мифологические мотивы, экскурсы в историю культуры, описания мутаций, использование слэнга.

Дилени, несмотря на явную бессюжетность прозы, неоднократно получал премии "Хьюго" и "Небьюла". В США большой популярностью пользовались его эпосы "Дальгрэн" (1975) и "Тритон" (1976).

Эротическая повесть с элементами фантастики "Океан страсти" была опубликована в 1973 г.

Новелла "Время как спираль из полудрагоценных камней" получила премии "Хьюго" и "Небьюла".

ДИШ, Томас Мишель (Thomas M. Disch). Род. в 1940 г. Первый научно-фантастический рассказ опубликовал в 1962 г. Первый роман "Геноцид" и первый сборник рассказов "Тысяча и две водородные бомбы" - в 1966 г.

Принимал деятельное участие в зарождении английской "новой волны". Повесть "Концентрационный лагерь" (1968) считается одним из лучших произведений этой школы.

Диш писал в соавторстве с Джоном Слейдеком (под псевдонимом) как фантастические романы (например, "Черная Алиса"), так и готические.

Считается самым "холодным", "манерным" писателем в американской фантастике. Никаких премий он не удостоился. По словам критики, это "самый уважаемый, но наименее читаемый автор".

ЖЕЛАЗНЫЙ, Роджер (Roger Zelazny). Род. в 1937 г. Первый рассказ опубликовал в 1962 г. под псевдонимом Харрисон Денмарк. Считается одним из трех крупнейших "нововолнистов" США. (Остальные двое - Дилени и Эллисон.) Получил множество премий "Хьюго" и "Небьюла". В своем творчестве использует мифологию, а также отдельные элементы "фэнтези". Наибольшей популярностью пользуется его многотомная сказочная эпопея "Эмбер".

ЗОЛИН, Памела (Pamela Zoline). Род. в 1941 г. Американская художница, с 1963 г. живет в Англии. Иллюстрировала "нововолнистский" журнал "Новые миры". Рассказ "Тепловая смерть вселенной" впервые был опубликован в "Новых мирах", а впоследствии вошел в престижную антологию Р.Силверберга "Зеркало бесконечности" (1972).

МАЛЬЗБЕРГ, Барри Н. (Barry N. Malzberg). Род. в 1939 г. Первый научно-фантастический рассказ опубликовал в 1967 г. В жанре научной фантастики им написано около двадцати романов и более ста рассказов. Шесть книг опубликовал под псевдонимом К.М.О'Доннелл. Основные направления в творчестве: юмор, пародия, эротика, экзистенциализм, абсурд.

Роман "По ту сторону Аполлона" (1972) получил премию Джона У.Кэмпбелла.

Мальзбергом опубликовано много книг, не относящихся к жанру фантастики, несколько эротических романов.

О'ДОННЕЛЛ, К.М. (K.M.O'Donnell). См. Мальзберг, Барри.

ОЛДИСС, Брайан Уилсон (Brian W. Aldiss). Род. в 1925 г. Первый научно-фантастический рассказ опубликовал в 1954 г. Первый сборник "Пространство, время и Нанализм" - в 1957 г. Первый роман - "Беспосадочный полет" - в 1958 г. В 1961 г. опубликовал роман "Животный инстинкт" - одно из первых эротических произведений в научной фантастике.

Роман "Теплица" (или "Долгий полдень на Земле") получил в 1962 г. премию "Хьюго".

Работал в самых разных жанрах: реалистическая проза, "фэнтези", "твердая" Нф, издавал книги о научной фантастике, а также выступал составителем множества антологий. В 1969 г. был признан самым популярным в Великобритании фантастом.

ПРИСТ, Кристофер (Christopher Priest). Род. в 1943 г. в Англии. В 1966 году опубликовал свой первый рассказ. Сборник рассказов "Мир реального времени" впервые опубликован в ФРГ в 1972 г., а в Англии - только в 1974. Первый роман - "Доктринер" (1970). На русском языке публиковался роман "Опрокинутый мир", который критики считают лучшим произведением Приста, и научно-фантастический пастиш "Машина пространства".

СИЛВЕРБЕРГ, Роберт (Robert Silverberg). Род. в 1936 г. Чрезвычайно плодовитый автор: издано семьдесят книг в жанре научной фантастики и около двухсот рассказов, не вошедших в сборники.

Автор шестидесяти научно-популярных книг.

Первый рассказ опубликовал в 1954 г. Первый роман - "Восстание на Альфе-Ц" - в 1955 г.

Часто пользовался псевдонимами. Неоднократно удостоивался премий "Хьюго" и "Небьюла".

СПИНАРАД, Норман Ричард (Norman Spinrad). Род. в 1940 г. в США. Первый рассказ опубликовал в 1963 г. Принимал активное участие в английской "новой волне". Первые два романа "Солярианцы" (1966) и "Агент Хаоса" (1967) написаны в жанре "спейс-опера".

Роман "Джек Баррон" (1969), публиковавшийся в журнале "Новые миры" и изобиловавший непристойностями, послужил одной из причин закрытия этого журнала.

Спинрад также написал несколько рассказов для серии М.Муркока о Джерри Корнелиусе.

Интересен также его роман "Железная мечта" (1972), где действие происходит в альтернативном мире: писатель Адольф Гитлер пишет роман в жанре "меч и колдовство".

ЭЛЛИСОН, Харлан (Harlan Ellison). Род. в 1934 г. Эллисон - мастер короткого рассказа, получивший наибольшее количество различных "фантастических" премий. Использовал многочисленные псевдонимы.

Первый роман (нефантастический) опубликовал в 1958 г. Пишет не только научную фантастику, но и "фэнтези", детективы, эротику.

Известен как составитель нашумевших антологий "Опасные видения" (1967) и "Вновь опасные видения" (1972).

Писал фантастические романы, но известен больше как автор коротких рассказов, количество которых необычайно велико.

ЭФФИНДЖЕР, Джордж Алек (George Alec Effinger). Род. в 1947 г. Первая публикация (два рассказа в сборнике) - в 1971 г. Сторонник "сюрреалистической" фантастики. Первый роман "Что энтропия значит для меня" (1972) был высоко оценен Старджоном и Силвербергом, выдвигался на премию "Небьюла", которую так и не получил.

Эффинджер написал три романа по экранизациям-продолжениям "Планеты обезьян" П.Буля. Писал также под псевдонимами и не только фантастику (например, роман "Фелисия", 1976).

Материал подготовил И.ЧУБАХА

СОДЕРЖАНИЕ

I. МАЛЕНЬКИЙ УБИЙЦА

В.Реликтов. "Черная" новелла: Даль, Брэдли и мистер Олдисс.....7

РОАЛЬД ДАЛЬ

ЗАКЛАННИЕ. Перевод В.Бердника.....	9
ЯД. Перевод А.Юрчука.....	16
ДЖЕКИ, КЛОД И МИСТЕР ФИСИ. Перевод А.Юрчука.....	23
КОЖА. Перевод В.Вартан.....	44
ЖЕЛАННИЕ. Перевод В.Бердника.....	57
ГЕНЕЗИС И КАТАСТРОФА. Перевод А.Коваленко.....	59
СВИНЬЯ. Перевод А.Юрчука.....	64

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Переводы: К.Шиндера

ЖИЛЕЦ ИЗ ВЕРХНЕЙ КОМНАТЫ.....	79
МАЛЕНЬКИЙ УБИЙЦА.....	87
ОЗЕРО.....	100
ПОИГРАЕМ В "ОТРАВУ".....	104
ТРУБА.....	108
ПОПРЫГУНЧИК В ШКАТУЛКЕ.....	113
УЛЫБАЮЩЕЕСЯ СЕМЕЙСТВО.....	124

БРАЙАН ОЛДИСС

НЕРАЗДЕЛЕННОЕ ХОББИ. Перевод В.Реликтова.....	131
УДОВОЛЬСТВИЕ ДЛЯ ДВОИХ. Перевод В.Бердника.....	138
НАСЛАЖДАЯСЬ РОЛЬЮ. Перевод С.Мурзиной.....	147

II. СМЕРТЬ ВСЕЛЕННОЙ

В.Реликтов. "Новая волна": конец детства научной фантастики?	157

МОДЕЛИ БУДУЩЕГО

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД. Птица и мечтатель. Перевод Г.Корчагина	159
ФИЛИП ДИК. Вторая модель. Перевод В.Бердника	170
ХАРЛАН ЭЛЛИСОН. У меня нет рта, но я должен кричать. Перевод В.Реликтова	208
РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ. Потихоньку деградируя. Перевод С.Шугалей	221
СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ. Время как спираль из полудрагоценных камней. Перевод Г.Корчагина	228

ВАРИАНТЫ СУДЕБ

КРИСТОФЕР ПРИСТ. Голова и рука. Перевод В.Бердника	259
ТОМАС ДИШ. Лунная пыль, запах сена и диалектический материализм. Перевод И.Петрушкина	269
Спуск. Перевод М.Дронова	272
БРАЙАН ОЛДИСС. Бедный маленький воин. Перевод И.Чубахи	282
РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ. Божественное сумасшествие. Перевод С.Мурзиной	287
К.М.О'ДОННЕЛЛ. Геенна. Перевод С.Шугалей	293
Отцы и дети. Перевод В.Реликтова	297
24 июля 1970 года. Перевод В.Романова	299
ДЖОРДЖ ЭФФИНДЖЕР. 15 ноября 1970 года. Перевод А.Манского	301

ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА

ПАМЕЛА ЗОЛИН. Тепловая смерть Вселенной. Перевод В.Бердника	313
ТОМАС ДИШ. Величья клетка. Перевод В.Реликтова	325
ЛЭНГДОН ДЖОНС. Взгляд объектива. Перевод С.Мурзиной	337
НОРМАН СПИГРАД. Скачок энтропии массовых совокуплений. Перевод В.Реликтова	348
ДЖЕЙМС БАЛЛАРД. Путешествие через кратер. Перевод И.Гречина	353
Об авторах	362

Литературно-художественное издание

СМЕРТЬ ВСЕЛЕННОЙ

Перевод с английского

Составитель *В. П. Реликов*

Редактор *М. П. Стерлигов*

Художественный редактор *А. Ю. Помпеев*

Технический редактор *Л. И. Каряева*

Корректор *Л. В. Копылова*

Операторы *А. Н. Скурихина, О. А. Шубик,*

О. П. Панайотти, С. В. Котова

ИБ № 55

Подписано в печать 21.10.91. Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Датч. Печать офсетная. Усл.печл. 23,0. Усл.кр.-отт. 23,0.

Уч.-издл. 25,6. Тираж 100 000. Заказ 417.

Оригинал-макет подготовлен издательством "Васильевский остров"
объединения "Всероссийский молодежный книжный центр" Министерства
печати и массовой информации СССР, 191028, Санкт-Петербург,
Манежный пер., 2

Типография № 6 ордена Трудового Красного Знамени издательства
"Машиностроение" при Министерстве печати и информации Российской Федерации.
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10

